

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСДИ

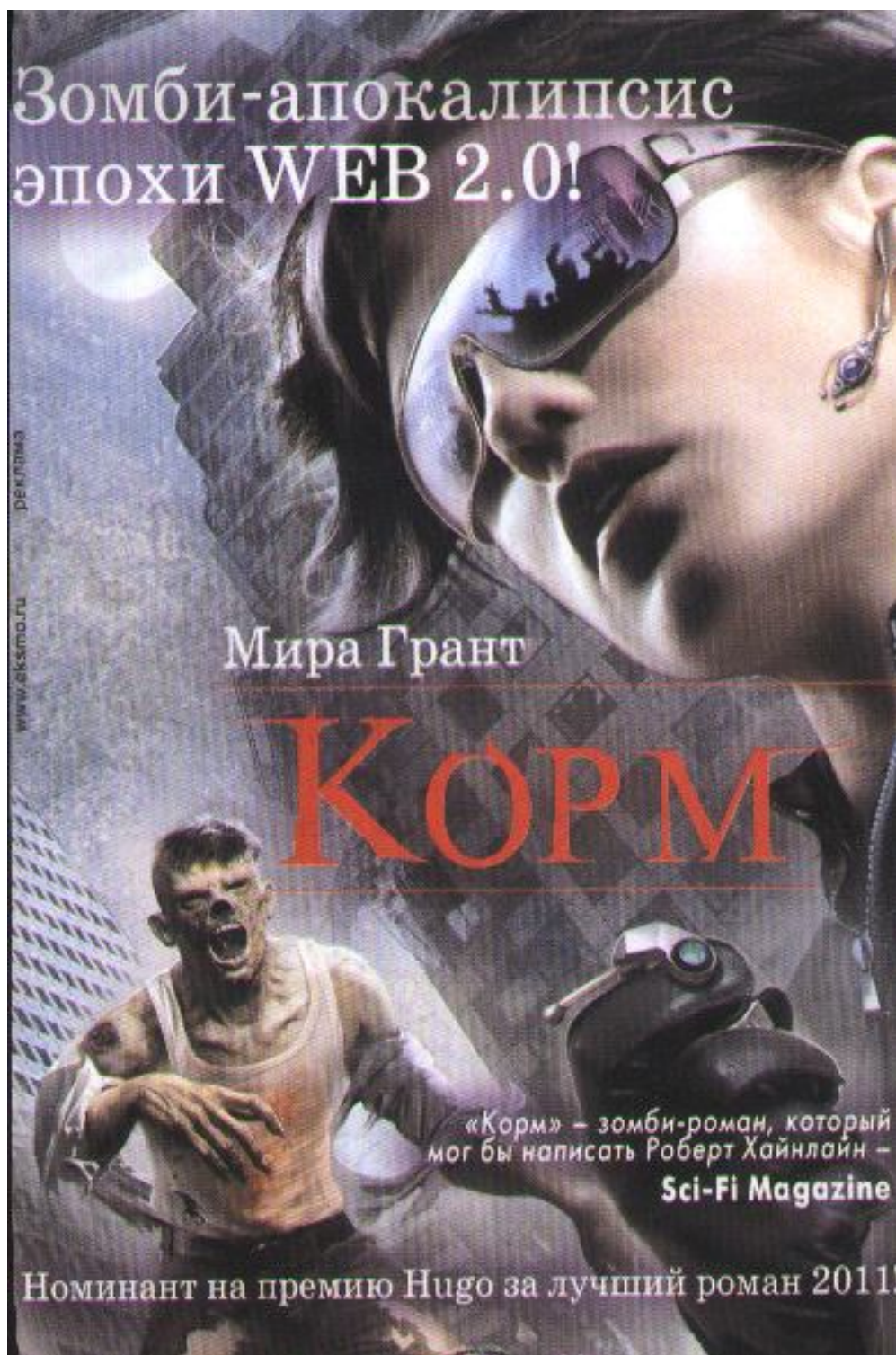
12'2012

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
ТЕЛО,
КОТОРОМУ
СЛУЖИШЬ

ПОЛ МАКОУЛИ
КАРЛ ФРЕДЕРИК
АДАМ-ТРОЙ КАСТРО
РИК УИЛБЕР

ЭДУАРД ГЕВОРКЯН. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕЧАТЬ

Зомби-апокалипсис
эпохи WEB 2.0!

**Мира Грант
Корм**

*«Корм» - зомби-роман, который мог бы написать Роберт Хайнлайн -
Sci-Fi Magazine*

Номинант на премию Hugo за лучший роман 2011!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США),
Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать»,
«АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-
Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-
ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак.3375.

Тираж 10 800 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 12 (238)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

3 Адам-Трой КАСТРО

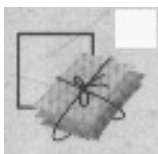
НЕЧИСТЫЕ РУКИ

Начало карьеры уже известного нашим читателям межгалактического адвоката признано зарубежными любителями фантастики лучшей повестью, опубликованной на страницах журнала «Analog» в прошлом году.

183 Евгений ЛУКИН

ТЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

«Производственная повесть» - так определил автор жанр своей новой работы. В рамках «соцреализма», о котором у наших читателей лишь смутные представления, это воистину образцовое произведение. Но, как всегда, с поправкой на парадоксальность прозы любимого писателя.

55 Рик УИЛБЕР

КОЕ-ЧТО НАСТОЯЩЕЕ

Оказывается, ядерной программой нацистов занимался не только Штирлиц.

85 Кайл КЁРКЛАНД

БЛОХА НА СПИНЕ

Здесь можно усмотреть явную переключку с классическим романом Роберта Хайнлайна. Однако не так все просто...

133 Карл ФРЕДЕРИК

ПИЩЕВАЯ ЦЕПЬ

Балансировать на вершине - самая неустойчивая позиция.

163 Пол МАКОУЛИ

БРЮС СПРИНГСТИН

А мы-то думали, что подобные привидения - это наше ноу-хау.

121 Александр РОЙФЕ

СПАСИБО ЗА ПОПЫТКУ

Человек хотя бы постарался. По нынешним временам это уже «зачет».

125 Вл. ГАКОВ

ГЕНЕРАЦИЯ P.S.

Данный обзор завершает цикл статей автора об экранизации произведений российских фантастов.

123 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Для хорошего учителя не проблема даже мертвые ученики.

259 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ЖИЗНЬ ВНУТРИ ЖИЗНИ

Еще библейский Иона доказал на собственном примере: жить можно практически где угодно. Были бы желание и... необходимость.

272 Дмитрий ВОЛОДИХИН

«В ОБЩЕМ, ВСЕ УМЕРЛИ...»

...или Русский Апокалипсис понарошку и всерьез.

265 Сергей ШИКАРЕВ

РАДОСТИ И ТЯГОТЫ

Одна из самых загадочных и сложных книг не только в мире НФ, но и в истории современной словесности, наконец добралась до российского читателя.

278 Эдуард ГЕВОРКЯН

ЭПИТАФИЯ ГУТЕНБЕРГУ

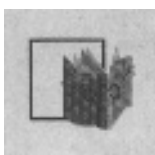
Давнее пророчество Рэя Брэдбери сбывается, однако весьма причудливым образом.

267 РЕЦЕНЗИИ

Ни климатические, ни социальные, ни экономические потрясения не заставят рецензентов оставить свой книжный пост.

283 КУРСОР

Будут ли клонированы динозавры? И зачем?

285 ПЕРСОНАЛИИ

У них есть уникальный дар - делать нашу жизнь интереснее.

288 ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы провели вместе немало лет. И очень не хочется прощаться.

АДАМ-ТРОЙ КАСТРО

НЕЧИСТЫЕ РУКИ

А Д А М - Т Р О Й К А С Т Р О

НЕЧИСТЫЕ РУКИ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

С приема в столице Зиннской империи юридический советник дипломатического корпуса Андреа Корт сбежала, когда наступила полночь, вернее - ее местный эквивалент. Среди себе подобных, то есть человеческих существ, ей было, пожалуй, наиболее неуютно, чем большинству посетителей инопланетных цивилизаций среди аборигенов. Мероприятие оказалось сущей пыткой. Три часа кряду терпи разговоры, в которых ты целенаправленно не упоминаешься, лови обрывки сплетен, касающиеся твоей особы, внимай банальным обсуждениям посольских будней, никакого отношения к тебе не имеющим, вникай в тысячу и одну межличностную драму, которая разыгрывалась задолго до твоего появления и, несомненно, продолжится после твоего отбытия. При этом самой тебе никоим образом не поучаствовать в этом празднике жизни, поскольку ты здесь, по сути, призрак, способный разве что злиться и обижаться.

За всю службу в дипкорпусе одиночных заданий у Корт было раз-два и обчелся. Ей, совсем молодой и неопытной, еще только предстояло заработать профессиональную репутацию, и она пока не привыкла замечать брезгливого выражения на лицах коллег, когда они, услышав ее имя, вспоминали позорную историю малолетнего преступника, чьи кровавые деяния некогда потрясли весь цивилизованный космос. Чтобы защитить свою психику, Андреа обзавелась «доспехами»: резкостью вплоть до грубости и привычкой скалить зубы по любому поводу. Не будь этого вечного недружелюбия на лице, оно бы, наверное, многим показалось не лишенным изящества, а то и красивым. Через несколько лет маска ледяного отчуждения приобретет крепость брони; а пока Андреа нет-нет да выказывала слабость, если кто-нибудь уязвлял ее чувства.

Не в силах более терпеть нестройную зиннскую музыку и столь же нестройный хор перешучивающихся голосов, она убрела прочь, потерялась в лабиринте коридоров древней столицы. В конце концов Андреа очутилась в балконном саду, рядом с комнатой, которую приняла за местную молельню.

Выдался прохладный вечер, с пряной свежестью близкого леса. Чистый, не потревоженный цивилизацией лес покрывал большую часть планеты - прародины зиннов. Внизу, в долине, горело лишь несколько огней. Там лежал древний город Чистый Дом, его теперь хватало на все население некогда очень многочисленной галактической расы. В потемках было не определить, насколько высоко над городом, увенчав собой вершину горы, вознеслось посольство, а потому не пришлось бороться с тем особым страхом высоты, что всегда сопровождается головокружительной тягой к прыжку.

Проще простого было вообразить себя на борту орбитальной станции - эти жилые островки Андреа всегда предпочитала планетам. Как будто ты глядишь в

иллюминатор на звезды, такие далекие, что нисколько уже и не греют. Глядишь и не думаешь ни о чем, чуть пьяная от давешней чпокалки - надо же было успокоить нервы перед приемом.

Она присела на низкий, по колено, бордюр, что окаймлял клумбу с розовыми цветами. Все-таки отлично хоть пяток минут побыть вдали от нахальных, доставучих, высокомерных, неинтересных, совершенно чужих людей. До того здорово, что даже унялось на несколько секунд желание умереть.

И тут прозвучала лишенная модуляций фраза:

- Должно быть, тебе больно.

Голос как будто человеческий, девичий. Но он, конечно же, может принадлежать представителю любого из многочисленных народов, приславших на эту планету своих послов.

И хотя прием формально предназначался для человеческого контингента, среди важных инопланетных персон Андреа успела заметить тчи, к'сенхоутена и сзаби.

Обернувшись, советник выяснила, что вопрос задан зинном. Правда, ростом этот зинн всего лишь с нее саму, то есть вдвое ниже взрослой особи. Голова - тонкий вертикальный месяц - опоясана посередке дюжиной черных, будто из мрамора выточенных глаз. На туловище (ряд бескостных тугих мешков, соединенных меж собой суставами) приходилось три четверти роста. Две членистые конечности служили ногами, а две такого же строения руки примыкали к дисковидной плечевой кости, находящейся сразу под головой.

Слишком недолго пробыла Андреа на этой планете, чтобы по мелким признакам различать четыре зиннских пола, уж не говоря о свойственном каждому из них языку тела. Но миниатюрность незнакомца позволяла сделать элементарный вывод:

- Ты ребенок?

Свой ответ маленький зинн предварил серией коротких свистков, и это, наверное, следовало расценивать как детский смех.

- Да, а ты?

- Отношу себя к женской половине моего народа, - проговорила Андреа без особой уверенности. - Но я точно взрослая.

И снова свист:

- Если я своим вопросом как-то задела твои чувства, простите.

- Не за что тут прощать. Ты отменно владеешь коммерческим хомосапом. Наверное, живешь где-то здесь?

- Да, я фотир администратора проекта.

Словом «фотир» обозначался отпрыск, принадлежащий к яйцекладущей части

зиннов, а не к обособленному высидивающему полу и не к тем двум, что предназначались для спаривания. В данных обстоятельствах было проще всего, да и правильнее с точки зрения местного межполового этикета, относиться к собеседнице как к маленькой девочке.

Но прежде, чем в голове у Корт оформилась эта мысль, зиннский ребенок сказал:

- Я все еще беспокоюсь. Тебе больно?

- Почему ты спрашиваешь?

- Кое-что знаю о проявлении чувств у людей. Из твоих глаз течет жидкость.

А ведь и правда - дала волю слезам, с досадой убедилась Андреа, дотронувшись до щеки.

- Пустяки, всего лишь непроизвольное выделение. Далеко не всегда это признак боли.

- Тогда почему ты не на приеме?

Тут Андреа рассудила, что будет проще всего ответить правдиво.

- Мне там не очень уютно.

- Верно, взрослые бывают такими скучными, - согласилось нечеловеческое дитя и легонько качнуло головой.

- Бывают скучными, а бывают и куда хуже, - вздохнула советник.

- Как тебя зовут?

- Андреа Корт. А тебя?

Малютка фотир ответила длинной чередой непроизносимых для человека слов, перемежая их свистом и фырканием. Продолжалось это столь долго, что Корт успела бы сказать несколько фраз на предпочитаемом ею коммерческом хомосапе.

- Вот такие наши имена. Для вас это целые автобиографии. И чем мы старше, тем они длиннее. Так что для простоты можешь меня называть Первой Данью.

- Знакомство с тобой, Первая Дань, для меня честь.

- А я рада с тобой познакомиться, Андреа Корт. До тебя я ни разу не встречала человеческого существа.

Корт сочла это странным.

- Но ведь ты живешь в столице, сюда постоянно прибывают инопланетные послы.

- Я познакомилась с рииргаанами, тчи, берстини и даже с несколькими к'сенхоутенами. Больше всех понравились берстини, они такие забавные. Но когда здесь появляются люди, я почему-то должна сидеть у себя в комнате. Родители говорят, мое присутствие может повредить переговорам.

Чем оно может повредить - поди догадайся. Андреа предположила, что среди нечеловеческих родителей тоже встречаются непостижимые существа.

- Так значит, наша болтовня - нарушение порядка?

- Я так не думаю. Переговоры уже почти закончены, вы отдаете нам преступника. Всех только это и волнует. Семейная охрана расслабилась, поэтому мне удалось выскользнуть из комнаты и встретить тебя, и меня очень радует наше знакомство. Ведь это хорошо, когда за такую короткую жизнь успеваешь подружиться с человеческим существом.

Андреа подумала, что сама она подобным похвастаться не может, но тут же сердито тряхнула головой: во-первых, это неправда, а во-вторых, только жалеть себя не хватало!

- Эх, Первая Дань, не столь уж и яркое это событие. На самом деле мы такие бяки...

- Да, я знаю. Среди вас порой рождаются нехорошие. Мои учителя всякие ужасы рассказывали, например, про Гитлера, Данневада, Зверя Магрисона. А еще, конечно, этот заключенный: просто непостижимо, откуда в нем столько зла. В нашем народе таких никогда не бывало. Но стало бы ошибкой считать, что вы все похожи на него.

«Или на меня», - кольнула совесть собеседницу.

- Счастливый у тебя народ, Первая Дань.

- Нет, не счастливый, - возразила девочка. - Наш закат продолжается дольше вашего расцвета. Пусть распад Зиннской империи займет тысячу лет, но конец неотвратим. Мы во всем отстаем от других цивилизаций, нам пришлось целые звездные скопления уступить без единого выстрела. Сейчас даже рождение потомства для нас труднейшая проблема, и вероятно, через несколько поколений мы достигнем порога вымирания.

Прежде Андреа не задумывалась о том, сколь тяжким бременем может быть такое знание для юных умов.

- Прости меня.

- Не за что тут прощать, - повторила ее слова фотир. - Жизнь коротка, и у меня нет на это времени. Так могу я считать тебя подругой?

Обычно на подобные предложения Андреа отвечала твердо: «В друзьях не нуждаюсь». Но уж очень невинно прозвучал на этот раз вопрос, и он явно не содержал никакого скрытого смысла. Люди, имевшие привычку обзаводиться связями с такими, как Корт, вели себя совершенно по-другому. Слова инопланетной девочки затронули какую-то струнку в душе Андреа, наглухо погребенную, как ей казалось, еще в детстве.

- Да, Первая Дань. Мне нравится эта идея.

- И мне, - подхватил нечеловеческий ребенок. - Почему-то кажется, что с тобой

уютно.

Андреа хотела спросить у Первой Дани, в каком она возрасте по зиннским меркам, как вдруг позади возникла суматоха.

- Что за...

Договорить советнику не дали. Ее схватила за руку Майра Вальсик, посол Конфедерации, и рывком вывела из равновесия.

Вальсик была на две головы выше субтильной Корт. Плечевые мышцы смахивали на шары, с плоского лица не сходило грозное выражение, которому добавляли жути глубокие параллельные борозды на щеках - эта женщина зачем-то прошла ритуал скарификации. Под рыжими волосами, постриженными в воинственный ежик, синим полярным льдом сверкали глаза.

Плоть от плоти своей необычной общины, она посвятила себя служению миру. Но когда это служение закончится, не позавидуешь тому, для кого она станет врагом.

И все же поговорка «суду все ясно» к ней была неприменима. С Андеа Корт, прибывшей тремя днями ранее на планету, посол держалась холодно, но вежливо. Однако сейчас из ее глаз изливался только гнев.

- Позволь спросить, чем ты здесь занимаешься?

Андреа мигом оказалась в толпе: тут и люди, и зинны, и все возбужденно тараторят, и все шокированы, и негодуют по поводу вопиющего нарушения протокола, и полны решимости положить конец безобразию. Первую Дать окружили четверо взрослых зиннов и без единого слова потащили прочь. Примерно вдвое больше людей обеспечивали поддержку Майре Вальсик... даже не поддержку, а подавляющее преимущество в физической силе, хотя она в этом нисколько не нуждалась.

- У большинства цивилизаций это называется беседой о пустяках, - хмуро ответила Андреа.

- А вот в дипломатии, - парировала Вальсик, - это называется несанкционированным контактом.

- Посол, помилуйте, это же ребенок! Девочка заговорила со мной, я ответила. А что еще оставалось? Показать, что она для меня пустое место?

Своим бешеным взглядом Вальсик довела бы до обморока кого угодно, но невидимые доспехи Андреа ей было не пробить.

- У тебя слишком мало дипломатического опыта, чтобы вот так взять да уйти с посольского приема. Только там можно вести разговоры с местными, у них на то имеется специальное разрешение. А болтать бесконтрольно с кем попало - это огромный риск. Да ты хоть отдаешь себе отчет, что могла повлиять на переговоры,

о которых даже не знаешь ничего? Поставить под удар соглашение, которое мы начали готовить за год до того, как ты здесь объявилась со своим резиновым штампом? Самое меньшее из возможных зол - угроза твоей собственной...

Сквозь фалангу официальных лиц протолкался сотрудник дипкорпуса - этот хлыщ в смокинге, не заметив присутствия Андреа, в недавнем разговоре назвал ее монстром. Он пошептал на ухо Вальсик, и у той сдвинулись брови, аж наехали друг на дружку. Она вытаращилась на чиновника с бессильной злостью. Тот еще что-то сказал. Корт ни слова не разобрала, однако Вальсик аж потемнела от гнева.

- Ты им понадобилась, - сказала посол.

* * *

С двумя высоченными, как подъемные краны, взрослыми зиннами пообочь Андера прошествовала по нескольким коридорам и пологим подъемам - человек назвал бы их лестницей, будь ступеньки одинаковы по высоте и ширине. Потом был еще один коридор, только стенами ему неведомо по какой причине служила сплошная лоснящаяся кривизна, а пространство, ею ограниченное, имело форму песочных часов.

Сопровождающие оставили советника в яйцеобразной комнате со светящимся неровным полом и двумя подвешенными к потолку ременными петлями. Не обнаружив, где можно присесть, Корт ухватилась за петлю. Теперь ничего другого не оставалось, как ждать новых событий. Наконец против нее в стене отворилось нечто вроде двери, и в проеме появился взрослый зинн.

Он обратился к ней, но его речь вовсе не была лишена модуляций, как у маленькой фотир. Судя по металлическому тембру, коммерческий хомосап проходил через скрытый переводчик.

- В этой части жилого комплекса нет подходящей для людей мебели, но если угодно, попробуйте воспользоваться в качестве сиденья петель. Она рассчитана на вес зинна, а ваш выдержит тем более.

Корт села. При этом свесились ноги, и в памяти мигом всплыли качели. Ах, детство...

Наверное, вот так же любит качаться и местная детвора, еще не ведая, что ее народ обречен.

Зинн устроился в другой петле, его голова и все четыре конечности свесились в сторону Андреа, членистое туловище дотянулось до пола с другой стороны. Советнику поза показалась чудовищно неудобной, но ведь у зинна совершенно

другая анатомия, нежели у человека. Судя по всему, собеседник не испытывал никаких неудобств.

- Меня зовут... - начал он, а затем последовала череда совершенно непривычных звуков. Тут и свист, и фыркание, и кряканье, а продолжалось это представление втрое дольше, чем у Первой Дани. - Я администратор проекта, который имеет прямое отношение к заключенному. Можете меня называть профессиональным титулом: Кормилец Узников.

У Андреа заколотилось сердце.

- Так вот, значит, кто я теперь? Узница?

В ее направлении склонилась серповидная голова.

- Считаете, могли бы таковой стать?

- Только не за сегодняшние прегрешения. Верно ли я догадываюсь: Первая Дочь - ваш ребенок?

Программа-переводчик умела мало-мальски передавать иронию.

- В широком смысле слова это дитя нашего мира, в смысле же генетическом - да, это мое дитя.

- Смею заверить: если я, обменявшись с нею несколькими дружескими словами, нарушила какой-то закон, или табу вашего общества, или здешний дипломатический протокол, то случилось это без злого умысла, и я приношу свои извинения.

Полумесяц свесился набок, заморгали черные глаза, вся дюжина, один за другим, как будто зинн реагировал на невидимый для Андреа предмет, проплывавший поперек его лицевой впадины. Спустя секунду Кормилец Узников произнес:

- В вашей жизни было преступление. Против детей. Ах, так вот в чем дело?

- Да, я совершила преступление. Очень давно. Когда сама была ребенком.

- Расскажите об этом.

Слишком много в жизни Андреа Корт было охотников до тех кровавых подробностей, чтобы здесь и сейчас беспрекословно изложить старую историю.

- Уважаемый господин, мое прошлое ни для кого не секрет. Отчет о нем прибыл сюда вместе с моими верительными грамотами.

- Все-таки расскажите.

Как же хотелось посоветовать Кормильцу Узников, чтобы убирался к черту. Но она была слишком молодым и малоопытным дипломатом и не знала, где лежит граница дозволенного. Поэтому с тяжелым вздохом Андреа подчинилась и поведала о том бремени, которое ей суждено нести до конца жизни.

- Есть такая планета Бокай, а на ней маленькая утопическая община. Вот там-то

я и родилась. Живут на этой планете только люди и бокайцы. Они очень схожи между собой, а потому неплохо ладят. Настолько; что даже помогают друг другу растить детей.

- Похоже, это интересно, - кивнул зинн. - Продолжайте.

- В общем, на планете царила тишь да гладь, но однажды ни с того ни с сего... Это можно назвать внезапным массовым помешательством. Наверное, какое-то воздействие окружающей среды, возбудитель психической активности, о котором мы не имели ни малейшего представления. Нам и теперь непонятно, в чем причина. Мы, люди, и наши соседи-бокайцы без всякого предупреждения передрались, друг убивал друга, супружеская пара - соседей, ребенок - ребенка. Когда это прошло, осталось совсем немного выживших, в том числе я.

Помедлив, Андреа уточнила:

- Мне тогда было восемь лет. По человеческим понятиям, это очень раннее детство.

- И вы тоже убивали?

- Да.

- Скольких?

- Отсылаю вас к официальным документам. Уверена, посол Вальсик окажет необходимое содействие.

- Вы помните, как это было?

- Я помню всю свою жизнь, каждую секунду бодрствования.

- И каково оно в ощущениях?

- Вы про убийство? - переспросила Андреа, с трудом веря собственным ушам.

- Да.

- О черт! Да какая разница, что ты при этом чувствуешь?

- Когда я считаю необходимым что-то узнать, я задаю вопросы.

Андреа вспомнила свое ухающее сердце, кровавые ладони. И как радостно было сознавать, что в крошечных пальцах она держит плоть взрослого бокайца. Того, в ком прежде души не чаяла.

- Когда я находилась во власти этого... даже не знаю, как назвать... ощущения были превосходными.

- А потом?

- Потом очень хотелось покончить с собой. Всякий раз, как вспоминала... Этот допрос в самом деле необходим?

Кормилец Узников будто не услышал.

- В дальнейшем вы когда-нибудь убивали разумных существ?

К сожалению, правдивый ответ был утвердительным. На весь остаток детства

Корт получила эквивалент тюремного срока. Пару раз она была вынуждена принимать чрезвычайные меры против людей, отвечавших за ее охрану, но обращавшихся с подопечными детьми как самые настоящие чудовища.

- На такие вопросы я предпочитаю не отвечать.

- Это молчаливое признание вины?

- Нет, уважаемый господин, это молчаливое проведение черты между тем, о чем можно меня спрашивать, и тем, во что совершенно незачем совать нос. Если вы всерьез убеждены, что я намеревалась причинить вашему ребенку вред или что само мое присутствие представляет для него опасность, объявите меня персоной нон грата, выдворите с планеты, а впредь присматривайте за дочкой получше, чтобы вечерами не убегала из своей комнаты и не натыкалась на бродящих по вашим владениям людей.

Кормилец Узников вылез из петли, медленно прошелся по кругу и снова посмотрел на Корт.

- Мы не обвиняем вас в попытке причинения физического ущерба ребенку.

- Тогда в чем проблема?

- Проблема связана с упадком нашей цивилизации. Так как мы крайне малочисленны, вся надежда на оставшуюся горстку детей. Каждый из них с младенчества понимает, что ему предстоит особая служба. Ваша беседа с ребенком, как бы она ни была невинна, могла внести в нашу задачу новые переменные, достаточно серьезные, чтобы сорвать процесс подготовки. Вот что нас беспокоит, советник... О чем вы говорили с Первой Данью, можно узнать?

Андреа была уже сыта этим допросом по горло.

- Я пребывала в плохом настроении, его причина вас тоже не касается. Она спросила, почему я плачу. Я ответила, что мои слезы - пустяк. Потом мы представились друг другу, и она сказала, что рада встретить человека, с которым можно подружиться. Я не сочла необходимым ее разубеждать. Дальше этого наша беседа зайти попросту не успела. Если при этом я повлияла на процесс обучения, прошу меня извинить, хоть и ума не приложу, как такая ерунда может повредить чему-то.

Кормилец Узников снова описал кружок.

- Возможно, понадобится коррекция воспитания, но если между вами больше ничего не было, то вряд ли нанесен непоправимый ущерб. Возможно, я даже позволю Первой Дани снова поговорить с вами. Вы вернетесь в посольство при условии, что не покинете нашу территорию, пока мы не решим, как быть дальше.

От такого ультиматума Андреа не пришла в восторг. Незаконченных дел на этой планете набиралось от силы на день. Торчать среди презирающих ее дипломатов,

пока зинны решают, казнить или помиловать, - не самый лучший способ потратить время с толком. Но протестовать, судя по всему, бесполезно.

Она выпрыгнула из петли и процедила:

- Пока я здесь, постараюсь, чтобы бесед о пустяках больше не было.

Если Кормилец Узников и уловил сарказм, то не подал виду.

- Мы высоко ценим ваше содействие.

* * *

Непреднамеренный дипломатический инцидент - штука неприятная. А для его виновника - вдвойне. Потому что отвечать приходится дважды: сначала перед оскорбленной стороной, потом перед собственным начальством.

Андреа Корт доставили шаттлом в посольство Конфедерации, подвергли часовой пытке ожиданием в ее квартире, а после препроводили в посольский кабинет для надлежащей выволочки. Там за столом восседала Вальсик, подперевши голову кулаком и все свое внимание сосредоточив на ростовом голографическом портрете мужчины в интерьере импровизированной тюремной камеры, которая находилась здесь же, в посольстве.

Изображение было записанным, а не живым, и оно не двигалось. Основательно устаревший портрет прибыл из полицейского архива. Снимок был сделан тринадцать лет назад, в день ареста. С тех пор внешность преступника, конечно же, претерпела изменения.

Андреа видела перед собой рослого, крутоплечего мужчину с редкой порослью соломенных волос и слегка асимметричными челюстными мышцами, растянувшими его рот в кривую ухмылку. По виду на воплощение зла он не тянул, а больше смахивал на безобидного «тормоза»: такой в любом разговоре отстает на полминуты и, чтобы не потерять нить вовсе, пускает в ход единственное доступное средство, то есть с мягким юморком корит себя за тупость.

С Саймоном Фарром ей пришлось выдержать не одну малоприятную беседу, пока дипломаты добивались от него согласия отдаться в руки зиннского правосудия, и она знала, сколь обманчив этот невинный облик. Фарр был далеко не дурак, и самоуничижением он не грешил. Никто из ее знакомых, принадлежавших к категории преступников, не был достоин титула «воплощение зла» больше, чем этот субъект. К той же категории слишком многие на протяжении долгого срока относили и ее саму, и не сказать, что по недомыслию.

На медленно вращающуюся голограмму Вальсик глядела так, будто выискивала

в рельефных плечах или наметившемся животике Фарра некие признаки гнили, не подчеркнутые бездумной камерой. При этом посол ногтями задумчиво выстукивала на голой столешнице какой-то бравурный ритм. Дробь звучала вплоть до той секунды, когда Вальсик, не глядя на вошедшую, заговорила:

- Ведь ты в курсе, что сейчас ведутся исключительно важные торговые переговоры?

- Посол, я беседовала с ребенком.

Вальсик пропустила возражение мимо ушей.

- Зинны держатся из последних сил. Ни дать ни взять побежденный народ, готовый исчезнуть с лица космоса из-за культурного шока. Однако в части технологии они опережают нас на тысячелетия и соглашаются передать свои знания нам, а взамен требуют вот этот жалкий мешок с дерьмом. - Она указала на портрет Саймона Фарра. - Мы рассчитываем получить экономическое и военное преимущество, которое позволит нам на протяжении веков быть впереди всех. На протяжении веков! - с пафосом повторила она.

- И все-таки, - хмуро проговорила Андреа, - я ничего плохого не сделала. Просто пообщалась с девочкой.

Посол упрямо не смотрела на нее.

- Здесь твое присутствие понадобилось только для того, чтобы на долгожданном документе появилась печать. Ты подтвердишь уже изъявленное Фарром согласие, проверишь условия его будущего содержания и санкционируешь окончательную передачу. Все прочее, включая болтовню с туземной ребятней, к твоей прямой задаче не относится.

- А торчать на бесполезных приемах - это моя прямая задача? И получать головомойки за то, что ко мне обратился ребенок, а я повела себя самым естественным образом? Полагаю, что мои обязанности все-таки лежат в иной плоскости. Сдается, проблема не в том, что я сделала. Вопрос в том, кто я вообще такая.

В первый раз за весь разговор Вальсик встретила с ней взглядом.

- Советник, да у тебя самая настоящая мания преследования.

- Обычное дело для того, кого преследуют всю жизнь.

Посол выпрямила спину, но взгляд не дрогнул, не потеплел ничуть.

- Отчасти по этой причине я сообщила в Новый Лондон, что считаю тебя абсолютно непригодной для данной задачи.

Такая запоздалая честность, пожалуй, пришлась Андреа по душе. Кто другой на месте посла ударился бы в риторику, блуждая вокруг да около темы и уделяя ей лишь косвенное внимание - так небесное тело, двигаясь по эллиптической орбите

вокруг невидимого массивного объекта, самой своей траекторией подтверждает факт его существования.

Ну, раз пошел разговор без обиняков...

- Вы и в самом деле считаете, что я не способна поставить какую-то паршивую печать?

- Ну, для этого-то ты более чем профпригодна. Тебя ждет прекрасное будущее, если сумеешь как-нибудь совладать со всеобщим предубеждением. Вот только сейчас мы находимся в крайне щекотливой ситуации, и честное слово, я не верю, что твоим выдающимся способностям найдется достойное применение здесь. Ума не приложу, почему дипкорпус выбрал именно тебя. Будто мало других юристов, куда более опытных. Наверное, выбор пал на твою особу только по причине дрянной биографии.

Андреа напряглась.

- А как вы получили должность посла? Тоже анкета не идеальная?

- Давай без фантазий. Я с тобой говорю откровенно и не унижить хочу, а предупредить. Тот гнус, чьи интересы ты защищаешь, здесь находится только потому, что зиннам захотелось держать у себя в клетке образчик человеческого зла, и они готовы платить невообразимую цену. Учитывая твое прошлое - а в других обстоятельствах я бы очень хотела, чтобы оно и осталось прошлым, - следует задуматься, не присовокупило ли наше начальство тебя в качестве дополнительного приза.

Андреа взгляделась в воинственные черты посла, выискивая признаки двуличия, но ничего такого не нашла.

- И я должна поверить, будто вы пытаетесь меня уберечь?

- Да верь ты во что хочешь, мне на это наплевать. Просто здесь твоя репутация - твой враг.

- К сожалению, - взяла Андреа ледяной тон, - куда бы я ни направилась, репутация всегда со мной. Начну из-за нее прятаться от проблем - не смогу по утрам вставать с койки.

Вальсик смотрела на нее несколько секунд и при этом барабанила по столу. Дробь повторилась несколько раз и закончилась особенно громко.

- А вот скажи, Андреа, почему ты по утрам встаешь с койки? Уж точно не ради удовольствия пообщаться с другими людьми.

- Потому что работать нужно. И никакому риску я свою работу не подвергаю.

Вальсик помолчала, отстукивая.

- Тебе еще надо многому научиться. Например, профессиональной беспристрастности... Ладно, сама все поймешь, когда припрет. Мы закончили.

Очень хотелось оставить за собой последнее слово, но любой из полудюжины вариантов завершения разговора показался вдруг неуместным. И вообще, зачем напрашиваться на неприятности? Это никак не поможет Андреа, заблудившейся на минном поле, имя которому - общение с себе подобными. И бродить ей по этому полю, наверное, до конца дней.

Выдержав паузу, она резко кивнула, и это могло означать что угодно.

В ответ Андреа получила ненавистный сочувственный кивок, но приняла его молча, поскольку он означал также разрешение удалиться.

* * *

Прежде чем инспектировать жилище, построенное зиннами для своего нового приобретения, советнику Корт не помешало бы выспаться. Но сон никак не шел, ее разбирало беспокойство. И не только совесть дипломата, каким-то непонятным для него образом поставившего под угрозу важнейшее торговое соглашение, была тому причиной.

Устав бороться с бессоницей, она без всякой на то необходимости пошла взглянуть на заключенного.

Уже не один десяток лет стоит в Чистом Доме здание посольства Конфедерации. Его строительство началось после того, как дипкорпус вступил в переговоры с зиннами насчет запрещенных к продаже технологий, но до того, как местные проявили загадочный интерес к кровожадным представителям человеческого рода. Вот и пришлось оборудовать тюрьму для одинокого узника, переделав для этого типовой посольский бальный зал. Оттуда убрали всю мебель, все декорации. Для Фарра отвели узкую полосу пола у стены напротив входа, разместив там, помимо койки, душевую кабинку, умывальник и унитаз. Необходимый минимум жизненного пространства имел четкие границы, отмеченные красными линиями. Остальная часть этой половины огромного зала служила прогулочной территорией - по ней, совершенно пустой, арестант мог день-деньской нарезать круги. Но ему не дозволялось переступить за черную линию, что пересекала танцпол ровно посередке. Хоть шажок дальше - и в мозгу свирепо ужалит наноимплантат. Еще одна черта на десять шагов ближе к выходу сулила мгновенную потерю сознания.

Редкий заключенный достаивался столь совершенной охраны. Но даже такие меры не сделали узника безобидным. Куда там! Всякий страж ненавидел Фарра до зубовного скрежета и мечтал о привилегии быть палачом на его казни. Здесь, как и в безвестной тюрьме на безвестной планете, где прежде Фарр тянул срок, он всеми

доступными способами давал понять: любое примиренчество с режимом содержания для него равнозначно позорной капитуляции. И один из этих способов - меткое швыряние экскрементами.

В ходе инструктажа Вальсик призналась, что побывала под таким обстрелом дважды. Поэтому свое знакомство с подопечным Андреа начала круто: попробуешь запустить в меня какашкой - сам окажешься по уши в дерьме.

На предфинальной стадии переговоров, пока согласовывались условия непосредственной передачи заключенного, тот не раз был вынужден практически безвылазно жить на полоске пола чуть шире койки, передвигаться между нею и туалетом удавалось с трудом. Но то было наказание за проступки. Теперь же Фарр имел в своем распоряжении достаточно пространства - заслужил хорошим поведением. Иными словами, был злокозненным и неуправляемым, а стал всего лишь несносным.

Слишком строго судить его за это Корт не могла. Сама в подростковом возрасте, когда маялась взаперти, не отличалась ангельским нравом. Для чего строятся тюрьмы? И в прямом, и в переносном смысле для того, чтобы кто-то сиднем сидел в четырех стенах. Но будь ты хоть человек, хоть инопланетянин, законопослушный гражданин или убежденный преступник, несвобода есть несвобода, и твоя вольнолюбивая натура обязательно взбунтуется против нее. Если заключенный не может добиться уважения к себе, иначе как превратив свое общение с охранником в пытку для последнего, такому способу обязательно найдется применение.

Но на этом симпатии Андреа к Саймону Фарру и заканчивались.

Потому что он был ничтожеством.

На своем веку, пока не попался в руки правосудия, этот тип побывал вором, насильником, вымогателем, садистом, серийным убийцей. Но даже самые мерзейшие из его преступлений не стали знаменитыми. Наверное, Корт смогла бы понять (хоть и не одобрить) желание зиннов посадить злодея в клетку, будь он действительно выдающимся извергом, вроде упомянутых Первой Данью Данневада и Магрисона, которые олицетворяли худшие пороки рода человеческого. Но большинство своих грязных дел Фарр обтяпал в манере заурядного, пусть и крайне рьяного головореза, причем даже не по собственной инициативе: он выполнял заказы преступного синдиката в своем захолустье, и злодеяния эти мало отличались друг от друга. Небось удивился не на шутку, когда зинны выбрали его из тысяч лютых душегубов, опрошенных ими к тому времени во всем Конфедеративном космосе.

А может, и не удивился. Такой человек, как Фарр, живет в центре своей вселенной, и предложение зиннов - долгожданное доказательство того, что

сладкая вера в собственную исключительность вовсе не бредовый морок.

У входа в бальный зал Андреа задержали надзиратели. Пока она ставила требуемую подпись, тот, что слева, аж попятился. Надо же, оказывается, репутация Андреа Корт пугает охранников самого Саймона Фарра.

- Ну, и как он тут живет-поживает?

Охранник справа, худой, бледный и в свою работу явно не влюбленный, пожал плечами:

- Да кого это волнует?

- Вас должно волновать, уважаемый. Когда сторожишь опасного зверя, полезно следить за переменами в его настроении.

- А если у него настроение без перемен? Только злобное и агрессивное?

- На это я отвечу, что вы попросту невнимательны. Узкий эмоциональный спектр все-таки остается эмоциональным спектром.

Надзиратель слева, до сего момента брезгливо крививший рот, вдруг ухмыльнулся. И не было в этой ухмылке ничего недоброго, хотя на вид она мало отличалась от прежней мины. Он пригладил ладонью редкие светлые волосы и сказал:

- Ага, советник, я вас понял. Часа два назад говорил с ним, так он был без самой малости вежливым. Правда, и хамства подпускал, но мне сдается, больше по привычке. Да что там, он вел себя как нормальный человек, насколько это возможно для законченного подонка.

- Ну, спасибо, - кивнула Корт. - Теперь мне будет проще.

Она вошла в бальный зал и остановилась как раз у «линии отключения»; такая дистанция считалась предельно допустимой для общения с арестантом.

- Саймон!

По ночам Фарр спал мало, предпочитая в течение дня вздремнуть два-три раза по паре часов. Сейчас он прохаживался кругами невдалеке от койки.

При появлении Корт двинулся навстречу, остановившись на минимальном безопасном для него расстоянии: еще на волосок вперед - и сработает имплантат.

- Советник? Что привело такую красавицу в мое убогое обиталище? Да еще в столь неудобный час?

Это был тот самый человек, чей портрет Андреа видела в кабинете Вальсик. Только постарел на тринадцать лет и потолстел. Ничего садистского в его облике не выказывалось, разве что ухмылочка допускала негативную трактовку. Однако Андреа убедилась на личном опыте, что самые худшие из нас так и норовят схорониться под ангельской внешностью.

Да если на то пошло, сколько раз она слышала комплименты насчет своего

милого личика?

- Просто захотелось вдруг на вас посмотреть.

У Фарра дрогнули губы.

- Это всегда пожалуйста. Переходите черту и разглядывайте меня во всех подробностях.

- Ага, чтобы прикончить вас в порядке самообороны? Такого зла я своей карьере не желаю.

Он захихикал:

- Нравится вас слушать, честное слово! Но насчет самообороны - это уж вы загнули. Захочу - пополам разорву и даже не вспотею.

- Вот только каждая моя половина запросто сможет вас прикончить. Еще одна дурацкая угроза, и я уйду восвояси, а наш вопрос останется нерешенным. Мистер Фарр, я ведь уже говорила, что нисколько вас не боюсь. Даже будь вы в полном расцвете физических сил, я бы как-нибудь с вами справилась. И не таких лопала на завтрак. Но я здесь не ради этого. Советую быть повежливее со своим адвокатом, это в ваших интересах.

Фарр показал зубы, почесал небритый подбородок и ухмыльнулся с фальшивой улыбкой.

- Дьяволица, а не женщина! Эх, были б мы на другой планете, уж я бы за вами приударил!

- На другой планете вы бы попытались взять меня силой. Но, к счастью для нас обоих, мы находимся здесь, и у меня есть лишь несколько часов на проверку места вашего будущего содержания. Говорите, какие вопросы я должна задать зиннам.

Он одобрительно поднял бровь, снова почесал челюсть и принялся ходить взад-вперед вдоль черты - ни дать ни взять зверь, ищущий слабинку в своей клетке.

- Да сколько можно эту тему мусолить? Который месяц уже... Я бы не отказался от солнечного света, от пищи по моему выбору, от лекарств. В части развлечений - любой выбор голофильмов и нейрозаписей. Лесок для прогулок тоже пришелся бы кстати... И все это обсуждалось задолго до вашего прибытия.

- Может, стоит обосновать кое-какие пункты?

В его глазах на миг появилось нечто вроде тоски.

- Я им говорил, что хочу каждый день плавать. Люблю это занятие, в детстве пристрастился. Мы на берегу океана жили, и в воде барахтаться мне нравилось больше, чем общаться на суше с дерьмовыми людишками. Я ведь с фабричной планеты. Наши власти заключили концессионный договор с корпорацией «Боеприпасы Беттельхайн», и океаны превратились в невообразимую помойку... Можно запросто определить место моего рождения: берете кровь на анализ,

смотрите, какой химии я нахватался...

- Плавание. Хорошо, я запомню. Еще что-нибудь напоследок?

- Еще хочется тактильного порно, - с похотливо-томным вздохом проговорил он, - но это, наверное, входит в пункт насчет нейрозаписей. Вы бы не согласились подействовать, а? Готов данную просьбу поставить в начало списка.

На это Андреа просто не ответила.

- Еще один вопрос, и я уйду. Мы это уже обсуждали, но чувствую, проверить не мешает.

- Валяйте.

- Когда я завизирую договор, вся ответственность за вашу жизнь и здоровье перейдет к зиннам. Никакие учреждения Конфедерации более не получат к вам доступа. Вполне возможно, вы больше не увидите собрата по человеческому роду. Вы действительно к этому готовы?

Фарр ехидно улыбнулся.

- Думаете, помру от одиночества?

- Прошу не забывать, что я ваш адвокат. Постарайтесь усвоить, что вопросы я задаю, исходя из ваших интересов, и будьте любезны отвечать без фиглярства.

От социопата наподобие Саймона Фарра очень трудно добиться эмоциональной прямоты. Такие люди раскрываются лишь в тех случаях, когда честность сулит им выгоду, когда правда - единственный способ получить желаемое, не прибегая к убийству.

Последовал кивок, почтительный лишь на вид - Фарр знал о великой силе уважения. Андреа была готова получить порцию льстивого трепана, однако услышала нечто совершенно иное.

- Советник, вот что я вам скажу. Я ведь худший из худших. Меня всегда держали отдельно от прочего тюремного сброда. Очень уж много со мной хлопот: то дерусь, то скандалю, то кого-нибудь травмирую. На последней киче вообще в одиночке заперли: прогулка только полчаса в день, и то под конвоем. Я там изловчился надзирателю морду порезать, вот и угодил в изолятор. Пять лет меня кормили через дырку в самом низу двери, и ни слова доброго, кроме приказов топтать в камеру. Никто не приходил на свиданку посочувствовать, послушать жалобы сидельца на паскудную жизнь. Впрочем, это мне вовсе без надобности. Запас привилегий «тоже человека» я исчерпал давно и скажу откровенно: до того привык без них обходиться, что даже этот разговор для меня - просто лишняя геморрой.

- Вы бы так не расстраивались, - сказала Андреа, - если бы отдавали себе отчет, что подобных разговоров больше не будет.

- Ну, это едва ли. Сколько помню себя: чтобы получать желаемое, приходилось

так или иначе договариваться с людьми. Когда чалишься в тюрьме, договариваться труднее, а получать удается меньше. Эти жуки, зинны, просто предложили мне более выгодную сделку. Трудозатраты поменьше, доходы повыше. Ей-богу, непонятно, о чем тут можно жалеть. Ну, может, о том, что вы, люди, не создали бы для меня таких райских условий.

Похоже, Фарр говорил вполне откровенно. Конечно, еще больше оставалось невысказанным; для таких, как он, абсолютная честность - проявление слабости. Андреа надеялась, что сокрыто не самое главное.

- Посмотрим, что можно устроить. Спокойной ночи, мистер Фарр.

- Канай отсюда на хрен, советник Корт, - сердечно напутствовал свою защитницу заключенный.

* * *

Через несколько часов браслет сыграл побудку. С превеликим наслаждением Андреа помылась в душе настоящей водой - для женщины, выросшей на орбите и привыкшей к ультразвуковым очистительным процедурам, это было редкостной роскошью. Потом она повозилась перед зеркалом, зачесав единственную длинную прядь так, чтобы она плотно прилегалась к правой щеке. Тут разом и мрачная шутка для понимающих, и публичное уведомление о пережитой боли - прядка пересекала лицо на манер шрама.

Позавтракала она тем, что нашлось в комнате. Обошлась без горячего, зато не надо в посольском ресторане торчать у всех на виду. Нарядилась в черный костюм - она вообще предпочитала строгую одежду - и пошла встречаться с Вальсик на крыше комплекса. Оттуда зинны повезут их в будущую тюрьму Фарра.

Вальсик уже была там, щурилась, высматривая зиннский флаер в утреннем небе. И выглядела даже воинственнее обычного: ритуальные шрамы подкрашены кроваво-алым, отчего некоторые из них и впрямь кажутся сочащимися ранами.

- Советник, доброе утро. Я уж беспокоиться начала. Еще пять минут, и послала бы кого-нибудь поторопить тебя.

- Это было бы ошибкой, - проворчала Андреа. - Во-первых, вы прекрасно знаете, что я не опоздала. Во-вторых, у меня есть четкий план подготовки к рабочему дню, и в нем не учтена пустая болтовня с вашими шестерками.

Посол дернула уголок рта.

- Вижу, рабочий день ты всегда начинаешь с самого главного.

- И никак иначе.

- Все же советую взять на заметку: когда с тобой заводят обычный разговор, не стоит превращать его в склоку.

На востоке появилась черная точка, она быстро разрасталась: Андреа глазом не успела моргнуть, как флаер сел на посольскую крышу. Даже самый лучший из атмосферных летательных аппаратов, изобретенных людьми, не развил бы такой скорости. Более того, во избежание аварии при посадке он бы начал торможение заблаговременно, мало ли что может сломаться в последний момент.

Но этот аппарат вышел из сверхзвука совершенно незаметно, доля секунды - и уже совершенно иной темп.

«Они нас опережают на тысячелетия», - пришла знобящая мысль.

А затем подумалось и вовсе жуткое: «И стремительно вымирают».

Флаер - этакий гладкий черный автобус - до того эффективно поглощал свет, что при более пристальном рассмотрении казался флаерообразной дырой в пространстве, а не вещью, обладающей массой и размерами. Но черным он был не везде, кое-где светлел аж до бледной серости. Вот из такого-то пятна и вынырнул Кормилец Узников, и расстояние между летательным аппаратом и его будущими пассажирами преодолел с изяществом - не походка даже, а парение при самом незначительном содействии конечностей.

- Хвала новому закату! - чинно поздоровался он.

- И новому рассвету и ночи, - поклонилась Вальсик.

- С превеликой охотой препровожу вас и вашу спутницу в предназначенную для мистера Фарра тюрьму, но прежде чем мы отправимся, мне понадобится немного времени, чтобы принести извинения за неприятности, доставленные вчера вечером советнику. С тех пор я успел расспросить свою фотир и убедился, что ваш отчет верен: нет оснований расценивать случившееся как попытку вмешательства.

Но Андреа ничуть не смягчилась от его слов.

- Неужели это не было ясно с самого начала? Разве вы не находите, что такие проверки оскорбительны?

- Понимаю ваши чувства, но и вы должны понимать, что обращение с чужими детьми требует особой щепетильности. Между прочим, фотир весьма увлеклась вами, и было решено организовать новую встречу. Надеюсь, вы не станете возражать.

Оставалось только предполагать, что биологические различия между людьми и зиннами достаточно велики и администратор проекта не прочтет изумления на лице Андреа. Не то чтобы Первая Дань не пришлась по нраву советнику (для которой слово «нравиться» вообще было трудноприменимо к разумным существам), но тот случайный коротенький разговор теперь расценивался чуть ли

не как сложившиеся отношения, и от этого нельзя было просто отмахнуться. Хуже того, за словами Кормильца Узников, похоже, крылось нечто большее. Наверное, была некая цель, тайный план. И не только у Андреа возникли подозрения - судя по выражению лица Вальсик, она тоже насторожилась.

Но что в такой ситуации можно сказать, кроме «спасибо»?

- Не стоит благодарности. Вы оказали нам честь. А теперь предлагаю пройти на борт.

Кормилец Узников повернулся к людям спиной и нырнул в серое пятно на фюзеляже флаера. Эта часть корпуса даже при ближайшем рассмотрении казалась не менее твердой, чем все остальное, - и как, спрашивается, можно проникнуть сквозь нее внутрь корабля?

Андреа протянула руку и ощутила сопротивление. Но оно продолжалось лишь секунду, сменившись легким пощипыванием - вещество размягчилось вполне достаточно, чтобы пропустить пассажира.

Советник убрала руку и снова потыкала ею в серое пятно - с тем же результатом.

- Что, в первый раз такое видишь? - прошептала у нее за спиной Вальсик.

- Да.

- Я сама поначалу обомлела. У этого сплава селективные свойства. Его «ощущения» передаются на бортовую аппаратуру, а та решает, стоит ли впускать плотный объект. Естественно, всему нераспознанному путь заказан. Помимо прочего, мы и насчет этой технологии торгуемся. Столько чудес можно заполучить, а взамен - какой-то паршивый выродок.

- Если только это настоящая цена, - пробормотала Андреа, прежде чем пройти на борт.

Внутри обнаружилось овальное помещение, его стены обретали прозрачность по мере того, как поднимались кверху, образуя высокий купол. По человеческим меркам тут было чересчур много места, а для такой каланчи как зинн, пожалуй, что и в самый раз. И нигде не видно пульта управления или пилотского кресла, только пассажирская кабина с двумя подвесными петлями и двумя же принесенными специально для людей плюшевыми креслами. Как только на борту оказались Корт и Вальсик, Кормилец Узников залез в петлю. Другую уже занимала его фотир Первая Дань.

Если на лицах зиннов и отражались какие-то чувства, людям их было не распознать. Однако детская голова нырнула на манер поплавок, и дернулся свисающий членистый живот: это, конечно же, сказывалось возбуждение.

- Андреа Корт! Как я рада снова увидеть своего друга-человека!

У советника все пуще свербила мысль, что это западня. Но с какой целью она

подстроена, не угадаешь, хоть мозги вывихни.

- Здравствуй, Первая Дань. Мне тоже в радость встреча с юной зиннской подружкой. Как я поняла, в этом путешествии ты составишь нам компанию?

- Пока создавался остров, я часто бывала там. Очень красиво, да ты и сама увидишь. Убийце мистеру Фарру непременно понравится его новый дом. А сейчас, если не возражаешь, в знак нашей дружбы я подарю тебе вещь, которую сделала своими руками. Можно показать?

- Моя фотир - весьма талантливый художник на досуге, - пояснил Кормилец Узников.

Успевшая помрачнеть Корт дала согласие. В руках Первой Дани появился непримечательный диск, и после недолгих и совершенно неуловимых для советника манипуляций в воздухе образовался изумительно реалистичный бюст Андреа, какой она выглядела накануне вечером, с мельчайшими подробностями, даже с блестящими дорожками слез. Раскрашен он был в полутонах; странноватые фиолетовые тени говорили то ли о недюжинном даре художника, то ли об особенностях зиннского цветовосприятия. Необычной оказалась и перспектива, а глаза такие большие и круглые, каких не увидишь, пожалуй, на человеческом лице. И все же сходство не вызывало сомнений, а глубокая уязвленность и грусть пополам со злостью вообще удались на славу. Андреа, не питавшая особой страсти к изобразительному искусству, была ошеломлена: до чего же досконально удалось нечеловеческому ребенку разгадать ее при первой же встрече.

Ее бросило в жар при мысли, что Вальсик стала свидетелем этого крайнего проявления беззащитности. Но наконец вернулся дар речи, и советник промямлила:

- Благодарю тебя, Первая Дань. Ты оказала мне большую честь.

- Совсем напротив, - возразила фотир. - Это для меня честь: редкому художнику за столь короткую жизнь удастся найти совершенную натуру.

Теперь у Андреа запылали и уши. Она сунула диск в карман пиджака. Села, уткнулась взглядом в прозрачную часть фюзеляжа. На борту зиннского флаера она пробыла считанные минуты и не почувствовала ни рывка, ни ускорения. Однако летательный аппарат уже успел стартовать и оставить далеко позади последний город великой цивилизации. Теперь они разгонялись над густым зеленым лесом, и напрасно советник искала в нем дороги и дома.

Наконец она, кривясь, спросила:

- Уважаемый Кормилец Узников, нельзя ли с этим зрелищем что-нибудь сделать? А то я не в ладах с высотой.

- С удовольствием. - Зинн как будто и не шелохнулся даже, однако борт сразу

потускнел.

Вальсик ухмыльнулась, но шрамы и боевая раскраска напрочь скрадывали ее веселье.

- Ты же в орбитальном городе родилась. Как тебе удавалось не глядеть в окна?

Тон у Андреа невольно получился слишком холодным:

- Мимо окон я старалась проходить побыстрее.

- А если не получалось?

- Тогда я терпела.

Тут наступила пауза. Вальсик вздохнула с видом усталым и недоумевающим. Зинны, оставаясь непроницаемыми, как будто пытались вникнуть в смысл инопланетного ритуала, которому ненароком стали свидетелями. Наконец Первая Дань нарушила тишину:

- Андреа, все нормально. Я знаю, что такое страх.

Ну как не обрадоваться возможности сменить тему? Корт позволила себе чуточку растянуть губы в улыбке:

- И что же тебя, Первая Дань, пугает?

- Неудача. Я вовсе не желаю прожить жизнь напрасно.

- Вот это правильно, - кивнула Андреа.

- Еще я боюсь зла. В основном потому, что оно такое чуждое, непонятное. Как представлю себе существо, которое взаимодействует с миром только ради удовлетворения своих потребностей и не оставляет после себя ничего, кроме причиненных страданий... Всю ночь потом не уснуть. А ведь такое существо есть, и от этого мне еще страшнее, но и любопытство разбирает. На его месте я бы просто жить не захотела.

Андреа Корт, почти все отрочество считавшая вот таким же исчадием ада себя, не желавшая жить и предпринявшая не одну попытку самоубийства, потеряла на запястье тонкий шрам.

- В этом ты не одинока.

- Да, знаю, такие существа страшны и твоему народу, и для меня это интереснейший парадокс: почему же тогда вы производите столько особей с опаснейшими качествами? Чуть ли не десять процентов от вашего общего числа, как я слышала. Потрясающе много! Очень хочется узнать, откуда берется все это зло.

Тут вмешался Кормилец Узников:

- Поосторожнее, дитя мое. Можешь ненароком обидеть наших гостей.

- Какие могут быть обиды? - буркнула Корт и сама же удивилась просквозившему в голосе раздражению. Повернувшись к Первой Дани, она добавила: - Твой

родитель мудр, но он переоценивает нашу чувствительность. Нет ничего постыдного в искренности. Наоборот, ты заслужишь похвалы. Такая умная девочка, задаешь вопросы из тех, которые у нас считаются великими и вечными.

- Спасибо, - сказала Первая Дочь. - Но я не такая умная. И вопрос этот слышала много раз.

- Как и я. А чего еще ты боишься, Первая Дочь?

- Смерти, - ответил ребенок.

Тут Вальсик показала, что умеет улыбаться и не выглядеть при этом свирепым зверем. Она заметила с искренней теплотой:

- Ну, ее-то все боятся.

- И что, если знаешь об этом, уже не должно быть так страшно? Но я все равно боюсь смерти. С самого раннего детства, с того дня, когда поняла, что она собой представляет.

- Тоже ничего странного, - сказала Корт. - Наверное, через это проходят все разумные существа.

- Но не все разумные существа - дети вымирающего народа. Порой я смотрю на звезды и напоминаю себе, что когда-то мы были неисчислимы. А потом опускаю взгляд на город и думаю: сейчас с каждым днем нас все меньше. Боязно размышлять о том, что вскоре после моей смерти не станет и целого мира, но еще хуже делается при мысли, что мой конец будет лишь мельчайшей частицей итога всему, что называется цивилизацией зиннов.

Помедлив немного, девочка произнесла:

- Можно мне ответить по-другому? Наверное, я даже не смерти так страшусь, как исчезновения.

На этот раз пауза вышла и вовсе гнетущей. Андреа взглянула на родителя, Кормильца Узников: вот сейчас, наверное, придет к своей бесценной фотир на выручку. Но хотя взрослый зинн сидел, наклонив серповидную голову, что, как уже знала советник, считалось позой внимания, он ничего не говорил и не делал, лишь хранил каменную бесстрастность на лице.

Как всегда, невозможно понять, что происходит. По крайней мере, нечеловеческая мимика, неведомый язык тела разгадке не поддавались.

Разве что атмосфера беседы вызывала кое-какие знакомые ощущения.

Вряд ли советник смогла бы объяснить, откуда вдруг взялась догадка. Ведь Андреа абсолютно не представляла себе, какую роль в семейных отношениях зиннов играет любовь.

Но сейчас она чувствовала: происходит нечто из ряда вон выходящее.

«А ведь он не любит дочку!»

* * *

Своим будущим тюремщикам Фарр сообщил, что предпочитает теплую погоду, а холод ненавидит. Не терпит сильного дождя и докучливой живности. Любит свежие фрукты и пение птиц, а легкий ветерок на взморье ему куда больше по нраву, чем спертый воздух кутузки.

Без малейших пререканий зинны соорудили островок недалеко от побережья давно обезлюдившего материка, установили там ультразвуковые отпугиватели насекомых и погодные станции для поддержания удобных для узника параметров, таких как температура, количество выпадающих осадков и скорость ветра. Возвращенные биоинженерами деревья ломались от плодов, предназначенных специально для вкусовых бугорков Фарра. По всему острову расселились ярко расцвеченные крылатые существа, не птицы, но их местные аналоги, перекликавшиеся звонкими трелями. Вся эта благодать дополнялась удобнейшим пляжем с тончайшим, как детская присыпка, песочком цвета слоновой кости, а океанская вода была тепла, точно в ванной.

Правда, уточнил Кормилец Узников, от этого пляжа на несколько километров простиралась отмель, - остров превратится в темное пятнышко на горизонте, прежде чем вода накроет Фарра с головой.

- Разумеется, мы учитываем, что подобные индивидуумы склонны к наивным или бездумным поступкам: например, уплыть за пределы безопасной зоны. Но вы можете быть уверены: каждая секунда пребывания мистера Фара на острове пройдет под нашим бдительным надзором. Заключенный не причинит себе вреда, даже если захочет это сделать.

- А вот это уже лишнее, - пробормотала Андреа.

Фраза ни для чьих ушей не предназначалась, но голова Кормильца Узников повернулась на дисковидном основании.

- Что вы имеете в виду?

Посол Вальсик в который уже раз закатила глаза.

- Не обращайтесь внимания. Советник неудачно попыталась пошутить.

- Я не понял, - проговорил Кормилец Узников. - А ведь мне вскоре придется иметь дело с этим человеком на регулярной основе. Пожалуйста, попробуйте объяснить. Обещаю не обижаться на иронию.

В глазах посла ясно читалось: «Не вздумай соглашаться!», но Андреа уже закусила удила.

- Скажем так: радоваться новообретенному благополучию Фарра - задача для нас не из легких.

- Все равно не понимаю. Неужели вы желаете ему зла?

Тут вмешалась посол Вальсик:

- Уважаемый господин, это очень сложный вопрос. Хотя советник Корт не может не понимать, что ваш долг - обеспечить содержание заключенного, она допускает со свойственным ей сарказмом, что его смерть при экстремальных обстоятельствах не станет трагической потерей для человечества.

- А вы разделяете эту точку зрения?

- Для большинства людей возмутительна сама мысль о том, чтобы такого злостного преступника, как Фарр, содержать в условиях, в которых совсем не прочь пожить любой из нас. Тюрьма должна быть в определенном смысле суровым наказанием, вот какую точку зрения я разделяю.

Кормилец Узников перевел взгляд на Андреа:

- Вы тоже так считаете? При том, что сами подвергались тюремному заключению?

Спецздание дипкорпуса, в котором Андреа провела почти все свое отрочество, почти никакими признаками тюрьмы не обладало, но произвол надзирателей сводил разницу на нет. Однако советник не видела смысла объяснять это сейчас.

- Да, уважаемый господин, я сидела в тюрьме. Моим сторожам не надо было проявлять жестокость, но и в излишней гуманности их никто не упрекнет. Не скажу, что пребывание там было для меня сплошным удовольствием.

- Интересно. Мы исходим из разных позиций. - Кормилец Узников указал на едва заметную в зарослях тропку, ведущую в глубь острова. - Мы продолжим обсуждение по пути к дому.

Четверка двинулась по тропе. Возглавлял шествие Кормилец Узников, за ним, стараясь не отставать, шагали Корт, Вальсик и Первая Дань. Преодолевая некрутой подъем к хижине, венчавшей середину острова, они миновали множество цветников - все как один ухоженные, они казались оазисами пышной пестроты в однообразии дикой растительности. Повсюду вокруг сочились сладкие ароматы, стремясь заглушить пряный запах близкого моря. И со всех сторон доносились серенады птиц, вернее - существ, очень на птиц похожих.

По пути Кормилец Узников пояснял:

- Вот так мы и живем. Предками нашего народа были мирные травоядные. Убийство - это для нас явление противоестественное. Да и не возникало никогда нужды обзаводиться способностью к нему. Мы бы не смогли создать то, что у вас называется империей, если бы за многие века звездной экспансии встретили кого-

нибудь, способного на конфликт. Когда же это наконец случилось, мы отступили, поскольку альтернативой было нечто для нас немыслимое. Вы понимаете?

Андреа не только понимала, но и тихо завидовала.

- Пожалуй, да.

- Вы издавна строите гигантские склады, чтобы содержать там больных, буйных индивидуумов - для пользы большинства вам приходится изолировать себе подобных. У вашего общества ограниченные ресурсы, которые нужно расходовать в первую очередь на благо его законопослушной части; содержание же многочисленных агрессивных существ в ограниченном пространстве связано с определенными трудностями. Вот откуда эта убежденность, что преступник должен нести наказание за содеянное. С рождения вы приобретаете и соответствующее представление о том, какой надлежит быть каре: тесные камеры, большие и малые лишения. Но к нашему случаю такая концепция неприменима. Впервые среди нас появится убийца, а когда весь тюремный контингент состоит из одной-единственной персоны, нет надобности экономить ресурсы. А значит, и отказывать узнику в комфорте незачем.

- Логично, но за единственным исключением, - возразила Корт. - Он этого не заслуживает.

- Возможно, вы правы. Тем не менее в наши расчеты его заслуги не входят.

* * *

Еще через несколько минут показался L-образный белый домик на вершине единственного холма, с круговым видом на лес и береговую кромку. Строили его, похоже, с учетом высоких человеческих запросов - тут и покатая черепичная крыша, и дымовая труба, и горящие на солнце окна. На вид ничего общего с типичным узилищем - должно быть, и внутри то же самое. Когда целый остров служит тюрьмой, какой смысл круглые сутки держать Фарра в помещении, отведенном для сна?

Но было в этой картине, при всей ее невинности, нечто совершенно неправильное.

В стенах коттеджа обнаружилось именно то, что и обещал Кормилец Узников. Были там и кухня, и гостиная - довольно скромно обставленные, но куда более просторные и солнечные, чем комнаты в новолондонской квартирке Андреа Корт. Единственная уступка статусу опасного преступника - отсутствие входной двери. Вместо нее в стене имелась селективная панель зиннской конструкции. По словам

Кормильца Узников, она наглухо затвердеет, если возникнет необходимость удерживать заключенного внутри. Но панель и ему сослужит добрую службу, не пропуская в дом туземную фауну. Может быть, он еще и спасибо скажет.

Фарр был прав. Человек, не представляющий никакой пользы для общества себе подобных, много лет просидевший в тесных камерах, покидая их только под надежной охраной, способен назвать такие условия содержания не иначе как райскими.

На выходе из коттеджа Кормилец Узников сказал:

- К тому времени как он вселится, здесь появится устройство для переговоров. Все поставки будут осуществляться по его требованиям на регулярной основе. Надзор, конечно же, необходим, но мы беремся его вести исподволь, обеспечивая заключенному полную иллюзию уединения.

- Кажется, я и сама не прочь пожить здесь, - проговорила Вальсик.

- Но вы никого не убили.

За этой фразой пришло тяжелое молчание. Андреа догадывалась, что сейчас произойдет, буквально физически чувствовала, как оно надвигается, но не в силах была предотвратить. К тому времени, когда Кормилец Узников повернулся к советнику и заговорил, у нее как будто вскрылась старая рана.

- Зато это сделали вы. И если вдруг пожелаете оказаться в нашей тюрьме, достаточно будет лишь попросить.

Конечно же, зинн не пытался оскорбить, но все ее мышцы как будто свело судорогой. Всегда тлевший в ней грозный жар вмиг обернулся ревушим пламенем. Поступь времени замедлилась до предела, щеки Андреа стали пунцовыми, а попытка задавить в горле совершенно естественный отклик оказалась тщетной.

- Зачем?

Кормилец Узников вскинул обе хватающие конечности в успокаивающем жесте:

- Если это жилище вам не нравится, мы охотно построим другое.

- Не о том речь. Я спрашиваю, зачем вы это затеяли. Какой смысл корчить гостеприимство перед таким недочеловеком, как Саймон Фарр? Почему вы платите за него так щедро? И с чего вы взяли, черт возьми, что я с радостью ухвачусь за предложение поучаствовать? Уважаемый господин, не соблаговолите ли объяснить, какова ваша конечная цель?

- Вы сердитесь, - отметил Кормилец Узников.

- Еще бы! Когда меня оскорбляют, я злюсь, но еще больше раздражаюсь, когда мне лгут, пусть даже это не ложь в полном смысле слова, а сокрытие правды. Или думаете, я не вижу зияющей дыры в картине? Сделка-то с душком, и даю слово: если сейчас не получу честные ответы, я из кожи вон вылезу, чтобы вы остались ни

с чем. Я...

- Андреа!

Корт оборвала фразу, запоздало сообразив, что уже не в первый раз за последние секунды звучит ее имя. Сначала Первая Дань окликала тихо, но повышала голос по мере того, как разъярялась советник. А теперь девочка выкрикнула чуть ли не в ужасе.

Андреа повернулась и едва не ахнула - никогда еще зинн не представлял перед ней в таком жалком виде. Составлявшие детский торс мешки, подобно воздушным шарам, сдулись, сморщились, поникли, подтянулись к дисковидной конструкции, что подпирала голову-месяц. Девочка съежилась едва ли не вдвое - так реагирует существо, вдруг обнаружившее возле себя агрессивную ядовитую тварь.

- Умоляю, не убивай моего родителя! - воскликнула Первая Дань.

И у Андреа, сообразившей, что произошло, от стыда занял желудок и зажглись щеки.

В телесном языке зиннов она ничего не смыслила, но на сей раз все было предельно ясно. У фотир все органы, не выполняющие первостепенных задач, резко сократились, сложились, спрятались - тело сделалось минимальной мишенью, избавилось от всего, что мешало спастись бегством. Разумеется, такую метаморфозу зинн может претерпеть лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Точнее, когда ему угрожает смертельная опасность. Когда он себя ощущает младенцем в присутствии чудовища.

- Первая Дань, прости, что напугала тебя. Я и в самом деле рассердилась на твоего родителя, но не намеревалась причинить ему вред.

Свисающие мешки наполнились газом, но лишь самую малость А голова так тряслась, что казалась расплывчатым пятном.

- А разве... разве люди не злятся подчас так сильно, что причиняют вред неосознанно?

- Да, такое случается. Но состояние, о котором ты говоришь, не просто злость. Оно куда страшнее, и мы его называем бешенством. Я очень-очень редко в него впадаю. Сейчас же мы просто спорим. Да, увлеклись, да, перешли на личности, но это пустяки. Уж поверь, я могу куда пуще разозлиться на твоего родителя, но у меня и в мыслях не будет хоть пальцем его тронуть... Ведь иначе мы с тобой не сможем остаться друзьями, а это для меня просто невыносимо. Ну? Больше не страшно?

Человеческий ребенок посопел бы и вытер слезы, у Первой Дани же туловище обрело прежнюю форму, а тремор головы ослаб до едва уловимого.

- Я по... поняла.

У Вальсик лицо исказилось в гримасе крайнего недовольства - вполне ожидаемая от профессионального посла реакция. Только что в ее присутствии какая-то выскочка едва не устроила второй дипломатический инцидент за сутки.

Андреа знала, что за такой проступок ее ждет наказание в виде суровой лекции. И, в отличие от первой выволочки, на сей раз крыть будет нечем. На душе у советника сделалось совсем гадко.

Просвистев дробную трель, Кормилец Узников произнес:

- Ох уж эти человеческие существа. Поистине, список странных повадок у вас бесконечен.

* * *

Андреа предпочла бы выступить с единственным аргументом, но таким, чтобы отказ от непригодного места заключения стал делом решенным. Ее бы воля, она бы добилась запрета экстрадиции, сделала бы так, чтобы этот запрет считался императивной нормой. Советник была против выдачи Фарра хотя бы по той причине, что с каждым проведенным на планете зиннов часом в ее груди разгоралось беспокойство.

Но выступить с отказом Андреа не смогла. Во-первых, для этого не нашлось предлога; а во-вторых, кто она, собственно, такая? Простой функционер, присланный засвидетельствовать результат, желанный для всех и, по всеобщему мнению, неизбежный.

Когда закончилась экскурсия, Корт посмела только отложить свое решение. Заявив Кормильцу Узников, что вопросов больше не имеет и ее вердикт будет готов в течение одного планетарного цикла, она всю обратную дорогу провела молчком. Слушала вежливую беседу спутников, но себе никакого участия не позволяла.

Ей вспоминались трупы бокайцев на земле, собственные руки в крови разумного существа, которого она считала своим другом. Охваченный ужасом инопланетный ребенок... Наконец она тряхнула головой, прогнала худые мысли. «Там была не только я», - подумала Андреа. Приступ отвращения к себе привычно сменился процедурой самооправдания.

Но проблемы на этом не кончились. Когда зиннское транспортное средство вернулось на крышу посольства Конфедерации и Андреа, пробормотав «спасибо», двинулась к выходу, Первая Дань попросила:

- Подожди.

Советник подчинилась.

- Я наблюдала за тобой. Несколько раз ты была готова опять выделить из глаз влагу. Помню, это не всегда является признаком боли, но, мне кажется, сейчас как раз тот случай.

Меньше всего хотелось Андреа, чтобы Вальсик поняла, до какой степени расстроена ее коллега.

- И что с того?

- Думаю, дело во мне. Видишь ли, я изучаю людей чуть ли не со дня моего появления на свет, однако не могу сказать, что понимаю вас достаточно хорошо. Возможно, мы уже не встретимся. И если мое невежество каким-то образом оскорбило тебя, позволь выразить искреннее сожаление. Совсем не хочется оставить по себе недобрую память. Скажи, могу ли я вспоминать тебя как подругу?

В сердце Андреа гнев и раздражение вступили в борьбу со стыдом.

- Да, Первая Дань, я по-прежнему твоя подруга. Надеюсь, мы еще увидимся.

Фотир изобразила нечто вроде людского реверанса. Столь неестественное для нее движение получилось довольно изящным: это говорило о долгих и усердных тренировках.

- До свидания.

- До свидания, - кивнула Андреа.

Вслед за Вальсик она вышла через селективный люк. А потом стояла рядом с послем, глядя, как зиннский летательный аппарат только что не растворяется в воздухе, почти с места набирая предельную скорость. Вслед за ним метнулся морской ветерок, перебросил единственную несостриженную прядку на левый глаз Андреа. Она стряхнула локон и нахмурилась, с растущим беспокойством следя за тем, как наступающая ночь стирает остатки сияния над горизонтом.

Рядом заговорила Вальсик:

- Не знаю, что там у тебя за претензии, но если нет ничего катастрофического, хочу сразу поутру увидеть долгожданную печать.

Андреа снова сбросила волосы с глаза, скрипнула зубами и обратилась не столько к вышестоящему начальству, сколько к обдувающему ее бризу.

- А вы не замечаете, что сделка крепко воняет?

- Еще бы я этого не замечала, - хмыкнула Вальсик. - Да тут куда ни ткнись, отовсюду разит. Но давай по порядку. Первое: мы имеем дело не с людьми. Второе: у нашего товара тоже преизрядный душок. Третье: решение принималось на самом высоком уровне, а именно - в правительстве Конфедерации. Четвертое: взамен мы получим технику, которая неимоверно возвысит человеческую расу. И это не говоря о пятом - как Кормилец Узников закидывал удочку насчет твоего

вселения в здешний зоопарк. Советник, если желаешь сделать в дипкорпусе какую-никакую карьеру, заруби себе на носу: в любом деле есть граница, за которой ты перестанешь приноживаться и начнешь заботиться о собственной заднице - унести бы ее целой в последний момент с чужой планеты.

Андреа не без труда нашла контрдовод:

- Черт побери, но мы же продаем разумное существо. В любой момент можно сослаться на Всеобщий договор о запрете рабства...

- Рабство - это когда разумное существо имеет право на свободу. Такого права Фарр лишился задолго до того, как о нем впервые услышали зинны. А после всех обсуждений и торгов он сам фактически отдался в руки чужаков, по собственной воле, чтобы получить будущность, которой совершенно не заслуживает. Видишь, даже этот негодяй оказывается в выигрыше.

Андреа обдумала слова Вальсик и оставила новые возражения при себе. И правда, какой смысл пускаться в пререкания? Плетью обуха не перешибешь. Но почему не уходит из сердца тревога, как будто где-то рядом бродит таинственный враг, и ты его чуешь, но не видишь, лишь изредка за оконцем мелькнет пугающий силуэт?

Советник почувствовала тяжесть на плече. Не сразу поняла, что это Вальсик в фальшивом дружеском порыве положила руку. Андреа не выносила, когда до нее дотрагиваются. В другой раз она бы злобно сшибла чужую кисть, но сейчас смирилась, попыталась не замечать. Это ей дало еще несколько секунд на размышления.

- Пожалуйста, - перешла Вальсик на уговаривающий тон, - дай согласие, и уже через неделю Конфедерация получит вполне исправный зиннский звездолет с двигателем, какого нам и за тысячу лет не изобрести. А к нему в придачу инструкцию по эксплуатации. Зиннские техники ответят на любые вопросы, и у нас будет вдоволь времени на инженерный анализ всего прочего. Вот ты говоришь, сделка неравноценная. Мол, она никак не улучшит состояние человечества. Допустим, это так. Но если скажешь «да», твое имя войдет в историю.

- А если я скажу «нет, и точка»? - Советнику показалось, будто ее голос доносится издалека, из другого конца длинного тоннеля.

- И тем самым лишишь нас эпохальной возможности? Все равно войдешь в историю. Навсегда. Но тебе, Андреа, такая слава не нужна. Или забыла, сколько грязи на твоей репутации?

Советник подумала о двух детях, разделенных десятилетиями. О человеческой девочке, чья мирная жизнь однажды разлетелась вдребезги, и о маленькой зиннской фотир, которая сегодня услышала отголосок того буйства и от страха

сжалась в комочек. И еще Андреа вспомнила, что для нее самой по сути ничего не изменилось.

И тут она совершила поступок, которого в любой другой день ждать от нее было бесполезно. Сделала то, против чего категорически протестовала вся ее натура. Не будь она такой неопытной и задержанной, не будь столь тяжек груз большой политики на ее плечах,. Андреа подчинилась бы своим инстинктам, а не чужой логике.

Она сдалась.

- Ладно.

- Что?

- Хорошо. Возвращаюсь к себе, составляю документы. В течение часа мое согласие поступит в вашу базу данных. Вам останется только подписать.

- Великолепно! - Рука приподнялась и хлопнула по плечу - это следовало расценивать как поздравление. - Но к чему такая спешка? Давай сначала поужинаем...

- Нет.

- Что?

- Нет, - повторила Андреа, отводя посольскую кисть от своего плеча и давая ей упасть. - Я не любительница есть в компании. Хочу к себе. Устала...

Она повернулась и энергично зашагала прочь, предоставив ошеломленной Вальсик тарашиться ей в спину.

* * *

Составить документы было несложно, у Андреа имелись шаблоны. Наново пришлось написать только личное заявление, засвидетельствовав в нем свой разговор с Саймоном Фарром и осмотр предназначенного для него места заключения. Советник отметила, что Фарр добровольно отказывается от любых контактов с человечеством, и добавила, что соглашается на его выдачу, опираясь на собственные выводы, а не под каким бы то ни было давлением.

Добрые пятнадцать минут она с ненавистью перечитывала текст. Свербила неприятная мысль: работа выполнена халтурно. Но что же упущено из виду?

Наконец она отправила файл и откинулась на спинку кресла. Почему так ухает сердце?

Ладно, не имеет значения. Дело сделано, а что сделано оно плохо, так кого это интересует? Через двое суток Андреа взойдет на борт транспорта, уляжется в

склеп с голубым гелем и отправится в Новый Лондон. Перед самым пробуждением будут кошмары. Но она давно привыкла к этим чудовищным видениям, как привыкла и к лавине запросов об экстрадиции: инопланетные правительства все еще мечтают наказать ее за содеянное в детстве, ведь подобные акции поднимают престиж государств.

Вскоре советник получит новое задание. А потом второе, третье... Задание означает проблемы. Все, что у нее теперь есть и что будет всегда, - это проблемы, проблемы, проблемы... И на том спасибо - они помогают забыть о непригодности к человеческому обществу.

Андреа положила на приставной столик диск, подарок Первой Дани, потрогала клавиши на нем, а потом несколько секунд разглядывала свой портрет - грустную, жалкую женщину, и думала: неужели ее уныние и людям бросается в глаза, как увидел зиннский ребенок, встретивший человека впервые в жизни?

Она достала из сумки чпокалку. Ядовитая смесь, популярная у дипломатов, почти во всем космосе Конфедерации была под запретом, но на чужих планетах за ее провоз не наказывали. Перед столичным приемом Андреа тоже употребила успокоительное, но та доза была куда слабее. Шлепок по коже, и наркотик споро взялся за дело; по телу холодком растеклась ядреная химия, волной искусственной эйфории погасила грусть, тоску, отчаяние. Конечно, это не способ убежать от себя, но Андреа была рада отключиться хоть ненадолго. Она улеглась на койку, свернулась утробным плодом.

И довольно долго, несколько часов, провела в блаженном забвении.

Затем на смену сладостным грезам пришли воспоминания. Они обязательно посещали ее, если только советник не отдавала всю себя очередной проблеме. Но возникавшие в мозгу картины как будто не имели отношения к ней. Бойня на Бокае, кровь на руках, Кормилец Узников, лицо бокайского ваафира, которого она любила почти как родного отца, - вот он лежит, умирая от ран, и раны эти нанесены ее рукой... Первая Дочь... Ненавистное прикосновение насильника, надзирателя в изоляторе дипкорпуса...

«Впервые среди нас появится убийца...»

И жестокая расправа, совершенная ею...

«Я изучаю людей чуть ли не со дня моего появления на свет...»

И снова Бокай, и окровавленные вешки... Малютка Андреа играла с ними, когда ее нашли на следующий день...

Опять Кормилец Узников...

И тут будто сквозняком опасности потянуло в ее теплом наркотическом гнездышке.

Андреа со стоном перевернулась на спину, улавливая, как вокруг вздымается нечто огромное и жуткое. Вновь содеянное пыталось напомнить о себе кровью на руках, но было и нечто сегодняшнее -и оно пророчило новую скорую беду.

Включился разум.

Она подумала о зиннах, которые прочесывали человеческий космос в поисках подходящих убийц и предлагали за них невыносимую цену.

«Я изучаю людей чуть ли не со дня моего появления на свет...»

С самого рождения? Правда, что ли?

«Жизнь коротка, и у меня нет на это времени...»

Что значит - жизнь коротка? И на что нет времени у фотир?

«Умоляю, не убивай моего родителя!»

Андреа вздрогнула всем телом.

«Столько особей с опаснейшими качествами... Очень хочется узнать, откуда берется все это зло».

«В вашей жизни было преступление. Против детей... И каково оно в ощущениях?.. Когда я считаю необходимым что-то узнать, я задаю вопросы... И если вдруг пожелаете оказаться в нашей тюрьме, достаточно будет лишь попросить...»

«Я вовсе не желаю прожить жизнь напрасно... Как представляю себе существо, которое взаимодействует с миром только ради удовлетворения своих потребностей... Наверное, я даже не смерти так страшусь, как исчезновения... Переговоры уже почти закончены, вы отдаете нам преступника. Всех только это и волнует... Совсем не хочется оставить по себе недобрую память...»

«Каждый из них с младенчества понимает, что ему предстоит сослужить обществу особую службу...»

А затем - два имени, точно барабанные удары:

Кормилец Узников.

Первая Дань.

Андреа Корт не испытывала тревоги. Просто не могла. Наркотик погасил все чувства, вселенские хлопоты казались нелепой пьесой, исполняемой немymi: актеры шевелят губами, но слышны только посторонние шумы. Однако она уже сидела на кровати. В квартире горел свет, но из коридора не доносилось ни звука - значит, население посольства мирно проводит ночь в своих койках. Мощное напряжение воли, рывок - и утробный плод повернулся влево, к настенным часам. Тридцать по местному времени, далеко за полночь.

«Так могу я считать тебя подругой?.. Почему-то кажется, что с тобой будет уютно».

И самое леденящее:

«До свидания».

Хлопком по горлу советник включила имплантированный коммуникатор. Вполголоса произнесена команда - и появляется изображение посла Майры Вальсик. Она сидит в постели, глаза мутные; на ритуальных шрамах нет макияжа.

- Советник? - Перед Андреа вяло зашевелилось обнаженное женское тело. - Ты хоть представляешь, который час?

Корт заговорила, изо всех сил подавляя дрожь в голосе:

- Посол, это очень важно. Вы уже сообщили зиннам, что я согласна на экстрадицию?

- Так вот из-за чего тебе ночью не спится? Напрасно беспокоишься. Я все устроила через двадцать минут.

У Андреа сжались кулаки.

- Пожалуйста, скажите, что его еще не забрали.

- Почему? Только не отвечай, что хотела сердечно попрощаться с этой мразью.

- Посол...

- Несколько часов назад увезли, - ответила Вальсик. - А что, какая-то проблема?

Андреа прервала контакт и с воплем изо всех сил швырнула сумку в стену. Раздался звучный шлепок, но это не принесло ни малейшего облегчения. Через секунду советник подобрала сумку, где прятался изрядный запас контрабандных чпокалок. На сей раз Андреа вынула отрезвляющее. От этого вещества умерли несколько дипломатов, в рабочее время злоупотреблявших психостимуляторами. Существовали и более щадящие средства для выведения вредной химии из организма, но самые быстродействующие из них давали результат через несколько минут. А это снадобье срабатывало мгновенно, хотя на такую свирепую встряску можно было решиться либо по глупости, либо от отчаяния. Впервые в жизни Корт шла на риск необратимого повреждения мозга, а по глупости или от отчаяния - этого она и сама не знала.

Она раздавила капсулу под носом, энергично вдохнула и едва не рухнула в обморок. Мигом по кровеносной системе разбежались наноагенты, не столько сражаясь с предыдущей высокотехнологичной ордой, сколько побуждая кровеносную систему избавляться от чужеродных тел быстрее, чем кровь совершает полный цикл.

Нахлынула волна кромешной тоски. Андреа «поплыла», в голове так сильно запульсировало - казалось, череп лопнет от этих ударов. Уперевшись ладонью в стену, советник кое-как выпрямилась; при этом она до того себя возненавидела, что лицо исказилось в дебильной гримасе.

Снова Андреа похлопала по горлу, вызвала посла. Опять перед ней возник образ Вальсик, чье негодование заметно уступало беспокойству.

- Андреа, что случилось?

- Вы меня свяжете с зиннскими властями. Не утром, не когда глаза продерете, не после моих объяснений, а сейчас. Главная задача - добраться до Кормильца Узников, но я готова говорить с кем угодно из руководителей проекта. Мое требование не обсуждается, оно должно быть выполнено во что бы то ни стало, иначе вы будете обвинены в противодействии делу государственной важности. Ответ должен быть готов через пять минут.

И она отключилась.

Пять минут ждать не пришлось, Вальсик уложилась в две.

* * *

А потом Андреа летела. И вовсе не в таком гостеприимном окружении, как накануне, когда ее везли до нового дома Саймона Фарра и обратно. На сей раз ни общительных детей, ни дипломатов, светской беседой наводящих лоск цивилизации на самую что ни на есть дикарскую сделку. В этом летательном аппарате не было даже человеческих сидений, и Андреа, пока расхаживала взад-вперед, сгрызла ногти до крови.

Вместе с ней на борту находился только один пассажир - зинн, представившийся обычной чередой неопределимых звуков, но затем любезно предложивший называть его Эскортом. Далее он сообщил, что имеет родственную связь с Кормильцем Узников, принадлежа к генеалогическому дереву, которое своими многочисленными ветвями пронизывает все четыре пола зиннского народа. К тому времени, когда он закончил второе предложение, Андреа была готова на стенку лезть от злости и скуки.

Она резко перебила говоруна:

- И это означает, что вы в родстве с Первой Данью?

- Разумеется. Самое прямое отношение к ее родословной. В нашем обществе такая связь не менее прочна, чем в вашем - между двумя детьми, произведенными на свет одной родительской парой. Я всегда ценил свою родственницу, прекрасно сознавая важность ее задачи.

- Вы любите Первую Дань?

- Когда она была совсем маленькой, мы играли вместе. Отменное развлечение. Ведь у нас теперь так мало юных...

- Отменное развлечение - это с игрушками. А Первая Дань - разумное существо, одна из вас. Вы ее любите или нет? А-а, чтоб вас! Я ведь даже не знаю, что ваш народ подразумевает под словом «любовь». Желаете ли вы долгой и счастливой жизни этому ребенку? Вам интересно хоть самую малость, что его ждет?

Эскорт ничего не ответил, только голову набок склонил в недоумении столь явном, что в других обстоятельствах это показалось бы милым. То ли в запасе слов коммерческого хомосапа не нашлось подходящего толкования, то ли он утратил дар речи, сраженный пылкостью Корт. А может быть, искал себе оправдание - почти любой правительственный функционер, вынужденный участвовать в деле сомнительной чистоты, наверное, на его месте поступил бы так же.

Андреа, чьи руки никогда не бывали чисты, проговорила:

- Оставьте меня в покое.

Он подчинился.

Полет продолжался в угрюмом молчании. Но перед самым прибытием Эскорт снова пошевелился и сказал:

- Хочу задать вопрос и надеюсь не рассердить вас этим.

- Ну, раз хотите, задавайте.

- К данному проекту я имею лишь косвенное отношение, но мне он весьма по душе. Поэтому я не пожалел досуга на ознакомление с историей вашего народа. Мне известно, что некоторые из человеческих правителей расправлялись с детьми: приказывали топить их, сажать на кол, душить газом в камере. Даже те империи, которые считались у вас справедливыми, вели войны, используя бомбардировки городов, уничтожали врагов без счета. И люди, творившие такие злодеяния, возвращались по домам и встречали не гнев, но радость своих родственников. Верна ли моя оценка фактов?

- Верна, - ответила Андреа. - Это и есть ваш вопрос?

- Но почему убийцы не покончили с собой от стыда? - спросил зинн.

На это советник ничего не сказала. Она отвернулась, уткнулась взглядом в менее серое пятно на тусклом борту. Жалко, что зинны не изобрели для воспоминаний такой же селективный фильтр, как и для твердых предметов.

Через несколько минут Эскорт сообщил:

- Мы на месте.

Андреа не ощутила посадки.

- А где Кормилец Узников?

- Он не мог выйти на связь с вами, пока вы не закончили дело. Это было бы влиянием на поведение наблюдаемого объекта.

Ну да, конечно. Как же иначе.

За этой серой дверью не тюрьма, а зоопарк. Созданный специально для того, чтобы зинны смогли увидеть истинную натуру Саймона Фарра. И его новые хозяева, конечно же, не намерены никоим образом вмешиваться в то, что делает этого человека таким особенным в их глазах.

Особенным... Но не уникальным. До тех пор, пока на этой планете находится советник Корт.

От этой мысли она так люто возненавидела спутника, что готова была прикончить его прямо в сиденье-петле. Но злость надо поберечь, она может вскоре пригодиться. А потому Андреа лишь оскалила зубы - возможно, этот зинн достаточно изучил человеческие повадки, чтобы отличить такую мину от улыбки.

- Представление начинается, - буркнула советник.

Она пружинисто приземлилась на светлый песок девственного пляжа, и сразу на нее обрушился жар тропического солнца. Вроде и рассвет закончился недавно, а воздух до того разогрет, что кожа тотчас покрылась испариной. В какой-то дюжине шагов манила густой тенью пышная листва опушки. Там же сердито заголосили птицы, или как они тут называются, - не обрадовались незваной гостье. Советник глянула налево-направо. Вроде и неприятно, когда сзади маячит чужое транспортное средство, но это и успокаивает слегка: тыл, как ни крути, прикрыт. Теперь собрать волю в кулак - и вперед, в глубь острова, навстречу неведомым опасностям. Даже, быть может, сам Фарр выскочит навстречу с импровизированным оружием и попытается уложить ее на месте.

Набрав побольше воздуха в легкие, она побежала. В считанных шагах от пляжа начиналась мощеная камнем дорожка, по ней-то советник и углубилась в подлесок. Неслась во всю мочь, работая руками, шумно и размеренно дыша.

Промаяхнуться было невозможно, тропа, которую показывали в прошлый раз, вела напрямиком к дому посреди острова. Но Андреа очень жалела, что не постаралась тогда запомнить побольше ориентиров. Теперь бы определяла по ним, сколько еще бежать до цели, есть ли шанс опередить Фарра.

Вон те отдаленно похожие на цветы розовато-лиловые растения, что шевелят жгутиками явно не по воле бриза: не за ними ли последний поворот до большого холма? А странноватой формы камень - не для того ли он обточен под скамейку, чтобы притомившийся гуляючи узник мог посидеть на нем? Дальше скопление ящичков, похожих на земные ульи, только куда крупнее... Которое из этих приметных мест последнее на пути? Столько ориентиров сохранилось бы в памяти, но разве могла тогда Корт предположить, что ее возвращение станет вопросом жизни и смерти?

Похоже, она все-таки сбилась с пути. Может, где-то, сама того не заметив, свернула на боковую тропку, ведущую к очередному цветнику, предназначенному специально для кровожадного домашнего любимца зиннов. Но тут вдруг раздалась стена зелени, и впереди показался склон того самого холма. Теперь предстояло в одиночку пересечь открытое пространство до хижины Фарра, который, не исключено, будет наблюдать за незваной гостьей издали.

Можно было выбрать более скрытный маршрут, таких хватало. Но она предпочла самый короткий, дорога была каждая секунда. Обливаясь потом и задыхаясь, Андреа припустила по взгорку. А внутренний голос отчаянно кричал: «Успеть! Ради бога, успеть!».

Вот она и наверху. Сразу бросился в глаза... труп зинна? Спрятанный в ямке на склоне шагах в сорока правее?

Первая Дань лежала на боку, щека прижата к земле, ходильные и хватательные конечности неподвижны, мешки-органы сдуты. Да еще и блестящая алая пленка повсюду вокруг - как тут не поверить, что девочку разрубили на куски.

Андреа истошно закричала в первый раз за всю свою взрослую жизнь.

Но у «трупа» дрогнула голова, повернулась на дисковидном основании, крошечные черные глаза посмотрели осмысленно.

- Андреа, - сказала девочка, - тебе сюда нельзя.

Советник охнула и, забыв об осторожности, кинулась по неровной земле к лежащему в луже крови ребенку.

Уже коленями она тормозила рядом с Первой Данью. При этом думать могла только об одном: девочку уже не спасти, та умрет у нее на руках от кровопотери. А блестящей кровью, казалось, было покрыто все, от дрожащих конечностей до сморщенных мешков-органов: уму непостижимо, как из ребенка могло вытечь столько. И чем же, спрашивается, помочь фотир, не имея ни малейшего представления о зиннской анатомии? За что хвататься в первую очередь? Андреа могла только стоять рядом на коленях и мечтать, чтобы в изувеченное тело вернулась жизнь, пока у самой душа норовила разорваться на куски.

Первая Дань протянула к ней конечности, все они были скованы цепями... чтобы не могла убежать или защититься?

- Андреа, ты напрасно сюда пришла. Я здесь с особой задачей...

- Придется тебе, Первая Дань, поискать другую. Я ему не позволю еще больше искалечить тебя.

- Он меня не калечил, - произнесла Первая Дань, удивив Андреа своим спокойствием. - Я его даже не видела.

- Не понимаю. А вся эта кровь?

- Я боюсь, - сказала девочка.
- Не надо бояться, все будет хорошо.
- Я не прошу меня успокаивать. Просто объясняю, откуда кровь. Ты же видела, как сокращаются органы-мешки, когда мы пугаемся. Есть предел, за которым начинается выделение жидкости. Я пока потеряла не слишком много, это не опасно для жизни. Просто я лежу и жду его, и мне очень страшно. Вот кровь и течет.

Слова девочки поразили Андреа. Подумать только: этот народ даже бояться не умеет без того, чтобы не истекать кровью. До какой черты может дойти пацифизм!

- Сейчас необходимость в этом отпадет, - шепотом сказала она. - Даю слово.

Андреа встала, повернулась спиной к перепуганному ребенку, лицом к дому преступника. И прокричала:

- Саймон, выходи!

Фарр показался из-за угла. Под прямыми лучами солнца он выглядел совсем не так, как в искусственном освещении посольского бального зала. Босой, голый по пояс, он был бледен, как выглядит тот, чья жизнь прошла в тюремных стенах. Седина, вялость движений, тусклые глаза - не человек, а оболочка, из которой вытекла вся жизненная сила. В этой оболочке остался только яд презрения ко всему и вся, сделавший Фарра заклятым врагом рода человеческого. И в свете дня стало видно, что яд обратился внутрь, прожег злодея подобно кислоте, изувечил, как он сам увечил других.

В правой руке Фарр сжимал оружие - длинное, почти с руку, туземное изделие, отдаленно похожее на мачете. И достаточно острое... вон алеет полоска на бедре, успел порезаться. Под солнцем кровь разительно контрастировала с мертвенной белизной кожи.

При виде Андреа он здорово опешил.

- Советник? А я думал, мы с вами уже закончили.

- Похоже, что не совсем. Саймон, положите игрушку.

Тот взглянул на мачете, словно недоумевая, как оно оказалось в его руке.

- Эту, что ли? Вам нечего опасаться. Будь на то серьезная причина, убил бы за секунду, но ведь я против вас ничего не имею. Вы же мне помогли.

- Да, помогла. И пришла, чтобы снова помочь. Но ведь мне известно, кто вы. Можете наброситься в любой момент, без предупреждения.

Фарр провел пальцем по режущему краю с таким видом, будто прислушивался к своему настроению.

- Не волнуйтесь, до этого не дойдет. Так какая необходимость снова встречаться со мной? Или я вам нравлюсь больше дозволенного?

- Нет. Я презираю вас по-прежнему. Но даю шанс изменить судьбу. Шанс

вернуться домой, оставив этих мерзавцев с носом.

Он как будто опечалился.

- Андреа, сделка есть сделка. Не знаю, почему это так важно для них, но все уже решено.

- Плохая это сделка, Саймон. Гнильем так и разит. И нельзя вам в ней участвовать.

Казалось, он обдумывал услышанное. Вот сейчас отвернется, влекомый уютom новообретенного жилья, уйдет, подчиняясь душевному уродству, всегда его отличавшему и ныне от него ожидаемому. Любой на месте Андреа подумал бы, что Фарр решил скрыться с глаз. Но еще до того, как он напрягся, еще до того, как от него повеяло угрозой, еще до того, как страсть к убийству послала сигнал его членам, советник поняла: решение принято.

И дело не в том, что он ненавидел Первую Дань или даже Андреа Корт.

И не в наслаждении, которое этот человек получал от жестокой расправы.

Просто такие, как он, не выносят слова «нельзя».

Он напал.

Иссиня-бледное лицо, все чувства спрятаны под маской маниакальной сосредоточенности.

Первый выпад получился неуклюжим - сказались многие годы отсидки. Но женщина была вынуждена отпрянуть, а потом и вовсе потеряла равновесие, когда клинок со свистом пронесся в обратном направлении. Фарр и в этот раз ее не задел, однако промахнулся лишь самую малость, и Андреа пришлось отшатнуться еще дальше; устояла она чудом.

Может, и удалось бы выпрямиться, не будь под ногами росной травы. Советник поскользнулась и упала на колено. Завалилась бы и вовсе, если бы не уперлась в землю ладонью.

Окажись на ее месте кто поглупее, он бы попробовал встать и угодил под следующий дуговой удар.

Андреа же припала к земле грудью, и лезвие рассекло пустоту там, где только что находилась ее голова.

Тогда Фарр пнул по ребрам. Задохнувшись, она перекатилась, неуклюже вскочила. Вот сейчас ее пронзит острейшая боль - мачете вопьется сзади в шею. Не дождавись удара, она увидела, что Фарр больше не нападает, доказал самонадеянной дуре, что зря она изображала специалиста, и оставил в покое на время. Потом разделается с ней играючи, но сначала дело поважнее.

Убьет Первую Дань.

Совершенно беспомощная в своих цепях девочка под ударом мачете закричала,

и это было нисколько не похоже на вопль человеческого ребенка. Фарр бил не в полную силу, лезвие попало по хватательной конечности, врезалось в кость. Пришлось пошевелить оружие, чтобы его высвободить. Наверное, боль и ужас были чудовищны - секунду-другую фотир визжала еще пронзительнее прежнего. Вошедший в раж Фарр упал рядом с ней на колени, снова замахнулся. Но в эту секунду Андреа опомнилась и устремилась в атаку.

На пинки она больше не реагировала. Мачете, смертельное оружие в правой руке, только его и надо беречься.

И за миг до того, как клинок должен был обрушиться ей на голову, она перехватила его запястье обеими руками и выкрутила, вложив в это движение всю свою тяжесть, изменив траекторию острия так, что оно вонзилось Фарру в ногу чуть выше колена.

Жалко, что не в живот, но в такой потасовке разве попадешь, куда надо?..

И все-таки получилось неплохо. Стук металла о кость прозвучал для Андреа сладкой музыкой.

Фарр заорал от боли, перекрывая крики Первой Дани. Осыпал Корт ругательствами, из которых «сука» было самым мягким. Советник в долгу не осталась - отпрянула на шаг и хорошенько врезала ногой в голову. У Фарра лопнуло ухо, он завалился на спину, но мачете не отпустил, все норовил выдернуть его из раны, чтобы рубануть снова.

Она опять ударила пяткой, на этот раз в поясницу. А потом засадила в живот, да так, что едва не вышибла дух. Все, готово. Фарр еще дергается и воет, но он больше не боец. Андреа коленом прижала к земле его ногу, мощным рывком высвободила мачете; рана при этом увеличилась, обильно потекла кровь. До чего же хочется отплатить за унижение, отродясь не испытывала такого жгучего соблазна. Но Корт совладала с собой, она лишь плюнула на злодея, прежде чем встать.

- А ведь я говорила, - процедила она, задыхаясь от презрения, - что ты ничтожество.

Из его горла вырвались первые звуки угрозы, и тогда советник снова ударила, на сей раз по раненому колену.

- Андреа! - крикнула сзади Первая Дочь, и Корт опомнилась.

Потрясла головой, вытерла о штаны окровавленные руки, размахнулась - и мачете, кувыркаясь, улетело в высокую траву. Советник подошла к маленькой фотир, опустилась на колени, но Фарра при этом держала в поле зрения.

- Да-да, я здесь. Не бойся, детка, все будет хорошо.

Первая Дочь приподняла голову.

- Мне н-нужно знать.

- Что ты хочешь знать?

- Это и есть т-то, о чем мы вчера говорили? Это и есть бешенство?

Корт протерла подбитый глаз, и напрасно - запекло еще пуще, рука-то грязная.

- Не совсем. Тут, девочка, было кое-что еще.

- Что именно?

Советник была не прочь ответить, но просто не нашла подходящих слов. К тому же свое дело она уже сделала. Поэтому Андреа лишь погладила нечеловеческого ребенка по кожистому гребню над глазами и встала, высматривая движение в небе.

Фарр сыпал ругательствами. Веял ветерок, и был он добрее всего, что случилось на этом острове за последние минуты. Она прижимала длинную прядку к щеке, да та и сама держалась, угодив в пятно подсыхающей крови. Сколько еще ждать? Андреа была готова оставить надежду, но тут наконец из-за холма появились двое, их головы маячили подобно восходящим спутникам над округлостью планетарного горизонта.

В одном из зиннов Андреа узнала Кормильца Узников, другого она видела впервые. Оба остановились на порядочном расстоянии, как будто боялись попасть в пределы досягаемости Фарра и Корт.

Еще бы им не бояться. Фарр и Корт - самые опасные существа на этой планете.

- Ваша фотир получила травму, - сообщила Андреа. - Досталось и заключенному. Обоим нужна медицинская помощь.

- Я не слепой, - ответил Кормилец Узников. - Способен понять очевидное. А вы не сделали того, что пообещали сегодня утром, когда связались с нами. Вы не довели демонстрацию до конца.

- Я не позволила подонку расправиться с девочкой. Убивать его при этом не понадобилось.

- Вы всего лишь отсрочили неизбежное. Не забывайте, мы взяли на себя ответственность за благополучие Саймона Фарра. Его ждет ускоренное лечение, да и фотир сможет ходить уже к концу дня. Первую Дань снова привезут сюда и оставят в его полном распоряжении.

«Зря я выбросила железку», - с тоской подумала Андреа.

- Какие же вы сволочи!

Кормилец Узников склонил голову набок, потом в другую сторону - наверное, на его месте человек пожал бы плечами.

- Мой народ так или иначе получит то, ради чего велся торг. Не от Фарра получит, так от вас.

Еще ни разу Андреа не чувствовала себя такой беспомощной. Даже в восемь

лет, когда подчинялась необъяснимым порывам. Даже в тюрьме дипкорпуса, где провела остаток детства в качестве лабораторной крысы. Даже на дипломатической службе: твоя жизнь, сказали ей, принадлежит нам, и уже никогда тебе не быть хозяйкой собственной судьбы.

Пришло время исполнить свой долг. И сделает она это не в отчаянной смертельной схватке, а подчиняясь холодному расчету. Понимание неизбежного давило на душу тяжким камнем.

- Ладно, - сказала Андреа через секунду. - Будь по-вашему, если нет другого способа спасти Первую Дань. Но зарубите на своих носах: повторения не последует. Так что какой смысл держать меня в вольере?

- При вашей-то репутации вряд ли можно надеяться на лучшее место обитания, - сказал второй зинн, чьего имени Андреа не знала.

- Лучшее место обитания - любое, где нет вас.

- Коли так, вам, наверное, следует исчезнуть отсюда. А мы вылечим мистера Фарра и продолжим эксперимент в соответствии с первоначальным замыслом.

- Исключено! - отрезала Андреа. - Фотир моя подруга, но я ценю и собственную свободу. Я покажу то, что вы хотите увидеть, вот только чем бы это ни кончилось и какие бы угрозы ни оставались у вас в запасе, манипулировать мною не удастся. И для начала вы пообещаете, что жизнь Первой Дани впредь не подвергнется опасности.

Зинн, который не назвался, пожал плечами.

- На самом деле существенной разницы нет. Если вы сделаете то, что нам нужно, а мы в уплату пощадим Первую Дань, у нас хватит средств, чтобы приобрести других людей-убийц. Такие, безусловно, найдутся. Мы обеспечим их и жильем, и нашими детьми, специально подготовленными для опытов подобного рода.

Андреа не спросила, на кой черт это нужно. Ей уже был известен ответ, он горел в крови невыдыхающимся, невыводимым ядом.

- Помешать этому я не в силах. Но спасти одного ребенка все-таки могу.

- Допустим, но не нужно внушать себе, будто вы оказываете ему услугу. Первая Дань не выполнит своего предназначения. И если она не умрет сегодня, вся ее жизнь пройдет в позоре.

- А меня жизнь если чему и научила, - возразила Андреа, и впервые за весь разговор ей изменил голос: слова, предназначенные для Первой Дани, прозвучали нетвердо, - так это тому, что и в позоре можно век вековать. У него даже плюсы есть: например, волей-неволей пробуешь сосредоточиться на важном. Иной чистюля слишком высокого о себе мнения, а это не идет на пользу делу.

Кормилец Узников повернул голову к коллеге, потом снова посмотрел на Андреа.

- Но в вашем случае, как нам кажется, ценой позора стало счастье. Точно такую же цену заплатит и Первая Дань.

- Отродясь не встретила ни одного счастливого, - проворчала Андреа. - Но что за прок в предсказаниях? Возможно, Первая Дань еще преподнесет сюрприз всем нам. Мне надоел этот пустой разговор. Вы уже знаете, на что я готова пойти и чего не сделаю ни за какие сокровища в мире. Цена моего согласия вам тоже известна.

Взрослые зинны переглянулись с таким видом, будто провели безмолвное совещание. Потом «безымянный» пошевелился и произнес:

- Ваши условия приняты.

В сердце Андреа погас ядовитый пламень. Она сглотнула и взглянула на Саймона Фарра - не упустивший ни единого слова, тот пополз к хижине. При этом то и дело звучали ругательства, видимо, раненая нога на каждое движение отвечала болью.

Потом Андреа посмотрела на Первую Дань - в ответном взгляде девочки было больше изумления, чем страха. Мешки-органы заметно округлились, поскольку миновала прямая угроза для жизни.

Так отчаянно хотелось верить в добрую душу этого ребенка. Не вина фотир, что ее заставили выполнять дурное дело. Бедняжка сама не ведает, что творит, даже не понимает толком, ради чего ее растили - как не понимает противостоящего ей зла. Но возможно и другое: она ничуть не лучше остальных зиннов. Добровольный и сознательный участник, а сейчас еще и хладнокровный, безжалостный наблюдатель, вовсе не заслуживающий сочувствия, которое будет стоить Андреа Корт очередной сгоревшей частицы ее души.

Но может быть, все это не имеет никакого значения. Важно лишь то, что надвигается - нечто громадное, несоразмерное их судьбам.

Пожалуй, нет смысла искать заброшенное в высокую траву мачете. Вполне сойдет и примеченный камень подходящих размеров. Он и легкий - можно орудовать одной рукой, - и достаточно внушительный, чтобы выдержать несколько ударов по менее прочному предмету. Например, человеческому черепу.

Андреа подкинула булыжник на ладони, принаравливаясь к весу, и подумала: «Интересно, сколько раз в долгой и жестокой истории человечества разыгрывалась эта сценка?».

Тем временем Фарр дополз до своего домика и замолотил кулаками по той части стены, что служила входом исключительно ему одному.

Никакого садистского наслаждения Андреа не предвкушала. Но зинн все-таки оказался прав: она обладала именно теми качествами, ради которых и велся торг.

И она способна совершить то, чего от нее ждут. Раньше ведь совершала. Будут новые кошмары, вырастет список причин презирать себя, но дело она сделает. Наверное, это получится даже чересчур легко.

«Да, я и впрямь готова повторить».

- Ты уж меня извини, - сказала она корчащемуся на земле человеку. - Постараюсь управиться побыстрее.

Наораться Саймон Фарр все же успел.

* * *

Андреа не пожелала войти в его дом и воспользоваться туалетом - чего доброго, выйти уже не дадут. И все же остров она покидала липкая с головы до ног и воняющая кровью. Долго лететь не пришлось, да к тому же система фильтрации воздуха на зиннском флаере работала вовсю; характерный медный запах другими пассажирами почти не ощущался. Вот только он накрепко засел в ноздрях советника, и каждый вздох будил свежайшие воспоминания. И смотрели теперь на Андреа не глаза чудовища, каким был Фарр всю свою жизнь, а глаза слабого, уязвимого человека, лишь с одной мольбой: дай просуществовать еще хоть чуть-чуть.

Те же самые охранники, что надзирали за Фарром, дожидались возвращения Андреа в посольство. И хотя они не сказали ни слова, их задача была ясна. Советник смиренно позволила себя конвоировать и уже в здании тайком перевела дух, когда ее направили не в сторону бального зала, а к апартаментам для гостей.

Коридоры кишели народом: тут и штатные посольские чины, и контрактники вроде Андреа; у каждого глаза лезут на лоб, а губы кривятся в осуждающей мине, стоит напороться на ледяной взгляд советника и заметить кровь на ее руках и одежде. Две женщины даже прижали ладошку ко рту. Как же это все знакомо...

И вот, наконец, Вальсик. Ждет возле отведенных Андреа комнат, лицо ничего не выражает, и шрамы теперь кажутся искусственными и несуразными. Посол не обронила ни слова. Промолчала и Андреа.

Пройдя к себе, Андреа пустила горячую почти до невыносимости воду, а потом стояла под душем, тупо глядя вверх, на форсунку. Неудержимо тряслись плечи, и разок даже пробило на скулеж. Возле ее стоп зиннская кровь смешивалась с человеческой.

Можно бы и подремать немного, вот прямо так, на ногах. А потом лечь в койку, чпокнуть сонника, забыться. Но страшное дело еще не доведено до конца.

Поэтому она надела свежий черный костюм, окровавленную одежду свалила на простыню, вынесла узел наружу и велела двум охранницам вести ее к послу. Те подчинились без звука. Шествие по коридорам мало отличалось от случившегося часом ранее. На Андреа все так же тарасились глаза-блюдца, вдогонку летели все те же немые упреки. У двери в кабинет она велела конвоирам остаться, а сама вошла решительным шагом, протянула руку и уронила свою ношу на середину посольского стола.

При падении сверток развалился. Влажная, в блестящих алых разводах одежда высилась тошнотворной грудой. Вальсик даже бровью не повела.

- Убери с моего стола это дерьмо.

- Я решила, что здесь ему самое место. Как напоминание о вашем величайшем успехе.

Тут у Вальсик не выдержали нервы, она попыталась связать углы простыни. А потом зыркнула в сторону двери, на охранниц.

- Эй, вы! Заберите этот хлам. Мне плевать, как вы от него избавитесь, хоть сожгите. Да-да, можете оставить меня с ней. Ничего не случится.

Те четко исполнили распоряжение - словно призраки в мундирах вихрем пролетели по кабинету, пока посол и адвокат молча прожигали друг друга взглядами.

Когда затворилась дверь, Вальсик проговорила:

- Вообще-то другая на твоём месте спасибо сказала бы. Я же оберегала тебя от всего этого...

- Да, оберегали. Надо отдать вам должное, вы и в самом деле мне сочувствовали, после той первой встречи с ребенком старались давать полезные советы. И было бы куда проще, куда чище и, если на то пошло, куда благодарнее с моей стороны, окажись я чуточку поглупее и шлепни эту проклятую печать, ни во что не вникая. Думаете, я на вас держу зуб по причине своего дрянного характера? Ошибаетесь. Вам бы поразмыслить о том, какому злу вы открываете дорогу. Вам бы с самого начала задаться вопросом, для чего Фарр понадобился зиннам.

Вальсик вскочила на ноги, позади нее с грохотом опрокинулось кресло.

- Какая же ты наивная дура! Или не знаешь, сколько у нас договоров заключено с бесчеловечными режимами, с тиранами, которые истребляют своих подданных? На каждом шагу дипломат вступает в сделку с дьяволом - это для тебя тоже новость? А руку пожимать тому, от чьей морали блевать хочется, - это, по-твоему, исключение? Но мы на такое идем практически каждый день. Мы на все готовы, чтобы наша сторона хоть немножко выиграла, хоть самую малость окрепла.

- Все это я понимаю, - сказала Корт. - Но сознаете ли вы, что происходит сейчас?

- Все равно сделка состоялась бы, - хмуро заявила посол. - С нашей помощью или без нее зинны заполучили бы человека-убийцу. С нашей помощью или без нее использовали бы его так, как собирались использовать Фарра. Если они хотят мучить и убивать своих соплеменников, как мы можем этому помешать? Максимум, что в наших возможностях, это получить от зиннов кое-какие ценности... И мы опять вступим в торг... ты даже не подозреваешь, как скоро это произойдет. Теперь им понадобится новый убийца, второй в списке. А место Первой Дани займет другой ребенок. Да, это жестоко и аморально. Но мы с тобой вправе заботиться только о собственной выгоде.

- Нет тут для нас никакой выгоды, - процедила Корт.

Большим пальцем она смахнула влагу с глаз и посмотрела на стену, на видимое только ей панно с горящими зданиями и остывающими телами. Надо собраться с силами, снова повернуться к Вальсик и при этом сделать такое лицо... Жаль, рядом нет Первой Дани, узнала бы, как выглядит человеческое бешенство.

- Мне плевать, какую цену они предложат на этот раз. Едва я выйду кабинета, вы свяжетесь с Новым Лондоном и сообщите: торги закончены. Хоть в ногах у начальства валяйтесь, но убедите, что единственная разумная политика в отношении зиннов - немедленно подвергнуть их планету военной и экономической блокаде. И не снимать ее, пока существует этот народ. С учетом уровня зиннской технологии это, конечно, пустая угроза, но будет хотя бы шанс, что врожденное отвращение к конфликтам удержит их от попыток распространиться вовне. Не получат зинны и новых убийц, ни от нас, ни от кого-либо еще.

Вальсик дослушала, скрестив руки на груди и давя в себе нервный смех, и спросила:

- Ты это всерьез?

- Да.

- Предлагаешь акт агрессии против народа, который ничем ее не спровоцировал, даже ни разу не выстрелил в нашу сторону? Хотя мог бы, с его-то возможностями, запросто нас уничтожить? Да ты просто спятила!

- Допустим. Но мое требование должно быть выполнено.

- И с какой же стати я буду передавать «наверх» твои бредни?

На Андреа вдруг навалилась огромная усталость. Ныли ушибленные ребра, начинались рвотные позывы при воспоминании о содеянном, разливалась смертельная тоска от мысли, что в глазах общества она теперь уж точно монстр: вон, взяла да и продемонстрировала свою преступную натуру самым убедительным образом. До чего же паршивая досталась судьба, прямо хоть в петлю лезь.

Но пуще всего давила на психику чужая глупость, неспособность видеть дальше собственного носа - эти черты человеческого характера изумляли Андреа, сколь она себя помнила.

- Все-таки вы не хотите меня понять.

- А ты попробуй объяснить.

- Хорошо. - Корт обогнула стол, в шаге от Вальсик уперлась в нее взглядом и заговорила - поначалу тихо, но с каждым словом повышая голос: - К вам обращаются инопланетяне, им от вас что-то нужно. Вы не находите рационального объяснения их затее, однако решаете: да и черт с ним, мало ли на свете непостижимого. Эти зинны такие таинственные, такие иные; да у них вообще все не как у людей. Странностью больше, странностью меньше, - стоит ли голову ломать? Поэтому вы не даете себе труда подумать, как зинны распорядятся полученным в результате сделки. Нет, вы шествуете напрямик к утешительному выводу: пусть их мотивы абсолютно непостижимы, зато они наверняка невинны, ведь это племя на весь космос славится своей безобидностью.

И вы не позволяете себе ни на йоту углубиться в закономерное логическое рассуждение: зачем же народ, уступивший без единого выстрела целую космическую империю и вымирающий теперь от отчаяния, затеял бурный торг ради образчика человеческого зла? А ведь теоретически зинны смогут восстановиться в числе, смести всех противников и вернуть потерянное. Но для этого им необходимо овладеть соответствующими психологическими методами.

И, с силой ткнув пальцем в ключицу посла, Андреа закончила:

- Вот вы радуетесь возможности добыть для человечества чужой звездолет, но почему-то вам не приходит в голову: а что если и зинны сейчас на седьмом небе от своей покупки?

Еще несколько секунд на лице Вальсик держалось полнейшее недоумение... и наконец она поняла. Самоуверенности как не бывало, ее сменил ужас, а миг спустя Андреа добила посла чеканными словами:

- До сих пор ничто из зиннской техники не поддавалось инженерному анализу, если только этого не хотели сами зинны.

У Вальсик беззвучно зашевелились губы, от лица отлила кровь, рука тщетно зашарила в поисках кресла. Андреа Корт не дожидалась, пока посол опомнится от шока. Она резко повернулась и вышла из кабинета.

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Adam-Troy Castro. With Unclean Hands. 2011. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2011 году.

РИК УИЛБЕР

КОЕ-ЧТО НАСТОЯЩЕЕ

Р И К У И Л Б Е Р

КОЕ-ЧТО

НАСТОЯЩЕЕ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

22 июля 1943 года

Бейсбол был сплошным разочарованием. Замахнешься - и, скорее всего, не попадешь. Думаешь, что это плевый удар с отскоком, а он раз - и проскакивает мимо тебя. На третьей попытке добежать до первой базы тебя останавливают. Фоловый мяч, которым можно завершить игру, выскальзывает из перчатки, когда добегаешь до линии. И так постоянно, игра за игрой, сезон за сезоном, в бесконечной последовательности ребяческой заурядности. Неудивительно, что он был подавлен. Наверняка жизнью можно было распорядиться и получше, нежели ловить, кидать да замахиваться битой на бейбольные мячи.

Мо Берг^{*1} - магистр естественных и гуманитарных наук, доктор философии и права - был образованным человеком, ученым, притом многообещающим. И все же он, бейсболист, сидел на скамейке запасных на стадионе «Комиски-Парк» и смотрел, как дождь собирается в лужицы на брезенте. Лужи на ветру покрывались рябью, и с каждой секундой крошечные океаны становились все шире. Дождь беспрестанно шел вот уже полчаса, а несколько минут назад ярко вспыхнула молния, за которой тут же последовали оглушительные раскаты грома. А теперь и вовсе лило как из ведра. Несомненно, игру вот-вот остановят.

В сегодняшней игре Мо блеснул дважды: весьма удачный хоум-ран через опозит-филд вправо (спасибо большое) и превосходный трипл в аллею между аутфилдерами влево. «Сокс» были впереди на шесть проходов после трех иннингов, но теперь это уже не имело значения: потенциальная победа растворится в шуме дождя, а хоум-ран и трипл Мо завтра уже никто и не вспомнит.

Превосходно, просто превосходно. Как этот сезон, как вся его карьера, как вся его жизнь: редкие погожие денечки неизменно вымывались унылым, холодным дождем. И теперь вместо одного из этих чудных деньков на основной базе завтра будет повторный матч, и он, скорее всего, заработает ноль очков или что-то около того.

Иногда Мо приходило на ум, что, быть может, его отец был прав. Наверное, пришло время оставить эту детскую игру и заняться настоящей жизнью. Быть может, пришло время сделать что-то настоящее.

---

¹ * *В основу рассказа положена биография реально существовавшего Морриса «Мо» Берга (1902-1972) - «самого странного человека, когда-либо игравшего в бейсбол», как о нем выразился один из прославленных американских бейсболистов. Будучи агентом американских спецслужб, он действительно анализировал выступление Гейзенберга в Цюрихе и решал вопрос о необходимости его устранения. (Здесь и далее прим. перев.)*

12 декабря 1944 года

Мо Берг осмотрел зал. Плотные шерстяные шторы, фиолетовые едва ли не до черноты, были открыты, впуская солнечный свет через узкие и высокие окна, выстроившиеся в ряд по левой стороне небольшого лекционного зала Института физики при Швейцарской высшей технической школе. Яркое тепло зала демонстрировало роскошное гостеприимство в этот холодный декабрьский день в нейтральном Цюрихе.

Всего лишь час назад Берг узнал, что в нескольких сотнях километров от этого места в Пятой армии Паттона закончился бензин для «шерманов». Это означало, что фон Рундштедту² можно не беспокоиться о колонне подкрепления союзников, и тогда - если только не произойдет чуда вроде внезапного рассеяния облаков и тумана и истребители-бомбардировщики «тандерболт» вновь смогут заняться делом - Шестая танковая армия СС под командованием Дитриха в любой момент прорвется к Бастони, а дальше будет уже легкая прогулка к запасам топлива в Антверпене. Черт, война может затянуться еще на год или два.

В передней части зала располагалась узкая кафедра. За ней стояла классная доска на колесиках, а впереди - десятка два деревянных стульев, выставленных в тесные безупречные ряды. Все места заняты, и в задней части зала с дюжину человек грелись у батарей. Пауль Шеррер, конечно же, был там, а увидев Берга, кивнул и улыбнулся ему. Маркус Фирц тоже присутствовал, и еще Грегор Венцель, Вольфганг Паули и Эрнст Штюкельберг. А в самом первом ряду, в углу, сидел Карл Фридрих фон Вайцзеккер^{**3}. Берг расположился во втором, где находился на достаточно близком расстоянии: ранее он вычислил прицельность выстрела из

---

² * *Джордж Смит Паттон-младший (1885-1945) - один из главных генералов американского штаба, действовавшего в период Второй мировой войны. Карл Рудольф Герд фон Рундштедт (1875-1953) - немецкий генерал-фельдмаршал времен Второй мировой войны.*

³ ** *Все перечисленные персонажи также реальны. Пауль Шеррер (1890-1969) и Маркус Эдуард Фирц (1912-2006) - швейцарские физики-экспериментаторы. Грегор Венцель (1898-1978) - немецкий физик, развивавший квантовую механику. Вольфганг Эрнст Паули (1900-1958) - немецкий физик, лауреат Нобелевской премии по физике за 1945 год. Штюкельберг Эрнст Карл Герлах (1905-1984) - швейцарский физик-теоретик. Карл Фридрих фон Вайцзеккер (1912- 2007) - немецкий физик, философ и политический деятель.*

служебного револьвера на данной дистанции. То было одной из причин его присутствия здесь. Его приятелю Паулю Шерреру удалось раздобыть для него приглашение на доклад, выдав гостя за итальянского физика, работающего с Ферми⁴ в Риме. И это беспокоило Берга. Если ему все-таки придется выполнить задание, то причастность Шеррера вскоре выяснится. Что очень плохо - нацисты в Цюрихе повсюду. Берг объяснил физику Пьетру Гугелоту, голландскому еврею, как вывезти Шеррера с семьей из Швейцарии в Италию. Оттуда с помощью Ферми всех смогут переправить в Штаты. Берг не думал, что самому ему удастся как-то помочь, потому что после покушения на Гейзенберга^{**5} он не проживет и нескольких секунд. Слишком много нацистов в зале, и все вооружены. И когда они поймут, что итальянский физик по фамилии Антонацци на самом деле американский наемный убийца, медлить они не станут.

Берг и выглядел так, словно являлся частью этого собрания: коричневые туфли, строгие брюки, твидовый пиджак. Он подумал было закурить трубку, однако решил, что в этом ему не достанет естественности. Во всем остальном же он походил на всех присутствующих. Он немного втерся в доверие, приняв участие в паре интересных разговоров о теории S-матрицы, что велось в фойе. Бергу нравилась изящная математика этой теории, о чем он и сообщил нескольким ученым. Они кивали и соглашались, а затем несколько минут обменивались друг с другом идеями, пока всех не пригласили в зал, и Берг вместе с остальными зашел и занял место.

Он положил ногу на ногу и расслабленно откинулся на стуле, в то время как отставшие заходили и подыскивали себе местечко. Последней вошла высокая, очень привлекательная женщина. Штюкельберг поднялся и предложил ей место; она села.

Берг знал эту женщину. Настоящая красавица, высокая, стройная, с черными волосами и яркими губами, одетая в подчеркнуто деловое платье с плечиками и манишкой. Он задался вопросом, не спрятан ли среди всей этой материи пистолет.

За последние два года он видел ее несколько раз при различных обстоятельствах. В этом он был уверен, на подобное у него был нюх. В 1941 году она сидела в первом ряду ложи, сразу за домашней скамейкой запасных на «Комиски»: тем июньским воскресеньем «Уайт Сокс» сражались с «Брауне». Народу было не так уж много, «Сокс» играли вполне прилично. В тот день Берг

---

⁴ * Энрико Ферми (1901-1954) - итало-американский физик, один из основоположников квантовой физики.

⁵ ** Вернер Карл Гейзенберг (1901-1976) - немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии по физике (1932).

занес в свои показатели успешное достижение второй базы, а затем добавил очков на проходе Алекса Ирвина^{*6} к первой базе. Возвращаясь на скамейку запасных, он отсалютовал зрителям, разразившимся овациями, когда он пересек домашнюю базу. Она ему улыбнулась. Он подмигнул в ответ и послал к ней битовщика с запиской, в которой сообщал, что остановился в «Пиккадилли» на Уобаш и с удовольствием отметил бы сегодняшнюю победу за ужином. Он прождал ее в фойе до восьми часов. В ресторане подавали превосходный бифштекс, но она так и не появилась.

Во второй раз, годом позже, он находился в Лондоне, в гостинице «Кларидж», уже работая в миссии «Алсос»^{**7}. Она сидела в фойе и читала «Таймс», и когда он проходил мимо, опустила газету и понимающе улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, однако опаздывал на встречу с Карвелли, с которым нужно было обговорить последние детали относительно Италии и Ферми, и потому времени у него хватило лишь на поклон. Она кивнула в ответ, продолжая улыбаться. Через час, когда он уходил, в фойе ее уже не было.

В следующий раз, в Париже, всего лишь пару месяцев спустя, он стоял вечером на мосту Пон-Нёф, облокотившись на перила и наблюдая за проплывавшей внизу по Сене баржей, как вдруг почувствовал дружескую руку на плече и услышал, как она говорит: «Бонжур, мсье Берг». Он обернулся, сбитый с толку тем, что совершенно не замечал ее, пока она не прикоснулась к нему, но она уже отошла и, полуобернувшись, помахала ему рукой. А он ожидал связника и не мог двинуться с места, так что ему оставалось лишь наблюдать, как она уходит прочь. На какое-то мгновение он почувствовал, что голова у него идет кругом, а к горлу подступает тошнота. Когда его отпустило, он вновь повернулся к Сене: та самая баржа, на которую он смотрел, непонятно каким образом оказалась выше по течению и у него на глазах снова заплывала под мост. Объяснений произошедшему не было, и Берг побоялся рассказывать кому-либо об этом случае - его наверняка под предлогом нервного срыва вернули бы домой, а этого не хотелось.

В последний раз, шесть месяцев назад в Риме, они с Ферми сидели на открытой террасе ресторана «Траттория Монти» на Виа-ди-Сан-Вито и обсуждали, какой была Италия при Муссолини до его убийства в 1938 году^{*8}. Над ними пропыхтел

---

⁶ * *Намек на американского фантаста Александра К.Ирвина (род. 1969), перу которого принадлежит рассказ «Агент-provокатор» (2002) о Моррисе Берге.*

⁷ ** *Миссия «Алсос» - операция, проводившаяся американскими спецслужбами в период Второй мировой войны, в 1942-1945 годах, с целью сбора информации о тайном немецком ядерном проекте.*

⁸ * *В авторском мире покушение на Муссолини, устроенное словенской*

сторожевой дирижабль, проворный маленький «Энзо». В восьмидесяти километрах к северу проходила Латеранская линия^{**9}, за которой располагались немцы - много немцев. Здесь, в Риме, однако, сияло солнце, и Италия снова была итальянской.

Когда она проходила мимо, Энрико разглагольствовал:

- Да, Мо, нашей была вся Италия, но уж больно высока оказалась цена. Повсюду шпионы, - («Как будто сейчас их нет», - мелькнула мысль у Берга), - и каждый боялся за свою бессмертную душу. - Энрико улыбнулся. - После успешного переворота мы все надеялись, что кошмар закончился, но, конечно же, все не так просто.

В подобном наряде не заметить ее было просто невозможно: синие шорты, белая блузка с синим шарфиком, да еще матросская бескозырка. Волосы у нее стали рыжими, к тому же она почему-то казалась выше. И она была потрясающа.

Энрико, повернувшись посмотреть на нее, только и сказал:

- Buongiorno^{***10}.

Она ответила ему тем же, а потом взглянула на Берга, улыбнулась и бросила:

- Чао, сеньор Берг. - И ушла.

Он подмигнул Энрико, встал из-за столика и поспешил за ней. Он нагнал ее у фонтана Треви и схватил за руку, чтобы наконец-то поговорить и узнать, какого черта все это значит. Однако тут же споткнулся, упал на колени и несколько мгновений ощущал тошноту. Когда же его отпустило, он поднял взгляд и увидел, что женщина исчезла. Как и фонтан Треви. Берг находился подле садов Оппийского холма, а в нескольких кварталах отсюда виднелся Колизей.

Вот же черт... Он потряс головой и двинулся назад к Энрико. Хорошо хоть ресторан недалеко.

Поэтому-то Берг и не удивился, увидев ее здесь, хотя она и представляла собой осложнение, а этого он не любил. Здесь у него задание, опасная работа, и коли она объявлялась в Чикаго, Лондоне, Париже и Риме, а теперь еще и здесь, то каким-то образом замешана во всем деле. С какой вот только стороны? С этой? С той? С какой-нибудь третьей? Этого он не знал. И это ему не нравилось. Ему оставалось только задаваться вопросом, почему он не обсудил ее с Джоном Шахином, своим куратором.

Он сменил позу, опустив закинутую ногу на пол. Почувствовал неприятное

антифашистской группой в 1938 г. в Капоретто, оказалось успешным.

⁹ ** *Аллюзия на имевшие место в действительности Латеранские соглашения (1929) между Королевством Италия и Святым Престолом, направленные на урегулирование взаимных претензий.*

¹⁰ *** *Добрый день (итал.).*

натяжение лейкопластыря, накрепко удерживавшего маленькую «беретту». Ладно, сейчас он не мог ничего предпринять. У него задание.

Дверь сбоку снова отворилась, и в зал вошел Вернер Гейзенберг. Послышались жидкие аплодисменты собравшихся ученых. Как же можно приветствовать коллегу и друга, да к тому же одного из величайших умов планеты, который, хоть и гений, но сотрудничает с нацистами? Гейзенберг отвечал за Uranverein, «Урановый клуб», то есть программу Гитлера по атомной бомбе.

Но это к делу не относилось - по крайней мере для всех, кроме Берга, - и потому, когда Пауль Шеррер поднялся на подиум, чтобы представить Гейзенберга, Берг откинулся на спинку стула и напустил на себя спокойный и расслабленный вид. Настало время слушать. Очень внимательно.

15 сентября 1943 года

Провальный сезон подходил к концу. Мо Берг вновь играл на первой базе и заработал ноль из пяти возможных, а «Сокс» проиграли «Янки». Вклад Берга в унижение сводился к трем аутам и ошибке с прокатившимся мячом.

После игры воздух в раздевалке был насыщен сигарным дымом, ворчанием и запахом пива «Монарх» для утопления всевозможных скорбей. Расстроенный Мо сидел на складном стуле перед открытым шкафчиком. Он был погружен в размышления о том, что ноль из пяти за игру может сделать с душой, сезоном и карьерой, когда тебе идет уже четвертый десяток, и вдруг услышал, как кто-то откашливается у него за спиной. Чертовы репортеры.

Он обернулся, но вместо ожидаемого мятого старого костюма и потрепанной шляпы перед ним предстал мужчина, облаченный в брюки с отутюженными стрелками, жилет, дорогой пиджак и галстук-бабочку. Без шляпы, в очках и с дымящейся сигаретой «кэмел».

- Мистер Берг? Мо?

Берг покачал головой.

- Я не общаюсь с прессой, дружище. Я дал это понять еще на прошлой неделе. Никаких цитат, никаких «не для записи», ничего, пока не выйдем из кризиса. Понятно?

Мужчина улыбнулся и проявил достаточно такта, не став донимать его: является средний уровень за сезон 0,210 «кризисом» или нет?

- Я не журналист, мистер Берг. Меня зовут Хантингтон, Эллери Хантингтон. Я

здесь по просьбе человека по имени Уильям Донован^{*11}. Он хотел бы встретиться с вами.

Берг нахмурился.

- Тот самый Донован, герой Мёз-Аргона?^{**12} А потом окружной прокурор Буффало? Полагаю, я встречался с ним несколько лет назад. Мы пожали друг другу руки, и я расписался для него на мяче.

- У вас замечательная память, мистер Берг.

У него и вправду была отменная память. И еще IQ, равный 180. И докторская степень по классическим языкам Принстонского университета, и юридическая степень Йельского университета. Но все же он играл в бейсбол в Чикаго, по большей части с нулем очков за игру. А потому:

- И что же окружной прокурор и герой войны хочет от бейсболиста, мистер Хантингтон?

- Мистер Донован больше не окружной прокурор, мистер Берг. Теперь он работает на федеральное правительство. Его больше интересует ваше владение языками, нежели средний уровень в бейсболе.

Берг позволил себе грустно рассмеяться.

- Это хорошо. Вам известен мой средний уровень?

Хантингтон улыбнулся:

- Мистер Донован видел снимки, которые вы сделали в Японии во время тура «Сокс» в 1937 году. Фотографии очень хороши. И ему известно, что вы говорите на французском и немецком. А еще вы в некотором роде любитель науки.

- На итальянском, испанском, иврите и еще нескольких. И я много читаю, мистер Хантингтон. О науке, например, помимо спортивных страниц в газетах.

- А первые полосы?

- Да, и первые полосы.

- Мы были в этом уверены, мистер Берг. И еще мы уверены в вашем патриотизме. Мистер Донован хотел бы поговорить с вами. Ему известно, что вы пытались завербоваться в армию, но вас не взяли.

- Как и на флот, мистер Хантингтон. Им не нравится форма моих ступней. Однако если ваш мистер Донован нашел способ, то я всецело за. У меня есть время

---

¹¹ * Уильям Джозеф Донован (1883-1959) - американский юрист и сотрудник тайных спецслужб, руководитель Управления стратегических служб (УСС) во время Второй мировой войны; имел прозвище Дикая Билл.

¹² ** Мёз-Аргонское наступление - атака войск Антанты на позиции германских войск во время Первой мировой войны, одно из важнейших сражений кампании 1918 года.

принять душ и причесаться?

Хантингтон снова улыбнулся и кивнул.

- Конечно, мистер Берг, не спешите. А потом мы отправимся в гостиницу, где вы и мистер Донован сможете пообщаться. Вас это устраивает?

Мо задумался о своем кризисе. Сезон далеко не первый, да и он не молод. А парни сражались и умирали в Европе, и он много думал о том, как ему присоединиться к ним. Он посмотрел на Хантингтона.

- Дайте мне десять минут. - Столько времени у него и ушло. Десять минут, поездка на такси и пятиминутный разговор с Диким Биллом Донованом.

12 декабря 1944 года

Берг увидел, как Гейзенберг едва заметно улыбнулся. Он заговорил на немецком:

- Всем привет, приятно оказаться здесь и увидеть столь много друзей и коллег из лучших времен. Пусть эта эпоха вернется поскорее. И я тепло приветствую студентов прекрасного университета, всяческих успехов вам в учебе. - Он умолк, снова чуть улыбнувшись. - Друзья и коллеги, пожалуйста, давайте позабудем о войне хоть на короткое время и сосредоточим внимание на рассматриваемой теме, математическом аппарате S-матрицы. Потом я с удовольствием отвечу на вопросы по ней, но лишь в рамках данной дискуссии. Уверен, вы понимаете.

Берг понимал. Здесь были люди из гестапо, под той или иной личиной. И, без сомнения, в зале находились и другие, кто сообщит в Берлин обо всем, сказанном профессором Гейзенбергом, - начиная с этого стукача фон Вайцзеккера. Профессору достало сообразительности держаться подальше от неприятностей и сосредоточиться на теории S-матрицы, как и было объявлено.

12 августа 1944 года

Озеро Лаго-Маджоре было теплым на мелководье, но чем дальше Мо Берг заплывал со своим новым приятелем Энрико Ферми, тем становилось холоднее. Они направлялись к плоту, стоявшему на якоре подле оградительных буйков для пловцов.

День выдался теплым и душным, и после продолжительной велосипедной поездки по Виа-Рома двое мужчин - блестящий итальянский физик и американский

бейсболист - прокатили через деревушку Пино к узкой полосе пляжа у озера. Где-то в километре отсюда Виа-Рома меняла название, превращаясь на швейцарской стороне границы в Дюфорштрассе. Через пару часов они должны были обедать с Паулем Шеррером, который попросил о встрече.

Они рискнули приехать сюда, потому что встреча с Шеррером была важной для всей операции, хотя и сопряжена с риском. Переправа на пароме из Римини в Венецию в обход оккупированных нацистами итальянских провинций, затем долгий и мучительный перелет через южный край Доломитовых Альп на дирижабле «Энзо Массимо», доставившем их в Макканьо на берегу озера. Тот еще полет, но закончился и он; они дошли до городка, где отыскивали свой пансионат, основательно поели, договорились о прокате велосипедов на следующий день, распили бутылку вина и завалились спать. И вот они здесь, в каких-то полутора километрах езды на велосипеде от места встречи, имея несколько свободных часов. Освежающее купание показалось им хорошей идеей, а потом они вернутся в город, пересекут границу и послушают, что скажет Шеррер.

Здесь, коротая время с Ферми - парнем, который ему действительно нравился, - Берг превратился в Марио Антонацци, богатого промышленника и судостроителя из Бриндизи, состоятельного человека, который после переворота перестал строить военные корабли для Муссолини и вернулся к выпуску грузовых судов для правительства Маттеоти^{*13}, чья власть распространялась к югу и востоку от Латеранской линии. Маттеоти с товарищами придерживались строгого нейтралитета - единственного способа уцелеть в условиях оккупации немцами северо-западной части Италии.

Ферми забрался по лестнице на деревянный плот и уселся рядом с Бергом.

- Красиво здесь, - сказал он по-итальянски и откинулся назад, подставляя лицо горному солнцу.

- Ed e tranquillo^{**14}, - отозвался Берг. - Изолированный мир, вдали от войны.

Ферми покачал головой.

- Все-таки не такой уж и изолированный. Посмотри туда, - он указал на восток. В небе в боевом порядке двигались точки. - Возможно, американские бомбардировщики летят на Мюнхен?

- Скорее, на Винер-Нойштадт, около Вены. Там заводы «Мессершмитт».

- А, - Ферми поднялся. Он был хрупкого телосложения, худой, около метра

---

¹³ * *В действительности Джакомо Маттеоти (1885-1924), один из лидеров Итальянской социалистической партии, был похищен и убит фашистами в 1924 году.*

¹⁴ ** *И спокойно (итал.).*

семидесяти ростом. Непривлекательный. Однако там, где это имело значение (в физике), фигурой он был видной. Ферми - один из горстки ученых, кого по интеллекту можно сопоставить с Гейзенбергом. Ферми, Бор, Оппенгеймер, Вайцзеккер, Ган*¹⁵ - список и без того мал, а после ужасной смерти Эйнштейна в 1938 году еще и лишен номинального главы. И теперь зависело от Гейзенберга и Оппенгеймера, кто же будет тем, кому суждено изменить мир. Берг задумался, осознает ли это Ферми. Что ж, если еще нет, то через пару часов поймет.

Настало время отправляться на встречу с Шеррером и позаботиться о спасении мира.

12 декабря 1944 года

Неприятность, как показала медленно тянувшаяся послеполуденная лекция, когда дело дошло до теории S-матрицы (или, как ее называл герр профессор, матрицы рассеяния), заключалась в том, что Гейзенберг, похоже, не мог поведать ничего нового.

Берг проделал домашнюю работу, внимательно изучив статью Джона Арчибальда Уилера**¹⁶ за 1937 год, в которой и появился термин «матрица рассеяния» при описании коэффициентов, связывающих асимптотическое поведение произвольного частичного решения с решениями в стандартной форме. Гейзенберг же развил ее дальше, используя идею S-матрицы для математической выборки наиболее важных свойств теории - тех, которые, как он пытался доказать, не изменяются с течением времени. Он опубликовал работу в немецких научных журналах. Управление стратегических служб заполучило копии каждой статьи.

---

¹⁵ * Нильс Хенрик Давид Бор (1885-1962) - датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей современной физики, лауреат Нобелевской премии по физике (1922). Джулиус Роберт Оппенгеймер (1904-1967) - американский физик-теоретик, научный руководитель Манхэттенского проекта, в рамках которого в годы Второй мировой войны разрабатывались первые образцы ядерного оружия. Отто Ган (1879-1968) - немецкий химик, ученый-новатор в области радиохимии, открывший ядерную изомерию и расщепление урана, лауреат Нобелевской премии по химии (1944).

¹⁶ ** Джон Арчибальд Уилер (1911-2008) - американский физик-теоретик. Именно Уилером были придуманы два термина, впоследствии широко распространившиеся в науке и научной фантастике, - «черная дыра» и «кротовая нора».

Берг прочел и понял все. Существовала причина, по которой Мо Берг оказался именно тем агентом, который сидел здесь и слушал, оценивал, принимал решение, делал выбор. Но причина эта не имела ничего общего с его бытностью молниеносным игроком чикагских «Уайт Сокс».

Однако в залитом солнцем зале было тепло даже с отключенными батареями - Швейцария переживала нехватку угля. И вопреки месяцам подготовки, вопреки тайной «беретте», вопреки людям, подвергшимся риску, чтобы доставить его сюда, - вопреки всему этому Мо Берг начал клевать носом: анализ S-матрицы оказался таким монотонным, что просто убаюкивал. Его веки стали наливать тяжестью, и он рывком пробудился, прокляв себя за глупость, однако затем снова задремал, пока не ущипнул кожу между большим и указательным пальцами.

Прием сработал, и он снова сосредоточился на S-матрице - по крайней мере достаточно долго, чтобы дотянуть до времени, отпущенного на вопросы, когда он сможет узнать все необходимое. Двигается ли Гейзенберг со своей командой в верном направлении к созданию атомной бомбы? Получат ли немцы ее раньше союзников? Если Берг придет к выводу, что так оно и есть, то он извинится, отправится в туалет, закроется в кабинке, отклеит «беретту» и вернется назад с пистолетом в кармане. И без всякого колебания, прежде чем кто-либо сможет его остановить, он застрелит Вернера Гейзенберга, обезглавив таким образом змею, то есть мощнейшую бомбу. От меткости Берга будут зависеть сотни тысяч жизней, а может, и миллионы.

Теперь он бодрствовал и был внимателен, обдумывая услышанное. Через десять - пятнадцать минут настанет момент, когда выступление закончится и последуют вопросы.

Но тут в дверь лекционного зала резко постучали, присутствовавшие обернулись и увидели, как дверь открылась и вошел мужчина в костюме, белокурый немец без правой руки: несомненно, ветеран одного из фронтов, оказавшийся чем-то полезным местному отделению гестапо или посольству. И тридцать шесть ярчайших умов европейской физики, за исключением отсутствовавших выдающихся евреев, наблюдали, как этот человек прошел и протянул Гейзенбергу записку, затем щелкнул каблуками, повернулся кругом и живо скрылся за дверью.

Гейзенберг не выказал никаких эмоций: должно быть, за годы службы у Гитлера он достиг вершин мастерства, напуская на себя отсутствующий вид.

- Извините, пожалуйста, - произнес он и отвернулся от аудитории, чтобы прочесть записку.

Не поникли ли его плечи, когда он закончил чтение? Берг решил, что так оно и есть, однако Гейзенберг, снова повернувшись к залу, слабо улыбался.

- Коллеги, я получил информацию, что Шестая танковая армия СС барона фон Рундштедта прорвалась у Бастони и стремительно продвигается к Антверпену. Меня попросили сообщить вам об этом. О подобном повороте событий я бы хотел рассказать больше, однако для этого, несомненно, нет времени.

Вслед за этими словами он повернулся спиной к аудитории и снова встал у классной доски. Без всяких выкриков «Хайль Гитлер!» он принялся неистово выводить формулы по S-матрице, стуча мелком по доске в Цюрихе, в то время как танки фон Рундштедта с лязгом двигались к Антверпену и наполненным горючим цистернам, что располагались там. Если эта новость была правдивой, то война может растянуться еще на годы, предоставив Германии время для завершения бомбы и создания ракет для ее доставки.

Что ж, тем больше оснований, чтобы внимательно слушать, улавливая намеки. Любые намеки.

Гейзенберг закончил и положил мел на узкий лоток под доской, а затем вернулся на подиум и предложил задавать вопросы. Сейчас-то, надеялся Берг, все и прояснится.

Однако нет. Пауль Шеррер захотел узнать о соответствии пространства анти-де Ситтера и конформной теории поля, и Гейзенберг пустился в долгие бессвязные объяснения, смысл которых сводился к тезису «все бы мы хотели узнать ответ на это». Затем Венцель поинтересовался насчет аналитичности первого, и Гейзенберг вернулся к доске, стер предыдущие формулы и принялся выводить новые, по ходу дела давая пояснения. Аудитория кивала и перешептывалась.

Так и продолжалось, однако отнюдь не в том направлении, на которое Берг возлагал надежды. Дело обернулось не таким уж простым. Намеков на что-либо существенное совершенно не появилось. Ему оставалось лишь гадать, не достаточно ли для вынесения смертного приговора Гейзенбергу одного только успеха фон Рундштедта. Может быть, может быть...

По окончании вопросов вид у Гейзенберга был уставший, но облегченный. Он поблагодарил всех, а на подиум взошел Шеррер и тоже поблагодарил присутствовавших. В семь часов вечера в его доме номер 27 по Вестерштрассе, во 2-м районе на западном берегу озера, назначен прием. Все приглашены.

Публика поднялась и снова наградила Гейзенберга вежливыми аплодисментами, а затем неспешно, переговариваясь друг с другом, направилась к единственной открытой двери. Все это протекало крайне медленно.

Погруженный в размышления Берг встал в очередь на выход. Он так и не услышал ничего, что дало бы ему повод нажать на крючок. Ему требовалось время, чтобы все как следует обдумать. Вечером Гейзенберг появится на вечеринке

Шеррера, а завтра в германском посольстве назначен еще один прием. Гейзенберг любил долгие прогулки, и на эти деловые вечеринки наверняка отправится пешком. Так что у Берга будет еще две возможности убить его. Первая - сегодня ночью, вероятно, в Бакер-Парке на Хохльштрассе, располагавшемся между отелем «Баур ау Лак» и домом Шеррера. Будет темно. Проблем не возникнет.

А если не там и не тогда, то можно и завтра, вот только при свете дня задача окажется сложнее. Придется подкараулить его на тротуаре, потом одиночный выстрел - и выстрел безукоризненный, а дальше попытка затеряться в толпе.

Но сначала, при любом из этих вариантов, ему придется принять решение, и нужно немного времени, чтобы поразмыслить. Было бы неплохо переговорить с Гейзенбергом, быть может на сегодняшней вечеринке, попытаться все выяснить, в таком дружеском ключе. А потом, возможно, ликвидировать.

Прежде Бергу не доводилось убивать человека, но именно для этого большинство тренировок и проводилось. Тот самый миг. Нажать на крючок. Спасти мир. Может быть.

Только он вышел из двери и оказался в вестибюле, как почувствовал прикосновение к плечу и услышал густой и теплый женский голос, произнесший очень тихо на немецком:

- Да, вы должны решить, Мо, - могу я называть вас Мо? - и поскорее. Столь многое висит на волоске, да?

Он обернулся и посмотрел на нее. Она оказалась почти с него ростом и вблизи еще более притягательной. Быть может, лет тридцати пяти, с черными волосами и без излишеств в косметике. Настоящая сила характера ощущалась в ее ответном прямом взгляде, оценивавшем его, как и он оценивал ее.

Он вытащил ее из толпы в боковой коридор. Притворяться бессмысленно:

- Я видел вас в Чикаго. А потом в Лондоне, Париже, Риме. А теперь вот здесь. Что происходит?

Она улыбнулась.

- Мне лучше ответить, иначе вы используете против меня ту «беретту», да?

Она знает о «беретте»? Что за черт?

Они вернулись в вестибюль и затем молча со всеми остальными вышли из здания на Цвейллерштрассе. Она отпустила пару слов о погоде: холоднее, чем в прошлом году, да?

Берг мог быть терпеливым. Ей известно слишком многое, но и для него вот-вот кое-что прояснится...

Наконец на другом конце Хоттингенского моста возле темного парка они отделились от толпы и в одиночестве остановились, облокотившись на перила и

уоставившись на холодные воды внизу. На скалах, что поднимались над потоком, только начал нарастать лед.

- Я должна кое-что сказать вам, Мо, - произнесла она. - Это очень важно.

- Конечно, важно, - отозвался он. Однако оба они понимали, что он не поверит ни единому ее слову, пока не выяснит, кто она такая и на кого работает.

- Я работаю на фирму, о которой вы пока еще ничего не знаете, Мо, - сказала она, словно читая его мысли. - Позже я расскажу вам о ней. Вы мне, естественно, не поверите. Но я докажу вам, что Вернер Гейзенберг должен умереть. Сегодня, после вечеринки у Шеррера. Вы должны пойти с Гейзенбергом через парк, разговаривая о S-матрице, ну и, быть может, о погоде. Никаких упоминаний о войне или сверхбомбе. Там, в парке, на месте, куда я приведу вас через несколько минут, вы должны застрелить Гейзенберга из своей «беретты». Чтобы смерть его не вызывала сомнений, необходимо сделать три выстрела. Первый - над левым ухом. Второй, когда он начнет падать, - в затылок. И третий, когда он уже будет лежать лицом вверх, - в лоб. Из-за холода вы наденете перчатки, поэтому протирать оружие не придется. Просто бросите его в ближайшие кусты и уйдете.

Несколько мгновений Берг безмолвно взирал на нее.

- Вам многое известно. Черт, слишком многое.

- Я действительно знаю многое, Мо. По правде говоря, в данной линии я знаю все, начиная с этого самого момента. Вы, я, Гейзенберг, бомба, спасенные и потерянные жизни. Все это прямо передо мной, я словно читаю это в газете, пока вы тут стоите. Вы ведь любите читать газеты, не так ли, Мо?

Он действительно любил читать газеты, ежедневно покупал две-три и медленно изучал их за утренним кофе, смакуя незатейливое удовольствие от чтения страниц, где все было строго черным по белому, убедительным, четким и ясным. Совершенно ясным.

Она вперила в него взгляд, предельно серьезная.

- Проблема в том, Мо, что в этих газетах много страниц, и на разных происходят разнообразные события. Все в один и тот же день, и все это новости, достойные печати, понимаете? Вот только определенные вещи должны происходить в определенном порядке, Мо, или я не смогу помочь.

Он бросился на нее всем телом, прижав правой рукой ее левую на перилах. В миг у него поплыло перед глазами, и он уже было подумал, что сейчас упадет на колени, но все прошло. Потом он подумал, что сможет убить ее прямо сейчас, если придется. Ударить ее спиной о перила и сбросить в воду. Достать «беретту», спуститься вниз, выстрелить раз-другой и уйти.

Она улыбнулась, прижалась к нему бедрами и взглянула в упор.

- Посмотри наверх, Мо, на юг, за мост.

Он продолжал смотреть на нее.

- Да ладно тебе, Мо. Ты ведь парень с пушкой. А я... Я всего лишь девушка. Давай же, посмотри.

Он так и поступил и увидел в ночном небе около пяти однотипных самолетов, почти беззвучных, стремительно мчавшихся над Цюрихом.

- Что это?

- Немецкие истребители, Мо. Реактивные истребители, совершенно новый тип самолетов.

- И что же?

- Ты знаешь, Мо. Эти истребители превосходят все, что есть у союзников. И прямо сейчас проходят испытания реактивного бомбардировщика. Через месяц, или даже меньше, он будет запущен в производство. Дальность действия - почти десять тысяч километров. Ты знаешь, что это означает.

- Откуда ты узнала, что эти истребители окажутся здесь? - Может, она была нацисткой, каким-нибудь двойным агентом. Черт, как все запутано...

- Я видела их раньше, Мо. Несколько раз. Бомбардировщик в действии. Я видела, как он несет сверхбомбу, Мо. На десять тысяч километров.

Полная чушь, конечно. Но вот истребители...

- Слушай, я не понимаю. Кто ты, черт возьми?

- Я некто вроде тебя, Мо. Кто верит в мир, который может быть лучше этого. Готовый сделать то, что должен, чтобы остановить зло, прежде чем оно все разрушит.

Берг навалился на нее еще сильнее, сжав ее руку на перилах. Черт, прижимаясь к ней, он возбуждался. Обычно женщинам не удавалось так его раздражить.

Он почувствовал, что она отталкивает его бедрами.

- Я тебе еще много чего могу рассказать, Мо. И многое тебе предстоит выяснить самому. Два месяца назад в Лорьяне стоял сухогруз «Бремен».

- Я знаю о «Бремене» и дейтерии.

- Но тебе всего лишь сообщили, что командос напали на «Бремен», и он затонул.

Что за черт?!

- Ну да, - признал он, - именно так. А нет тяжелой воды - нет плутония, значит, нет и сверхбомбы. По крайней мере, не скоро. Им понадобится около года, чтобы выделить еще. - Тут он запнулся. - Но если это правда насчет фон Рундштедта, то у них будет время выделить дейтерий...

Теперь она не улыбалась. Она оттолкнула его от себя, и он не стал ее

удерживать, отступив и освободив ее руку на перилах.

- Все гораздо хуже, Мо. Перед нападением они успели выгрузить более двадцати тонн тяжелой воды. И немцы были даже рады, что «Бремен» затонул. Из-за этого союзники думают, что Uganverein не может создать сверхбомбу. Но они ошибаются.

- Значит, можно изготовить достаточно плутония для бомбы, - произнес он без всякого выражения.

- Да. Даже для двух бомб, Мо. Первая, вероятно, для Лондона, и бог знает, для чего вторая. Для Нью-Йорка?

- Уже слишком поздно? - Теперь он ей верил. Но, если все это правда, то какой смысл убивать Гейзенберга?

- Сейчас настал переломный момент, Мо. В данное время бомба, которую они создают, слишком велика для применения: она размером с товарный вагон, а может, даже больше. Для сохранения секретности работы ведутся в пещерах Цугшпитце. Ты знаешь, где это? В Баварии.

Он кивнул.

- Гейзенберг лично работает над путями разрешения проблемы. Ему нельзя позволить добиться успеха.

А хочет ли Гейзенберг добиться успеха? Это еще вопрос, подумал Берг, однако вслух не произнес.

- И если я убью Гейзенберга, то этому будет положен конец? Бомбу не применят? Нацисты наконец-то проиграют войну?

- Это замедлит развитие событий, Мо. И в мире, каковой он здесь и сейчас, существует шанс. Если Роммель*¹⁷ не возьмет Каир, если Паттон повернет на запад и пойдет на Амстердам. Да, существует шанс, который здесь может все завершить. Но для тебя, Мо, ничего не закончится.

Берг посмотрел на нее.

- Что ты имеешь в виду?

- Сейчас я должна идти. Смотри, - сказала она, указывая ни на что, если только не на парковую скамейку, стоявшую на краю газона. Там дверь. Мой срок истекает, и мне нельзя опаздывать.

Она повернулась к нему, взяла обеими руками за лицо и притянула к себе.

- Ты сделаешь это, Мо. Ты сделаешь кое-что очень важное. - А потом она наконец-то поцеловала его, затем отстранилась и развернулась, чтобы уйти.

- Конечно, - бросил он вслед ее каблукам, стучавшим по мощеной дорожке. - Ну

---

¹⁷ * Эрвин Ойген Йоханнес Роммель (1891-1944) - немецкий генерал-фельдмаршал и командующий германо-итальянскими войсками в Северной Африке.

да, важное дело. - Он повысил голос. - Эй, какого черта все это значит? И кто ты такая, черт тебя возьми? Я даже не знаю твоего имени!

Она обернулась.

- Скоро ты все узнаешь, Мо, обещаю. Ты важен.

- Мы увидимся снова?

- О да, в некотором смысле. Как-никак нам многое предстоит сделать, мне и тебе.

Она вновь развернулась, сошла с дорожки и двинулась по бурой зимней траве во тьму парка. И исчезла.

Теперь Бергу надо живо добраться до дома Шеррера и вернуться к выполнению задания: найти Гейзенберга, поговорить с ним и принять проклятое решение. Но куда, черт побери, исчезла эта женщина? Ему хотелось это знать. И нужно знать, если уж на то пошло, поэтому он достал «беретту» из кармана и двинулся за женщиной: по промерзшей зимней траве и потом, насколько он видел, через кусты к платановому дереву.

Звон в ушах, головокружение, тот самый миг тошноты, ощущение чего-то - электричества? - в воздухе, и больше ничего. Она исчезла. Никаких отпечатков на траве, и совершенно непонятно, как она скрылась.

Было облачно, темно, к тому же начал падать снег. Однако дом Шеррера должен находиться где-то в том направлении, через этот небольшой парк, вниз по Зиштрассе и в сторону озера. Разве миг назад небо не было ясным? Он поднял воротник, засунул «беретту» в карман и пошел.

12 августа 1944 года

Мо Берг и два его приятеля, Энрико Ферми и Пауль Шеррер, сидели на складных планчатых стульях за весьма шатким деревянным столиком в кафе «Маджоре» в швейцарской деревушке Динелла. Метрах в двухстах от них к западу проходила граница с Италией, где Мо и Энрико оставили свои велосипеды. То, что они их оставили, удовлетворило как итальянских карабинеров, так и швейцарских пограничников - и те, и другие лишь бросили взгляд на паспорта Ферми и Берга и махнули им рукой: проходите. Трудно даже было поверить, что идет война.

Берг чуть улыбнулся и позволил себе расслабиться на минутку. Вот они, все трое с кружками пива перед собой, Шеррер с сигаретой, спокойные и невозмутимые, насколько только можно, смотрящие на Лаго-Маджоре, на дальнем берегу которого виднелся Локарно. Безоблачное небо и солнечный свет, легкий прохладный

ветерок, смягчающий летний зной, в то время как они втроем - двое ведущих физиков мира, а третий лишь посредственный бейсболист - обсуждали, как спасти мир.

Они были единственными посетителями маленького кафе, владелец которого, исполнявший также обязанности официанта и повара, принес им пиво и удалился готовить бутерброды, поэтому можно было позволить себе разговаривать, почти не таясь.

- Спасибо, что приехали. Я знаю, что путешествие было не из легких. Но у меня появилась новость о кое-какой возможности.

- Относительно Гейзенберга? - спросил Мо. Информация должна быть благоприятной, иначе Шеррер не стал бы прикладывать столько усилий.

- Да, старина, о Вернере. Через несколько месяцев ему позволят посетить нас.

- Да ты шутишь, - не поверил Ферми. - Германия не разрешит ничего подобного. Об этом должен будет знать сам Гитлер, а он никогда не допустит ничего подобного.

- Я сам так думал, Энрико. Но как-то одна из моих студенток - выдающаяся во всех отношениях - сказала, что мы смогли бы сыграть на тщеславии Гитлера. И вот мы состряпали цикл семинаров и пригласили Вернера приехать в Швейцарскую высшую техническую школу и выступить первым.

- И это сработало? - недоверчиво спросил Берг.

Шеррер улыбнулся.

- Я хочу кое-что показать, - объявил он, последний раз затянулся сигаретой, погасил ее в глиняной пепельнице и полез в нагрудный внутренний карман пиджака.

У Берга мелькнула мысль, что Шеррер достанет оружие - но это глупо, ведь они все друзья, не так ли? И действительно, это оказалось всего лишь письмо, все еще в конверте, хотя и открытом.

Шеррер вручил его Бергу со словами:

- От Вернера Гейзенберга.

Берг раздвинул верхний, разрезанный край конверта и достал письмо. От руки, очень красивый почерк. На немецком, конечно же.

Берг стал читать его вслух - тихо, но все же так, чтобы его мог услышать Ферми:

Мой дорогой Пауль.

Надеюсь, ты в полной безопасности и здравствуешь в своем уютном окружении в Цюрихе.

Здесь жизнь порой осложняется, как ты можешь себе представить. Хуже всего - бомбардировки союзников. На данный момент мы в безопасности, вдали

от целей, которые можно было бы считать подходящими для авиации мистера Черчилля или мистера Трумена *¹⁸, но я все-таки беспокоюсь о сохранности своей семьи. Все мы должны жертвовать собой ради Отечества, но я с готовностью подвергнул бы риску собственную жизнь, лишь бы жена и дети пребывали в безопасности. И я крайне признателен, что герр Гитлер уже дважды позволил мне оставаться с семьей, когда мы в поисках условий, пригодных для работы, перемещали с места на место наши лаборатории Uranverein.

Эта работа изнурительна и требует от меня огромного напряжения мысли и значительной энергии. Однако время от времени я проделывал кое-какие математические изыскания по развитию теории S-матрицы и с удовольствием могу сообщить, что у меня не только имеется интересный доклад для твоего небольшого собрания, но также и то, что герр Гитлер лично одобрил мое предстоящее выступление.

Так что я крайне признателен за приглашение и счастлив сообщить, что сумею присутствовать на собрании. Я с нетерпением ожидаю встречи с тобой и всеми своими старыми друзьями в Швейцарии в Высшей технической школе, где, уверен, в наше прискорбное время проделано множество интересной работы. С нетерпением ожидаю увидеть и услышать всех коллег, а также искренне надеюсь, что мой доклад вызовет у них некоторый интерес.

Элизабет и дети были рады приглашению, однако не смогут присутствовать. Они передают привет и желают тебе и твоей семье всего наилучшего. Кристина, в частности, надеется вскоре увидеться с твоей маленькой Лизой в лучшем, более спокойном мире. Я же повидаюсь с тобой, мой друг, через несколько месяцев - и с величайшим предвкушением ожидаю этой встречи.

Берг поднял глаза:

- И он подписался - Вернер.

Он откинулся назад и взглянул на Ферми, который недоверчиво качал головой, а потом оба уставились на Шеррера, так и сиявшего улыбкой.

- Как тебе это удалось, Пауль? - поразился Берг. - Гейзенберг? В Цюрихе? В разгар войны? Как ты вообще сумел связаться с ним и передать приглашение?

- Пауль, - склонившись над столом, подключился Ферми. - Ты знаешь Вернера так же, как и я. И ты должен понимать, что это означает. Он должен предполагать последствия этого письма. Ты ведь согласен?

Улыбка Шеррера угасла.

- Да, Энрико, конечно. И мы должны воспользоваться возможностью, поскольку

---

¹⁸ ' Гарри Трумэн (1884-1972) стал президентом США только в 1945 году.

Вернер, несомненно, ждет этого от нас.

- Воспользоваться? - переспросил Берг. - Джентльмены, да у него же мишень на спине, и он носит ее с самого начала войны. Вы считаете, что он желает принести себя в жертву на встрече, которую ты запланировал?

- Чтобы сказать нам, чтобы ясно дать понять, что у Германии нет сверхбомбы и они ее не создадут. Это может быть мотивом Вернера, - предположил Ферми. Он наклонился вперед, выразительно разведя руки. - *Spero chesia cosi*. Надеюсь, так и есть.

Берг кивнул.

- Да, вполне возможно. - В отдалении раздался рокот, низкий гул двигателей, работающих в унисон. Звук медленно нарастал. - Это имело бы смысл, если он делает именно то, что вы оба предполагаете - ищет возможности затянуть создание сверхбомбы и продвинуть поиск в неверном направлении.

Рокот стал еще громче, от вибраций на столе даже задрезжала посуда, запрыгали тарелки и приборы. Танковая колонна на дороге? По звуку было похоже.

Появился владелец кафе Джанлука, посмотрел наверх и указал:

- Последнее время раз в день, в четыре пополудни, как часы.

Они тоже посмотрели вверх - из-за холма за ними показался луковицеобразный нос, выросший затем в цеппелин. Громада летела низко, с такого близкого расстояния это был сущий гигант - «Гинденбург»^{*19}.

Благополучно интернированный в нейтральную Швейцарию и переименованный в «Вильгельма Телля», он все так же оставался гордостью немецкого народа - могучий воздушный корабль, обретший здесь безопасность в тот самый день, когда американцы и англичане объявили войну Германии.

Это был исполинский дирижабль. Берг знал основные его характеристики: способен нести около ста тонн полезной нагрузки, которую можно увеличить вдвое, если пренебречь опасностью использования водорода вместо гелия. Длиной около двухсот пятидесяти метров, он мог достигать крейсерской скорости в сто тридцать километров в час. Дальность действия составляла невероятные пятнадцать тысяч километров. Начиная с 1936 года, он совершал регулярные двухдневные рейсы через Атлантику между Франкфуртом и Нью-Йорком - более чем вдвое быстрее лучших океанских лайнеров и с большими удобствами. Он не удивился, увидев корабль, плывущий столь низко. «Гинденбург» был известен полетами на высоте

---

¹⁹ * *Немецкий пассажирский цеппелин LZ 129 «Гинденбург» был построен в 1936 году, это был самый большой в мире из созданных на тот момент дирижаблей. 6 мая 1937 года, завершая очередной трансатлантический рейс на базе ВМС США в Лейкхерсте, загорелся и потерпел катастрофу.*

около сотни метров. Это давало пассажирам великолепный обзор.

По крайней мере, так было до войны. Поскольку дирижабль был интернирован в нейтральную Швейцарию, он больше не носил нацистских символов. Теперь он летал с огромными красными крестами на бортах - сделка с Гитлером заключалась в том, что швейцарцы позволяли ему курсировать, да еще с немецким экипажем, куда окраска его была швейцарской.

Ей-богу, это действительно нечто! Он глазел, раскрыв рот, вместе с Ферми и Шеррером, пока дирижабль проплывал над их головами через озеро в сторону Локарно.

Когда же корабль удалился, трое мужчин приступили к обсуждению планов на декабрь в Цюрихе.

Прежде чем настал вечер и Мо и Энрико вернулись в Итальянскую Республику, чтобы забрать свои велосипеды, они уже имели представление, что им делать. И самое главное - как делать.

12 декабря 1944 года

Дом Пауля Шеррера был построен в швейцарском стиле, с видом на озеро, и располагался на другой стороне бульвара Зиштрассе от Рийтерпарка, с его рошицами и игровыми площадками. В середине октября Берг провел пару недель с Шеррером и его семьей и очень полюбил Ильзе, жену Шеррера и подлинную главу семьи. Понравились ему и три девочки, в возрасте от восьми до четырнадцати. К концу этих двух недель он внес семью в свой мысленный список людей, которых должен будет спасти от гнева Гитлера, если из-за Гейзенберга обострится ситуация. Ферми с семьей в нем уже значились, и Берг, улыбаясь в глубине души, уже окрестил его Списком любимых физиков.

Гейзенберг в число любимцев не входил.

Мо подошел к длинной подъездной дорожке. Снег уже шел вовсю, покрывая землю сантиметров на пять, и, судя по всему, обещал затянуться. На газоне в стороне было припарковано с полдюжины машин, наглядно живописуя цюрихский относительный достаток даже во время войны. Парочка «бугатти» и один «мерседес» говорили о присутствии каких-то местных политиков и ведущих бизнесменов. «Рено» и «ситроены», вероятно, принадлежали профессорам помоложе.

Берг уже собирался постучать в дверь, как его опередила Жанин, младшая дочь Шеррера.

- Мистер Берг! - радостно закричала она и ринулась к нему с объятьями. Из трех прелестных дочек она была самой очаровательной.

- Как же я рад видеть тебя, Жанин! - ответил он, обнимая ее. - Как сестры? Как мама?

Она рассмеялась.

- Вы такой глупый, мистер Берг. Амели единственная сестра, которая у меня есть, и ей почти одиннадцать, так что с ней не особенно-то и поговоришь. А мама - хорошо. И папа. Они так счастливы, что вы здесь, и я тоже!

Не переставая трещать, она взяла его за руку и повела в дом, видимо, намереваясь проводить его к хозяевам, прежде чем отстать. Что ж, все это прекрасно, но почему «единственная сестра»? Он твердо знал, что их было три. Не подвела ли его память?

Следуя на буксире за Жанин, он свернул за угол и предстал перед Паулем и Ильзе Шеррерами. Со всех сторон последовали приветствия, рукопожатия, объятия и благовоспитанные поцелуи в щеку; вскоре Жанин отправили к сестре, а взрослые занялись разговорами, преимущественно о погоде и детях, потому как большинство представляющих интерес тем в подобном обществе были закрыты: в толпе наверняка находились один-два агента гестапо, не считая нескольких сторонников нацистов вроде Вайцзеккера.

- Кстати, наш общий друг здесь, - все, что Шерреру нужно было сказать по окончании непродолжительного разговора. - Полагаю, он в задней комнате, откуда открывается вид на озеро.

Берг кивнул, снова пожал другу руку - сознательно, поскольку оба они понимали, что это может оказаться последним случаем, когда они видятся, - оставил Шерреров и прошел мимо гостей вроде Грегора Венцеля и Эрнста Штюкельберга, на ходу кивая и бросая «привет», но не останавливая своего продвижения к задней комнате с видом на озеро, где находился Гейзенберг.

23 августа 1943 года

Дикий Билл Donovan занимался особого рода деятельностью, с подразделением, сформированным из таких людей, которые готовы были ради своей страны рискнуть жизнью, работая в стане врага.

Для Мо Берга у него была работа в Европе, работа опасная. Ему нужен был человек, способный разговаривать на всех этих чертовых языках, сообразительный, обладающий выдержкой и физическими навыками и готовый

делать то, что должен. И Донован желал знать: является ли Мог Берг таким человеком?

О да, он являлся. «Запишите меня», - заявил он Доновану после получасовой беседы. «С чего мне начать?»

Однако все не так просто. Предпочтительнее завершить бейсбольный сезон и затем исчезнуть в никуда, тихо и незаметно. Сумеет ли Мо сделать это? Сможет ли он одновременно выступать за «Уайт Сокс» и за свою страну? Сможет ли покончить со спортом в сентябре, в следующем месяце начать подготовку и, быть может, уже весной приступить к действиям?

Конечно. «Запишите меня», - повторил он Доновану. Вот и все.

Однако предполагаемая незаметность Мо совершенно не удалась.

Окрыленный новой работой, исполненный самоуверенности, старый Мо исчез в дождливом августе, и за «Сокс» на первой базе теперь играл новый, дерзкий Мо Берг. Такой Мо, который просто потрясал, выполняя удар и мчась к базам как безумный. Освобождение от тревог сыграло чудесную роль, и последние пять недель сезона он ударами буквально срывал обшивку с мяча, доведя свой показатель до 0,342 и отлично играя в защите. Он вывел «Уайт Сокс» с четвертого места на третье в Американской лиге, а затем и на второе. Черт, в конце сезона оставалось пять игр, но за этот месяц Мо Берг, бейсболист, из конченного игрока превратился в ходовой товар. Тренер Джимми Дайкс громогласно провозгласил, что он потрясен смелостью и решимостью Мо. Генеральный менеджер Гарри Грейбинер поклялся ему, что не променяет Мо ни на одного игрока, а затем попытался повернуть сделку с «Сенаторс».

Все это было совсем не то, чего хотел Донован, поскольку теперь Мо оказался в центре внимания. Впрочем, делу это не особо мешало - по завершении сезона большинство людей все равно позабудет про бейсбол. Да и, в конце концов, шла война. И до черта войны, из-за оживившегося в Северной Африке Роммеля, отбившего Тобрук и уже стучавшегося в ворота Каира, из-за обстрела Германией Лондона этими проклятыми ракетами и из-за восстановленного люфтваффе превосходства в небе над Европой с помощью нового реактивного истребителя. Положение было шатким. И было много людей - и людей важных, заявлявших, что настало время для перемирия с Гитлером, чтобы Америка смогла сосредоточиться на Японии, где после прогулки по Тиниану^{*20} дела пошли много лучше.

Дикий Билл не был заинтересован в заключении мира с Гитлером. Дикому Биллу было известно то, о чем не ведали большинство американцев: нацисты работали

---

²⁰ * В 1944 году американские войска захватили оккупированный японцами остров Тиниан в Тихом океане и развернули на нем базу военной авиации.

над сверхбомбой, и если им удастся создать эту чертову штуку, то у них имелись и средства ее доставки - реактивные самолеты, ракеты, да еще новые, более мощные подлодки. И если подобное произойдет, не переставал ему повторять Оппенгеймер, Япония уже не будет иметь значения. Если немцы получат бомбу первыми, ничто не будет иметь значения. Война закончится, и при этом хорошие парни проиграют.

Мо Берг, шпион и ключ ко всему этому, должен готовиться действительно быстро.

12 декабря 1944 года

По пути в заднюю комнату Мо ненадолго вовлекли в два разговора, а ему нужно было сохранять спокойный и невозмутимый вид, дабы не выделяться из общества, и потому он поболтал об S-матрице, потом о погоде и, наконец, очутился у двойных дверей на задворках дома, ведущих в пристроенную заднюю комнату. Одна из дверей оказалась открытой, он зашел через нее, и там, подле окна в дальней части комнаты с восхитительным видом на Цюрихское озеро, стоял Вернер Гейзенберг, который, кивая и улыбаясь, разговаривал с гостями.

Одним из гостей была женщина. Та самая женщина, загадочный друг Мо из двух прошлых лет. Это была она, Берг нисколько не сомневался, хотя теперь она и одета по-другому, изысканнее, не по-деловому, с уложенными под кокетливой шляпкой волосами. А еще длинные серьги, красная губная помада и плечики. Роскошно. Черт, она была просто сногшибательна!

Он подошел к небольшой группе. Женщина заметила его, улыбнулась и бросила взгляд на часы.

- Вернер, дорогой, вот как раз человек, о котором я тебе говорила - итальянский физик, работавший с Ферми, Марио Антонацци, - и она повернулась к Мо, протянув руку. - Как приятно видеть тебя, Марио. Я так рада, что ты смог прийти.

Гейзенберг пожал ему руку:

- Очень приятно, герр профессор. Как вы, должно быть, знаете, я друг и поклонник вашего коллеги, профессора Ферми. Я надеялся, что он сумеет присутствовать.

- Я виделся с ним всего лишь несколько недель назад, профессор, - у Мо получилось сказать правду. - Он надеялся приехать, но с нынешней политической ситуацией...

Гейзенберг кивнул.

- Конечно, профессор. Времена нынче трудные для всех.

Берг почувствовал чью-то руку на плече, ту самую вспышку дезориентации. Это оказалась его знакомая, другую руку она положила на плечо Гейзенберга.

- Мальчики, - сказала она со смешком, - поболтать можно и потом. А прямо сейчас я хотела бы увести вас обоих отсюда. - Она снова посмотрела на часы. - Мне пообещали, что через несколько минут мы увидим потрясающее зрелище. Совершенно особенный визит моего старого друга. Не составите ли вы оба мне компанию? Пожалуйста!

Женщина взяла их за руки, и им не оставалось ничего другого, кроме как последовать с ней к дверям, выходящим на задний двор дома, откуда дорожка вела к деревянным мосткам, заканчивавшимся пристанью. В это время года лодки там уже не швартовались, но не было и льда на воде. Для декабря ночь была теплой, отнюдь не морозной.

Они втроем вошли на пристань. Дом за ними уже затих, и огни в нем почти погасли: Шерреры готовились отойти ко сну, и слуги заканчивали прибирать остатки скромной вечеринки. Ночь безоблачная и безлунная, а огни города из-за военного времени немногочисленны, и потому небо было прекрасно: дуга Млечного Пути сияла всюду - по-своему все же напоминая о проклятии ночных бомбардировок. Послышался отдаленный рокот ритмичных биений, насыщенная каденция, которую Берг уже слышал несколько месяцев назад. Двигатели. Четыре больших дизельных двигателя «Даймлер-Бенц», в тысячу двести лошадиных сил каждый, шестнадцатилиндровые чудища, толкавшие вперед исполинского зверя. «Гинденбург» - «Вильгельм Телль».

С востока, из-за альпийских хребтов за озером, выплыла его гигантская черная тень. Как и всегда, низко в небе, она казалась бесконечной, вознамерившейся стереть линию гор и обосноваться во всем своем величии.

Корабль двигался к ним, все замедляясь и замедляясь, но не более чем в тридцати метрах над их головами громада длиной почти в три футбольных поля мягко остановилась, и гул двигателей унялся до холостого хода. Прямо над ними оказалась фюрергондель - гондола управления, где работал экипаж. Пассажиры и груз располагались под оболочкой.

- Он великолепен, не правда ли, Мо? - спросила женщина. - Я же сказала тебе, что ты увидишь его снова.

- Ты никогда не говорила о «Гинденбурге», - ответил Мо, оторвав взгляд от огромной формы над собой и повернувшись к женщине.

В руке у нее был пистолет. Оружие Мо, «беретта». Он сунул руку в карман и не удивился, не обнаружив его там.

- Вы знаете, что это должно произойти, Мо Берг, - подойдя и встав рядом с женщиной, сказал Гейзенберг, дав понять, что ему известно, кем Мо является на самом деле. - Завтра утром, в «Орлином гнезде», герр Гитлер и другие - Геринг, Гесс^{*21}, фон Браун, Геббельс, Хауссер, Мессершмитт, Риббентроп, Гиммлер и многие другие - соберутся встретить меня, когда я вернусь из Цюриха на борту «Гинденбурга». У Гитлера уже готово сообщение. Он собирается заявить им, что сверхбомба создана и у Мессершмитта есть самолет, способный ее доставить. Он собирается представить меня, и я объясню принцип действия бомбы и расскажу, какой урон она нанесет Лондону и что мы создаем еще три такие сверхбомбы, атомные бомбы.

- Поэтому убивать вас слишком поздно. Я понял, - отозвался Берг.

- Нет, Мо, - подключилась женщина. - Примерно через пять минут из гондолы управления спустят лестницу, и мы поможем герру Гейзенбергу подняться в кабину. А потом мы будем наблюдать, как «Гинденбург» удаляется, направляясь к границе и затем к «Орлиному гнезду».

- Мы не станем его останавливать?

Гейзенберг пожал плечами.

- Нет, мистер Берг. Бомб тех размеров, на которые надеется фюрер, не существует. Есть только одна бомба - мы ее все-таки создали, - и она огромна. Она весит почти двадцать ваших тонн и в два раза больше вагона. Самолет или ракета никак не смогут доставить подобное оружие.

- Она действительно создана? - Черт, тогда игра окончена.

И тут Мо Берга осенило. Игра почти закончена, да, дело движется к девятому иннингу. Но если эта бомба...

- Эта бомба на «Гинденбурге»? Прямо сейчас?

Женщина и Гейзенберг одновременно кивнули.

Сверху раздался скрип, затем с грохотом распахнулся люк. Его привязали, и оттуда медленно опустилась лестница. Гигантская туша цеппелина теперь висела в каких-то шести метрах над ними, сюрреалистическая в своей громадности, серебряная во тьме - единственный прожектор светил из гондолы управления.

- И вы повезете ее в «Орлиное гнездо»?

- Да, Мо, повезет. Экипаж набран из добровольцев. Сверхбомба находится в грузовом отсеке, газовые ячейки для повышения грузоподъемности наполнены водородом. Завтра, примерно в полдень, они достигнут «Орлиного гнезда» и пристанут к приемной башне. Профессор Гейзенберг выйдет из цеппелина. Герр

---

²¹ * *В реальности Рудольф Гесс, конечно же, не мог оказаться на этой встрече, потому как с 1941 года находился в плену у англичан.*

Гитлер и другие будут на посадочной площадке, чтобы встретить создателя великой бомбы, а потом, предположительно, поднимутся на борт «Гинденбурга» посмотреть на бомбы, благополучно доставленные через нейтральную Швейцарию.

- Вместо этого...

- Вместо этого сработает ядерный заряд, обогащенный уран достигнет критической массы, и войне будет положен конец.

- Боже мой!..

Деревянной пристани коснулась лестница. Вернер Гейзенберг оперся о руку Мо Берга и с его помощью поставил правую ногу на первую перекладину. Берг крепко ухватился за лестницу, ему на помощь пришла женщина. Их руки соприкоснулись, когда Гейзенберг начал подъем, и Мо ощутил уже знакомую тошноту и миг дезориентации. Тогда он обернулся посмотреть на дом. В нем снова горели огни, а через занавески виднелось множество людей. Заметил ли кто-нибудь отсутствие Гейзенберга? Или там другой Гейзенберг?

Мо посмотрел вверх: Гейзенберг уже добрался до кабины, и ему навстречу протянулись руки, чтобы помочь забраться в люк. Женщина исчезла. Его «беретта» снова лежала у него в кармане, и он знал, что здесь, сейчас, она не исчезала. Кто-то закричал. Мо почувствовал, что лестница дернулась у него из рук вверх и поползла в брюхо чудовища.

Крики приблизились, по толстому слою снега, покрывавшему теперь землю, захрустели шаги. Озеро было покрыто льдом. И было очень холодно.

К нему бежали два человека, один впереди другого. Первый - Вайцзеккер, он размахивал «люгером» и кричал на немецком: «Останови, останови дирижабль, ты должен остановить дирижабль!». За ним мчался Пауль Шеррер, стараясь догнать Вайцзеккера и тоже крича:

- Карл, не стреляй, не стреляй! Водород! Водород!

Значит, они знали. По крайней мере, Шеррер. Здесь без сюрпризов. Мо достал из кармана «беретту». Вайцзеккер находился метрах в тридцати от него. Потребуется очень удачный выстрел.

Вайцзеккер остановился, вытащил заряженный магазин из кармана пиджака и принялся неловко возиться с ним, вставляя в «люгер». Раздался отчетливый щелчок, когда магазин встал на место.

Шеррер подбежал к нему и схватил за руку, но тот обернулся, оттолкнул его и выстрелил практически в упор. Шеррер крутанулся и упал. На занятиях по стрелковой подготовке Мо Берг показывал отличные результаты, хотя там у него был «кольт» калибра 0,45 дюйма. Однако пару месяцев назад, в доме Шерреров,

как раз возле этой самой пристани - только в другой реальности, страшно далекой от этой, - он потратил два дня на стрельбу по мишени из «беретты».

Он прицелился, пока Вайцеккер оборачивался и возился, загоняя кривошип в заднюю часть пистолета, чтобы подать патрон в патронник. Это заняло у него две секунды, и затем он направил «люгер» на «Гинденбург».

И умер - над его левым ухом появилась дырка от пули из «беретты» Мо Берга.

Мо живо бросился к нему, весь в клубах пара от неожиданно утяжелившегося дыхания. Вайцеккер упал на колени и все еще казался живым. Этот человек застрелил Пауля Шеррера. Мо послал ему в затылок вторую пулю, и когда тот завалился на бок и затем перекатился - уже мертвый - на спину, Мо сделал еще один выстрел в лоб нациста.

Внезапно стало очень тихо. Мо услышал хруст снега: подходил кто-то еще. Он поднял голову - это была, конечно же, та самая женщина. Она опустилась на колени перед стонавшим Шеррером.

- Пуля прошла через мышцу предплечья. Крови немного. Ему очень повезло, - сообщила она.

На Шеррере не было пальто - все произошло слишком быстро, чтоб он успел его надеть. Женщина оторвала рукав его рубашки, сделала из него полоску и обвязала вокруг раны.

Она поднялась. Уже приближались несколько человек, но у них еще оставалось несколько секунд.

- Знаешь, Мо, в некоторых сценариях ты так и не добрался до Европы.

- Что?

- Правда. Иногда ты бейсболист, иногда адвокат, а иногда живешь дома с сестрой, один, читаешь свои газеты и боишься всего мира.

- Вообще-то не боюсь, дело совсем не в этом.

Позади них взревели двигатели, и цеппелин двинулся над озером в сторону Локарно, чтобы завтра оказаться в Берхтесгадене и к полудню сделать что-то настоящее, что-то значимое.

- Все это весьма изменчиво, Мо, - сказала она с улыбкой. Он покачал головой. Такой миг, а она превращает Гейзенберга в шутку.

- Мо, - продолжила она, - есть место, где ты кетчер в «Сенаторс».

- Боже упаси.

- Но во всех этих местах, во всех этих мириадах возможностей ты достигим. Ты с легкостью перемещаешься через границы. И ты всегда доводишь дело до конца.

- Знаешь, я не дурак...

- Совсем наоборот, Мо. Твой интеллект, твои знания языков и твоя способность

ломать стереотипы... Вот почему ты нам нужен.

- Но все-таки я вынужден признать, что не совсем понимаю, что же здесь происходит.

Толпа с вечеринки окружила их. Люди склонялись над Шеррером, пытаюсь ему помочь, и зачарованно, с ужасом таращились на кровавое месиво, когда-то бывшее Карлом Вайцзеккером.

- Ладно, - сказал Мо, - я понимаю. Запиши меня.

Она улыбнулась, взяла его под руку, и затем - после тошноты, после мига головокружения - они оба, Мо Берг и женщина, одни на всем берегу озера, ушли в безмолвную темноту странно теплой декабрьской ночи в Цюрихе.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Rick Wilber. Something Real. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2012 году.

КАЙЛ КЁРКЛАНД

БЛОХА НА СПИНЕ

КАЙЛ КЕРКЛАНД

БЛОХА НА СПИНЕ

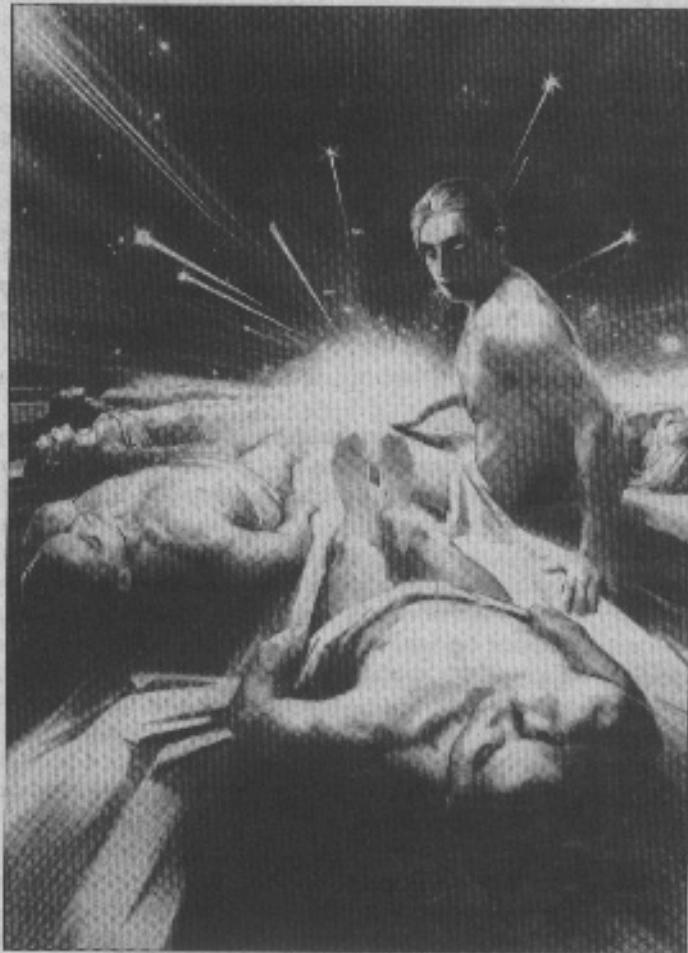

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Меня зовут только в чрезвычайных обстоятельствах. И хотя правительство дает довольно туманное определение тому, что можно считать чрезвычайными обстоятельствами, но к тому времени, как я приступаю к работе, люди обычно уже орут друг на друга, принимают необдуманные решения, паникуют. Я привожу все в порядок. Иногда играю роль хорошего парня, в других случаях изображаю одновременно молот и наковальню; как бы там ни было, это все обман. Я вправляю людям мозги при помощи лжи. Сперва я, бывало, посмеивался над этим, но после двенадцати лет работы мне надоело. Вся моя жизнь состоит из лжи.

Вопреки ожиданиям, в конференц-зале, куда я вошел, было довольно тихо. Никаких воплей, никакого выдирания волос и скрежета зубного. Многие из сотрудников этой небольшой больницы, расположенной в малонаселенном округе в Южной Дакоте, были заняты своими делами где-то в другом месте. Из десяти человек лишь у двоих наблюдались признаки напряжения. Оба были учеными. Я изучил их досье, пока летел сюда.

По Уэффл, двадцать восемь лет, гений и индивидуалист. Уже получил должность в университете Крествью - потрясающее достижение, учитывая, что преподавательский состав последнего кишит нобелевскими лауреатами. Уэффл южанин - я заметил следы легкого акцента, когда слушал записи некоторых его лекций. Высокий, гибкий, светловолосый, он встретил меня безмятежным взглядом, когда я вошел в комнату, однако его нос едва заметно наморщился. Я наблюдал то же самое выражение на записях, когда у кого-нибудь из особенно тупых студентов возникали проблемы с пониманием основ предмета. Кларисса Жарден, сорок шесть лет, образец консервативного ученого, педантично следующего правилам. Возглавляет кафедру биологии в местном университете. Местная, родилась в Рапид-Сити. Неплохо продвинулась, но так и не вошла в высшую лигу - по какой-то причине она всегда оставалась большой рыбой в маленьком пруду. Меня встретил пристальный взгляд ее темно-карих глаз; она смахнула прядь седеющих волос со своего широкого, прорезанного глубокими морщинами лба. Я заметил, как ее брови на мгновение сдвинулись.

- Меня зовут Марлон Мэтерс, - проговорил я с улыбкой.

Это имя я выбрал десять минут назад. Через мгновение после того, как я его произнес, следящая аппаратура передала его на центральный компьютер, чтобы он создал соответствующую запись в базе данных. Марлон Мэтерс будет обладать теми же чертами, которые я выбрал для этого задания: темные волосы, черные глаза, тридцать пять лет, слегка искривленный нос, сломанный еще в школе во время игры в хоккей. Облик будет дополняться другими деталями по мере того, как я стану их выдумывать.

- Бюро по обеспечению безопасности. - Я взмахнул идентификационной карточкой со штрих-кодом, который, если бы его вздумали просканировать, уже смог бы подтвердить мое заявление. Впрочем, сканировать его никто не пожелал, так что я убрал карточку в карман. - Насколько понимаю, у вас тут возникли проблемы.

Вначале нужно вести себя доброжелательно. Если начинаешь с серы и адского огня, это, как правило, ведет лишь к сожжению любой надежды на понимание и взаимодействие. Я обычно вытаскиваю палку лишь в тех случаях, когда кто-то переходит границы.

По Уэффл начал переходить их с первой же минуты.

- Я не думаю, что вы можете быть здесь чем-либо полезны. Это не проблема безопасности.

Предположение, что мое присутствие не является необходимым, следовало пресечь незамедлительно.

- Президент Соединенных Штатов считает, что это именно проблема безопасности. Того же мнения придерживается директор Бюро по обеспечению безопасности, а также другие высокопоставленные должностные лица. Я благодарю вас за ваше мнение, мистер Уэффл, однако оно не имеет большого значения.

Я ожидал, что По побагровеет, может быть, пронзит меня яростным взглядом. Однако ничего подобного не произошло. Вместо этого он только чуть сильнее наморщил нос.

- Я не совсем это имел в виду, - произнес он спокойным тоном.

Кларисса тоже повела себя неожиданно: она криво улыбнулась.

- По считает, что тела сами встали и ушли, - сообщила она.

Я перевел взгляд на По.

- То есть вы хотите сказать, что их не похитили? Они пробудились сами по себе?

- Не совсем так. Я не уверен. Возможно, им помогли... и это был чрезвычайно интересный помощник, хотя в настоящий момент я пока не готов высказать гипотезу на этот счет.

В конференц-зале воцарилось неловкое молчание. Кларисса покачала головой и закатила глаза к потолку.

* * *

В прошлый четверг, четыре дня назад, с неким антропологом, изучавшим стоянку

индейцев арикара в Бедлендах Южной Дакоты, приключилась история наподобие той, что была со свитками Мертвого моря; только в отличие от пастуха, бесцельно бросавшего камушки, наш антрополог сделал свое открытие благодаря тому, что уронил с обрыва свою лопатку. Он поглядел через край на каменистый склон вниз, но не обнаружил нигде и следа своего инструмента. Раздосадованный, он спустился в расселину, безуспешно высматривая свою лопатку, которая была ему необходима, чтобы закончить работу. Спустя полчаса поисков он сдался. Когда карабкался обратно к вершине, его нога попала в какую-то дыру, и он подвернул лодыжку. Однако когда посмотрел вниз, то с изумлением обнаружил, что дыра вновь исчезла. Согласно прочитанному мною отчету, он утверждал, что провел несколько минут, ощупывая вокруг себя землю, прежде чем вновь отыскал дыру. Она была овальной формы, с осью около трех футов длиной. Причина, по которой антрополог не смог ее увидеть, заключалась в том, что сверху ее прикрывала крышка на петлях, захлопывавшаяся пружиной. Снаружи крышка весьма реалистично имитировала каменистую поверхность.

Толкнув крышку внутрь, он тотчас же увидел свою лопатку. Принялся вглядываться дальше во мрак, но не смог различить ничего. Подвернутая лодыжка болела, однако любопытство было сильнее, и антрополог, преодолевая боль, взобрался по склону до гребня, где работал, и принес оттуда фонарик. Размеры дыры позволили залезть внутрь, хотя и впритирку. Он принялся протискиваться вглубь, пока метров через десять проход неожиданно не расширился, и антрополог обнаружил, что находится в пещере.

Воздух был свежим и, очевидно, как-то циркулировал; впоследствии специалист вспоминал, что даже ощутил на лице и в волосах легкий ветерок. Поведя вокруг фонариком, он осветил двенадцать углублений примерно такого размера, чтобы там мог поместиться взрослый человек перпендикулярно стене. В восьми из двенадцати содержались обнаженные тела. Исследователь немедленно понял, что пещера не имеет никакого отношения к индейцам арикари или к чему-либо сходной археологической ценности. Тела находились в превосходном состоянии: четыре мужских, четыре женских. Они не выглядели живыми, однако конечности были гибкими, а кожа мягкой и податливой, примерно той же температуры, что и окружающий воздух - восемнадцать градусов Цельсия.

Антрополог уведомил руководство национального парка, а оно - местного шерифа и медиков. Прибывшая медицинская бригада, решив, что тела лишены жизни, упаковала их в мешки для трупов и отвезла к судмедэксперту округа. Увидев, как одно из тел дернулось, когда его клали на холодный стол для вскрытия, шокированная судмедэксперт позвонила в больницу.

Все это было в отчете. Оставив ученых препираться друг с другом, я ненадолго вышел, чтобы поговорить с директором больницы.

- Мы пользовались высокочувствительной аппаратурой, чтобы установить признаки жизни в каждом из тел, - сказал он мне. - Мы заворачивали тела в теплые одеяла и закачивали в их кровеносную систему питательные вещества, однако пациенты оставались в коматозном состоянии. Никаких изменений не произошло даже после того, как мы нагрели тела до обычной температуры в тридцать семь градусов Цельсия. Тщательное визуальное исследование не обнаружило никаких признаков повреждений. После этого мы попытались заглянуть к ним вовнутрь, и я хочу сказать, что мы перепробовали все средства: рентген, МРТ, ультразвук, терагерцевое излучение, даже новомодный нанозонд. Абсолютно, ничего, никаких повреждений! ЭКГ показала, что сердцебиение, будучи инициировано, имитирует нормальный рисунок открытия и закрытия ионных каналов, однако восходящая фаза длится десятые доли секунды. Какое-то безумие! Обычно счет идет на миллисекунды.

- А что насчет мозга?

- На энцефалограмме отображаются медленные, чрезвычайно низкоамплитудные колебания в значительной части мозга. Рисунок немного напоминает дельта-волны, наподобие тех, что возникают в глубоком сне. Визуализация метаболических процессов не показывает ничего, кроме базовой активности покоя, однако на гораздо более низком уровне, чем сон.

- То есть это что-то вроде комы?

Директор покачал головой.

- Это не похоже ни на что из того, что мне доводилось видеть. - Судя по всему, он был совершенно сбит с толку. - Анализы крови в основном находятся в пределах нормы, а те, что не в норме, не дают указаний на какой-либо обычный диагноз. Если отвлечься от чрезвычайно низкой дыхательной активности и частоты сердцебиения, обширной синхронизации волн мозга и неспособности самостоятельно регулировать температуру, можно было бы сказать, что пациенты готовы в любой момент встать и выйти из больницы.

Ничего удивительного, что СМИ окрестили их «спящими». Ни одна из их физиологических характеристик не имела соответствия в базах данных. Согласно официальным документам, этих людей просто не существовало; у них не было личностей. Их ДНК были необычными и содержали несколько странных, доселе неизвестных аллелей, а возможно, и парочку новых генов в придачу, но, не считая этого, они представляли собой вполне здоровые образцы человеческого генома - вот только ни один из восьми не был зарегистрирован в базах данных. Нет,

конечно, иногда случается, что время от времени кто-то проскальзывает сквозь сеть, но чтобы сразу восемь?

Я осмотрел небольшое помещение в подвале больницы, где были установлены восемь стеклянных капсул, по четыре с каждой стороны с проходом посередине. В шести коконах находились бледные нагие тела: трое мужчин и три женщины. Всем им на вид было лет тридцать, хотя трудно сказать наверняка. Тела были восковыми и безжизненными, бескровно-бледными и абсолютно неподвижными - не замечалось даже малейшего подъема и опускания грудной клетки. Однако коконы, снабженные системой регулирования среды, фиксировали сердцебиение, три удара в минуту, и потребление кислорода, хотя оно и составляло едва ли один процент от нормы обычного взрослого человека. Два кокона пустовали.

- У нас не Форт-Нокс, - проговорил директор больницы, пожимая плечами.

- Никто вас не обвиняет, - заверил я его. - Вы отлично потрудились, оборудуя эти системы жизнеобеспечения.

- Нам никогда не доводилось делать ничего подобного, но мы привыкли справляться с нестандартными ситуациями. У нас здесь единственный травматологический центр на всю округу; что бы ни произошло, это мы должны сообразить, как нужно действовать. Ну, и ученые тоже нам помогли. После того как новость разошлась, они повалили сюда толпами для всевозможных исследований.

- У вас есть какие-нибудь записи жизненных показателей двух пропавших пациентов?

Директор покачал головой.

- На момент инцидента, боюсь, никаких. Мы вначале не собирались постоянно фиксировать показания датчиков. Какие-то кусочки, обрывки данных сохранялись, если мы находили их интересными, но нам и в голову не приходило, что нужно записывать все подряд. Мне очень жаль, но мы ведь представления не имели о том, что может произойти. Сейчас мы перенастроили систему, и запись показателей с оставшихся тел ведется постоянно.

- Кто-нибудь следил за показаниями в тот момент, когда тела пропали?

- Да. Показания непрерывно передавались на сестринский пост на верхнем этаже. Прошлой ночью, когда исчезли тела, там дежурили две из моих лучших сестер. Они не замечали на мониторах ничего необычного, пока в одиннадцать часов не пропал сигнал с двух аппаратов. Один мужчина, одна женщина. Сестры решили, что отказало оборудование, и вызвали техподдержку.

- Вы уверены, что ни одна из камер наблюдения ничего не зафиксировала?

- Можете сами посмотреть записи. Ничего необычного, никаких следов ни двоих пропавших пациентов, ни охранника и санитаря, которых тоже не нашли. Что очень

странно, потому что единственный выход из подвала ведет через ту дверь, в которую мы вошли.

При входе я заметил камеру наблюдения, смонтированную на потолке над дверью.

- На видео записалось все до последней секунды? Перерывов нет?

- Насколько мы можем сказать, нет. Впрочем, это довольно скучное занятие. Почти вся запись не показывает ничего, кроме пустого коридора. - Директор потер подбородок. - Однако, возможно, что с записью действительно могли что-то сделать. Этот пропавший санитар... он неплохо разбирался во всякой технике.

Хуаррен Трей. Я посмотрел его досье. Смышленный парень, двадцать два года, год проучился в колледже, потом бросил. По словам преподавателей, казался «беспокойным». Запоем читал ужастики, смотрел треш. Однако вместе с тем он был помолвлен с помощницей администратора больницы - похоже, собирался остепениться.

Досье охранника я тоже просмотрел. Фрэнк Шелдан, шестьдесят три года, ждал выхода на пенсию. Проработал в больнице двадцать шесть лет, ни одного выговора. Финансовое положение нестабильное, но ничего серьезного.

Его жена была вне себя - говорила, что его, должно быть, похитили, потому что он никогда бы не исчез вот так, не оставив никакой весточки. Прочитав его файл, я был склонен с ней согласиться.

- Есть ли хоть какая-нибудь возможность, что пациенты могли пробудиться сами по себе? - спросил я директора.

- Вы, должно быть, наслушались По Уэффла.

- Признаю, его идеи выглядят неправдоподобными. Принимая во внимание, как уничтожены следы, больше всего это похоже на то, что тела были украдены. Однако все же я не исключаю вероятность, что пациенты пробудились сами и силой или подкупом выбрались из больницы.

- Да, они могли самопроизвольно пробудиться... или запрограммированы на это, но когда мы их разогревали, ничего подобного не произошло.

- Тем не менее По считает, что это возможно.

Директор окинул меня странным взглядом.

- Вы знаете, что жена По Уэффла ясновидящая?

- Что?

Он насмешливо встопорщил верхнюю губу.

- Медиум. Она утверждает, что разговаривает с духами усопших.

С этими словами он удалился, не оставляя мне ни малейшего сомнения относительно того, что он думает о жене По, а заодно и о самом По.

* * *

Солнце светило ярко, но с запада дул прохладный ветерок, и я застегнул пальто. Я стоял в полном одиночестве на крыше закусочной, расположенной через улицу от больницы, - место удобное и незаметное. Внизу сновал взад-вперед обеденный транспорт. Я произнес пароль, оповещая весь аппарат службы безопасности в округе о своем желании связаться со штаб-квартирой. Минутой позже я услышал голос босса, доносившийся из динамика, - я не мог его видеть, но, очевидно, он был каким-то образом прикреплен к смонтированной на крыше спутниковой тарелке. Вероятнее всего, в эту минуту телевизор в закусочной внезапно и таинственным образом стал хуже работать. Это означало, что у меня, возможно, было не так уж много времени до того, как рассерженный работник взберется сюда по лестнице, чтобы посмотреть, в чем проблема..

- Мне нужна команда ученых, - сказал я боссу.

- Одна команда уже работает над данными. Когда они придут к какому-нибудь заключению, о котором вам нужно знать, вас проинформируют.

Голос босса звучал пренебрежительно. Вероятно, он - или она - не одобрял поданное мной заявление, где я выражал намерение не возобновлять свой контракт. Было невозможно определить, что думает босс. В том, что касалось босса, было вообще невозможно что-либо определить; его настоящий голос маскировался под синтезированный, и кто знает, через сколько предохранительных устройств, каналов связи и спутников прошел мой сигнал, прежде чем в конце концов достиг точки назначения. На то, чтобы проследить все перенаправления, уйдет миллион лет.

- Мой следующий шаг, - объяснил я, - будет зависеть от того, что в действительности представляют собой эти «спящие».

- Вам следует исходить из допущения, что они являются несанкционированным генетическим экспериментом или миссией.

Именно поэтому они там все так и запрыгали. Наверху считали, что «спящие» - продукт генной инженерии, но никто не знал, кто их сделал и зачем. Как вам скажет любой, кто работает в госбезопасности, всегда следует предполагать худшее.

- «Спящие» могли активизироваться самопроизвольно.

- Такая возможность обсуждается. В этом случае вы должны проанализировать данные на предмет любой информации относительно пропавших «спящих», а также подозреваемых, которые исчезли вместе с ними.

Я знал, что под «данными» босс подразумевает показания тех миллиардов инструментов, которые мы понавтыкали в каждую щелку и закуток по всему миру. У меня были образцы ДНК двоих «спящих», и если такая ДНК будет зафиксирована хотя бы на одном датчике или зонде, отследить их несложно. Больница также снабдила меня несколькими фотографиями пропавших пациентов - впрочем, они были плохого разрешения, и глаза у фотографируемых были закрыты, что ограничивало возможность использования этих материалов. Прежде чем начинать поиск по эксбайтам данных с видеомониторов, я должен подвергнуть их некоторым цифровым усовершенствованиям. Все необходимые данные об охраннике с санитаром, разумеется, имелись в их досье.

Я услышал шаги на лестнице и, произнеся пароль для завершения связи, тронулся к двери.

Работник закуской вышел оттуда как раз в тот момент, когда я собрался входить. Он глянул на мой значок, и гневная отповедь замерла у него на губах, не успев с них сорваться.

Вернувшись в больницу, я намеревался сразу же реквизировать широкополосный канал связи и начать масштабный компьютерный поиск по данным датчиков. О пропавших охраннике и санитаре не было ничего слышно, но теперь, когда у меня имелись образцы ДНК «спящих», я мог включить в список и их.

После пятиминутной прогулки я добрался до парковки, и тут зажужжал коммуникатор. Звонила Кларисса Жарден.

- Лучше вам вернуться как можно скорее, - сказала она.

- Какие-нибудь новости?

- По Уэффл. - В ее голосе звучали нотки отвращения. - Кажется, на этот раз он действительно слетел с катушек.

* * *

Работа в госбезопасности - такое дело, в которое ввязываешься, потому что ты еще слишком молод, чтобы понять, во что влипаешь. И хотя такие вещи, как честь мундира, уже давно перестали иметь для меня значение, я оставался в должности еще лет десять и сделал много хорошего.

Помните ту угрозу наночумы в Лос-Анджелесе шесть лет назад? Этот эксперимент не был повторен только потому, что мы с моими коллегами вовремя нашли террориста. Нам пришлось прибегнуть к грязным методам, но это был единственный способ спасти одиннадцать миллионов жизней. После того как

небольшие группы и даже отдельные люди получили возможность без труда приобретать оружие катастрофической разрушительной силы, для выживания цивилизации стала необходима жесткая зацикленность на секретности. Одноединственное мгновение, когда ты доверился не тому, кому нужно, - и миллионам людей можно сказать «пока».

Такая высокая степень защиты имеет кучу недостатков; никто не знает об этом лучше, чем сами агенты безопасности. Всеми твоими мыслями владеет сомнение. При встрече с новым человеком первое, о чем ты думаешь: «Что он может скрывать?».

Вот, например, Кларисса. Она ждала меня при входе в больницу и тут же принялась изливать раздражение по поводу диких идей По. Тот якобы заявил, что обнаружил некое излучение, посредством которого были «оживлены» двое пропавших пациентов.

Я слушал ее, но лишь вполуха. Остальная часть моего внимания была занята вопросом: с какой стати знающему, одаренному ученому с такой язвительностью нападать на своего коллегу? Зависть? Возможно. Однако судя по ее досье, она выбрала свою карьеру сама - ей никто не мешал играть с большими мальчиками, но она решила остаться поближе к дому. Это говорило о совсем другом типе человека, чем тот, который я видел перед собой. Мне рисовался характер скептический, но в конструктивном, матриархальном смысле. Однако по тому, как Кларисса действовала, ее скорее можно было отнести к типу бойца высшей лиги, пробивающегося к славе и достатку по головам всех, кто с ней в чем-то не согласен.

- Несомненно, даже тот, кто не получил практически никакого научного образования, - говорила Кларисса, явно имея в виду кого-нибудь типа меня, - должен понять, что По только уводит дело в сторону, отнимая время и ресурсы от действительно насущной проблемы.

- Конечно, - отозвался я. - Увидеть это так же легко, как лицо Эндрю Джексона на горе Рашмор.

- Вот именно. Так значит, вы что-нибудь с этим сделаете?

- Я поговорю с ним.

Кларисса уставилась на меня. Выражение свидетельствовало, что она считает меня слишком мягкотелым для этой работы. Мы расстались в коридоре; она хмурилась и качала головой.

«Обмана сеть, начав с петли, прострется до краев земли...»^{*22} Звучит громко, но

---

²² * Цитата из поэмы В. Скотта «Мармион». Эти же строчки в переводе В.П.Бетаки звучат так: «Да, видно, тот, кто начал лгать, Не обойдется ложью»

эта старая поговорка как-то выпадает из памяти, когда у тебя за спиной целое правительство, готовое поддержать любую ложь, которую тебе захочется сплести. Я говорю, а правительство делает так, что это становится правдой. Или похожим на правду. Здорово, да? Однако ничего здорового тут нет. Хотел бы я быть одним из тех людей, чья правда не столь эластична.

Тем не менее к этим волшебным превращениям лжи в правду быстро привыкаешь. Вот, например, Кларисса. Мне надо было соблюдать осторожность. Она была не той, за кого себя выдавала, а значит - либо враг, либо коллега. Я полагал, что скорее коллега. Сказать наверняка было трудно: правительство охраняло списки своих агентов с повышенной тщательностью, однако плохие парни чаще всего не жалели времени, чтобы вызубрить то, что должны были знать согласно своей легенде. Правительственные кадры, с другой стороны, иногда позволяли себе поддаться слабости, и в нашем случае Кларисса допустила ошибку: как бы ловко правительство ни подгоняло данные, оно не могло изменить лица на горе Рашмор. Если человек говорит, что он родом из Рэпид-Сити, то должен знать, чье лицо есть на горе Рашмор, а кого там нет.

* * *

Я нашел По в подвале. Окруженный свитой лаборантов и других специалистов он листал какие-то графики, изображавшие волнистую кривую - похоже, это была энцефалограмма, запись волн мозга. Время от времени он обводил что-то на диаграмме красным карандашом.

Толпа расступилась, и я прошел внутрь. С минуту я глядел через его плечо. Из приглушенных переговоров собравшихся я понял, что эти данные каким-то образом относились к пропавшим пациентам приблизительно на момент их исчезновения, хотя директор и уверял меня, что никаких записей не делалось. Я спросил По, что это за график.

- Это не медицинская диаграмма, - ответил он. - Распечатка показаний датчика, вмонтированного в оборудование наблюдения за «спящими». Датчик должен был отслеживать работу прибора, однако я адаптировал данные так, чтобы их можно было использовать для другой цели.

- И интерпретировали их, - добавил скептический голос.

- Вот именно, - отозвался По, не поднимая головы. - И судя по ним, эти существа не люди.

малой». (Здесь и далее прим. перев.)

Молодежь пожирала его восхищенными взглядами. Более пожилые ученые стояли, скрестив руки на груди, и поглядывали на него настороженно.

Многие считали, что «спящие» генетически модифицированы, по крайней мере слегка, однако По, кажется, говорил о чем-то другом.

- Вы хотите сказать, что они прилетели из космоса? И потом залегли в спячку в южнодакотских Бедлендах?

- Тела ниоткуда не прилетали, - сказал По, обводя кружком еще один отрезок диаграммы и переходя к следующему. - А вот существа, которые их в настоящий момент населяют, напротив, определенно явились к нам из космоса.

Те, кто до этих пор посматривал на По настороженно, принялись закрывать глаза к потолку. Обведя еще один кусок кривой, По отложил график и поглядел на меня. Я сохранял нейтральное выражение лица.

- Я считаю, - сказал он, - что этот график может представлять собой запись наведенных магнитных помех. Допустим, побочный эффект переноса на новое место некоей весьма специфической формы жизни и ее внедрения в эти тела.

- В два из них, - предположил я. - Что и послужило причиной их пробуждения.

- Совершенно верно.

- И как, по-вашему, выглядит эта гипотетическая жизненная форма? Что-то вроде излучения?

По лицу По проскользнуло мимолетное выражение уважения.

- Может быть... а может, и нет. Но это хорошая аналогия. Такая же, какую использовал бы я сам.

Я окинул взглядом помещение. Шестеро оставшихся «спящих» пребывали в своих коконах, с виду совершенно безжизненные, если не считать контрольных экранов, на которых отображались их вялые жизненные параметры. Молодые ученые и лаборанты сгрудились вокруг По Уэффла, боясь упустить хоть слово из того, что он говорил. Более пожилые, наоборот, отступили подальше, словно беспокоились, что ересь По может оказаться заразной.

- Представьте себе атом, - продолжал По. - Это собрание частиц - электронов, протонов и нейтронов. Это система. Атомы испускают излучение, когда электроны переходят с высокого энергетического уровня на более низкий, и поглощают излучение в противоположном случае. Почему бы не предположить, что системы взаимодействующих клеток, таких как нейроны, тоже могут быть способны на нечто подобное?

Я пытался следить за нитью его рассуждений.

- Вы хотите сказать, что им в мозг что-то проникло?

- По существу - да. Я думаю, это нечто вроде мыслительной энергии. Это хорошо

согласуется с одной задачей, над которой я некоторое время работал и размышлял. В физике уже давно установлен закон сохранения энергии: суммируйте всю энергию до и после события, и результаты должны совпасть. Если они не совпадают, это означает, что где-то есть скрытый источник энергии, о котором мы не знаем. Теперь подумайте над теми аспектами человеческого мозга, которые касаются сознания. Сознание никогда не включалось в физические уравнения, даже несмотря на то что в соответствии с определенными интерпретациями квантовой механики оно, по-видимому, играет важную роль: сам акт наблюдения, совершение измерений меняет вероятность волновой функции. Редуцирует вероятность до единицы, как иногда говорят физики. Так вот, мне кажется, что если включить сознание в уравнения, суммы энергий не будут совпадать.

- Сколько энергии может генерировать мозг?

- Зависит от того, как посмотреть: именно эта проблема меня и интересует. В терминах электрической энергии мозг вырабатывает сущие крохи - несколько ватт. Очень тусклая лампочка. Однако в этом нет большого смысла, если вспомнить, что мозг дает людям возможность создавать технологии и промышленность, которые способны двигать горы. Человеку приходит в голову блестящая идея - и внезапно проблема решена: гору можно передвинуть, барьер - преодолеть. Идея создает или сберегает огромное количество времени и энергии. И тем не менее она родилась из какой-то пары ватт. Уравнение не сходится!

Молодые ученые зачарованно внимали. Гипнотическое влияние По действовало и на меня.

- То есть вы хотите сказать, что существует некий вид энергии... скажем, сознательная энергия... которая уравнивает баланс?

По кивнул.

- Это как потенциальная энергия, которая может быть преобразована в другие виды энергии - в решение проблем, передвижение гор и так далее. Она существует как часть нервной системы человека. Может быть, и в других сложных нервных системах тоже. И если она существует...

По помолчал, собираясь с мыслями.

- Если она существует, - наконец сказал он., - я считаю, что она может быть преобразована во всевозможные виды энергии. Например, в излучение, а точнее, в некий аналог электромагнитного излучения. У меня нет никаких доказательств того, что такое излучение существует, но одно лишь то, что мы никогда подобного не фиксировали, его не отменяет. Мы не знали, что свет является лишь диапазоном электромагнитного спектра, до тех пор пока Максвелл не выдвинул свою теорию, а

Герц не подтвердил ее в конце девятнадцатого века.

Кто-то в конце комнаты громко фыркнул:

- Кажется, По считает, что он Джеймс Клерк Максвелл!

Замечание, рожденное завистью. Я ждал, пока появятся более конструктивные возражения. Они не заставили себя ждать.

- Каким образом это излучение могло изменить рисунок диаграммы? - спросил кто-то.

- Я не думаю, что это было излучение само по себе; я полагаю, что рисунок изменился в результате поглощения этой энергии, или излучения, мозгами двух «спящих». Предполагаю, что поглощение, или впуск, этой энергии включает в себя какого-то рода перераспределение молекул. Это чистые домыслы, но предположение выглядит вполне вероятным. И если это поглощение - и оживление, если хотите, - перераспределило в мозге какую-то часть молекул или молекулярных структур, то потенциально допустимо, что процесс слегка видоизменил магнитные свойства мозга. Так часто происходит, когда электрически активные компоненты меняют форму или конфигурацию. Поэтому я принялся исследовать коконы двух пропавших пациентов. И хотя данные, выводившиеся на мониторы, не записывались, я обнаружил датчик, фиксирующий некоторые из внутренних напряжений кокона.

- Это и была диаграмма, которую вы рассматривали? - спросил я.

По кивнул.

- Изменение магнитных полей, сопутствующее - гипотетически - поглощению энергии, могло породить в аппарате паразитные напряжения, которые должны были вызвать отклонения на диаграмме. Незадолго до того, как побег двоих «спящих» был обнаружен, график напряжений в коконах регистрирует серию весьма примечательных колебаний. Мое предположение - это побочные эффекты поглощения энергии.

Из гомона, вызванного заявлением По, выделился скептический голос:

- Если верно то, что вы говорите, - значит, нейробиологи все это время не понимали, что такое мозг. По мнению нейробиологов, сознание является результатом определенного рода электрохимических процессов и ритмов в мозгу, а отнюдь не какой-то молекулярной перестройки.

- Я не ставлю знак равенства между молекулярной перестройкой и сознанием. Я всего лишь предполагаю, что она является частью мыслительного процесса - который, замечу, до сих пор окутан завесой тайны. Электрохимическая активность играет ключевую роль в возникновении сознательных мыслей, но она может быть не единственным процессом, ответственным за него. Возможно, для этого также

необходимы определенные конфигурации в структуре мозга. И есть вероятность, что изменение конфигурации или геометрии молекул сопутствует выделению или поглощению мыслительной энергии.

Скептики начали терять терпение.

- И как эта мыслительная энергия распространяется? Может быть, вы хотите возродить древнее представление о светоносном эфире, только проводящем не свет, а мысли? Мысленосный эфир, что-то в этом роде?

С дальнего конца комнаты послышались презрительные смешки, однако По это не обескуражило.

- Хороший термин! Вы не против, если я его использую?

Я восхищался спокойствием По перед лицом агрессивной, язвительной критики. Как и Кларисса, он был здесь не на месте.

Словно почувствовав мой взгляд, По внезапно посмотрел на меня.

- Вот такова моя теория, мистер Мэтерс, относительно того, как этим двоим «спящим» удалось проснуться и исчезнуть, предположительно прихватив с собой охранника и санитара для пущей конспирации, - так, что ваши вездесущие датчики не зафиксировали никаких следов вторжения.

* * *

Я провел остаток дня, просеивая тонны данных на передвижном командном пункте в сверхзвуковом транспортном самолете, стоящем в охраняемой зоне аэродрома. Вначале я ограничил область поиска радиусом в пятьдесят миль вокруг больницы и произвел выборочную проверку. Никаких результатов. Меня беспокоила теория По. Что, если в этих существах - «спящих» - действительно скрывается некий незнакомый интеллект?

Мысль неожиданная, пугающая, почти невероятная. Мыслительная энергия? Интеллектуальное излучение? Для меня все это звучало какой-то квазинаучной тарабарщиной. Однако сам По, кажется, верил в то, что говорил. Если он прав, то мы имели перед собой кошмар любого агента госбезопасности, один из худших возможных сценариев. Много ли может быть шансов на успех при охоте на кого-то или что-то, чьи поведенческие стереотипы представляют собой абсолютную загадку?

Я расширил поиск, включив в него некоторые из самых крупных городов Среднего Запада. Возможный кандидат подвернулся в Чикаго: этим утром несколько камер уличного наблюдения зафиксировали лицо мужчины, который мог

оказаться нашим «спящим». Программа анализа изображений выдала семидесятипроцентную вероятность сходства. Такую же вероятность компьютер указал для фотографий женщины, сделанных речной камерой в Сент-Луисе. Я позвонил боссу, который тут же отправил в эти города сигнал о чрезвычайной ситуации. Скоро поднятые по тревоге агенты наводнят улицы, а команда наблюдения примется шерстить все имеющиеся данные до последнего байта.

Вечером я получил сообщение первостепенной важности из лаборатории в городе Бетесда, штат Мэриленд. Я настоял, чтобы у каждого, кто имел дело со «спящими» или посещал подвальный этаж, были взяты образцы ДНК - у всех без исключения, включая исследователей и врачей. Можете назвать это паранойей, но я не хотел рисковать. В Бетесде провели анализ, проверяя, не содержат ли какие-нибудь из цепочек ДНК те же генетические отклонения, что и у «спящих». Если двое пациентов могли очнуться, встать и пойти гулять, как ни в чем не бывало, почему бы и другим не последовать их примеру?

Однако отчет сообщил отрицательные результаты - соответствий не было.

Тем не менее меня продолжало грызть беспокойство. Кто или что такое эти «спящие»? Откуда они взялись? Из космоса, как предполагал По Уэффл? Действительно ли эти тела - всего лишь удобное вместилище для гипотетической мыслительной энергии? Но что им понадобилось здесь? И не появлялись ли они у нас и прежде? Пустовавшие ячейки в пещере заставляли предположить, что появлялись. Кем или чем бы эти существа ни оказались, вполне возможно, что это не первый их визит. Уж слишком хорошо все спланировано и обустроено - все эти тела, запрятанные про запас в пустынной местности до какого-то нужного момента. Вполне возможно, что подобные ситуации повторяются регулярно.

От этой мысли по моей спине прошла холодная дрожь. Сколько этих тварей разгуливает на свободе? Чем они занимаются? Глубоко ли они проникли в правительство? Как знать, насколько они внедрились - если внедрились - в процессы принятия решений в моей стране и в других державах. Я ведь не знал даже, кто мой босс.

Одного взгляда на список блюд, предлагаемых больничной столовой, хватило, чтобы я потащился обратно в закусочную через улицу. Впрочем, аппетит все равно меня покинул.

Около восьми часов я неожиданно для себя оказался перед дверью маленького кабинета, который больница отвела По Уэффлу. Он сидел за своим письменным столом, корпя над какими-то бумагами. Подняв голову и увидев, что я топчусь возле порога, он спросил:

- Есть новости?

Я покачал головой. Пока что я не был готов доверять По и потому не стал упоминать о том, что «спящих», возможно, засекли в Чикаго и Сент-Луисе.

- Насколько я понимаю, моя теория вас обеспокоила, - сказал По. Он помахал рукой, приглашая меня в кабинет. Я вошел и уселся на хлипкий стульчик возле письменного стола. - Если это может послужить вам утешением: основная часть научного сообщества питает на ее счет серьезные сомнения... и это еще мягко сказано.

- Эти пришельцы... они паразиты?

- Гипотетические пришельцы. И я пока не знаю, как их классифицировать. Но если они действительно существуют, то, по всей видимости, им время от времени требуется телесное обиталище. Впрочем, «паразиты» может быть верным термином, а может, и нет.

- Даже если ваши теории неверны, мы знаем, что они могут впасть в спячку.

- Тела, вы имеете в виду. Тела могут быть человеческими, возможно, клонированными и модифицированными...

- Вряд ли. Если бы они были клонированы, оригиналы имелись бы в базах данных.

По откинулся на спинку стула.

- Полагаю, вы правы. Об этом я не подумал.

- А они не могут... - Я безуспешно пытался облечь свой вопрос в слова; По терпеливо ждал. - Могут ли они оказаться заразными для людей? Я имею в виду - немодифицированных людей?

Он пожал плечами.

- Здесь я могу лишь гадать, как и вы. И опять же употребляемый вами термин слишком насыщен значениями - я не уверен, что слово «заразный» правильно описывает ситуацию. Позвольте напомнить еще раз: все это лишь гипотезы. Я набросал сценарий, какие-то свои предположения, подкрепленные только моей же интерпретацией кучки кривых на диаграмме напряжений двух коконов.

- Но в других коконах такого не было.

- Верно, - кивнул По. - Однако заходить дальше этого сценария, вдаваться в детали относительно того, кем или чем являются эти существа, в описания их различных характеристик на данном этапе - значит, лишь строить догадки. - Он постучал по тонкому экрану устройства для чтения и записи на своем столе. - К тому же все оказывается гораздо запутаннее, чем мне поначалу представлялось. Эти ритмы на графиках... они потрясающе сложные. Я даже обнаружил вложенные ритмы, почти фракталы. Эти волны распадаются на множество подструктур.

- И что это значит?

- Это все, что я могу сказать, Марлон. Я понятия не имею, что это значит.

Похоже, По сам начинал сомневаться в своей теории. Я не мог сказать, радовало меня это или нет. Я сменил тему и спросил его насчет Клариссы. Вопрос на мгновение сбил его с толку.

- Что я знаю о Клариссе? - Он подумал. - Да в общем-то ничего. Я никогда о ней не слышал до того, как приехал сюда: но в этом нет ничего удивительного, она не так уж много публиковалась. Полагаю, ее пригласили изучать этот феномен, потому что она талантлива, потому что тема связана с ее специальностью... ну, и потому что оказалась поблизости.

- Она вам нравится?

По лицу По пробежала легкая усмешка.

- Насколько я понимаю, вас интересует, нет ли у меня к ней претензий из-за того, что она стала одним из моих самых громогласных критиков. Нет, меня это несколько не раздражает. Фактически, она оказывает мне услугу. То же можно сказать обо всех моих критиках - а я уверяю вас, Кларисса далеко не единственная, и даже отнюдь не самая язвительная среди них.

- Какую услугу?

- Когда я могу ответить на возражения своих самых твердолобых критиков, я становлюсь гораздо увереннее в собственных идеях. Теории для их создателей почти как дети: когда тебе в голову приходит оригинальная идея, как правило, ты слишком вовлечен, слишком близок к ней, чтобы оценить ее должным образом.

- Но что если они так и не примут ваши ответы, даже после того как вы сами уверитесь в том, что правы?

- Тогда это их проблема. Истина не зависит от того, сколько человек в нее верят.

Такой ответ показался мне несерьезным.

- Но ведь ваша научная репутация и возможности финансирования зависят от того, что думают о вас коллеги.

- До определенной степени. Но после того как ты оказался прав относительно нескольких вещей и доказал это к удовлетворению большинства широко мыслящих людей, беспокоиться уже незачем. - По снова блеснул мимолетной улыбкой. - Ты можешь быть «гадким утенком» и, несмотря на это, делать успешную карьеру, до тех пор пока не слишком перегибашь палку.

- А ваша жена?

И снова вопрос поверг По в замешательство - как я и намеревался. Впрочем, он быстро оправился, и лишь малейший след раздражения остался в его голосе.

- Ну да, я вижу, вы уже слышали о ней. Она не перегибает палку; да она ведь и не ученый. Честно признаюсь, я не верю во многое из того, что она говорит. То есть

я верю в то, что она говорит искренне, но не думаю, что ее интерпретация некоторых вещей является корректным описанием реальности. Однако, несмотря на это, я ее люблю. Есть в этом смысл? По-видимому нет, по крайней мере для некоторых людей; однако тем не менее это так.

Для меня в этом был смысл. Я подумал о моей собственной ситуации. Уже больше года я хотел спросить у Сары, выйдет ли она за меня замуж, но снова и снова продолжал откладывать этот вопрос. Сара знала совсем другого человека - вымышленную личность, подлинность которой была подтверждена моими нанимателями. По окончании срока моего контракта, если бы я этого потребовал, правительство - предположительно - обязано сделать эту личность постоянной. Тогда я смог бы стать Арленом Рейерсом, независимым консультантом. По-настоящему.

Однако как знать, что сказала бы Сара, если бы узнала, кто я на самом деле.

И здесь возникал следующий вопрос: а собственно, кто я на самом деле?

Рано или поздно это тебя достает - все это вынюхивание, вся эта ложь, все эти шпионские хитрости. Ты больше не знаешь, кто ты такой. Иногда ты не понимаешь даже, существуешь ли на самом деле. Ты не уверен, есть ли хоть что-нибудь на самом деле. Все вокруг приобретает ощущение хрупкости, паутинности; один хороший рывок - и все, что ты считал знакомым, распадается на части. Может быть, поэтому я и принимал теории По так близко к сердцу: они затрагивали все основы - на уровне, лежащем глубоко под поверхностью.

Одно я знал наверняка: мне нужно уходить с этой работы.

Мой коммуникатор заужжал особым образом: три коротких гудка, потом три длинных и опять три коротких - что означало срочный вызов. Я попрощался и поспешил укрыться в смотровом кабинете, чтобы ответить.

Новости были хорошими: местная полиция отыскала пропавших охранника и санитара, оба живы и невредимы.

К следующему утру наши люди уже добились передачи двоих подозреваемых. Чтобы избежать осложнений, мы забрали их из окружной тюрьмы и поместили в офисном центре, часть которого арендовало правительство.

Когда я вошел в кабинет, над пленниками нависали четверо широкоплечих верзил. Охранник и санитар, привязанные к офисным креслам с отломанными колесиками, смотрели на них снизу вверх и протестовали, заявляя о своей невиновности. Комната была маленькая и без окон; воздух спертый, в нем висел всепоглощающий запах страха, исходящий от двоих подозреваемых.

Я велел допрашивающим ждать снаружи, пока они мне не понадобятся. Они вышли, на прощание окинув подозреваемых мрачными взглядами. Когда дверь

закрылась, я улыбнулся, присел на край стоявшего перед стульями складного столика и произнес:

- Итак, что же произошло?

Я уже знал, что произошло, но хотел услышать рассказ из первых рук. Лицо Шелдана, старика-охранника, было землистым, но он казался более спокойным. Трей, молодой санитар, выглядел перепуганным до смерти.

- Мужчина навалился на меня, - сказал охранник. - Сильный и быстрый. Но потом отпустил. Я пообещал ему... Пообещал, что не стану вмешиваться.

- Не станете вмешиваться во что?

- В то, что им надо было сделать, - сказал санитар.

Его относительно твердый голос удивил меня. Из его глаз не ушло испуганное выражение, но в остальном он казался спокойным.

- И что же это?

Но санитар с охранником покачали головами. Оба заявили, что не имеют об этом никакого понятия.

Я вытянул из них остаток истории, и то, что они рассказали, соответствовало тому, что они ранее сообщили полиции. Двое «спящих» обращались с ними хорошо, пообещали, что их щедро наградят в случае, если «все получится». Суть операции им не раскрывали, но технически подкованный санитар помог «спящим» выбраться из больницы так, чтобы не сработали сигналы тревоги. Он также просветил их насчет датчиков госбезопасности, хотя после короткой серии вопросов я пришел к заключению, что мистер Трей не настолько осведомлен о последних правительственных методах наблюдения, как полагал он сам.

Тем не менее пока что сбежавшим пациентам удавалось скрываться вполне успешно - мы их так и не нашли. Помимо всего прочего, рассказанное Треем и Шелданом указывало, что «спящие» проснулись сами по себе, как и предполагал По.

«Спящие» заперли охранника и санитаря в редко используемом складском помещении недалеко от больницы. Они оставили вдоволь пищи и воды, несколько устройств для чтения - односторонних, чтобы их нельзя было использовать для связи, - монитор, подключенный к телевизионным каналам, два матраса и одеяла, а также переносной туалет с воздухоочистительным устройством. Все, что только душа пожелает. Когда полицейские их нашли, припасов оставалось еще предостаточно: либо «спящие» были действительно щедры, либо они рассчитывали на то, что охранник с санитаром просидят взаперти гораздо дольше. Однако складской инспектор обнаружил их, заметив замок на помещении, где его не должно быть, и услышав звук работающего внутри телевизора. Он решил, что в

помещении склада кто-то нелегально поселился.

Шелдан и Трей рассказали полицейским, что «спящие» говорили на чистом английском языке и казались абсолютно нормальными во всем, за исключением одного аспекта.

- Они, черт побери, умеют убеждать, - повторял Фрэнк Шелдан. Его старческие усталые глаза, не отрываясь, вглядывались в мое лицо. - Ей-богу, мистер! Если бы вы поговорили с ними сами, то сказали бы то же самое. Они уверили нас, что никому не причинят вреда; мол, они никогда никому не причиняли вреда. У них были какие-то неприятности. Большие неприятности. Я не знаю какие и не ведаю, кто они и откуда, но чувствую, что не лгали.

И я знал, что охранник тоже не лжет. Я пришел к выводу, что оба подозреваемых рассказали все настолько правдиво, насколько могли. Я не имел права распорядиться отпустить подозреваемых, но рекомендовал допросчикам подыскать себе другое занятие.

Мой доклад боссу не вселял надежд. Если «спящие» могли где угодно получить помощь с такой же легкостью, как они это сделали в больнице, то отыскать их будет чрезвычайно трудно. Впрочем, если верить, что они действительно не хотят причинять вред, то возможно, нам вовсе незачем тревожиться.

Босс, однако, не желал смотреть на ситуацию оптимистически. Это не тот подход, который усваиваешь, когда работаешь в органах безопасности.

- Я не говорю, что не верю, будто они не хотят вреда, - объяснял я. - Это просто одна из возможностей.

- Это возможность, которую мы должны отбросить до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Голос босса доносился из лампы на потолке комнаты отдыха в том же офисном центре. Кому-нибудь, наверное, это могло показаться забавным.

- Жмите на По, - велел мне босс.

- Я жму.

- Сильнее. Нам нужны более удачные идеи. И еще одно: оставьте в покое Клариссу Жарден.

Значит, она была из наших, как я и подозревал. Должно быть, тот, кто следил за моими действиями или читал распечатки моих разговоров, заметил, что я подкапываюсь под нее.

- И последнее, - сказал босс. - Почему вы отпустили допросную команду? Они говорят, что могли бы узнать у подозреваемых больше.

- Они ошибаются.

- Всегда можно узнать немного больше.

Это верно. Немного больше можно узнать всегда. Но я-то имел в виду, что мы получили всю информацию, которая была нам полезна. С какой стати босс оспаривает мои решения? В последнее время он делал это все чаще.

- Я возражаю против возобновления допроса, - твердо сказал я. - У меня есть все факты, необходимые в настоящее время. - Окончательное решение принадлежало мне как главе оперативной бригады, работающей по этому делу. Боссу придется смириться с этим.

Босс невозмутимо дал отбой, но как мне показалось, в его тоне проскользнуло раздражение.

Я понимал озабоченность начальства. Им платили за то, чтобы они беспокоились, а поводов для беспокойства пока что оставалось немало. Если события будут разворачиваться по наихудшему сценарию, у нас могут возникнуть серьезные проблемы. Даже если По в чем-то ошибается, эти «спящие» - весьма специфические люди (или, по крайней мере, существа). Мы знаем, что они могут впадать в спячку, а что еще они могут?

И, возможно, более важный вопрос: чего еще они хотят?

* * *

В полдень я вернулся в больницу, проведая шестерых оставшихся «спящих» - их состояние не изменилось. На пути к временному кабинету По я столкнулся с Клариссой:

- Есть новости? - спросила она, остро взглянув на меня.

Это проверка? Чтобы посмотреть, что я расскажу, а что нет? В глазах Клариссы поблескивал огонек, говоривший: она уже знала все, что я успел сделать в связи с этим заданием. Вероятно, она была из начальства, хотя непостижимая иерархия госбезопасности не позволяла мне выяснить, так ли это.

- Ничего существенного в том, что касается охранника и санитаря, - ответил я. - Судя по всему, они добровольно помогали «спящим».

- Собираетесь поговорить об этом с По?

Я кивнул.

Кларисса с бледной улыбкой двинулась прочь.

Я вошел в кабинет По, который, несомненно, был поставлен на прослушку. И мой босс наверняка знал о том, что я это знаю.

Как обычно, По сидел, сгорбившись над экраном, анализируя какую-то диаграмму или таблицу. Я плюхнулся на стул около его стола. Он поднял голову, по-видимому,

слегка удивленный или озадаченный моим присутствием, но тут же вернулся к своим данным. Он просматривал графики, время от времени произнося «дальше», перед тем как перейти к следующему.

По игнорировал меня на протяжении пяти минут. Я терпеливо ждал, ничего не говоря. В конце концов он взглянул на меня.

- Я обнаружил новые генетические аномалии в ДНК «спящих», - произнес он без вступления. - Гомеостатические гены (это ключевой набор генов, который у большинства видов на земле регулирует развитие эмбриона) у «спящих» видоизменены и перестроены. Не сомневаюсь, что их конфигурация в ДНК «спящих» должна ускорять развитие. Я запустил тестовую модель, чтобы проверить идею, и хотя процесс еще не завершен, у меня почти нет сомнений, что я прав.

- То есть этим телам не должно понадобиться много времени, чтобы развиться в какой-либо оболочке, имитирующей матку?

- Вот именно.

- Значит, их производят на заказ.

По лишь пожал плечами.

Я рассказал ему об охраннике с санитаром.

- Что вы думаете об их поведении? - спросил я.

- Это несомненно интересно, но я не уверен, как подобное можно интерпретировать. Если вас интересует, что мы способны сказать об умственных способностях и интеллекте «спящих», исходя из их генов, боюсь, ответ вас разочарует: не так уж много. Пока что не найдено достаточно связей между генами и сложными поведенческими чертами и особенностями, такими, например, как интеллект. Способности к убеждению, проявленные «спящими», заслуживают внимания как черта характера, однако данные слишком ненадежны. Могу высказать встречную гипотезу: доверчивость или восприимчивость охранника с санитаром оказались выше нормы.

- Возможно, но я в этом сомневаюсь.

По знал, что я разговаривал с ними, и по-видимому, был готов положиться на мое заключение.

- А что насчет их сознания? - спросил я. - Вы по-прежнему считаете, что произошел... перенос?

- Это остается наиболее вероятной гипотезой.

- То есть оно может проникать им в мозг и выходить обратно?

- Вполне уместное предположение.

- Но что происходит с сознанием существа после того, как эта энергия, или

излучение, или что бы это ни было, выходит оттуда? Я хочу сказать - что происходит с его мозгом? Что-то вроде клонирования?

- Вы спрашиваете, остается ли что-то у него в мозгу?

- Да. И что там было прежде?

По откинулся на спинку.

- Хорошие вопросы. На данном этапе мы можем только высказывать догадки. Возможно, там не было ничего - никакой сознательной мысли, - ни до поглощения мыслительного излучения, ни после его испускания.

- Но вы же наблюдали у них электрическую активность мозга? И ритмы?

Он пожал плечами.

- Ну и что? Они хоть и необходимы для существования сознания, но далеко не всегда достаточны.

- Но если так... - Я подумал о том, что это означает для людей.

- Это далеко не обязательно относится к нам, - сказал По, уловив ход моих мыслей. - «Спящие» были модифицированы способами, которые мы пока очень мало понимаем. Наш мозг может работать совсем иначе.

- Но что, если нет? Или если разница не имеет значения? А вдруг мы можем быть потенциальными носителями?

- Это захватывающая мысль, и не за гранью возможного. Однако пока у нас нет свидетельств в пользу подобного утверждения.

- Может быть, эти существа представляют собой то, что мы привыкли называть душами? - произнес женский голос.

Я резко повернулся, едва не упав со стула. Разговор с По настолько меня захватил, что я не заметил, как на пороге открытой двери появился новый собеседник.

По, впрочем, ничуть не удивился.

- Марлон, это моя жена Кристал. Она прилетела прошлой ночью, после того как стало ясно, что я останусь здесь дольше, чем предполагал.

Он представил меня как специалиста по безопасности государственного бюджета.

На первый взгляд она казалась бесцветной, даже слегка скучноватой: темные волосы до плеч и симпатичное лицо, которое я, однако, не назвал бы красивым. Но в ее прямой манере держаться и безмятежном выражении лица была тихая уверенность, которая ей невероятно шла. Мне доводилось встречать множество робких фиалок и невыносимых мегер, однако редкие женщины оказывались настолько удачной серединой между этими двумя крайностями. Сара, моя подруга, была скорее робкой фиалкой, но с характером, который потихоньку подталкивал ее

к противоположному краю спектра. Здесь же - центральное положение среди средних значений, однако со значительным стандартным отклонением. Теперь я знал, за что По любит свою жену.

Она шагнула к столу и вложила ладонь в руку По. Они казались счастливой парой, даже несмотря на морщины, избородившие лоб По, когда он переспросил:

- Душами?

Кристал улыбнулась и что-то ответила. Они заговорили об ангелах и духах, но я не слушал: меня снедала зависть. Возможно, это и означает быть счастливым - понимать, кто ты такой. Возможно, ты просто не можешь принять себя таким, как есть, если не знаешь, кто этот человек.

Я вспомнил того человека, которым был прежде, - во всяком случае того, кем родился, хотя я уже давно им не был. Рекс Кимболл. У него оказалось сложное детство, послужившее причиной того, что он был не против порвать контакт со своей семьей после вступления в ряды госбезопасности и с тех пор работать как заведенный, пробиваясь вверх по карьерной лестнице. Его родители развелись, когда ему было три года; воспоминания об отце были туманными и отрывочными. Его отчим оказался хорошим человеком, но он развелся с матерью Рекса, когда тому стукнуло двенадцать. После этого Рекс переехал жить к нему, вместо того чтобы оставаться с матерью, которая поступила на лечение в реабилитационный центр, да так там и осталась.

У отчима, который стал его опекуном и часто заговаривал о том, чтобы его усыновить, вскоре завязались отношения с другой женщиной, у которой уже было трое своих детей, и ее вовсе не радовала перспектива брать на себя ответственность за кого-то еще. Биологически Рекс не был связан ни с кем из своей «семьи» и чаще всего чувствовал себя неприкаянным чужаком.

Я не так уж часто вспоминал Рекса Кимболла.

По и Кристал знали себя, знали друг друга, и несмотря на все свои различия, все свои причуды и пунктики, они вполне друг друга устраивали.

Оба смотрели на меня, словно ждали, чтобы я что-нибудь сказал, когда мой коммуникатор разразился своим безжалостным жужжанием. Я извинился и вышел в смотровой кабинет.

Сбежавшего «спящего» нашли. Однако вряд ли он мог нам многое рассказать. Он был мертв.

* * *

На то, чтобы вырвать тело из лап судмедэкспертов графства Кук, ушло несколько часов. Я прибыл сверхзвуковым самолетом как раз к тому моменту, когда местный агент безопасности уже начал терять терпение и принялся кому-то угрожать. После того как я уладил ситуацию и выяснил, какие бумаги нужно подписать и с каким бюрократам подружиться, мы получили тело с минимумом возни и шумихи. Босс хотел оставить тело в Чикаго и воспользоваться помощью местных специалистов или же привезти их на место; я возражал, что разумнее будет перевезти тело в Южную Дакоту, где у нас уже имелась готовая команда. После короткого совещания на высшем уровне мои аргументы взяли верх, хотя меня и не пригласили участвовать в разговоре. Мы погрузили тело на тот же сверхзвуковой самолет, которым я прилетел.

На этот раз ошибки быть не могло: пациент мертв полностью и бесповоротно. Хотя на теле не было никаких отметин, признаков насилия или травмы, сердцебиение и дыхание определенно отсутствовали. Если бы мы специально его не искали, он мог бы стать просто еще одним телом, от которого решили избавиться без лишнего шума.

От чего он умер? Мне подумалось, что причиной смерти мог послужить выход из тела сознания. Или, выражаясь языком древних, он в буквальном смысле испустил дух.

У медиков были другие идеи. Этим же вечером пришел отчет токсикологов.

- Этот парень сжевал целую аптеку, - сообщил мне патологоанатом.

- И что он принимал? - спросил я.

- Да чего он только не принимал!

Дальнейшие тесты показали, что в действительности «спящий» принимал препараты очень выборочно. Он употреблял большое количество различных средств, но во всех случаях их специфическое действие было одинаковым - все они так или иначе воздействовали на мозг. Прямо или опосредованно эти препараты влияли на ритмы нейронных сетей, управляющих значительной частью функций мозга.

- Несмотря на все эти нейростимуляторы, - сказал мне один из врачей, - я сомневаюсь, что он умер счастливым человеком. Такой суп из химикалий, в каком варился его мозг, должен был привести к не меньшей мешанине последствий. Все его мысли и эмоции, наверное, представляли собой хаос. Чего бы этот несчастный ни искал в жизни, он этого не нашел.

Я, однако, не был так уверен.

* * *

По и его жена пригласили меня поужинать в ресторан, в котором никто из нас прежде не бывал. Судя по всему, у четы Уэффлов был обычай посещать по нескольку ресторанов всюду, где бы они ни оказались. Этот был выдержан в манере и духе Дикого Запада: с плевательницами и фальшивыми опилками на полу и головами антилоп по стенам. Генераторы запахов выдавали ощутимый, но не подавляющий аромат скотного двора, сопровождающийся нотками сигарного дыма. Можно было ожидать, что Кристал Уэффл будет чувствовать себя в таком окружении неловко, однако если это и так, то она не показывала виду. Мы уселись в кабинке с подковообразной скамейкой - я и По на противоположных концах, Кристал посередине. Пока мы вкушали свой «ломоть говядины», я обсудил с По отчет патологоанатомов; я заранее позаботился о том, чтобы ему выслали список препаратов, которые были в организме «спящего» на момент смерти.

- Вы можете извлечь из этого что-нибудь дельное? - спросил я.

По ответил не сразу. Тщательно пережевывая и проглотив солидный кусок стейка, он откинулся на спинку скамьи и наконец произнес:

- Не знаю. Возможно, это и вписывается...

- Вписывается куда? В вашу гипотезу мыслительной энергии?

- Да.

- А вот скажите, с чего они начинают, эти пришельцы? Мне кажется, здесь ситуация, похожая на старую проблему курицы и яйца... если вы понимаете, что я имею в виду. Допустим, они перелетают из тела в тело, но тогда им необходимо иметь его под рукой каждый раз, когда они решат приземлиться, или переселиться, или как там еще. Паразитам всегда нужен носитель. Скажем, они научились это делать на своей родной планете, где бы она ни была - я не думаю, что это Земля. Однако же они, по-видимому, способны путешествовать - или излучать себя... опять же, называйте как хотите. Если они перемещаются с планеты на планету, каким образом первый прибывший на новое место находит нужный ему тип тела? Эта пещера в Бедлендах была хорошо спрятана и полностью оборудована для встречи новых посетителей. Понятно, что там уже кто-то побывал.

Жена По улыбнулась ему:

- Кажется, ты нашел себе новообращенного. Марлон поверил в твою теорию!

- Думаю, - проговорил По, глядя на меня, - Марлона захватила идея перемещения. Возможно, потому что он находит концепцию столь близкой для себя.

Я не так уж много рассказывал По о себе, но он, очевидно, догадывался о

невзгодах и испытаниях, выпадающих на долю агента безопасности, и о моем сумасшедшем образе жизни. Должно быть, он уже делился этими мыслями с Кристал, поскольку она лишь кивнула в ответ на его замечание.

Наверное, По был прав. До сих пор я не думал об этом, но возможно, действительно начинал отождествлять себя с этими существами. Что могло оказаться весьма опасным. Такой подход определенно не годился для человека, работающего в органах безопасности. Еще один гвоздь в крышку гроба моей карьеры.

Но я ничего не мог с этим поделать.

- Итак? - спросил я. - Вы собираетесь всю ночь устраивать мне сеанс психоанализа или мы наконец начнем думать над проблемой?

- Вы немного забегаєте вперед. По моему мнению, мы сперва должны сосредоточиться еще на одном или двух аспектах этой гипотезы. Мне кажется, что если мы разгадаем, чего эти гипотетические существа пытаются добиться, то будем понимать гораздо больше, чем сейчас. И возможно, это понимание приведет нас к ответам и на другие вопросы, подобные тому превосходному вопросу, который вы сейчас подняли.

- Как вы думаете, это существо выжило? Удалось ли ему ускользнуть прежде, чем умерло тело?

- Это зависит от некоторых обстоятельств.

- Каких?

По отодвинул от себя пустую тарелку и откинулся на деревянную спинку скамьи.

- Например, полагаю, от того, удалось ли ему добиться успеха.

- Есть какие-нибудь соображения по поводу того, что оно пыталось сделать?

- Я уже говорил вам, что кривые на диаграмме имеют сложную структуру. Я не знаю, что можно извлечь из этого.

- Может быть, они чересчур сложны для человеческого мозга, даже модифицированного? Паразитам ведь нужен не просто носитель - им необходим *подходящий* носитель. Не могло ли это существо принимать лекарственные препараты, пытаясь до конца впихнуть себя в слишком простую для него нейронную сеть?

По уставился на меня; его глаза поблескивали.

- Это интересная идея...

* * *

Большую часть оставшейся ночи я провел на передвижном командном пункте. Я отчаянно искал хоть какие-то следы женщины-«спящей», надеясь, что отыщу ее до того, как будет слишком поздно. Мои глаза слезились от изображений, уши болели от подслушанных разговоров, тысячи лиц и голосов накатывались и бились в меня, как волны о берег. Я сосредоточил свое внимание на таких местах, где у нее была возможность достать наркотики: аптеки, клиники, производители, нелегальные лаборатории, исследовательские центры, подпольные дилеры.

Время от времени я давал отдых глазам и ушам и размышлял. Какова природа этих существ? Как они размножаются, едят, испражняются? Или они настолько отличны от нас, что к ним неприменимы подобные понятия?

Я думал о том, как они могли эволюционировать. Что заставило их покинуть свои первоначальные тела - если предположить, что те когда-то были?

Прежде чем пожелать По спокойной ночи, я предложил ему вопросы. И хотя он по-прежнему отказывался углубляться в эту тему, кое-что мне все же удалось выпытать при помощи подталкиваний со стороны его жены. По сказал, что, по его предположению, наши «гипотетические» излучаемые существа путешествуют со скоростью света.

Я спросил По, на что это может быть похоже.

- Это далеко за пределами нашего воображения, - ответил он.

- Они, наверное, как ангелы, - сказала его жена. - Нисходят с небес за одно мгновение.

Они весело переглянулись.

- Если перемещаешься со скоростью света, время не должно иметь значения, - сказал По.

- Вечные, как Бог, - сказала Кристал.

- Вторжение из космоса, - предположил я, добавляя собственную невротическую интерпретацию. - Хотя, возможно, дружелюбное. Или, может быть, мне следовало бы сказать «нейтральное» - ни пользы, ни вреда.

Это побудило По начать разговор о когерентности и рассеивании излучения. Когерентный свет, например лазерные лучи, не очень сильно рассеивается, но некоторая дисперсия все же существует. Возможно, и для этих существ имеются ограничения, за пределами которых они не могут путешествовать, не рискуя «разрушиться».

* * *

Я продолжал думать о том, что рассказали мне По и его жена, когда сидел в душном, лишенном окон командном пункте, просматривая данные в поисках женщины. Я искал ее неустанно, хотя босс больше не стоял с палкой у меня над душой.

К этому моменту у правительства было уже достаточно времени, чтобы собрать одно из своих больших пау-вау. (А вы не хотели бы подключиться к этому телефонному совещанию?) Однако результаты, очевидно, несколько охладили их интерес к «спящим». Босс больше не звонил мне каждые несколько часов. Почти сразу же после того, как мужчина-«спящий» был найден мертвым, ревность правительства пошла на убыль, и уровень угрозы понизился. Возможно, скоро меня даже отзовут с этого задания.

В семь пятнадцать утра я наконец нашел ее - она лежала на мостовой в каком-то переулке. Я тотчас же известил бригаду спасателей Сент-Луиса, надеясь, что еще не слишком поздно.

* * *

Спустя тридцать минут сверхзвуковой самолет оторвался от земли. «Спящую» положили в одну из больниц в Сент-Луисе; она еще цеплялась за жизнь, хотя диагноз не сулил надежд. Доктора отказались перевозить ее в Южную Дакоту. Я мог бы вынудить их изменить решение, но не отважился. Вместо этого я взял с собой По и его жену.

По дороге По говорил о данных, которые надеялся получить.

- Я думал о том, что вы сказали вчера вечером, - сказал он мне. - Предположим, что наша теория верна. Вы упомянули возможность того, что наркотики были нужны «спящим», чтобы адаптировать себя к земным телам. Хотя это хорошее предположение, у меня есть пара возражений. Во-первых, «спящие» были здоровы, когда проснулись, - во всяком случае, охранник и санитар считали именно так. И во-вторых, спрятанные в пещере тела уже были модифицированы, и если мы предполагаем, что тот, кто это сделал, справился с работой, то дальше никаких проблем уже не должно возникнуть. Какая бы наладка им ни требовалась, она могла и должна была быть совершена задолго до прибытия временного резидента.

- Может быть, им было трудно оставаться в своих телах.

- Возможно. Но у меня есть другая идея. Вы, должно быть, помните, что я нашел чрезвычайно сложные вложенные ритмы на диаграммах, зарегистрированных датчиком напряжения на коконах. Так вот, я очень хочу посмотреть на рисунок

энцефалограммы «спящей».

- Но если она без сознания, - возразила Кристал, - разве это не должно быть чем-то вроде медленной волны?

- Допустим. Но что я больше всего хотел бы увидеть, так это перенос, если он будет иметь место.

- Такую запись, как на графике напряжений?

- Та запись была чрезвычайно примитивной. На этот раз у нас будут более чувствительные инструменты. Я бы очень хотел посмотреть, на что это похоже. - По взглянул на меня и блеснул улыбкой. - «У блох больших зудит спина от блох других, поменьше; а тех кусает мелюзга - и дальше в бесконечность»^{*23}. Это написал Огастес де Морган, которого, насколько я понимаю, вдохновил Джонатан Свифт.

По не сказал ничего больше, но я уловил общий смысл.

* * *

Когда мы прибыли в больницу, я не был удивлен, обнаружив, что Кларисса уже там. Она стояла возле двери в комнату, которую больничным персоналом превратил в изолятор для «спящей». Состояние пациентки не изменилось. По обеим сторонам двери выстроились несколько охранников в форме. Они даже не шелохнулись, когда я вошел; вместо этого их взгляды переместились на Клариссу.

Итак, теперь я знал, кто здесь командует. Не я, но Кларисса. По ерзал позади меня - ему не терпелось войти внутрь и поговорить с лечащими врачами.

- Мы можем войти? - спросил я у Клариссы.

Она какое-то время подумала над ответом. Затем кивнула охранникам, и те отступили от двери.

- Но я хотела бы поговорить с вами, - добавила она, отзывая меня в глубину коридора.

Поскольку терпение явно не относилось к числу ее достоинств, я сказал По, чтобы он шел в комнату без меня, и последовал за Клариссой в личный кабинет, принадлежавший, по всей видимости, одному из распорядителей больницы. Гигантский стол красного дерева украшала фотография счастливого семейства; настенные полки были заставлены старинными медицинскими приборами. Кларисса опустила в стоящее за столом плюшевое кресло и жестом предложила мне выбрать из оставшихся стульев.

---

²³ * *Перевод Владимира Иванова.*

У меня было нехорошее предчувствие относительно этого разговора.

- Мы полагаем, что вы сделали все, что могли, - начала она.

- То есть проект закончен?

- Во всяком случае, ваше в нем участие.

- Понимаю. Руководство переходит к вам?

Она покачала головой.

- Осталось не так уж много. Как только женщина умрет, что ожидается в скором времени, единственным вопросом будет: что делать с остальными шестью «спящими»? Подозреваю, что они отправятся в какую-нибудь правительственную лабораторию для дальнейшего изучения или устранения.

Правительство обычно не посылало специального человека для передачи сообщения, если в нем не было какого-либо скрытого жала.

- А что насчет меня?

Кларисса сдвинула брови, будто размышляя над сложной проблемой.

- Ваши действия в последнее время неубедительны. Хотя этот проект и доведен до успешного завершения, по крайней мере к настоящему моменту, вы проявили колебание в нескольких ключевых моментах. Мы обеспокоены вашим психологическим состоянием. - Она окинула меня сожалеющим взглядом. - Мы пришли к решению прекратить выплаты по текущему сроку вашей службы.

Технически говоря, я был уволен.

Это не явилось для меня потрясением. Правда, я думал, что они все же немного подождут - засунут меня в какую-нибудь контору в глуши до тех пор, пока мой срок не выйдет. Единственное, что меня удивило: они решили оборвать связь начисто.

Вся прелесть системы, по крайней мере с точки зрения правительства, состояла в том, что недовольные кадры не могли причинить ей особенного вреда. Так она была устроена. Я не мог представлять угрозу для национальной безопасности, потому что не знал почти ничего, за исключением некоторой внутренней информации о правительственных методах наблюдения. А это совсем немного; я был способен навредить системе лишь немногим больше, чем тот больничный санитар.

Внезапно мне подумалось: а может, и он тоже бывший агент?

Самым важным вопросом была моя личность. Согласятся ли они окончательно закрепить ее за мной?

- За достойную службу, - продолжала Кларисса, глядя куда-то в потолок, словно там отображался мой послужной список, - мы установим вашу личность согласно вашему запросу. Все деловые бумаги, налоговые записи, правительственные базы данных, документация о приеме на работу, нотариальные свидетельства и личные

рекомендации за вами закреплены. Вы раз и навсегда станете...

- Я не хочу.

Кларисса изумленно взглянула на меня. Честно говоря, я и сам был немного потрясен.

- Не понимаю, - сказала она.

- Я хочу стать самим собой. Тем, кем я родился. Я хочу снова быть Рексом Кимболлом.

Она издала несколько нечленораздельных звуков; ее рот открывался и закрывался, приведя мне на память золотую рыбку, которую я видел в аквариуме в приемной больницы.

- Это мое имя, - пояснил я.

- Невозможно, - выговорила она, наконец отыскав свой голос. - Вы не пользовались этой личностью больше десятка лет. Неужели вы не понимаете, что в вашем резюме окажется пробел, который вы никогда не будете в состоянии объяснить? Вас нигде не возьмут на работу, потому что заподозрят самое худшее: будто вы сидели в какой-нибудь иностранной тюрьме или психбольнице либо занимались преступной деятельностью все эти годы. И мы не станем вас прикрывать, когда вы начнете отрицать это, - просто не сможем. Нельзя допустить, чтобы люди знали, сколько агентов безопасности мы нанимаем, где они бывали, откуда они взялись - это значит открыть врагам наши уязвимые места. Мы установим для вас постоянную личность, но мы не станем публично признавать, что вы у нас служили. Несомненно, самое разумное, что вы можете сделать, это...

- В кои-то веки меня не привлекает самое разумное. Я не желаю закреплять за собой эту личность. Я хочу снова стать тем, кем был изначально.

- А как же ваша семья? Ваша подруга?

- Если она мне действительно подруга, то поймет.

* * *

Я оставил Клариссу брызгать слюной в кабинете. Без сомнения, она не замедлит отправить отчет о том, что у Марлона Мэтерса, он же Рекс Кимболл, начинается буйное помешательство.

И возможно, так оно и есть.

Кто-то мягко взял меня за локоть. Я осознал, что уже час бесцельно расхаживаю взад-вперед по больничным холлам. Остановившись и подняв голову, я обнаружил перед собой Кристал Уэффл.

- У вас все в порядке? - спросила она, внимательно глядя на меня.

- Лучше не бывает.

Кажется, я ее не убедил.

- Есть новости? - спросил я, просто чтобы продолжить разговор.

Кристал поколебалась. В конце концов сказала:

- По вас ищет.

Она провела меня к лестнице. Мы поднялись на два пролета и по коридору дошли до вычислительного центра, где перед большим пультом сидел По Уэффл.

- Пациентка умерла, да? - спросил я.

- В некотором роде, - отозвался По.

Он начал говорить что-то еще, но остановился. Я заметил, как они с Кристал обменялись взглядами.

- Удалось найти что-нибудь интересное? - не отступал я.

- Гораздо интереснее то, чего найти не удалось. - Он показал на экран. - Ее энцефалограмма постоянно наблюдалась и записывалась, так что данных у нас полно. В настоящее время ее головной мозг почти полностью пассивен, она в коматозном состоянии. Однако записи, сделанные до этого, демонстрируют очень интересные ритмы.

Он показал на экран. Для меня это была всего лишь масса извилистых линий.

- То же, что и при последнем переносе?

- В основном. Но на этот раз вложенные ритмы отсутствуют. Никаких подструктур нет. - По поглядел на меня. - А ведь мы бы их непременно увидели, если бы они были; это оборудование на порядок чувствительнее, чем тот график напряжений, с которым мы имели дело в прошлый раз.

- И что это означает? - Я подумал, что знаю ответ, но По, кажется, не хотел обсуждать это. Я не мог его винить: он и без того уже достаточно поставил себя под удар. - У них все получилось, да?

По кивнул.

- Гипотетически, - прибавил он осторожно.

- Они избавились от своих паразитов, - сказал я. - Вы думаете, им для этого и нужно вселяться в чужие тела и мозги?

Он пожал плечами.

- Не знаю. Может быть, они не могут наладить свои ритмы и структуры без какого-либо твердого носителя. Возможно, для того чтобы очистить подструктуры, нужно нечто вроде кувалды, только на ментальном уровне.

- А может быть, - добавила Кристал, - они просто пользуются случаем, чтобы время от времени получать возможность ощущать, слышать и видеть, чувствовать

вкус и запах. Ну, и одновременно занимаются уборкой.

Я сказал:

- Поскольку у них самих бывают паразиты, эти существа... эти путешествующие сознания, или ангелы, если использовать термин Кристал, знают, что означает, когда в тебе кто-то живет. И наверное, поэтому они стараются не подвергать тому же других. Я думаю, существование специально подготовленных тел показывает, что они предпочитают идти этим путем, вместо того чтобы поселиться в других живых, сознательных существах.

- Не спешите приписывать им такие благородные побуждения. Может быть, они просто не способны поселиться в организме, уже обладающем сознанием.

- Проблема курицы и яйца предполагает, что могут или, по крайней мере, когда-то могли.

По кивнул.

- Вы подняли интересный вопрос. Впрочем, все это теории...

Кристал внезапно рассмеялась.

- Что тебя развеселило? - спросил По.

- О, ничего особенного, - отозвалась она, явно не в силах справиться со смехом. - Я просто подумала: вот ты так часто восхищаешься нашей цивилизацией, наукой и технологией, все время говоришь, какие мы великие и могучие. А теперь тебе придется как-то справляться с новыми данными: ты узнал, что существуют существа настолько продвинутые, что мы для них всего-навсего удобный столбик, о который можно почесаться!

По залился краской, но через несколько мгновений на его лице вспыхнула улыбка.

- А я никогда и не отрицал, что существует куча всего, чего мы еще не знаем!

* * *

Я размышлял о том, как в действительности зовут Клариссу. Кто она такая? Где она родилась, к чему стремилась в жизни? Переживала ли она потерю себя так же остро, как и я? Или, может быть, ее совесть чиста и ее не кусала никакая блоха у нее на спине?

В любом случае, она казалась мне достаточно здравомыслящей, чтобы заключить сделку.

- Вы хотите, - медленно проговорила Кларисса, ворочая в мозгу новую идею, - чтобы оставшиеся шестеро «спящих» содержались в лаборатории По?

- Если он согласится.
- Но По ведь чокнутый!
- Я так не считаю.
- Его теории - сплошной бред.

Я лишь улыбнулся в ответ. Кларисса продолжала:

- Необходимо помнить об интересах безопасности.

- Ах, Кларисса, но ведь правительство потеряло интерес к этому делу, не так ли? Я хочу сказать: что может быть страшного в дурацком генетическом эксперименте, в результате которого может получиться лишь кучка безвредных одурманенных наркоманов? Ведь так на это посмотрит правительство, не правда ли?

Кларисса нахмурилась. Однако она знала, что я прав.

- Если ваше предложение будет принято, - сказала она, - а я подозреваю, что так и случится, мне хотелось бы подчеркнуть, что это станет еще одним доказательством того, что наше правительство далеко не настолько помешано на безопасности, как это пытаются представить некоторые люди. Честно говоря, я не понимаю, почему столь много агентов теряют интерес к работе. Наша миссия - защищать и служить людям.

- И вторгаться в их частную жизнь. И лгать им... Да, Кларисса, кроме этого, вы также их защищаете и служите им. Но мне все это осточертело. Я хочу попробовать говорить правду, для разнообразия. И знаете что? Может быть, однажды мы откроем способ говорить правду и защищать людей одновременно! Как знать? Может быть, ответ лежит где-то там, - я простер руку к небесам. - Или здесь, - я показал на свою голову, - в надежном месте, где ваши датчики никогда не смогут ничего прочесть.

* * *

Я отправился напрямик к По.

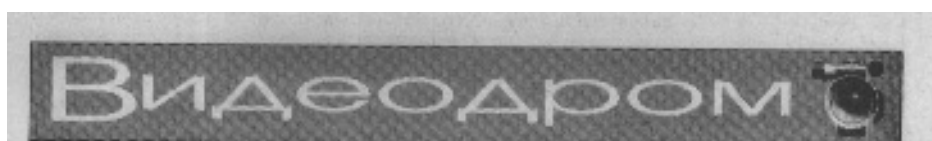
- Я не смогу платить вам много, - сказал он в замешательстве. - Но я с радостью приму «спящих» в моей лаборатории. Если один из них снова проснется... подумать только, сколько всего мы сможем узнать!

В точности мои мысли.

- Я согласен делать любую черную работу, которую вы мне назначите, - пообещал я. - Должен же я как-то начинать восстанавливать свое резюме.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Kyle Kirkland. Upon Their Backs. 2012. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2012 году.

Видеодром

ХИТ сезона

СПАСИБО ЗА ПОПЫТКУ

Мало кто из завсегдатаев кинотеатров ожидал, что недавно вышедшая на экраны лента «Петля времени» окажется чем-то большим, нежели обычный триллер с перемещениями во времени, вроде запомнившихся «Расплаты» и «Дежавю». Но случилось именно так, и у картины появились даже

собственные фанаты. Так что же в ней примечательного и что способно смутить?

У лучших фантастических кинофильмов счастливая судьба: они становятся культовыми, их еще много лет пересматривают, выискивают нюансы, заложенные создателями.

По каким критериям принимают в эту когорту? Наряду с умением изложить историю связно и логично непременно должна присутствовать оригинальность идеи, темы или хотя бы запоминающиеся сцены и образы, Трудно забыть, к примеру, как сотрудники антарктической станции искали пришельца в «Нечто», как выбрасывало в космос агрессивное существо в «Чужом», как маршировали «живые игрушки» в «Бегущем по лезвию»,.. Так вот, почти невозможно представить в культовом статусе новый фильм «Петля времени», каждая сцена в котором как будто где-то позаимствована.

Удивительно, но стоит признать, что это один из лучших образцов жанра в 2012 году.

Конечно, беда фильма не только в том, что он повторяет визуальные находки других лент. Сюжет завязан на путешествия во времени, а в любой такой картине по определению хватает всяких несуразностей. Общеизвестный временной парадокс как бы притягивает к себе алогичные поступки персонажей. И «Петля времени» не исключение. Только один пример. В фильме говорится о том, что в будущем очень трудно прятать трупы и преступникам приходится отсылать своих жертв на тридцать лет назад, в 2044 год, чтобы их могли прикончить местные киллеры, они же «луперы» («петельщики»). Однако по ходу дела выясняется, что на самом деле с убийствами в будущем никаких проблем, И можно без труда застрелить жену главного героя, чтобы не мешала тащить его к машине времени.

Конечно, выглядит довольно абсурдно. Но не такова ли специфика этой жанровой разновидности? Неспроста ведь авторы подобных лент любят вкладывать в уста второстепенных персонажей сентенции типа: «Ах, с этими путешествиями во времени все так сложно и запутанно. Лучше не берите в голову». Прямой намек зрителю принять предложенные правила игры и наслаждаться всем остальным, что есть в фильме.

Так что же, собственно, останется от «Петли времени»? Антиутопическая картина будущего с насилием на улицах и наркоманами в клубах. Авантюрная история о том, что произойдет, если «луперу» (Джозеф Гордон-Левитт) предложат ликвидировать себя самого, постаревшего на тридцать лет (Брюс Уиллис). Конечно, драки, перестрелки и даже «боевое применение» телекинеза. И наконец,

вполне серьезная, хотя и совершенно фантастическая этическая проблема: можно ли убить ребенка, зная, что в будущем он превратится в самого жестокого босса мафии? Или будущее творится здесь и сейчас, а потому мы знать не можем, что произойдет в реальности, а не в гипотетическом варианте грядущего? В смысле: ребенок может стать и кем-то другим...

И вот это все в фильме сделано очень хорошо, что и выделяет его из кинопотока 2012 года.

Возможно, эта редкая неоднозначность фильма объясняется фигурой сценариста и режиссера Района Джонсона. Кстати, для него это первое обращение к фантастике, а ранее Джонсон поставил две картины, имеющие отношение, скорее, к авторскому кино. В 2005 году был «Кирпич»: казалось бы, типичный детектив-нуар, вот только действие разворачивалось в среде старшеклассников.

Фильм принес Джонсону несколько премий от критиков и спецприз жюри на фестивале независимого кино в Санденсе. В 2008-м появились «Братья Блум» - черная комедия о двух братьях-мошенниках. Эта лента прошла почти незамеченной. И вот теперь зрителям представлена откровенная попытка завоевать массовую аудиторию и перецеголять ленты по произведениям самого Филипа Дика. Картину стоит оценить хотя бы потому, что такие амбициозные планы редко кто пытается осуществить.

А ведь если не пытаться, то ничего и не выйдет... Так и будем смотреть под видом нового плохо забытое старое, вроде очередной версии «Звездного пути» или «Прометейя». Ну, или кинокомиксы.

Да, намерения Джонсона не осуществились. Но за попытку спасибо.

Александр РОЙФЕ

ОБИТЕЛЬ ЗЛА: ВОЗМЕЗДИЕ

(RESIDENT EVIL: RETRIBUTION)

Производство компаний Constantin Film International и Davis Films/Impact

Pictures (RES), 2012.

Режиссер Пол У.С.Андерсон.

В ролях: Милла Йовович, Сиенна Гиллори, Мишель Родригес, Ариана Энджинир, Ли Бинбин, Борис Коджо, Йохан Урб, Робин Касянов и др.

1 ч. 36 мин.

Компьютерная игра, а затем и фильм «Resident Evil» появились на свет благодаря одной из самых именитых японских компаний - «Capcom», той самой, которая когда-то придумала «Street Fighter». В одном из интервью глава этой компании признался, что киносериал «Обитель зла» он рассматривает исключительно как большой и дорогой рекламный ролик, приуроченный к выходу новой игры. Причем между новым фильмом и новой игрой не обязательно должна присутствовать непосредственная связь.

С выходом четвертой части фильма «Обитель зла» стало окончательно ясно, куда движется серия. Предпоследний фильм о противостоянии горстки людей и корпорации «Амбрелла», превративший львиную долю человечества в зомби, был ориентирован исключительно на фанатов игры. Если кинотрилогия вполне могла претендовать на самодостаточность, то все, что происходило после, - абсолютный фансервис. Знакомые герои, знакомые враги, а что там происходит в сюжете, внимания не заслуживает.

Пятая часть «Обитель зла: Возмездие» также адресована фанатам. На этот раз создатели киносериала пошли еще дальше, фактически выпустив на экраны «киноигру», с четким разделением на уровни, бонусами за прохождение и боссами. Уровни - расположенные внутри подводной базы большие и не очень локация, имитирующие Токио, Нью-Йорк и Москву. Бонусы - новое оружие и броня за прохождение каждого уровня. Боссы - огромные мутанты и особо свирепые зомби. Словом, все, как в классических «бродилках-стрелялках» 1990-х годов.

Увы, смелый эксперимент по симбиозу кино и игры оказался неудачным. Пятая часть представляет собой набор разрозненных экшен-сцен, где бегают толпы зомби и клонов героев предыдущих частей сериала.

Степан Кайманов

ПОХОЖДЕНИЯ ПРИЗРАКА

(PROMOCION FANTASMA)

Производство компаний Canal+España, Ciskul, Ikiru Films S.L. и др. (Испания), 2011.

Режиссер Хавьер Руис.

В ролях: Рауль Аревало, Александра Хименес, Хавьер Гонзалес, Анна Кастилло, Андреа Дуро, Аура Гарридо, Алекс Маруни, Хайме Олиас, Карлос Аресес и др.

1 ч. 25 мин.

В каждом новом фильме о потусторонней жизни так хочется, наконец, увидеть нечто оригинальное. Но, увы, редко кому из создателей приходят в голову новые идеи...

Лет двадцать назад молодой тогда еще Роберт Дауни-младший снялся в паре лент на тему загробной жизни: «Шансы есть» и «Сердца и души». Второй фильм, выпущенный еще в 1993 году, похоже, послужил основой этой испанской ленты, хотя это нигде не афишируется.

«Призрачный выпускной», как точнее переводится название, это история об учителе Модесто, обладающем способностью видеть умерших. Ни посещения психиатра, ни таблетки парню не помогают. Устраиваясь в восьмой раз на работу, Модесто и подумать не мог, что его способности спасут души пятерых школьников, погибших при пожаре в середине восьмидесятых, накануне выпускных экзаменов. Общаясь с мертвым отцом своего психиатра, Модесто понимает, почему души школьников остаются между небом и землей: пока не сумеют сдать свои выпускные экзамены, они не покинут ни школу, ни этот мир. Подростки дают Модесту шанс доучить их. И с этого момента история почти полностью повторяет сюжет классической ленты Джона Хьюза «Клуб «Завтрак» о пятерке взбалмошных тинейджеров.

Плагиат это или просто распыленные флюиды? Но, невзирая на банальный сюжет, фильм получился приятным, даже иногда смешным. И с недурственным саундтреком: масса испанской попсы и хит Бонни Тайлер великолепно воссоздали атмосферу того времени. Плюс к этому неплохие сценические образы молодых актеров. В итоге перед нами весьма пристойная лента, без приторной душещипательности.

Вячеслав Яшин

экранизация

экранизация

Генерация P.S.

Нынешний, четвертый, обзор завершает тему воплощения произведений отечественных фантастов на экране. Возможно, поэтому он получился более личностным и субъективным, чем предыдущие выступления нашего постоянного автора. Однако будем надеяться, что и в нашей кинофантастике «лучшее, конечно, впереди».

Фантастика, которую я знал и которой отдал несколько десятков лет жизни, для меня закончилась в конце восьмидесятых - самом начале девяностых. Когда одновременно прекатила свое существование и страна, в которой я прожил большую часть жизни. Впрочем, какая другая держава (и другая фантастика) началась в девяностых, я уже имею некоторое представление, вкпе с предположениями (сугубо личными), какими они станут в обозримое время. Может быть, прогнозы печальны, и пусть тогда многие из тех, кому в это время жить и

подобную фантастику читать и смотреть, в ответ резонно заявят: «Это ваши проблемы». И будут правы. Ясно одно (что вряд ли вызовет у кого-то возражения): такими, какими были, они уже не будут никогда.

Поэтому и этот мой обзор выйдет, наверное, хаотичным и смутным. Уж больно хаотичными и смутными явились последние три десятилетия. При этом я употребляю прилагательные «смутный» и «хаотичный» совсем не в качестве ругательных эпитетов... Ведь речь пойдет об экранизациях произведений зачастую полярных - и по идеям, и по художественному исполнению (и все это, как и в предыдущих статьях, за минусом экранизаций Стругацких, Булычёва и всех тех авторов, кто удостоился персональных обзоров в «Если»).

Кроме того, обозреваемые произведения разноречивы: одни тянутся шлейфом из «раньше времени», как говаривал Паниковский, а вместе с ними есть работы, представляющие фантастику новую, написанную другим поколением авторов и предназначенную другому поколению читателей.

Для меня же эти авторы, их книги и фильмы, их читатели и зрители с неизбежностью остаются заявленным в заголовке «поколением постскриптум». А не тем, о котором вы подумали... а может, как раз тем?

* * *

Наверное, самой мутной - во всех смыслах - в данном обзоре предстает, если взглянуть на нее из сегодняшнего дня, экранизация романа Владимира Щербакова «Семь стихий». К счастью для автора обзора, фильм вышел абсолютно бездарным - иначе мне, много сил потратившему во время оно, доказывая бездарность исходного литературного материала, пришлось бы испытать когнитивный диссонанс,.. Слишком много связано с фигурой автора романа и той редакцией «Молодой гвардии», которую он возглавлял...

Но чуда не произошло. Бездарный роман, который тогда поднимали на щит «молодогвардейцы» - как контрпример «вредной» и «не нужной народу» фантастики - на экране вышел совсем уж беспомощным.

Режиссер Геннадий Иванов явно опоздал с этой экранизацией: на дворе стоял «оруэлловский» 1984-й. Для нас переломный - последний год застоя. Хотя все еще тепло, «как при бабушке», а противников «Молодой гвардии» - авторов и самых активных читателей, объединенных в КПФ, - продолжали гнобить, как и где только могли. Но то была лишь инерция, последний вздох «угнетающей твари». Спустя всего год-два страна стала иной, и обласканный прежним начальством

«идеологически правильный» автор «Семи стихий» быстро исчез со сцены.

Единственным ярким «героем» фильма стал футуристический «концепт-кар» некоего отечественного конструктора-самородка^{*24}. Да еще, пожалуй, первый в отечественном кино квадрофонный саундтрек: фильм крутили в московском кинотеатре «Космос», где была соответствующая аппаратура. Что касается главных героев, предъявленных фотогеничными Игорем Старыгиным и Ириной Алферовой, то играть им в мире недалекого будущего, каким оно виделось Щербакову и иже с ним, было попросту нечего. В отличие от молодой и сексапильной Любви Виролайнен, героине которой, прекрасной инопланетянке, буквально рожденной из чудо-цветка, не нужно было ничего играть.

Об этом фильме быстро забыли, как и об авторе романа и всей «молодогвардейской» фантастике. А вот почему забыли - или сознательно замолчали? - другую картину, вышедшую не только в исторически переломный год, но и в тот день, который также остался в истории, настоящая загадка. Я имею в виду «Невозвращенца» режиссера Сергея Снежкина, поставленного по одноименному роману Александра Кабакова. Фильм был впервые показан по ленинградскому телевидению в ночь на 22 августа 1991 года - после первого дня путча, о котором пророчески рассказывали роман и картина!

Как бы ни оценивать роман на ту пору, вещь получилась взрывной. Смутной, конечно... так и время было смутным, путаным и невнятным, но произведение оказалось искренним и задевавшим воспаленный нерв, бьющим наотмашь. Предлагающим задуматься над тем, куда мы тогда шли. А фильм, где, собственно, минимум фантастики (путешествия героя-писателя в недалекое будущее), получился даже еще более провоцирующим - с мыслью о том, что попытка бегства в будущее почти наверняка окажется безуспешной. Что будущее создается тобой, но не для тебя. И не забыть бы вернуться...

Мы, тогдашние любители фантастики, разумеется, уже читали об этом в других книгах, но ведь умную и глубокую мысль не грех и повторить! А еще лично у меня фильм вызывает (сегодня, не тогда) еще одну ассоциацию: не только герой - вся страна тогда в определенном смысле стала «невозвращенкой». Вот и мается от тоски, что уже никогда и никуда не вернется...

Но вопреки, казалось бы, очевидному страстный, талантливый, спорный и провидческий фильм Снежкина, демонстративно выполненный в стилистике

---

²⁴ * *Чувствовалась рука бывшего шефа Щербакова - в свое время всесильного главного редактора журнала «Техника - молодежи» Василия Захарченко, поддерживавшего, надо отдать ему должное, «техническое творчество молодежи»!* (Здесь и далее прим. авт.)

тогдашней совсем не фантастической перестроечной «чернухи», постигла судьба удивительная. Завоевав приз на престижном международном кинофестивале в Сан-Себастьяне, картина непостижимым образом канула в небытие!

Другим безусловно значительным событием той «перестроечной» поры стал фильм Владимира Хотиненко «Зеркало для героя» (1987). Он был снят по одноименному роману Святослава Рыбаса. Тот редкий случай, когда литературный первоисточник никакого разговора не заслуживает, а фильм необходимо рассматривать как отдельное и мощное произведение искусства. Тем более что в отличие от повести, где два наших современника непостижимым образом «проваливались» в послевоенные сороковые и проводили едва ли не полжизни с жителями шахтерского городка о будущем страны, в картине есть сюжетный ход, сообщающий всей этой истории глубину, многослойность и прочие художественные достоинства. Это «временная петля» (в духе хорошо знакомого любителям фантастики «Дня сурка»), придуманная автором сценария - рано ушедшей из жизни Надеждой Кожушаной.

В результате получилась умная, философская, печальная, неоднозначная, захватывающая фантастическая притча, которая ставит «проклятые вопросы» - вместо того чтобы давать на них готовые ответы. Кто мы, как связаны с прошлым, можем ли изменить его - и хотим ли? Изменяемся ли сами, столкнувшись с этим прошлым не в книгах и фильмах, а очно, лицом к лицу?

Словом, это настоящая научная фантастика, хотя формально фантастичным в картине Хотиненко остается лишь этот самый ход, прием, постановка задачи.

* * *

Зато другому известному писателю-нефантасту, в конце жизни обратившемуся к научной фантастике, с экранизациями крупно не повезло. Речь идет о тогда уже ставшем живым классиком Чингизе Айтматове, чей «Буранный полустанок» наделал много шума (в отличие от последнего романа «Тавро Кассандры», который автор этих строк считал и считает показательно провальным). Впрочем, откровенно неудачными оказались и НФ-вставки в «Буранный полустанок» (к реалистической линии претензий не было: писал мастер!). Так вот, по мотивам этого сложного, философского и многопланового романа было создано два фильма - советско-турецко-ливийский «Манкурт» (1990) и киргизский «Буранный полустанок» («Млечный путь») (1995). Оба вроде бы выпадают из данного обзора, поскольку и в том, и в другом использованы как раз исключительно реалистические

линии, а фантастика выкинута начисто. Зато экранизация «Тавро Кассандры» фантастична донельзя! В том смысле, что это просто фантастическая чушь, китч и творческая беспомощность в одном флаконе.

Нелепой выглядит и предыстория создания картины. Когда-то, уже в новые времена, ею загорелся Юрий Кара, причем решил сделать это с невиданным в нашем кино размахом, включая съемки на космической станции «Мир». Ее грядущее затопление режиссер полагал ошибкой (может, и правильно), а потому одним из способов спасения станции посчитал эффектный космическо-философский блокбастер со съемками «на натуре».

Легенд и слухов вокруг готовившейся киносенсации ходило множество: например, режиссером вместо автора идеи, то есть Кары, решили пригласить самого Джеймса Камерона, создателя «Титаника», на женскую роль вызвать Софи Лорен и задействовать в картине даже почтенную любимицу Гитлера, знаменитую Лени Рифеншталь!

Что было известно более или менее точно: актер Владимир Стеклов готовится к съемкам на «Мире» и даже поступил в отряд космонавтов для соответствующих тренировок, чтобы достоверно сыграть роль Ювеналия. Если кто романа не читал, то здесь первый «космический монах-отшельник» отказался возвращаться со станции на Землю, пока человечество не осознает собственную греховность, не покается и не приступит к тотальному нравственному очищению...

В общем, предполагалась сенсация, но денег на постановку не хватило. Стеклова в космос не взяли, Кара из проекта ретировался, а спустя какое-то время на экраны вынырнул сущий бред (другого слова не подберу) режиссера Александра Сорокина. Одно название чего стоит: «Воры и проститутки». С эпиграфом из Троицкого: «Всякая революция делается для того, чтобы воры и проститутки стали философами и поэтами, или их дети».

Чего там только не намешано! История реальной итальянской революционерки, фотографа и авантюристки Тины Модотти, сделавшей карьеру в Голливуде и нашедшей приют в сталинском СССР, где она с кем только не переспала. Всё - в возбуждающих подробностях. Судьба ее сына, гениального ученого-генетика (его и сыграл Стеклов), которому не повезло в стране, незадолго до того боровшейся против «продажной девки империализма» генетики. Непризнанный гений становится барменом; завсегдагой, знаменитый писатель (очевидно, автор романа), зачем-то сводит его с... Горбачевым. А тот для чего-то устраивает экс-генетику и бармену командировку на станцию «Мир». Там он становится Ювеналием... и далее по тексту романа. А в качестве острой приправы - появление на станции американской журналистки-психолога в образе Ксении Собчак, которая

должна опоить безумца отравленным коньяком, но, не в силах устоять перед его мужским обаянием, отказывается от этой затеи.

Обещанный сногшибательный эпизод «секса в космосе», впрочем, вышел вполне умеренным. Единственная, кстати, сцена, не вызывающая вопроса: что нам все-таки демонстрируют - пародию (хотя и очевидно бездарную) или это всерьез?

Как уже было сказано, по моему убеждению, последний роман Айтматова - творческая неудача классика, ощутившего в себе явные позывы предстать миру пророком-гуру. А то, что книга может послужить основой для ТАКОГО кино, лучшее тому подтверждение.

Хотя, конечно, писателя каждый режиссер может обидеть^{*25}.

* * *

Ну и, наконец, экранизации уже новой фантастики. Той самой, которая для меня все еще остается P.S., - постскриптумом к старой, которую я знал и любил.

Объективно мы имеем две удачи - по крайней мере в том, что касается спецэффектов и, как следствие, зрительского успеха. Речь, как нетрудно догадаться, идет о кинодилогии режиссера Тимура Бекмамбетова по произведениям Сергея Лукьяненко. О двух «Дозорах» на страницах «Если» писали не раз, поэтому ограничусь лишь собственными оценками.

Честно скажу, лично меня не слишком воодушевила мистическая история противостояния Темных и Светлых в хорошо знакомой постперестроечной Москве. Но снято действительно впечатляюще. Пока далеко до технического уровня сегодняшнего западного фантастического кино, но для наших палестин вышло вполне сносно. Как говаривал почивший в бозе телеперсонаж Хрюн: «Внушает». Рисовать компьютером какую угодно фантастическую реальность наши кинематографисты научились.

---

²⁵ * Чисто формально следовало бы упомянуть еще три фильма, поставленные по произведениям другого автора, покойного Александра Житинского: «Уникум» (1983) режиссера Виталия Мельникова (по повести «Снюсь») и два фильма Алексея Сахарова - «Время летать» (1988) и «Лестница» (1989). А также украинский фильм-притчу «Паутина» (1992) по повести Валерия Алексеева. Однако во всех этих лентах фантастика представлена в гомеопатических дозах. Хотя последний фильм - фантазия на тему «Фауста» (или «Портрета Дориана Грея»), в которой мать отдает душу дьяволу в обмен на талант скрипача для сына, - мог бы стать очень серьезной работой.

Да и сюжеты строить тоже. Правда, для зрителя, не читавшего романы Лукьяненко, многое в фильме останется ребусом - тем более что картину и так предельно облегчили по сравнению с романом, и многие сюжетные линии попросту оказались выброшены, образовав логические и смысловые лакуны. И что особенно раздражало, так это беспредельная рекламная кампания ОРТ, вложившегося в постановку картины и не знавшего удержу в том, что сегодня элегантно называется product placement. Постоянно вспоминалась пародия на поэта Рождественского, как известно, заикавшегося и писавшего стихотворения на «каждую новую открытую домну»: «Н-н-но есть же п-п-предел, б-б-братцы!».

Как бы то ни было, фильмы удались. Чего не скажешь о трех других фантастических боевиках с уже освоенной компьютерной графикой. Фильм «Асирис Нуна» (2006), поставленный по роману того же Лукьяненко (в соавторстве с Юлием Буркиным) «Сегодня, мама!», живо напоминающий компьютерную игру, еще можно смотреть без раздражения, уговаривая себя, что, мол, это детская фантастика, чего придирается, А вот «Запрещенная реальность» (2009) и «Скалолазка, или Последний из Седьмой колыбели» (2007) вызывают недоумение.

Впрочем, с первой лентой все было ясно еще до ее появления на свет. Раз собираются экранизировать боевик Василия Головачева, то на экране с почти стопроцентной вероятностью и появится боевик Головачева - со всеми, как говорится, вытекающими... То есть всё выйдет круто, динамично, многозначительно и не слишком логично. Будет и супермен - «смершевец» недалекого будущего (с момента выхода романа «Смерш 2» уже ставшего настоящим), открывающий в себе сверхспособности, и таинственный надмирный Внутренний Круг Хранителей, наблюдающий за борьбой Добра и Зла. Будут и мысли, поражающие оригинальностью и глубиной: о том, к примеру, что путь к Свету открывает Любовь. Всё, разумеется, с заглавных букв, роль которых в фильме играют заведенные горе глаза актеров и интонация, с которой произносили свои монологи герои экранизации «Туманности Андромеды» (см. мой предыдущий обзор). Плюс компьютерная графика.

У Василия Головачева есть свой круг читателей. Это факт нашей литературной действительности, как бы к нему ни относиться. Однако кинопроизведение - другой вид искусства, и делать из него подстрочник, значит, обманывать зрителя.

В этом смысле фильм, снятый по мотивам «Скалолазки» Олега Сеницына, вышел даже почти безобидным. Получился эдакий бюджетный вариант «Индианы Джонса». Гонки по всему свету (при российских бюджетах - по доступным странам Ближнего Востока с эпизодическим заездом в замок в Альпах) «плохих парней», работающих на «мировую закулису», за «хорошей девочкой» - русской,

комсомолкой, спортсменкой, отличницей.

В ее руках оказался артефакт загадочных Перволюдей, оставивших человечеству спасительную «лонжу» - на случай, когда последнему станет уж совсем невмоготу. Немножко туристской экзотики на уровне турецкого «все включено», толика юмора за счет местного гида-напарника, соль и перец по вкусу. То есть сцена восточного массажа, во время которой героиня имеет возможность продемонстрировать, чем, так сказать, богата от природы, а также работа каскадеров. И в финале - «раскрытие космического цветка», посрамление Дмитрия Ногиева с его бандой террористов и всеобщее спасение, счастье и процветание (кажется, даже и бессмертие) в перспективе. Помогли наши гипотетические «перволюди», не подкачали - и теперь, стало быть, заживем!

Большой вопрос, в какой мере можно благодарить за эти экранные полтора-два часа автора, а в какой - постановщиков фильма. Но то, что подобное кинотворчество нынешняя публика смотрит - и, видимо, будет смотреть, - у меня вызывает тоску, близкую к отчаянию. Раньше хоть ссылались на отсутствие денег и технической базы, а сегодня и того, и другого хватает, так почему же художественная беспомощность и смысловая нищета проступают еще более отчетливо?

* * *

Ну и финал - тот самый P.S. Точнее, фильм Виктора Гинзбурга «Generation П» по роману «культового» автора Виктора Пелевина. Пишу «культовый» в кавычках, потому что каково время, таковы и культы... То, что картина не пройдет незамеченной, было очевидно, и насколько можно судить по рецензиям в Сети, мнения зрителей разделились: одни считают, что на экране от романа не осталось почти ничего, другие, напротив, полагают: получился идеальный кинематографический «спойлер».

Не могу судить, потому что Пелевина не читал с тех самых времен, когда из яркого, оригинального и ироничного автора абсурдистско-прикольной фантастики в духе, скажем, Воннегута, он превратился в мистификатора, поклонника Кастанеды и соответствующей питательной галлюциногенной флоры, гуру и пророка. Зато фильм посмотрел. И удивительное дело: нет слов. В смысле - сказать ничего определенного не могу. При всем желании.

Сам галлюциногенами не баловался, поэтому не могу судить, так ли это всё, как показано в фильме, С другой стороны, рекламу тоже не люблю, воспринимаю

предельно серьезно - как одну из кар египетских, насланных на человечество. Точнее, им же и созданных. Многие в фильме смешно и остро подмечено, другие сцены и эпизоды, посвященные «лихим девяностым», производят впечатление фальши (впрочем, объяснимой: режиссер тогда жил не здесь, а в Америке). А в целом - художественное произведение, адекватное миру начала XXI века. То есть клип. И больше ничего. Пелевин и пустота....

Не сомневаюсь, что у картины немало поклонников. И фильм получит премии на кинофестивалях и заработает своим создателям соответствующие баллы. У меня же во время просмотра не выходили из головы перефразированные строки из Томаса Эллиота: «Вот как кончится мир - не взрывом, но клипом».

Вл. ГАКОВ

КАРЛ ФРЕДЕРИК

ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА

КАРЛ ФРЕДЕРИК

ПИЩЕВАЯ

ЦЕПОЧКА

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Эллиот жадно смотрел, как Борис выключает замедлитель Хиггса и начинает картографический облет планеты, которую они окрестили Незабудкой. Оттолкнувшись одной рукой от внутренней стенки корпуса, он обнаружил, что хотя был по-прежнему невесом, масса у него уже появилась - уравнение $f=ma$ снова имело смысл. Он проскользил к своему месту и, не отрывая глаз от обзорного экрана, пристегнулся к креслу. Куда только подевались все эти так раздражавшие его мелочи, которые постоянно грозили перерасти в открытую войну: Марк, указывающий всем, что делать, только потому что он капитан; ломаный английский Бориса; аристократический английский Марка и соответствующая манера себя вести; непоколебимая уверенность Бориса в том, что против ферзевого гамбита следует использовать защиту Нимцовича; насмешки Марка и Бориса по поводу его вегетарианства.

Их основной миссией был поиск внеземной жизни. Второстепенная задача заключалась в том, чтобы выяснить, насколько люди способны переносить путешествия в глубоком космосе. И Эллиот должен был признаться, что он переносил свое не особенно хорошо - во всяком случае, до настоящего момента.

Пальцы Эллиота, голубые в свете обзорного экрана с зависшим на нем ярким изображением планеты, заплясали по клавиатуре, запуская спектральные анализы атмосферы, огромного и единственного на планете океана, а также единственного обширного материка, покрытого тем, что вполне могло оказаться деревьями.

Материнская звезда Незабудки, Рольф-124С, находилась в шести световых годах от земного Солнца, однако благодаря новой технологии постройки околосветовых космических аппаратов и замедлителям Хиггса их экипаж смог добраться сюда меньше чем за шесть месяцев - по своей временной шкале.

Много лет назад лунный телескоп Тэн-Лю получил спектрографические данные, предполагавшие, что на этой планете действительно существует жизнь, причем с характерным химизмом, исключительно похожим на земной. Ученые объясняли это панспермией: дескать, и на Землю, и на Незабудку жизнь могла быть занесена плывущими сквозь пространство сложными органическими соединениями. Религиозные люди объясняли это наличием вселенского Божьего плана.

Когда съемка была закончена, Борис вывел корабль на экваториальную синхронную орбиту над линией побережья.

- Запускаю контейнер с роботами... - послышался голос Марка. - Пошел!

Через свое смотровое окно Эллиот увидел, как от корабля отделилась небольшая капсула и направилась к планете. Он проследил за ней, наращивая увеличение по мере ее отдаления. Приблизившись к верхней границе атмосферы, капсула раскрыла грузовой отсек и выстрелила стерильный пузырь, в котором

содержались три автономных робокара. Пузырь лопнул, и робокары, подвешенные каждый под своим управляемым парашютом, начали спускаться к намеченной посадочной площадке - белой полоске пляжа, отделявшей воду от зелени предполагаемой растительности.

Приземление прошло удачно, и Борис Вышков, извечный друг всего, что передвигается на колесах, хлопнул ладонью по приборной панели:

- Здорово! Очень здорово!

- Воистину так, - отозвался капитан Марк Дональдсон, берясь за рычаг управления. - Ну что ж, начнем наше исследование, если никто не против?

Марк перевел роботов в автономный режим, при котором они должны были направляться в сторону любого замеченного движения. Однако они не трогались с места, поэтому Марк при помощи рычага медленно повел головного робота через пляж к полосе зелени. Два остальных робокара двинулись следом.

Эллиот, повернувшись, поглядел на обзорный экран Марка, куда выводилось изображение с передней камеры головного робокара. В благоговейном молчании Эллиот, Борис и, конечно, сам Марк смотрели, как робот приближается к тому, что можно было принять за лес или джунгли. Уровень освещенности упал: ветки и листья закрыли почти весь свет Рольфа-124С.

- Это и вправду деревья, - проговорил Эллиот шепотом. - Вроде бы.

Марк подвел головной робокар к одному из них и остановился.

Дерево было толстым и приземистым, с широкими зелеными листьями величиной с обеденную тарелку. Серый ствол возле основания окружало густое сплетение чего-то наподобие корней. Они образовывали вокруг ствола сплошное кольцо, которое выдавалось во все стороны едва ли не дальше ветвей. По нескольку корней от каждого дерева змеями уползали прочь и терялись в корневой системе соседних деревьев.

- Однако странно, - заметил Марк, взглянув на панель управления. - Другие роботы продолжают двигаться. И перемещаются с приличной скоростью.

- Наверное, где-то замечено движение, - предположил Борис. - Роботы следуют.

Марк переключил изображение на мониторе на камеру другого робокара.

- Вы правы, так и есть. В этом, э-э... лесу действительно что-то движется.

Робокар выбрался на открытое место. На другой стороне, прислонившись к дереву, стояло существо.

- Боже милосердный! - Марк выпучил глаза, глядя на экран.

- Как корова с шестью ногами, - заметил Борис.

Эллиот поймал себя на том, что стоит, раскрыв рот. В животном и впрямь было что-то коровье, однако его спина покато уходила от холки вниз, как у жирафа. И

если средние и задние ноги оканчивались чем-то наподобие копыт, то на концах передних конечностей располагалось нечто, напоминавшее кисти рук, - с четырьмя длинными пальцами на каждой. И помимо всего прочего, по бокам головы животного торчала пара чего-то, очень похожего на заячьи уши.

- А знаете, - сумел наконец выговорить Эллиот, - оно вроде как... ну, вполне нормальное на вид. - Он покусал губу. - В смысле, выглядит достаточно знакомо.

Марк кинул на Эллиота взгляд через плечо.

- Знакомо? - повторил он с хриплым смешком. - Я бы посоветовал вам контролировать количество потребляемого спиртного.

- Да нет! Я хочу сказать: в целом оно устроено по тем же принципам, что и земные животные, - прошептал Эллиот, не спуская глаз с существа. - Похоже, концепция панспермии все-таки верна.

- Ну, вы экзобиолог, вам и карты в руки. - Марк снова вернулся к монитору. - Бог мой, как бы я хотел там высадиться!

- Нет возможности, - ответил Борис. - Двигатели работают только в космосе.

- Да знаю я, знаю, - процедил Марк сквозь зубы.

- Идея была в том, чтобы не допустить биологического загрязнения, - пояснил Эллиот.

- Вы думаете, я загрязняю, - сказал Борис с улыбкой. - А ведь мы, люди, по крайней мере Марк и я, - он хлопнул себя по груди, - вершина пищевой цепочки!

Эллиот с трудом выдавил улыбку.

Из динамика на пульте донеслось нечто, похожее на блеяние, перемежающееся щелчками. Поскольку робокары не были оборудованы стереомикрофонами, Эллиот не мог бы поклясться, что звук исходил именно от животного.

- Как овца, у которой икота, - снова заметил Борис.

Марк кивнул.

- Всего лишь месяц наблюдений с орбиты, - проговорил он, обращаясь скорее к самому себе, чем к остальным, - едва ли компенсирует шесть месяцев, которые мы потратили, чтобы сюда добраться. - Он вздохнул. - Однако нам, как и Земле, придется довольствоваться роботами.

- Кстати, о роботах, - заметил Эллиот, - как насчет того, чтобы проверить нашего зайцеухого друга УМОм?

На одном из робокаров был установлен модуль УМО - Установки межвидового общения и оценки интеллекта. Замысел заключался в том, что если робот обнаружит что-то движущееся, он применит якобы не зависящий от вида тест на разумность. Если движущийся объект его пройдет, робот запустит развернутый курс обучения языку, который, по заверениям разработчиков, сможет обеспечить

межвидовое общение.

- УМОм? - Марк задумался. - Нет, пока не стоит. Я бы предпочел не терять одного из роботов на... я не знаю, сколько времени это может занять... может быть, месяц.

- Месяц - это только если зайцеухий обладает интеллектом, - заметил Эллиот.

- Сомневаюсь. - Марк поджал губы. - В настоящий момент это неэффективное использование робокара. В любом случае, после того как мы улетим, этот малыш сможет проводить свои тесты сам по себе сколько угодно месяцев.

Эллиот грустно кивнул. Марк был прав: робот запрограммирован на безостановочную охоту на разумные объекты, и ему для этого не требуется человеческое вмешательство. У биолога не было никаких предлогов, чтобы задействовать робота именно сейчас.

- Запускаю ретрансляционный орбитальный спутник... пошел! - сказал Марк.

* * *

Пролетел месяц, и, несмотря на уникальность их положения, команда рвалась домой. На самом деле они здесь были больше не нужны - они не имели возможности спуститься на поверхность, а робокары могли продолжать исследования и сами по себе. Роботы записывали все, что им попадалось, отправляли данные на орбитальный спутник, а спутник пересылал их на Землю.

Уже сейчас полученные данные были захватывающими: Эллиот заказал вмонтированной в робокар химической лаборатории сделать анализ почвы, и к его радости (и удивлению), в ней не было обнаружено ничего, что могло бы причинить вред людям. Более того, местную растительность можно было есть, и судя по всему, она могла предоставить землянам какой-то необходимый минимум питательных веществ.

В почве имелась жизнь: без сомнения, эти создания заполняли экологическую нишу, отведенную на Земле насекомым. Были также организмы, зеленые, как трава, и похожие на кусты. И кроме того, были еще эти совершенно невероятные зайцеухие животные - единственные крупные существа, которых они обнаружили.

Эллиот предложил товарищам продлить срок миссии, доказывая, что на Земле все равно никто не заметит, а если и заметят, то волноваться не будут. Но Марк, как бывший военный, считал, что они не должны отклоняться от графика. Борису тоже не хотелось больше ждать. Да и сам Эллиот, слушая остальных, понял, что уже предвкушает возвращение на Лунную базу - где их, без сомнения, встретят как

героев.

- Ну хорошо, - сказал Марк. - Борис, активируйте замедлитель Хиггса, и поехали домой.

Эллиот ожидал почувствовать знакомую легкость, ощущение потери плотности и радостное предвкушение возвращения на Землю через какие-нибудь шесть месяцев. Однако после того как Борис нажал кнопку, тяжесть Эллиота нисколько не изменилась.

- Что случилось?

Борис наклонился вперед и защелкал какими-то переключателями. Через несколько секунд он откинулся на спинку своего кресла и вздохнул.

- У нас проблема.

- Серьезная? - Марк вложил в это единственное слово целую вселенную тревоги.

- Может быть. - Массивные руки Бориса сжали рычаги. - Надо сделать диагностику.

- А что с двигателями Ричардсона?

Борис выпустил струю воздуха сквозь сжатые губы, издав звук, похожий на лошадиное фырканье.

- С двигателями отлично. - Он вперил свирепый взгляд в компьютер у себя на пульте. - Но без Хиггса мы не перенесем ускорение, чтобы дойти до околосветовой скорости.

Пока Борис работал, в помещении царило молчание. Несколько минут спустя он поднял голову и уставился на переднюю переборку.

- Это серьезно! Отказ элемента замедления.

- Вы можете это починить? - спросил Марк.

- Нет.

- Борис. Я же вас знаю, - с мольбой проговорил Марк. - Вы можете починить что угодно.

- Большой кубический чип замедлителя. - В голосе Бориса звучала покорность судьбе. - Он совсем маленький, хотя называется «большой». Когда сломается, такой миниатюрный чип даже швейцарский часовщик не может починить.

- Может, распотрошить какой-нибудь другой элемент оборудования? - спросил Эллиот.

Борис покачал головой.

- Уникальный чип.

- И у нас нет замены?

И снова Борис медленно качнул головой.

- Очень сложно делать, и дорого. И его считают абсолютно надежным.

- Да неужели! - произнес Эллиот; по его тону чувствовалось, что он готов кого-нибудь убить.

- А если мы запустим двигатели с небольшим ускорением, - мягко спросил Марк, - сколько времени у нас уйдет на то, чтобы добраться до дома?

- Откуда знать? - Борис воздел руки. - Может быть, пятьдесят лет.

- Даже если мы введем нормирование, - произнес Марк шепотом, - провизии нам хватит на пару лет, не больше.

- И в любом случае, - со вздохом добавил Эллиот, - мы не сможем нормировать потребление кислорода.

Несколько минут прошло в молчании. Потом Борис сказал:

- Мы мертвы.

- Вы абсолютно уверены, что нельзя починить замедлитель? - спросил Марк.

- Абсолютно. Чип сгорел, его нет, головешка. - Борис повесил голову. - Мертвы.

Марк дико покосился на передний монитор.

- Нам все же придется спуститься на планету!

- Так смерть быстрее, - сказал Борис с угрюмым смешком. - Корабль сгорит в атмосфере.

Эллиот отметил, что его товарищи, кажется, восприняли новость с поразительным самообладанием, но затем решил, что, скорее всего, никто из них, как и он сам, попросту не хочет быть первым, кто «потеряет лицо».

Марк оглядел корабль, словно в поисках двери, ведущей к спасению.

- Как насчет гондолы аварийного катапультирования?

- Да! - Борис вскинул голову и устремил взгляд на люк. - Отлично! Превосходно! Мы набиваем туда еды и спускаемся вниз.

- Эй, подождите-ка, - перебил Эллиот. - Наша миссия в значительной степени заключалась как раз в том, чтобы не заразить планету земными организмами.

- Черт с ним, с биологическим заражением. - Марк смерил его холодным взглядом. - Лично я хочу остаться в живых. - Его губы растянулись в тонкой усмешке. - Чтобы все остались в живых, - добавил он, словно это не сразу пришло ему в голову.

- Но...

- Я отправляю радиограмму на Землю, - сказал Борис. - Через... пятнадцать лет они нас спасут.

Эллиот откинул назад голову.

- Пятнадцать лет! - Он попытался засмеяться.

- Это возможно, - настаивал Марк, не сводя глаз с Эллиота. - Температура

поверхности восемьдесят градусов^{*26}, как на курорте. Вы сами проводили химические анализы. Мы сможем питаться местными растениями. Там, наверное, нет никакой микрофлоры, которая могла бы причинить нам вред. - Его взгляд стал пронзительным. - Вы ведь сами это говорили, не так ли?

- А если не вредит нам, - торжествующе провозгласил Борис, - значит, наши микробы, может быть, тоже ничего не сделают зайцеухим.

- Вообще-то, экзобиология не такая уж точная наука, - возразил Эллиот. - К тому же, если исходить из теории панспермии, то там как раз вполне может оказаться целый набор микробов, способных нам навредить.

- Однако похоже на то, что их там нет, верно? - Марк блеснул улыбкой, слишком мимолетной, чтобы смягчить серьезное выражение его лица. - Возможно, нам следует благодарить за это эволюцию.

Борис попытался встать, но страховочные ремни удержали его.

- Земные микробы не могут вредить зайцеухим! Вы сказали так!

- Я сказал: может быть! Но если вдруг мы ошибаемся, это будет означать массовое убийство! - Эллиот стащил с лица очки. - А мы ведь до сих пор не знаем, насколько они разумны.

- Смотрите на них! - возразил Борис, повышая голос. - Тупые, как коровы!

- Ну хорошо, достаточно. - Марк обратился к Борису. - Вы действительно считаете, что мы можем воспользоваться аварийной гондолой?

- Она сделана для аварии на земной орбите, но... я думаю, да. - Он посмотрел на аварийный люк. - Да, наверняка.

Марк с Борисом принялись обсуждать детали высадки на поверхность и перевозки необходимых припасов, в то время как Эллиот обдумывал сложившуюся ситуацию. Кажется, у них не было никаких приемлемых вариантов. Пятнадцать лет - чертовски долгий срок; такая перспектива едва ли выглядела намного более желанной, чем быстрая смерть. И к тому же в том, чтобы стать мучеником науки, есть нечто романтическое. Его охватило ощущение собственной праведности.

- ...жалко, нет оружия, - донесся до Эллиота голос Бориса, который вывел его из состояния задумчивости. - А то бы мясо добыли.

- Можно попробовать воспользоваться виброрезаком, - предложил Марк.

- Нет! - закричал Эллиот, которого привела в ужас мысль об убийстве зайцеухого зверька.

Марк и Борис резко повернулись и посмотрели на него. И тут, под давлением обстоятельств, Эллиоту пришла идея.

- Есть другой путь!

---

²⁶ * По Фаренгейту, то есть 26,5°C. (Здесь и далее прим. перев.)

- Вот как? - сказал Марк.

- Смотрите, - продолжал Эллиот. - Биологи уже несколько лет проводят эксперименты по замораживанию мелких млекопитающих, а потом вновь возвращают их к жизни.

Марк не сводил с него подозрительного взгляда.

- Мы могли бы... - Эллиот заколебался; часть его сознания протестовала против того, что он собирался предложить. - Мы могли бы запустить автопилот и задать кораблю курс обратно на Землю, на лунную орбиту. А потом создать небольшую утечку воздуха, отключить жизнеобеспечение, усыпить себя до бессознательного состояния и...

- Это смешно, - сказал Марк. - Еще никто не пытался заморозить, а потом оживить человека.

- Но за пятьдесят лет, которые пройдут, пока мы доберемся до дома, там наверняка уже разработают необходимую технологию!

Марк и Борис смотрели на него и молчали.

- Подумайте сами, - Эллиот чувствовал, как на его висках проступают капельки испарины. - При медленной заморозке в вакууме не будет даже повреждения клеток!

Марк снисходительно рассмеялся.

- Заморозка и вакуумная упаковка. Нет, я не думаю, что это хорошая идея.

- Я тоже, - подхватил Борис со смешком, который больше походил на насмешливое фырканье.

И тут, ощущая себя вновь высмеянным своими коллегами, Эллиот принял импульсивное решение.

- Ну, вы как хотите, а я поступлю именно так. - Он изо всех сил пытался убедить себя в том, что это хорошая идея. - И как мне кажется, у меня будет больше шансов выжить, чем у вас.

- Вы так считаете?

- Я... да, я так считаю!

- Что же, очень хорошо.

Марк повернулся обратно к Борису, и они продолжили обсуждать свои будущие действия. План был такой: они отправят сообщение на Землю, после чего загрузят аварийную гондолу по самую крышу провизией и инструментами, какие только смогут взять с собой - благодаря тому, что Эллиот оставался на корабле, у них образовалось дополнительное место. Наконец Марк решительно подхватил Бориса и открыл люк, ведущий к гондоле.

- Думаете, мы сумеем построить укрытие без гвоздей и молотков? - спросил

Борис, когда загрузка гондолы близилась к концу.

- Это не проблема, - заверил его Марк, затапливая в гондолу шахматную доску Бориса. - Я был бойскаутом и получил значок за навыки выживания.

- Смешная мысль, - заметил Борис, - готовить нашу высокотехнологичную еду на костре.

Марк погладил пальцами подбородок - единственный из них троих он был гладко выбрит.

- Наши припасы мы будем приберегать для экстренных ситуаций. - Он бросил взгляд на Незабудку через смотровое окно. - С самого приземления мы будем использовать ресурсы планеты.

Глядя, как его товарищи готовятся к отправлению, Эллиот жалел, что не сумел удержать рот на замке. Однако он уже выболтал свое решение и теперь не мог взять его обратно. Дальше ему придется жить по-своему. «Или умирать по-своему», - с горечью поправил он себя.

- Удачи, - проговорил Эллиот слабым голосом. - Я буду какое-то время держать с вами связь.

«До тех пор, пока не наберусь смелости погрузить себя в долгий сон».

Наблюдая за изображением с обращенной к планете камеры, он ясно представил себе звук глухого удара, когда аварийная гондола тяжело приземлилась на той же самой полоске пляжа, куда раньше спланировали на парашютах робокары.

Эллиот дал увеличение и принялся с беспокойством глядеть на люк гондолы, но это продолжалось недолго. Вскоре крышка распахнулась и упала на пляж. Марк с Борисом выбрались наружу без скафандров - в них не было нужды. Впрочем, оба надели наушники, чтобы поддерживать связь.

- У вас все в порядке? - спросил Эллиот в микрофон у себя на пульте.

- Не то слово! - раздался в динамике жестяной голос - это был Марк.

- Здесь замечательно! - провозгласил Борис.

Эллиот с удивлением понял, что их голоса звучат по-настоящему счастливо, даже восторженно - что для Марка было совершенно нехарактерно. Эллиот приписал это действию воздуха Незабудки, в котором содержался более высокий процент кислорода, чем на Земле. Он пожалел, что не находится там, внизу, вместе с ними.

* * *

На протяжении нескольких следующих дней Эллиот, подобно Робинзону Крузо, переживал захватывающее приключение: превращение новой планеты в дом.

Он оправдывал отсрочку своего погружения в криосон, убеждая себя, что оказывает необходимую помощь Марку и Борису: будучи на корабле, он мог управлять робокарами и посылал их на разведку впереди людей, чтобы загодя предупредить своих бывших товарищей о возможных опасностях.

Однако за следующую неделю никаких опасностей не обнаружилось - самым угрожающим стал внезапный ливень. Поэтому, испытывая лишь минимальное чувство страха, не больше того, какой может вызвать просмотр семейного кинофильма, Эллиот наблюдал, как Марк с Борисом обустроиваются: рубят деревья, чтобы сделать себе убежище, едят местные растения без видимых последствий и исследуют повадки туземных животных. Эллиот начинал чувствовать собственную бесполезность. Он-то был всего-навсего экзобиологом-теоретиком, в то время как Марк и Борис проводили биологические эксперименты на собственной шкуре. Эллиот буквально погибал от зависти.

К концу второй недели зависть начала уступать место скуке - даже несмотря на то что роботы обнаружили каких-то других «животных». По размерам эти создания сильно уступали зайцеухим и были очень пугливы - чаще всего они тотчас же убегали в более густые заросли, куда робокарам было трудно проникнуть. Ни Марк, ни Борис, по-видимому, не испытывали даже отдаленного интереса к тому, чтобы попробовать их отыскать.

Эллиот решил, что настало время отправляться в путь. Он приготовил свой гибриционный коктейль и запрограммировал корабль на долгое возвращение к лунной орбите.

Однако ему пришлось вновь отложить свой отлет. Борис внезапно объявил: «Я хочу мяса!» - сопроводив это требованием, чтобы Эллиот послал роботов выследить одного из зайцеухих.

Эллиот был в ужасе.

- Вы не можете просто так взять и начать здесь охотиться, - передал он в ответ. - Вы понятия не имеете, какие последствия это может иметь для местной экологии!

- Мне не важно.

- Послушайте, - Эллиот помрачнел, но старался, чтобы его голос звучал дружелюбно. Хорошо, что коммуникатор передает только звук, подумал он. - За миллионы лет эволюции мы превратились в высокоразумный вид. Для нас это должно быть важно.

В динамике послышался смех Марка.

- То есть если бы мы не были «высокоразумными», как вы говорите, -

пренебрежительно заметил он, - нам бы ничто не мешало преспокойно начать охотиться и стать толстыми и здоровыми. В чем же тогда преимущество разумности, с точки зрения дарвинизма?

И прежде чем Эллиот смог сформулировать вежливый ответ, Марк добавил:

- Ладно, как вам такой вариант: мы отыщем верхнее звено местной пищевой цепи и будем есть то же, что едят они? Отведем на выяснение этого вопроса, скажем, одну земную неделю. Согласны?

- Я не слишком понимаю, что такое верхнее звено этой цепи, - прервал Борис. - Люди едят кур. Куры едят червей. Черви едят людей. Какое звено верхнее? - Он помолчал. - Но ладно, я в деле.

- Хорошо, - согласился Эллиот, понимая, что ничего лучшего он от них не добьется. - Высылаю роботов.

- Превосходно, - сказал Марк. - Борис, а я пока покажу вам, как сделать лук и стрелы.

* * *

Земная неделя прошла. Роботам удалось выследить массу местных животных - норных, древолазающих, похожих на белок; все они были о шести ногах, как и зайцеухие. Однако, подобно зайцеухим, все оказались травоядными. Эллиот был уверен, что хищники здесь тоже есть, но, очевидно, они были слишком шустрыми даже для роботов.

- Ну хорошо, - сказал Марк. - Похоже на то, что вершина пищевой цепочки - это мы.

- Значит, охотимся на зайцеухих, - обрадовался Борис.

- Подождите! - Эллиот склонился к микрофону. - Это невозможно! Я хочу сказать, сперва мы должны выяснить, не наделены ли они зачатками разума.

Он услышал вздох.

- Вы, конечно же, шутите, - донесся до него голос Марка, который явно терял терпение.

- Это не Эйнштейны, - сказал Борис. - Значит, едим.

- Да послушайте же! - умолял Эллиот. - Существуют разные степени разумности, как и, по-видимому, способности ощущать. Нам следует...

- Мы вели себя очень благоразумно, - сказал Марк. - Однако Борис прав: настало время добавить к нашей диете хоть какой-то источник протеина.

- Вы действительно вели себя достойно, - согласился Эллиот, стараясь излучать

ауру благоразумия. - И скорее всего, вы правы, говоря, что зайцеухие не обладают сознанием. В таком случае да, это действительно просто охота. Однако если вдруг все-таки окажется, что обладают? Ведь это будет убийство!

Помолчав секунд десять, Марк спросил:

- И что вы предлагаете?

- Позвольте мне проверить одного из зайцеухих УМОм.

- Это коровы! - сказал Борис. - Тупые коровы.

- Может быть, - отозвался Эллиот. - Но я в этом не уверен... И не забывайте, рано или поздно Земля станет свидетелем всего, что мы здесь делаем.

Марк снова вздохнул.

- Ну хорошо, - отрывисто сказал он. - У вас три дня.

- А потом мы поедим, - добавил Борис.

* * *

Прошло несколько дней. Эллиот сидел перед монитором, грызя дужку очков, и ждал, пока зайцеухий отреагирует на УМО. Ученые-неврологи снабдили робокар множеством модулей, основанных на различных моделях и определениях интеллекта. Отданный на волю собственной аппаратуры, УМО должен был перебирать их все по очереди. Эллиот возлагал большие надежды на то, что среди модулей, ввиду четко определенной предметной области этой игры, имелся и такой, который обучал игре в шахматы.

Однако любой из модулей предполагал некоторую степень заинтересованности со стороны объекта, а зайцеухий не выказывал абсолютно никакого намека на интерес. «Вот уж действительно, любопытства не больше, чем у коровы», - сердито думал Эллиот.

Уже несколько часов оснащенный УМО робокар торчал перед зайцеухим, подсовывая ему свой дисплей и кнопки отклика. Непосредственно под экраном размещались две большие кнопки: одна была квадратная и красного цвета, другая - голубая и круглая. Мультфильмы всех видов и проигрываемые на разных скоростях побуждали зайцеухого нажать одну из кнопок, однако упрямое создание как раз это и отказывалось делать, даже когда Эллиот подвел робокар непосредственно ему под нос - если это был действительно нос. Помимо прочего, Эллиот начинал сомневаться, были ли глаза животного на самом деле глазами.

Эллиот шумно выдохнул. Он сделал все, что только мог придумать, чтобы предотвратить съедение зайцеухого, но все без толку. С глубокой грустью он

включил коммуникатор и посредством робокара доложил Марку о результатах своих усилий.

- Мне нужно больше времени, - сказал он в заключение. - Возможно, у него такой тип интеллекта, который сложно оценить...

Из-за низкого расположения камеры Эллиот глядел на Марка снизу вверх, чувствуя свое подчиненное положение и жалея, что робокары не делают более высокими.

- Я что хочу сказать: мы ведь даже про кошек и собак не знаем, у кого интеллект выше, - лепетал он, как будто поток слов мог задержать смертоубийство. - Или, если уж на то пошло, мы ведь даже не можем сказать, что вообще такое интеллект. А следовательно, УМО этого тоже не знает. Поэтому я считаю, что мы должны...

- Нет. - Марк посмотрел на свои руки. - У меня уже ногти потрескались.

- И что? - рявкнул Эллиот. - Вы готовы начать убивать только из-за того, что у вас трескаются ногти?

- ...А также вялость, и сухая кожа, и проблемы со сном, и...

- Какое это имеет отношение к...

- Недостаток протеинов, - сказал Марк.

- Может быть, это что-то другое, - неуверенно предположил Эллиот, остро осознавая, что врачом на корабле был Марк.

- Растительной жизни на этой планете просто недостаточно, чтобы поддерживать человека долгое время. - Марк коротко, безрадостно улыбнулся. - Боюсь, вопрос стоит так: либо зайцеухий, либо мы.

- И это будем не мы! - добавил Борис.

* * *

Эллиот снова заглянул в лагерь Марка и Бориса. Поодаль лежали три туши зайцеухих, и он, почувствовав отвращение, поспешно перевел камеру на пылающий костер. В данную минуту там не жарилось мясо, так что огонь выглядел весьма привлекательно. Эллиоту страшно захотелось ощутить на своей коже его проникающее тепло и услышать запах горящего дерева: Марк недавно отметил, что его дым пахнет очень приятно и успокаивающе.

Даже не глядя на туши, Эллиот не мог отделаться от мыслей о них. Местный климат был теплым, и поскольку заморозить добычу невозможно, Марку с Борисом приходилось часто охотиться. «Какое расточительство!» - думал Эллиот, вспоминая о собственных запасах провизии, которые понемногу начинали

истощаться. Скоро ему придется либо урезать свое довольствие, либо отправляться домой. Эллиот поморщился: он по-прежнему не чувствовал в себе готовности пускаться в путь и к тому же был вынужден признать, что боится путешествия в объятиях сна, подобного смерти.

- Жалеете, что не спустились, а? - донесся до него голос Бориса.

- Вы попусту расходуете древесину, - заметил Эллиот.

- Что вы вегетарианец, я знал, - захохотал Борис. - Но не думал, что вы обнимаетесь с деревьями.

- А если и так, что с того? - Эллиот сердито прервал связь и ринулся прочь из кабины, чтобы сыграть с компьютером еще одну партию в шахматы.

* * *

Утром, по-видимому, даже Марк почувствовал, что они напрасно расходуют жизни животных.

- Мы не можем и дальше заваливать лагерь гниющими тушами зайцеухих, - объявил он через робокар.

- Они начинают вонять, - добавил Борис.

- Нам нужно найти более мелкий объект для охоты, - продолжал Марк. - Поэтому я бы попросил вас принять управление робокаром и возглавить наш охотничий отряд.

- Меня? - в ужасе переспросил Эллиот. - Возглавить охотничий отряд?!

В динамике послышался лающий хохот Бориса.

- В противном случае, - судя по голосу, Марка забавляло затруднительное положение Эллиота, - нам придется продолжать убивать зайцеухих.

- Ну ладно, - проговорил Эллиот, пытаясь не показывать, насколько он ошеломлен этим предложением. - Когда?

- Прямо сейчас, если вам не трудно.

Эллиот издал умышленно громкий вздох, чтобы робот уж точно донес его до поверхности планеты.

- Хорошо, я активизирую робокары.

По причинам, которых он не мог бы объяснить, Эллиот чувствовал, что будет меньшим злом убивать вместо зайцеухих каких-нибудь других животных, помельче. «По крайней мере их жизни не будут потрачены впустую», - думал он.

- Ну и превосходно. - По тону Марка было очевидно, что он упивается победой. - А мы достанем луки и стрелы.

* * *

Не прошло и получаса, как робокар зарегистрировал в кронах деревьев какое-то движение. Включив увеличение, Эллиот увидел похожее на мартышку животное, которое скакало с ветки на ветку. «Почему мы не встречали ничего подобного до сих пор?» - недоумевал он. Как и у мартышек, у животного были рыже-коричневый мех, глаза в передней части головы, подвижные ловкие пальцы и длинный мохнатый хвост, однако вместе с тем имелось шесть ног. В отличие от зайцеухих, псевдомартышка даже выглядела разумной. В одной лапе она держала какой-то фрукт или овощ и помахивала им, словно хвастаясь своей находкой.

Сперва Эллиот не хотел говорить другим об обнаруженном существе, но, немного подумав, покорился неизбежному. В любом случае, они производили такой шум, проламываясь сквозь подлесок, что Эллиот был уверен: псевдомартышка скоро сбежит.

Однако она не сбежала. «Должно быть, у них здесь нет естественных хищников, по крайней мере не было до сих пор, а значит, нет и причин убегать», - думал Эллиот, переключая камеру на робокар, который следовал за Марком и Борисом. Его коллеги мчались сквозь лес с луками и стрелами на изготовку, словно какие-нибудь бойскауты младшей группы, перевозбудившиеся от того, что налопались сладостей. Они, очевидно, тоже заметили это создание и принялись осыпать его ливнем стрел. Эллиот был рад, наблюдая, как их выстрелы бьют далеко от цели.

Поскольку на Незабудке, судя по всему, не водились птицы, Марк с Борисом не имели возможности оснастить свои стрелы перьями. Вместо этого они использовали листья. «Наверное, поэтому они все время мажут», - подумал Эллиот.

Через какое-то время новизна деревянного оружия, очевидно, стала им приедаться.

- Это бесполезно! - воскликнул Марк с досадой. - Я и в стенку сортира не смог бы попасть, даже находясь внутри!

- Но мы можем попасть в корову снаружи, - возразил Борис. - Идем искать зайцеухих! Да?

- Пока что нет, - сказал Марк. - Это уже становится личным делом. Я хочу заполучить эту обезьяну.

Как раз в этот момент мартышка помахала фруктом, словно дразня Марка с Борисом.

Марк вновь припустил бегом, легко ставя ноги. Борис, хотя и более неуклюже, последовал за ним. Они перегнали головной робокар, и Эллиоту пришлось увеличить приближение, чтобы не упустить их из виду. Однако вскоре - и довольно резко - оба вновь замедлились и перешли на шаг. Эллиот прищурился: едва ли причиной их неторопливой походки могла быть усталость. Его товарищи шли, словно бы погруженные в транс. Казалось, теперь они уже не гнались, а, скорее, следовали за мартышкоподобным существом.

- В чем дело? - тихо спросил Эллиот, чувствуя, как ему тоже частично передается их зачарованное состояние.

Ни Марк, ни Борис ничем не показали, что услышали вопрос.

- Марк! - возглас, почти крик Эллиота завибрировал в стенах кабины. - Борис! Что у вас там происходит?

- Пахнет, - послышался мечтательный голос Марка. - Сладко...

- Чудесно пахнет, - проговорил Борис не свойственным для него мягким тоном. - Где-то впереди. Наверное, мартышка. - Он ускорил шаг. - Надо посмотреть...

- Я думаю, что этого не стоит делать, - возразил Эллиот. - Наоборот, я бы сказал, что вам лучше повернуть...

Внезапно он почувствовал, как его рот раскрывается от удивления. Робокар вырвался на широкую круглую поляну, в середине которой стояло огромное дерево - таких великанов Эллиот на этой планете еще не видел. Его ствол мог сравниться по толщине с калифорнийской секвойей, а у комля зияло похожее на раскрытый рот отверстие высотой примерно в два метра, уводившее куда-то в темноту. Сходство еще больше усиливалось благодаря низко нависшим ветвям, на концах которых имелись шаровидные утолщения, напоминавшие глаза. Дерево имело вид плотный и основательный, не в последнюю очередь из-за корневой системы, часть которой располагалась на поверхности земли - корни змеями струились к периметру поляны, где сливались с корнями других деревьев.

На глазах у Эллиота псевдомартышка спрыгнула на землю и юркнула в дыру. Марк с Борисом направились вслед за ней к темному отверстию.

- Стойте! - крикнул им Эллиот. - Не ходите туда!

- Почему? - послышался голос Марка. Ни он, ни Борис не замедлили шага.

- Я... не знаю.

Помолчав несколько секунд, Эллиот спросил:

- Ребята, у вас все в порядке?

- Все отлично, - отозвался Борис, по-прежнему пугающе мягким голосом.

- Я думаю, что вам нужно вернуться в лагерь, - ровно проговорил Эллиот, стараясь попасть в тон Борису в надежде, что это поможет достучаться до них.

Марк с Борисом подошли к дереву и нагнулись перед входом в дыру.

- Стойте! - закричал Эллиот, хотя сам не знал, почему он это делает.

- Все в порядке, - сказал Марк и шагнул внутрь. Борис последовал за ним.

- Марк! Борис!

- Не стоит волноваться, - гулко прозвучал отстраненный голос откуда-то изнутри дерева.

Несколько минут Эллиот ждал в тишине, с каждой секундой все больше преисполняясь беспокойства. Он позвал своих товарищей, но не получил ответа. На протяжении следующих десяти минут он время от времени снова принимался кричать и, наконец, ругая себя за то, что не догадался сделать этого сразу же, подвел к отверстию робокар.

Остановив его у входа, Эллиот принялся копаться в пульте управления роботом. «Где здесь включается прожектор, черт его подери?» В конце концов он обнаружил нужную кнопку, зажег лампу и приказал роботу двигаться вперед, а затем поднял взгляд на монитор.

- Ох, Боже милосердный!

Марк с Борисом словно бы обнимали дерево - с внутренней стороны. Стоя на цыпочках, прижавшись щеками к древесной стенке и раскинув руки, с блаженным выражением на лицах, они казались спящими. Их безвольные тела висели внутри одежды, которая, по-видимому, завязла в клейкой пленке, выстилавшей ствол изнутри. По обе стороны от них виднелись трупы животных на разных стадиях разложения, оплетенные проросшими насквозь тонкими ползучими побегами.

- Марк! Борис! - завопил Эллиот. - Убирайтесь оттуда!

Борис дернулся, и Эллиот закричал снова. Борис опять пошевелился, но на этот раз только крепче прижался к дереву, как будто крик Эллиота был неприятным вторжением в его блаженное состояние.

В отчаянии Эллиот принялся обшаривать пульт управления в поисках какого-нибудь подходящего орудия, но это был не тот робокар. Он переключился на второго робота, который был оборудован модулем анализа почв и горных пород. Вкатив робокар в отверстие и подведя его вплотную к Марку, Эллиот запустил дисковую пилу по камню. Он надеялся разрезать одежду Марка и тем самым освободить его.

Эллиот передвинул робота так, чтобы пила могла разрезать ткань между бедром Марка и покрывавшей ствол клейкой пленкой, однако угол был выбран не совсем верно. Орудия рычагом управления и переключая скорости, Эллиот попытался поставить пилу как надо, и тут протекторы робота забуксовали. Он включал переднюю и заднюю передачу, но все было бесполезно: робокар тоже застрял.

Эллиот попробовал использовать пилу как рычаг, уперевшись ею в дерево, чтобы выпихнуть робокар назад, однако из этого ничего не вышло - пила теперь тоже завязла в дереве. Минут, наверное, около пяти Эллиот сражался с рычагами, прежде чем сдался. Он не мог спасти робокар, как не мог спасти Марка с Борисом.

Видя, как его товарищей ласково убивают, Эллиот боролся с подкатывающей тошнотой, еле сдерживая рвотные позывы. Он не мог смотреть, как Марк с Борисом прощаются с жизнью. «Надо убираться отсюда», - решил Эллиот и переключился обратно на робокар с модулем УМО. Однако едва он начал задним ходом двигать робокар к выходу, как увидел все ту же псевдомартышку: она скакала с одного мертвого животного на другое, очевидно, неподвластная действию древесного клея.

«Мерзкое, отвратительное создание! - Эллиот сжал кулаки в приступе ярости. - Заманивает бедных животных в дыру, чтобы кормить это чертово дерево!»

Вспышка гнева миновала, оставив в нем ощущение пустоты.

- Нет, - проговорил Эллиот вслух. - Ничего отвратительного. Обычный симбиоз.

Он кинул еще один беглый взгляд на своих товарищей. «Подумать только, какое-то растение сумело с ними справиться! - Он скривил губы в безрадостной усмешке. - Борис был не прав. Это дерево - вот что находится на вершине местной пищевой цепочки».

Эллиот вывел робокар из темноты на солнечный свет, развернул машину и поспешно покатил прочь. Однако вскоре остановился: собственно говоря, ему некуда было ехать. Чувствуя себя ужасно одиноким, он вновь повернул робокар и посмотрел назад, на дерево. Оно стояло молчаливо, неподвижно, со своими похожими на глаза ветками, свисающими лианами и приветливо распахнутой пастью.

Пора убираться из этого места и отправляться домой.

Эллиот заметил у подножия дерева какое-то движение и вздрогнул. На одно мгновение у него промелькнула абсурдная мысль, что это могут быть Борис и Марк, которые каким-то образом умудрились сбежать. Однако это оказалась уже знакомая ему мартышка.

Зачарованный против воли Эллиот смотрел, как мартышка подбегает к робокару. Животное обнюхало его со всех сторон, резко двигая головой из стороны в сторону и разглядывая робокар под всевозможными углами. Кроме того, оно издавало звуки - это было похоже на пронзительный вой сирены, прерываемый сериями щелчков.

«Похоже, оно... оно любопытное!» Почти непроизвольно рука Эллиота потянулась к пульту управления и запустила модуль УМО.

Монитор, видеокамера и клавиатура модуля развернулись перед мартышкой, словно раздвижная китайская игрушка, и животное с визгом отпрыгнуло назад. Несколько мгновений оно настороженно разглядывало робокар, затем недоверчиво приблизилось снова. Эллиот активизировал Модуль распознавания интеллекта 1-альфа и запустил программу.

Прежде всего модуль попытался подсунуть животному кнопку, чтобы оно нажало ее. Мартышка поддавалась соблазну, и экран показал ей видеоизображение ее самой. Модуль повторил последовательность несколько раз, пытаясь определить скорость отклика животного. Затем автомат запустил длинную серию инструкций, начинавшуюся с понятия числа.

Чувствуя вину за то, что не спешит предаться скорби по своим товарищам, Эллиот обратил все свое внимание на мартышку; восторг сделанного открытия заслонял собой горе. Он был заинтригован и вместе с тем озадачен. Движения мартышки были проворными, как у кошки, однако на команды модуля она реагировала мучительно медленно. «И тем не менее она дает правильные ответы. - Эллиот разглядывал тощее, гибкое тельце животного. - Если ее мозг расположен там же, где у земных животных, то он вряд ли слишком большой. Действительно ли это крошечное создание может быть разумным?»

Время от времени мартышка поглядывала через плечо куда-то назад. Эллиот проследил один из таких взглядов и обнаружил, что она смотрит на дерево! С испугом он понял, что похожие на глаза утолщения теперь направлены в его сторону. «А вдруг это и на самом деле глаза?» Перед его внутренним взором всплыл непрошенный образ Марка с Борисом, но Эллиот отогнал его, освобождая место для окончательно дикой идеи. «Вероятно ли такое? Может ли быть, что разумно на самом деле дерево, а не мартышка?» Он окинул взглядом путаницу корней, соединявших другие деревья с находившимся перед ним монстром. «Похоже на нейроны. Это бы объяснило задержку в отклике». Он взглянул на мартышку и снова перевел взгляд на дерево. «Нет, невозможно, это не может быть дерево! Как бы оно сообщалось с мартышкой? Ультразвук? Феромоны?» Он сомневался, что запахи способны служить основанием для развития языка. Хотя на самом деле это ведь не обязательно должен быть развитый язык. Он подумал о собаке, которая была у него в детстве. Все, что требуется дереву, - это способ передавать команды. Эллиот решил, что это не имеет практического значения. Он нашел разумную жизнь: это либо дерево, либо мартышка. Или, возможно, они образуют единый интеллект. Он должен приложить все усилия, чтобы наладить с ним связь.

Внезапно на Эллиота навалилась усталость. Он обнаружил, что трясутся руки:

сказывались подавленные эмоции, вызванные печальной участью его товарищей. Придется отложить общение с аборигенами до тех пор, пока он немного поспит.

Эллиот переключил модуль на полный автоматический режим. Затем, несмотря на измождение, отправил на Землю видеотчет, включавший импровизированную хвалебную речь в адрес погибших товарищей. Конечно, никакой спешки не было - его репортажу в любом случае еще шесть лет добираться до точки назначения, - но эта тонкая ниточка линии связи была теперь единственным, что соединяло его с человечеством. Впрочем, его беспокоило, что на Земле могли без особой приязни отнестись к сообщению о том, как двое земных астронавтов пошли в пищу доминирующей форме жизни Незабудки. Эллиот чувствовал себя виноватым - не только из-за неотвязной мысли, что каким-то образом мог предотвратить смерть своих товарищей по кораблю, но также и потому, что, когда наконец-то прибудет спасательное судно, его отчет может сподвигнуть земных командиров на мщение.

«Впрочем, возможно, небольшая месть тут и будет оправдана», - с этой мыслью Эллиот дал отбой и без сил рухнул в свой спальный гамак.

* * *

Он проснулся через полтора часа, охваченный приступом ужаса. И вновь ему пришлось вытеснить образы смерти своих коллег на задний план, заменив их тупым сожалением о том, что он так вздорно и мелочно вел себя на протяжении путешествия.

Заставив себя сосредоточиться на текущей работе, Эллиот снова переключил УМО на интерактивный режим. Поглядев на монитор, он с радостью увидел, что мартышка по-прежнему там.

- Погоди-ка! - Вдруг Эллиот окончательно проснулся.

Это другая мартышка!

Сомнений больше не было. Разумом обладало дерево, и в его распоряжении имелось множество мартышек!

Он вновь уставился на дерево - эти глаза на стебельках выглядели вполне осмысленно. «Я не могу по-прежнему называть его просто деревом. Нужно придумать ему имя».

- Эй ты, Растение! - попробовал он сказать вслух, но тут же покачал головой. Нет, не то. Парень? Стебель? Древесина? Лесник? Вуди?^{*27} Он вздохнул.

- О! Может быть, Элвуд? - Эллиот кивнул. - Превосходно. Эй, Элвуд, привет!

---

²⁷ * *Игра слов: «вуд» (wood) - «лес».*

Он подогнал робокар почти к самому стволу Элвуда. Дежурная мартышка следовала за ним и расположилась перед модулем УМО сразу же, как только робокар остановился.

Эллиот перевел взгляд с изящной мордочки мартышки на подавляющую громаду Элвуда.

Внезапно до него дошла сюрреалистичность происходящего: вот он посылает команды роботу, робот передает его послание мартышке, а та как-то общается с Элвудом.

- Мартышка так же замещает Элвуда, как робот замещает меня, - тихо проговорил он, кивая.

«Я разговариваю сам с собой. Плохо дело».

* * *

Прошло около месяца. Количество припасов неуклонно сокращалось, однако Эллиот, почти постоянно голодный из-за урезанных пайков, по-прежнему не мог заставить себя покинуть планету. У них с Элвудом установилось нечто вроде связи, по крайней мере так думал он. И хотя Элвуд отвечал со сводящей с ума медлительностью, но усваивал новое с исключительной быстротой. Модуль УМО пока не мог оценить степень его разумности, поскольку дерево не торопилось ее проявлять.

УМО уже покончил с арифметикой и, используя изображение ночного неба, как оно было видно с Незабудки, всю углубился в астрономию. Эллиот, обученный дополнять заготовленные заранее программы модуля живым взаимодействием, проводил много времени, давая дереву персональные наставления.

Однако, несмотря на все это, надвигающаяся угроза голода неотвратимо брала верх.

В день, когда он съел последний на корабле кусочек пищи, сразу же после захода местного солнца, Эллиот перевел модуль УМО в автоматический режим, чтобы тот мог давать уроки без его посредничества. Работавший на солнечных батареях модуль благодаря дешевой памяти и огромному количеству педагогов-психологов, принявших участие в его программировании, был загружен учебным материалом на столетие вперед - и это, не считая огромного архива кинофильмов, освещавших земную цивилизацию. Они с Борисом и Марком на пути сюда просмотрели множество этих лент... Уделив недолгое время воспоминаниям о своих коллегах - бывших коллегах, Эллиот принялся готовиться к собственному путешествию,

надеясь, что ему не суждено вскорости присоединиться к ним. Он вздыхал, пытаясь утешить себя мыслью, что большинство людей, когда-либо живших на Земле, сейчас уже мертвы. Эллиот настроил управление кораблем на автоматическое возвращение в Солнечную систему и выход на парковочную орбиту вокруг Луны. Перехитрив систему жизнеобеспечения корабля, он организовал очень медленную утечку воздуха, и затем подготовил себе жидкий пропуск в бессознательное состояние. Он поставил полученный коктейль на пульт, пристегнулся к креслу и наконец попрощался со своим другом... поскольку теперь Эллиот считал Элвуда своим добрым другом - да что там, единственно возможным другом! «Да, несмотря на то что он съел моих товарищей!» Глядя на дерево в передний монитор, Эллиот жалел, что они так и не зашли дальше арифметики и ньютоновской механики и ему не выпало возможности по-настоящему побеседовать с Элвудом. Удивительно, но он никогда не воспринимал как друзей Марка или Бориса; да и вообще, он должен был признать, что никогда особенно не ладил с другими людьми. «Вот с деревьями - совсем другое дело»...

Он набросал записку, в которой обрисовал все, что произошло - пропустив, однако, ситуацию с деревом, Марком и Борисом. Он писал и писал, рассказывая о том, как любит исследования и ненавидит мясо, как надеется на то, что его оживят, о своих соображениях насчет того, как лучше всего защищаться против ферзевого гамбита. Затем, осознав, что просто оттягивает то, что необходимо сделать, Эллиот остановился посередине фразы.

Его губы растянулись в жесткой улыбке. Довольно промедлений. Он прикрепил записку клейкой лентой себе на грудь и сделал большой глоток.

* * *

- God dag, min venn^{*28}, - раздался голос над его головой. - Как вы себя чувствуете?

- Что?

Глаза Эллиота распахнулись. В них ударил резкий свет, и он скривился от боли.

- Где я? - спросил он и снова сморщился, на этот раз от ощущения банальности собственных слов.

Сверху на него глядело бородатое лицо. Немного подальше виднелось еще одно, гораздо более симпатичное.

- Вы попали на борт норвежского исследовательского судна «Слейпнир», -

---

²⁸ * *Добрый день, мой друг! (норв.)*

поведала борода.

- Точнее, вас втиснули на борт, - с серебристым смешком добавила женщина.

- Норвежского, - тупо повторил Эллиот, пытаюсь выяснить, куда подевалась его способность соображать.

Бородач рассмеялся.

- Мы, норвежцы, почти тысячу лет не исследовали новые земли. Пора бы уже начинать, как вы думаете? - Он выпрямился. - Я Пер Нильсон, капитан корабля. - Он сделал широкий жест. - А это моя команда и по совместительству жена Астрид.

Он снова наклонился к Эллиоту.

- Вы можете сидеть? Вот так... Дайте-ка я расстегну ремни.

Эллиот всплыл и принял сидячее положение, удерживаемый теперь только свободным страховочным ремнем на поясе.

- Мы на орбите? - Память и рассудок наконец вернулись к нему. Должно быть, он попал на лунную орбиту. - Мы что, ждем разрешения на посадку от Лунной Базы? На этом корабле ведь можно приземлиться? Какой сейчас год?

- Не так быстро, - ответил Пер с улыбкой. - И по одному вопросу за раз.

Астрид пристегнулась обратно к креслу, но Пер остался стоять, цепляясь липкими подошвами ботинок за покрытие пола. В кабине было всего два кресла, и Эллиот занимал второе из них.

Он начал ощущать запахи тел Пера и Астрид. «Еще бы, после того как я провел столько времени в одиночестве». Он содрогнулся: как, должно быть, воняет от него самого. Бросив взгляд по сторонам, Эллиот заметил, что тут довольно тесно - это было больше похоже на лунный катер, чем на судно для полетов в глубоком космосе.

- Да, - подтвердила Астрид, словно прочтя его мысли, - «Слейпнир» совсем маленький корабль.

- «Слейпнир»?

- Это из норвежской мифологии, - пояснил Пер. - Восьминогий конь Одина, самый быстрый во Вселенной.

Эллиот усмехнулся, вспомнив фауну Незабудки.

- Учитывая обстоятельства, - пробормотал он вполголоса, - было бы уместнее, если бы он оказался шестиногим.

Пер расхохотался.

- Ja, ja! Это верно!

- Откуда вы знаете?

- Если бы у Слейпнира было только шесть ног, - сказал капитан, - он бы выглядел совсем как здешние животные.

- Здешние?.. Это что, не Лунная База?
- Лунная База? - Пер рассмеялся. - Нет. Почему вы так подумали?
- Я... - Эллиот изо всех сил старался понять. - Я полагал, что к настоящему моменту уже доберусь туда. - Он закусил губу. - Собственно, «настоящий момент» - это когда?

Пер выглядел удивленным.

- Мы исследовали планету Рольфа-124С около месяца...
- Подождите, но как же биологическое загрязнение? - Эллиот осознал, что все его усилия пропали втуне.

- А, это старый аргумент. - Пер вздохнул. - Неужели вы хотите, чтобы планета была только зоопарком?

Эллиот неопределенно хмыкнул.

- Мы вернулись на орбиту и уже собирались отправляться домой, - продолжал Пер, - когда вдруг увидели, что мимо несется ваш корабль. Он находился на очень вытянутой орбите вокруг Рольфа-124С.

Эллиот поморщился. Должно быть, двигатели выключились слишком быстро. Его гримаса преобразилась в улыбку.

Но лучше поздно, чем никогда.

- Домой, - с тоской проговорил он. - Будет здорово вернуться домой.

На лице Астрид появилось озабоченное выражение; казалось, она хотела что-то сказать, но Пер повел ладонью сверху вниз, и она промолчала.

Эллиот почувствовал, что здесь что-то не так. Может быть, его реанимация прошла не слишком успешно?

- У вас было все необходимое оборудование, чтобы меня разморозить? - спросил он наудачу. В этом крошечном суденышке...

- Разумеется, - отозвался Пер с намеком на смех. - В наши дни люди только так и путешествуют между звездами. Замороженное тело может вынести почти бесконечное ускорение.

- А что насчет замедлителей Хиггса?

- Слишком дорого. - Пер потер лоб. - И к тому же не особенно надежно. Кроме Северной Америки, их сейчас уже никто не использует.

- Мы боялись, что с вами произошло что-то ужасное, - сказала Астрид. - Поэтому мы проникли на борт вашего корабля. И в некотором роде это было к счастью.

- В некотором роде?

- Ваш корабль возвращался из периастра, - объяснил Пер. -И вы пролетели настолько близко к звезде, что начали... ну, в общем, оттаивать.

- Мы не могли не разморозить вас, - добавила Астрид. - Надо было

предотвратить повреждение тканей и необратимую смерть.

- Благодарю. - Эллиот вынудил себя улыбнуться. Его по-прежнему беспокоило выражение «в некотором роде». Тут определенно что-то не так.

- Что на самом деле произошло там, внизу? - вдруг спросила Астрид. - С вашей точки зрения?

Эллиот беспокойно поерзал. С его точки зрения? Станный выбор слов... Он заволновался, не обнаружили ли они остатки человеческих скелетов или что-либо подобное.

- Ах, да оставь ты бедного парня в покое, - сказал Пер, но его беспечный тон прозвучал натянуто. Он перевел взгляд на Эллиота. - Вы пролежали в заморозке долгое время.

- Насколько долгое?

- Порядка ста пятидесяти земных лет.

- О боже мой! Почему? Разве не могли прислать спасательную команду раньше?

- Боюсь, это не совсем спасательная команда, - сказала Астрид. - К несчастью, мы...

- Мы думали, что к настоящему времени вы будете уже давно мертвы, - прервал ее Пер. - С вашими ограниченными ресурсами, вероятностью заболеваний и чуждыми условиями... никто даже не предполагал, что вы сумеете выжить. - Он покачал головой. - Вы осуществили заморозку, даже не зная, что это в принципе возможно. Потрясающе!

- И кроме того, - добавила Астрид, - успех вашей миссии превзошел самые оптимистичные ожидания.

- Прошу прощения?

- Там, внизу, - Пер кивнул в направлении номинального пола, - есть животное, похожее на шестиногую выдру. У него превосходные способности к подражанию. Оно передразнивает даже звук наших видеокамер. Основной диапазон, в котором оно слышит, находится выше тридцати тысяч герц, но оно может транспонировать звуки на много октав вниз.

- Вы выяснили все это, проведя на планете всего лишь месяц?

- Не совсем так, - сказала Астрид.

- Оно само нам рассказало, - улыбнулся Пер. - Или, если говорить точнее, нам рассказало дерево.

- Что? - Эллиот попытался вскочить на ноги, но его удержал ремень безопасности. - О боже мой! Как он мог...

Задохнувшись, он соскользнул обратно в комфорт кресла.

- На протяжении полутора столетий это дерево исследовало наши обучающие

модули и смотрело наши фильмы. - Внезапно лицо Пера помрачнело. - И что бы ни произошло в дальнейшем, это навсегда останется вашей заслугой.

Астрид прикусила губу.

Навсегда останется заслугой? Эллиот резко выпрямился в кресле. Тепло, охватившее его при известии об успехе, сменилось холодным страхом.

- Что вы пытаетесь мне сказать?

Пер глубоко вздохнул.

- «Слейпнир» не обладает необходимыми возможностями, чтобы доставить вас обратно на Лунную базу.

После совсем недавнего избавления от ледяной смерти Эллиоту потребовалось несколько секунд, чтобы полностью осознать сказанное Пером. Он проделал это в потрясенном молчании.

- Мне очень жаль, - сказала Астрид. - Но наш корабль такой маленький, и ограничения по массе настолько строги...

- Я мог бы вернуться обратно на свой корабль, - сказал Эллиот. - Заморозить себя снова и продолжать путь к Земле.

Пер торжественно кивнул.

- В тот раз вам очень повезло, что ваше тело вошло в заморозку при необходимой скорости охлаждения и вакуумизации.

- Вы хотите сказать, что я, возможно, не смогу это повторить?

- Скорее всего, нет.

- И что же мне делать? - умоляюще спросил Эллиот.

- Я прочел вашу записку, - сказал Пер. - Если бы я не знал, что вы убежденный вегетарианец, я бы сказал, что вы можете просто спуститься на планету и пожить какое-то время на местных ресурсах. Где-то через год или чуть позже сюда должен прилететь канадский корабль. Однако, к несчастью, местная флора сама по себе не способна удовлетворить питательные запросы человека. - Он медленно покачал головой. - Очень жаль. Дерево сказала, что с радостью вас примет.

Эллиот содрогнулся. Если бы они только знали! Перед его мысленным взором возникла зияющая пасть Элвуда.

- Значит, либо я рискую замерзнуть до смерти в собственном корабле, - проговорил он с принужденным спокойствием, формулируя свои возможности, - либо спускаюсь на планету.

«Похоже, мне уже как-то раз приходилось делать этот выбор».

- Я должен подумать, - сказал он.

Пер и Астрид не стали его торопить.

«Кто бы мог предположить: я стану жалеть о том, что вегетарианец!» Эллиот

пересмотрел свои соображения относительно мяса и, к собственному удивлению, обнаружил, что больше не испытывает особого отвращения к плотоядным существам. Сделав некоторое усилие, он даже смог представить себя на месте одного из них. Возможно, существование дерева, поедающего людей, уравнило счет, или же зловещая перспектива ледяного сна прояснила его мысли.

- Эта записка была написана... очень давно, - произнес он сдержанно.

Пер и Астрид хранили молчание.

Эллиот вернулся и проинспектировал все детали. Он мог представить себе, что ест мясо, но не мог вообразить, как собственноручно превращает живое существо в готовую трапезу. «Может быть, заключить сделку с Элвудом, чтобы он убивал для меня животных?»

- У вас случайно нет под рукой гамбургера или чего-нибудь в этом роде? - вдруг спросил он.

- Прошу прощения? - Пер наклонился к нему.

- Это тест, - пояснил Эллиот. - Хочу понять, смогу ли я есть мясо.

- А-а, - протянула Астрид. - Думаю, мы что-нибудь найдем.

Расстегнув страховочный ремень, она оттолкнулась и поплыла в сторону шкафчика с припасами.

Пока она рылась в провизии, Эллиот представил себе дерево. «Только попытайся съесть меня, Элвуд, и можешь считать, что ты... мертвое дерево!»

- Так значит, вы все же думаете спуститься на поверхность? - спросил Пер.

- Пока это только мысль.

- Вы... - неуверенно начал Пер, - случайно не играете в шахматы?

- Что? - переспросил Эллиот, которого застали врасплох.

- Похоже, дерево полюбило эту игру.

- Вы серьезно?

Пер пожал плечами.

- Так оно мне сказало.

- Шахматный обучающий модуль, - пробормотал Эллиот. Его глаза широко раскрылись от удивления.

- Дерево сказало, что оно играет на тысяча девятисотом уровне, - продолжал Пер. - Уж не знаю, что это значит.

- Да, Элвуд - игрок посильнее меня, - прошептал Эллиот.

- Элвуд? - переспросил Пер, наклоняя голову.

- Ну да, - рассеянно отозвался Эллиот, думая о своем. «Год или больше просто сидеть и играть в шахматы. И есть». - Я вот думаю... Не удастся ли мне уговорить Элвуда охотиться для меня.

- Вареный лютефиск подойдет? - окликнула его Астрид. - Я могу его разогреть прямо сейчас.

- Что? - Эллиот, вздрогнув, посмотрел на нее. - Нет. Стойте! Забудьте про тест. Он повернулся к Перу.

- Я решил. Спустите меня на Незабудку. Я подожду следующего автобуса.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Carl Frederick. Food Chained. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2012 году.

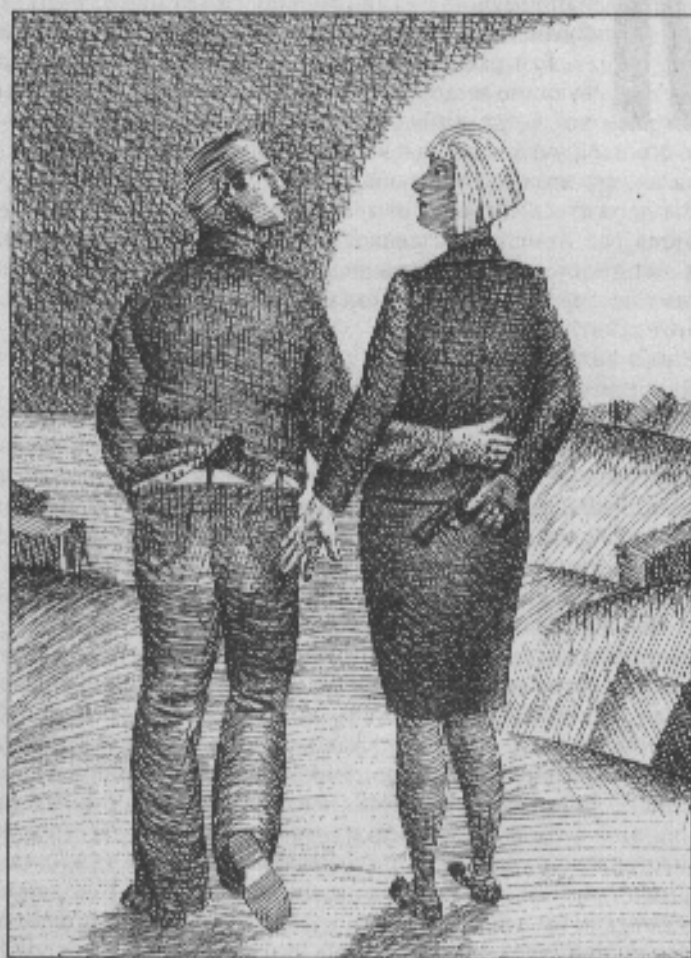
ПОЛ МАКОУЛИ

БРЮС СПРИНГСТИН

И И И М А К И У И И

БРЮС

СПРИНГСТИН

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

- Мне нравятся ваши философы, - сказал инопланетянин. - Хотя они главным образом строили из себя шутов гороховых, причем совершенно непреднамеренно, некоторым удалось кое-что подметить. Бодрийяру*²⁹, например.

Я ответил, что незнаком с трудами мистера Бодрийяра.

- Его рассуждения о знаках, заменяющих несуществующие вещи, были относительно сложными. Возможно, когда-нибудь вы их одолеете. И мы обсудим, насколько его идеи укладываются в спектр теории симулякров.

Я сказал, что это было бы любопытно.

- Вы держитесь так вежливо, поскольку выслушивать излияния чужеземцев вас отчасти заставляет профессиональный долг. Но вы ведь не понимаете, о чем я говорю, не так ли? Впрочем, неважно. По преимуществу я несу ерунду. Так сказать, свободно общаюсь. А виноват этот занятный напиток.

- Еще стаканчик?

- Действие прежнего еще не закончилось.

Стакан с небольшой дозой неразбавленного виски «Сигрэм» стоял на верхнем доннышке его цилиндра. Согласно уверениям инопланетянина, некий крошечный демон воздействовал на пространство-время, невероятно увеличивая исчезающе малую вероятность диффузии парящих над бокалом молекул внутрь цилиндра. Не столько алкоголя, сколько того, что он называл дополнительными ингредиентами. Инопланетянин ловил кайф от сложных ароматических соединений, придающих виски его неповторимый вкус.

Он, конечно же, был из !Ча. Они явились людскому роду около пяти лет назад - вторая раса, с которой мы познакомились после того, как джекару отворили нам ворота к звездам. Буквально еще вчера на Первой опоре не было никаких чужаков, кроме нескольких посланников джекару; а сегодня повсюду кишмя-кишат !Ча, задающие вопросы, требующие - бесплатно - рассказывать им наши истории и отвечающие на них фантастическими и невероятными повествованиями о предшествовавших нам и давно вымерших нечеловеческих цивилизациях, их империях, войнах и инопланетных версиях Искупления.

Этот вот, как ни в чем не бывало, заявился в казино придорожной гостиницы и двинулся мимо игорных автоматов, видеопокера и карточных столов. Народа в четыре пополудни считай что и не было - несколько завсегдатаев у автоматов да пара дальнобойщиков, резавшихся в очко. Вряд ли кто из них заметил черный приплюснутый цилиндр на тонких костяных ножках - ни дать ни взять уэллсовская марсианская машина в миниатюре, - направлявшийся к моему бару «Последний

---

²⁹ * Жан Бодрийяр (1929-2007) - французский социолог, культуролог и философ-постмодернист, а заодно и фотограф. (Здесь и далее прим. перев.)

водопой» в дальнем конце коридора. Дневная менеджерша Ли Ху подлетела к !Ча и сообщила, что заведение угощает, а потом бросила на меня красноречивый взгляд: дескать, вот тебе задача, и решай ее как хочешь.

Я уже видел уйму !Ча вокруг Мамонтовых Озер, однако разговаривать с ними пока не доводилось. Это существо назвало себя Беспольной Красой и объявило, что коллекционирует проявления человеческой глупости.

И теперь вещало мягким баритоном:

- Среди ваших философов я предпочитаю Доктора Сьюза^{*30} и Сэмюэла Беккета^{**31}. Оба они великолепно уловили абсурдность жизни.

- Я знаю доктора Сьюза.

- Он очень забавен, но Беккет еще забавнее. Особенно та его вещица, где двое обездоленных дожидаются пришествия третьего, который должен принести им избавление. Персона эта так и не появляется. И олицетворяет собой то, что им недоступно. Весьма забавно. -!Ча крутанулся на табурете и удивительно человеческим жестом похлопал себя по сочленению одной из ножек. - Одна из ваших клиенток курит. Интересное правонарушение.

- Подождите минутку: я скажу, чтобы она погасила сигарету.

Нарушительницей оказалась загорелая блондинка в возрасте от тридцати до пятидесяти, в синем жакете и синей же юбке, причем блузка под жакетом балансировала на грани между полной и частичной прозрачностью, оставаясь все же на стороне благопристойности. Она, бесспорно, потрудилась над своим ртом и глазами, а груди наверняка имели не вполне естественное происхождение. Красотка появилась почти сразу после того, как !Ча пристроился перед стойкой, заказала бурвчик на водке, спросила, можно ли завести здесь счет, а когда я объяснил, что на нашем диком фронтире это не заведено, пожалала плечами и расплатилась наличными.

Теперь, как только я попросил затушить сигарету, она тут же ткнула ею в блюдце и улыбнулась.

- А я все гадала, каким образом выманить вас из общества этого очаровательного создания?

- Задумка сработала, мэм. Но не повторяйте ее. Навлечете неприятности на нас обоих.

---

³⁰ * Теодор Сюз Гейзель (Доктор Сюз) (1904-1991) - американский детский писатель и мультипликатор, родился в семье немецкого пивовара.

³¹ ** Сэмюэл Беккет (1906-1989) - ирландский писатель, один из основоположников театра абсурда. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года. Писал на английском и французском языках.

Мы умолкли, поскольку Ча отцепился от табурета и направился к выходу. На краткий момент распахнувшаяся дверь пропустила луч солнца, затем придорожное заведение вновь погрузилось в привычный полумрак. Женщина наклонилась ко мне, предлагая для обозрения существенную часть груди и окутывая облачком духов. Прочитав имя на бейджике, она сказала:

- Меня зовут Рейчел. Расскажи мне о своих бедах, а я поведаю о своих.

* * *

Мне хватило десяти минут, чтобы сообщить Рейчел, как я прибыл на Первую опору два года назад, сшивался в Порту Изобилия, был мойщиком окон, ловцом креветок, частным охранником и завершил свой путь у Мамонтовых Озер - в придорожной гостинице и казино «Дедвудское ущелье».

На нижней точке своей карьеры.

Гостиница располагалась на окраине, предоставляя желающим не то первый шанс - слегка потратиться на пути к Мамонтовым озерам, не то последний - убраться из этой западни. Большинство машин пролетало мимо. Хозяин собирался продать заведение и лицензию какой-нибудь крупной фирме. Половину персонала составляли пьяницы и поставившие на себе крест неудачники; другие, и я в их числе, пытались скопить из мизерной зарплаты и редких чаевых некую сумму, чтобы найти работу на побережье.

Рейчел допила свой буравчик. На вопрос, нет ли желания повторить, она протянула мне купюру в пять юаней, на которой губной помадой был написан номер.

- Это моя комната, - сказала она. - Я остановилась в мотеле «Звездная пыль». Когда ты освобождаешься?

Вот так оно все и вышло.

Не могу сказать, чтобы я любил ее, но какая-то искра проскочила между нами с самого начала. Что-то завязалось. Дело было вовсе не в том, что в мой бар заявился инопланетянин и потребовал дозу канадского виски. Конечно, повлияло и это, но главное - Рейчел действительно была в моем вкусе и ничуть не стеснялась, что старше меня лет на пять или десять. Приятное развлечение, решил я. Оживит меня из кухарок и официанток.

Ночь мы провели в ее комнате. За сексом, разговором и снова за сексом. За пиццей и бутылкой водки. В конце концов я уснул, а когда солнечные лучи пронзили насквозь жалюзи и полосками устроились у меня на груди, понял, что на работу

сегодня не выйду. Приятная перспектива. Рейчел лежала рядом и, подперев голову рукой, рассматривала меня своими зелеными глазами. Такими же, как самая дорогая травяная лужайка на далекой Земле.

- Привет, - сказала она.

- Привет.

И тут я понял, что знаю только ее имя и глубокую симпатию к музыке Брюса Спрингстина³². Мы допили водку с теплым апельсиновым соком и за этим завтраком для чемпионов познакомимся поближе.

Рейчел сказала, что не так уж любит Спрингстина, чтобы терять голову от его песен, - просто они помогли ей понять Америку, когда она туда переехала. Хотя в ее произношении Калифорния звучала почти как Австралия, она оказалась британкой, прожившей десять лет в Нью-Йорке. Там она торговала антиквариатом, потом выиграла в лотерею, поднялась и удвоила состояние, причем не один раз, а дважды.

Имея связи в Нью-Йорке и Лондоне, она организовала супервыгодную торговлю инопланетными артефактами, но потом совершила ошибку: вышла замуж, а ее муж сошелся с бухгалтершей, они обобрали ее и профукали украденное на тупых земельных сделках. Она начала все заново и занялась раскопками так называемого Города Мертвых, нескольких сотен квадратных миль древних гробниц, расположенных на юге, в американской зоне. И сколотила приличную сумму, в основном на тех приятных на ощупь скульптурках, которыми теперь торгуют повсюду. Это свое состояние она вложила в дилерство и потеряла, когда партнер с большой выгодой для себя вышел из дела, прихватив уникальную находку, одну из тех, что способны привести к созданию новой индустрии, - как пара связанных электронов в сердце кьюфонной системы.

- Ну, вот так я и угодила сюда, в твое общество и комнату мотеля на убогой окраине заштатного городишка. Мы с тобой, как два персонажа из песен Спрингстина. Оба явились сюда ради перспектив новой жизни, а оказалось, что от себя-то, увы, не уйдешь... от таких, как мы есть.

- И кто же мы есть?

- Ты - симпатичный бродяга. А я - женщина, везучая в бизнесе, но не в любви, - проговорила Рейчел и расхохоталась, когда я намекнул, что во всех испробованных нами позах она была вполне хороша. Расхохоталась таким простым и здоровым смехом. - Это секс, мой дорогой, а не любовь. Но мне кажется, что на пару мы можем кое-что повернуть. Согласен на авантюру?

---

³² * Брюс Фредерик Спрингстин (23 сентября 1949) - американский рок- и фолк-музыкант и автор песен.

Она рассказала о Мемориальном музее Генри Ву, чья система безопасности невозможно слаба, поскольку народ полагает, что красть там вообще нечего.

- Однако там хранится одна вещица, которая много для меня значит. Из тех, что я выкопала в начале своей изыскательской карьеры. Она может подарить нам целое состояние.

- А при чем тут я?

- А почему бы нет?

Пальцы Рейчел пробежали вниз по моему животу, она улыбнулась моей реакции, и мы покатались по простыне.

* * *

Думаю, вы, понимаете, что я сказал: да. И не только потому, что мне хватило тупости вообразить между нами какую-то там любовь. Скорее, она заставила подняться на поверхность кое-что памятное. Голод и надежду, которых я не ощущал с того мгновения, как узнал, что выиграл лотерейный билет на отлет с Земли и передо мной открывается целое поле новых возможностей.

К тому же я вообразил, что дело окажется легким.

Мы взломали дверь музея в полночь, а через два часа уже летели из города по прибрежному шоссе. На границе с американской территорией проехали КПП, и эта рутинная заминка вселила в меня куда меньший ужас, чем можно было предположить. Позади оставались два трупа, Рейчел пригревала на коленках столь нужную ей вещицу, я выжимал всю возможную скорость из арендованной машины, а Брюс Спрингстин распевал со стереоаифона, переходя от одного громкоголосого трека к другому.

Уже рассвело, огромное оранжевое солнце с полоской пятен вдоль экватора вползало на небо. Я где-то читал, что оно много меньше земного - старый и уже дряхлый красный карлик.

Поскольку здешнее светило было прохладнее Солнца, Первая Опора, выбранная в качестве обитаемой зоны, располагалась близко к звезде, и маленькое красное солнце казалось в восемь раз больше, чем земное.

Свет вывел Рейчел из оцепенения. Она спросила, не засыпаю ли я за рулем. Я ответил, что нет, и если закрою глаза, тут же снова вижу, как все происходило.

- Что было, то прошло. Приходится принимать это как данность, - ответила она, словно бы речь шла о каком-то пустяке: каблук, понимаешь, у нее отвалился.

Она выключила музыку, повозилась с настройкой и нашла утренние новости.

В самом конце нас информировали об ограблении музея Генри Ву: двое неизвестных убили двоих охранников.

- Насколько я понимаю, копы не установили наши личности, - заметил я. - Возможно, удача повернулась к нам лицом.

- Не стала бы рассчитывать на это, - отозвалась Рейчел.

И умолкла надолго. Сидела рядом со мной, оглаживая проклятый камень, ради которого мы убили двоих... гладкий, черный, овальный. Впрочем, рано или поздно она скажет, куда мы направляемся и что ждет нас в этом самом «куда», когда мы там окажемся. Ну а я радовался, что сижу за баранкой. И пока ее не вырвали из моих рук, все было в порядке. Даже при наличии двух мертвых тел. С каждой новой милей они становились все дальше от нас. А впереди лежала дорога, нацеленная в пустую сердцевину континента. Человечество лишь царапнуло самый край этого мира. Он предлагал множество мест, где можно было укрыться, - нанесенных и не нанесенных на карту.

Промелькнул знак, предвещавший стоянку для отдыха. Рейчел решила, что пора освежиться, и попросила притормозить. Стоянка оказалась пустой, если не считать пикап, припаркованный неподалеку от столика, за которым завтракала молодая пара. Кузов был забит мебелью и картонными коробками, под хромированным скотоотбойником лежала немецкая овчарка, привставшая, когда, ощущая холодную тревогу, я проследовал к паре следом за Рейчел. Мужчина вскочил, увидев в ее руке пистолет, пес с волчьим рычанием бросился навстречу, и она пристрелила собаку.

Я отыскал в бардачке пикапа катушку упаковочной ленты, и мы связали молодых людей. Парню пришлось дать по голове, когда он отказался выставлять вперед руки, но больше никаких хлопот они нам не доставили. Мы погрузили их в кузов среди коробок и мебели, подожгли арендованную машину и отъехали в пикапе. За руль села Рейчел. Она гнала еще быстрее, чем я, и выстроившиеся вдоль дороги странные деревья, похожие на грибы, молнией отлетали назад.

Проехав несколько миль, Рейчел свернула на проложенную между деревьев и скал грунтовку и направилась к горке, увенчанной выводком микроволновых тарелок за проволоочной оградой. Там мы оставили пленников, наделив их парой бутылей воды. Парень все еще был в отключке; женщина что-то ворчала сквозь кляп. Вернувшись на шоссе, мы погнали дальше. Тени становились короче, солнце карабкалось по темно-синему небу между редких дневных звезд. Из опущенных окон веяло прохладой. Пел Спрингстин.

Однажды я его видел. На одном из последних концертов, когда он давал гастроли в поддержку климатологических исследований - еще до войны и

появления джекару, что лишило всякой актуальности сокращение ледников и участь белых медведей.

Было это в Милуоки. На концерт меня взял отец. Через год, наверное, после того как он окончательно порвал отношения с мамой. Мне тогда исполнилось двенадцать. Отец был бухгалтером. Был? Не сомневаюсь, что он и до сих пор таковым является, если только сумел пережить обычный кризис среднего возраста, включающий в себя роман с молодой сотрудницей, покупку мотоцикла и дорогой кожаной куртки, употребление впечатляющих сортов виски и прослушивание через наушники старых сидюшек - с киванием головой в такт, неровным отбиванием ритма на ручке кресла и нестройным подпеванием обрывков текста. Я не злился на него, скорее жалел. А после того как он съехал от нас, понял, что люблю болтаться в его простой холостяцкой квартирке.

Теперь о концерте. Вот сажусь я, рядом опускается в кресло отец - в своей отличной итальянской кожаной куртке и джинсах Nudie, положив руку на плечи своей девицы, а на широкой сцене Спрингстин и E-Street Band вкалывают в лучах прожекторов. Но не для меня. Если бы меня спросили школьные приятели, я бы сказал, что стою за трансхоп, хотя на самом деле я тогда ничуть не интересовался музыкой. Тем не менее уровень громкости и вспышки света постепенно проняли и меня. Я словно попал в поток. Хочешь не хочешь, а приходится следовать за ним. Центром всего этого был жилистый старый чудак у микрофона, обливавшийся потом, заходившийся в песне и рубивший по струнам своей гитары. Струйки пота текли по его лицу. Когда он тряс головой, брызги пота разлетались видимым в свете софитов облачком.

Не помню, что он пел, в памяти остались только хрипотца и то, как он выкрикивал свое «Хюх!», пробуждая барабаны и заставляя оркестр следовать его примеру. Помню, блеск глаз отца и дурацкую счастливую улыбку на его лице. Мои знания о Спрингстине примерно этим и ограничивались, пока меня не просветила Рейчел и не объяснила, что он воплощал ту Америку, которая была вокруг нас, но которой не было видно и слышно из-за воплей Clear Channel^{*33} и еще десяти тысяч каналов кабельного телевидения, транслирующих всяческую голимую попсу. Что он воплощал в своих песнях страхи и надежды людей, запертых в капканах собственных жизней. Что он пел о маленьких личных восстаниях - взрывавшихся, но ни к чему хорошему не приводивших, о том, как людям приходится жить на руинах своих надежд и выживать в стране, где мечта о победе является первой, последней и единственной наградой...

---

³³ * *Clear Channel Communications Inc.* - американский медиа-конгломерат, располагающийся в Сан-Антонио, Техас. Основан в 1972 году.

Продолжая эту тему, она гнала по четырехполосному шоссе, змеей выползшему из гор и уже по прямой стремившемуся через великую пустынную равнину. Должен признаться, в словах ее я не усматривал особого смысла.

Я понимал, что Рейчел безумна, да и сам я свихнулся. Во мне что-то переломилось. Я вырвался из капкана, которым была для меня та самая придорожная гостиница и казино. Я был на свободе - в чужом мире, под чужим солнцем. Беглецом, со своей женщиной и загадочным предметом у нее на коленях. Я не имел представления, ценная это вещь или нет и приведет ли она нас к загадочным инопланетным сокровищам. Мне было все равно. Главное, что она, эта вещь, была в наших руках. Впрочем, я не мог забыть и того, какой ценой она нам досталась.

Надеюсь, именно об этом и пыталась говорить Рейчел, объясняя мне, что значил для нее Спрингстин. Иных сожалений о содеянном она не выказывала.

* * *

В музей мы вломились в полночь. Тщеславный проект архитектора - перевернутый вверх тормашками свадебный торт, битком набитый изделиями нечеловеческих рук. Ничего ценного там не было. Карманные чиновники китайской мафии, фактически распоряжавшейся в Мамонтовых Озерах, вынудили Генри Ву распрощаться со своим казино; лучшие предметы из его коллекции похитили, а остальное оставили пылиться в похожем на белого слона здании. Оно было закрыто для посещения и назначено к сносу, поскольку занимало видное место на Полосе, но окончательное решение застопорилось в затяжной судебной тяжбе между властями и семейством Ву. Вот музей и застрял в каком-то чистилище, пока вокруг него росли и благоустраивались Мамонтовы Озера.

Мы пробрались через разгрузочный блок, большая скользящая дверь которого Запиралась на простой висячий замок, и дождались появления охранника, пришедшего отключить сигнал тревоги. Старик, которому мы предъявили наши пушки, немедленно поднял руки и сказал, что не хочет неприятностей. Однако его напарник, молодой и смысленый, выстрелил в Рейчел на повороте главного пандуса, но промахнулся; она ответила, ранив его в ногу, по кровавому следу пробежала к пульту с сигналом тревоги и там уже добила - как раз перед большим прозрачным цилиндром, где в мутной жидкости плавала кривая костяная арматура, найденная на дне одного из озер.

Помню, как кровь текла по неровному бетонному полу быстрыми красными

ручейками. Еще помню, как в туалете срывал с головы обрезок колготок, которые Рейчел извела на маскировку, и склонялся над раковиной, пока не прошел приступ рвоты. Она нарисовала тигровую маску тушью для ресниц и помадой прямо на моей морде, и когда я глянул на себя в зеркало и через силу улыбнулся, ухмылка выглядывала из-под красных и черных полос. Тут и вошла Рейчел. С той самой вещицей. И сказала:

- Теперь твоя очередь.

* * *

Дорога шла под уклон, виляя между серыми сланцевого цвета склонами, перелетая глубокие ущелья по бетонным мостам. Мы обгоняли автопоезда в три или четыре прицепа, перед которыми пыхтел громадный тягач с хромированными, похожими на печные трубы глушителями по обе стороны кабины, такими же хромированными, свирепо скалящимися решетками на капотах и названиями, выведенными на дверях краской из баллончика: «Большой Боб», «Мне нетрудно», «Мак в Атаке».

Рейчел заметила одно из них - «Живу в Будущем». И сказала, что так называется одна из песен Спрингстина. Добрый знак.

Солнце стояло над головой, а дорога, оставив за спиной горы, бежала просторной равниной. Песчаные наносы на дороге и по обе ее стороны, сухие песчаные и каменистые пустоши, мертвые с виду деревья - и так до самого подрагивающего от жары горизонта. Вскоре мы въехали на окраины некрополя инопланетян. Города Мертвых.

Могильников поначалу видно было немного, да и те казались скоплениями глыб и грудями камней. Покосившиеся, полузасыпанные песком, заросшие кольцами колючих кустов. Затем протянулся ряд квадратных, сложенных из глыб плосковерхих гробниц размером с дом на земном ранчо, и я заметил руины Строительного Конструктора, подобно мыльным пузырям протянувшиеся к вершине невысокого гребня.

Рейчел указывала на гробницы, как бы сложенные из обломков колонн, на лабиринты, окружавшие входы в подземелья, и все нянчилась со своим черным камнем, поглаживая его, словно младенца. Я сидел за рулем, ощущая приятную усталость, и был готов буквально ко всему.

Солнце садилось. Впереди замаячили искорки электрического света. Небольшой поселок посреди пустыни, на перекрестке дорог. Уголок Джо. Мы въехали на

стоянку мотеля, называвшегося «Вперед, на запад!», взяли ключ у администраторши-индианки, вместе полезли под душ, неспешно и всласть возлегли на королевской ширины кровати под включенный телевизор. Местные новости чередовались с земными. Рейчел из-под меня поглядывала на экран, а когда мы кончили, продолжала смотреть, привалившись спиной к мягкой спинке кровати, голая, вспотевшая и лохматая. Тот черный камень лежал на ночном столике.

Кража и двойное убийство в музее уже сползли в самый подвал новостей. О костре, устроенном нами на стоянке для отдыха, также не было сказано ни слова, и когда она вышла в сеть с айфона, там тоже не нашлось ничего опасного.

- Вроде бы погони нет, - проговорил я.

- Пока нет, - ответила Рейчел и начала одеваться.

Я спросил, куда она собралась.

- Сперва пицца. Потом видно будет.

Камень она прихватила с собой, отяготив переброшенную через плечо сумку. Пистолет лежал там же. Свой я засунул за брючный ремень, прикрыв свитером. Так делают в кино.

Как пара приличных клиентов, мы расплатились за пиццу в подъездном окошке киоска в виде летающей тарелки, и Рейчел повезла меня на окраину городка, на холм, возвышавшийся над Городом Мертвых. Небо уже было усыпано звездами, на фоне которых на северо-западе вырисовывались зубастые горы. И я подумал, узнаем ли мы когда-нибудь, что лежит за ними.

Рейчел заговорила о звездах. О том, что мы находимся в тысячах и тысячах световых лет от Земли. О том, как трудно работать в пустыне, где невесть откуда налетают пылевые смерчи, за полминуты разносящие вдребезги твой лагерь. Где ульевые крысы набрасываются на тебя всем роем, едва ты сделаешь хотя бы шаг по их территории. Где в гробницах обитают призраки и привидения. Где пуста и безмолвна земля, отягощенная весом несчетных веков непостижимой инопланетной истории. До нас джекару дарили этот мир по крайней мере дюжине разных рас. И все они исчезли. Выродились, преобразились, отправились дальше, и нам о них почти ничего неизвестно. Мы видели лишь то, что они здесь оставили, ровным счетом ничего в этом не понимая. Мы стали последним экспериментом в долгой серии, сказала Рейчел, и я, конечно, тут же подумал о !Ча, Бесплезной Красе. Я спросил, не была ли она с ним знакома, и Рейчел ответила, что впервые увидела его у стойки бара за разговором со мной.

- Но я не обратила на него особого внимания, - сказала она. - Поскольку была занята тобой.

- Очень мило.
- В самом деле. Я заметила в тебе нечто особенное. Нечто знакомое.
- Ага.
- Мы были знакомы еще до того, как встретились, - так она и сказала.

Мы смотрели на звезды. Их свет инеем просыпался на равнину, на небольшие посреди необъятного простора руины. И я спросил ее о камне. Почему он так важен. Она объяснила, что это один из артефактов, украденных ее прежним партнером. Поначалу она не признавала его значимости. Отличный образчик обработанных камней, каких полно вокруг гробниц, и ничего кроме. Ценой не более сотни долларов. Их были тысячи, и все отбитые от одной единственной жилы на каком-то астероиде внутреннего пояса.

- Не помню, откуда я его взяла, но он со мной разговаривал. А потом его украли вместе со всем прочим. Главное, я начисто позабыла о нем, пока не приехала в Мамонтовы Озера. А быть может, он сам притянул меня сюда. Не знаю. Но камень определенно затащил меня в музей. К витрине, посреди которой он восседал в компании сотни таких же. Только все остальные были мертвыми и молчали, - проговорила Рейчел, погладив выставившийся из сумки бочок камня. - Я этого не понимала, пока не увидела его. И не узнала. У меня хорошая память. Я помню все свои находки.

- И что же он сказал, когда заговорил с тобой?
- Ты считаешь, что я сошла с ума?
- Не ты одна.

Рейчел смотрела сквозь ветровое стекло на освещенный светом звезд некрополь. Я ждал, пока она заговорит. Откровенно говоря, меня не слишком заботило, почему мы здесь очутились. И куда направимся. Я только понимал, что мне хорошо здесь. В данный момент. В краденном, пропахшем пиццей пикапе. С пистолетом, врезающимся в поясицу. При полной свободе и полном неведении относительно будущего.

Наконец, Рейчел проговорила:

- Мы называем их одушевленными камнями. Мы считаем, что они обладают некоей квантовой структурой, которая генерирует привидения. Если забрать из гробницы все одушевленные камни, которые удастся найти, привидений станет меньше. Они не исчезнут, там действует еще что-то, но число сократится.

- Привидения - это умершие? Мертвые инопланетяне?

- Мы не знаем наверняка. Это могут быть своего рода прислужники, изображающие усопших. Остатки неведомого погребального обряда. Отпечатки чьих-то воспоминаний. Вещи, оставленные чужими, мы толкуем по-своему, но

истина, скорее всего, так и останется неизвестной. Что они представляют на самом деле, чем были для тех, кто их изготавливал, владел ими, как ими пользовались...

- Но ты знаешь, что он хочет вернуться.

- Мы освободимся, когда покончим с этим. Сможем делать все, что захотим.

- Вероятно, ничем хорошим это для нас не кончится.

- Есть такая песня - «Небраска». Знаешь ее?

- По правде сказать, из его песен только она мне и нравится. В ней есть некий подтекст. Хотя, возможно, я имею в виду другую песню... из другого альбома.

- В этой рассказывается о Чарли Старквезере, который перебил кучу народу, чтобы произвести впечатление на свою подружку. Подлинная, между прочим, история. По ней сняли фильм - неплохой, кстати. Сначала в песне излагается киношная версия истории, но потом идет продолжение. Кончается тем, что Чарли спрашивает у судьбы, нельзя ли его подружке посидеть у него на коленях, пока его будут привязывать к электрическому стулу.

- У отца был такой сидюшник. В исполнении Крисси Хинд.

- Мне нравился ее вариант.

- И даже больше, чем оригинал, - проговорил я.

* * *

Мы вернулись в мотель. Посмотрели телевизор. Улеглись в постель. С ноткой отчаяния во всем этом. Уснули. Утром сгоняли на небольшой базарчик. Купили в минимаркете картофельных чипсов и кое-чего еще и заказали завтрак в забегаловке.

Рейчел внимательно вглядывалась в подъезжавшие к стоянке автомобили. Едва у лавки сувениров, пристроившейся в самом конце небольшого ряда магазинов, остановился фургон, она велела заканчивать с кофе.

Когда мы подошли, водитель фургона уже поднял железные шторы и отпирал дверь. Средних лет полноватый тип с зачесанными на лысину волосами, шевелившимися под горячим ветром. Он улыбнулся Рейчел и спросил, при деле ли она теперь.

- Нашла себе нового партнера, - сказала Рейчел.

- Вижу.

Тип оглядел меня с ног до головы. Я улыбнулся. Во рту стало сухо. А в голове раздавалось ленивое гудение.

Рейчел хлопнула по сумке и сказала: у нее есть, что показать.

- По твоей специальности?

- Конечно.

- Если тебе нужна правильная цена, ты пришла в нужное место.

- Так может, ты откроешь внутреннюю дверь и поговорим в лавке?

Как только этот тип открыл дверь, она шагнула за ним и выстрелила в затылок.

Крови практически не было: пуля застряла в черепе. Он рухнул вперед. Переступив через труп, она разбила рукояткой пистолета стеклянный верх прилавка, тянувшегося вдоль всего тесного магазинчика.

- Помогай, - приказала она. - Разбрасывай вещи. Пусть будет похоже на ограбление.

- А разве не так?

Рейчел разбросала по полу пригоршню небольших белых камешков и протянула руку за новой.

- Это диверсия.

Мы потратили несколько минут на беспорядок. Выхватывали инопланетные вещицы из шкафов и разбрасывали по полу. С умеренным шумом завалили витрину с шанцевым инструментом. Побросали лагерные принадлежности и тенниски, раздавили несколько деревянных рельефов, изображавших гробницы. Побили снежные шары с пластиковыми модельками гробниц в воде.

Уходя, Рейчел включила сигнал тревоги. Мы отправились под его звон. Возле стеклянной панели забегаловки выстроились люди, разглядывавшие нас.

Рейчел погнала машину на север по двухполосной асфальтовой дороге, потом свернула на грунтовку, поднимающуюся на невысокий гребень и пересекающую руины Конструктора.

За какой-то час мы оставили позади все следы цивилизации, проезжая по колеям и ложбинам, по покрытым ветровой рябью песчаными полосам, мимо небольшой флотилии похожих на полумесяцы дюн.

Все глубже и глубже погружаясь в недра Города Мертвых.

Я не стал спрашивать, за что она убила владельца лавки. Быть может, он помог бывшему партнеру надуть ее или что-то подобное когда-то проделал сам. Я сказал себе, что это не мое дело. Что я просто сопровождаю ее в дороге, помогая в нужную минуту. А когда она закончит свою историю, мы отправимся к новым приключениям.

Мы ехали почти целый день. Крутили и поворачивали. Останавливались там и сям, чтобы взглянуть туда, где только что были, и проверить, нет ли погони. Ели и пили за рулем. Солнце невыразимо пекло и слепило. Заканчивалась вода, и это меня тревожило. На исходе был и бензин, и я поставил кондиционер на минимум.

Рейчел не возражала, хотя в кабине было так жарко, что пот высыхал прямо на коже. Когда я пересаживался за руль, Рейчел доставала мобильник, что-то проверяла, потом откидывалась назад, прикрыв лицо козырьком позаимствованной в сувенирной лавке бейсболки, и только указывала, куда поворачивать, или напоминала, что надо обогнуть очередную из нечасто попадавшихся зеленых полянок, служивших огородами крысам. Заехав на такой участок, сказала она, мы немедленно увязнем по самые ступицы, а солдаты-крысы вскроют пикап, как консервную банку.

Примерно в середине дня я услышал вдалеке шум вертолета. Через пару минут я заметил кружащую в пустынном синем небе стрекозу. Мы остановились под пологом коралловых деревьев, простиравших алые чешуйчатые сучья над руинами гробниц, чем-то похожих на окаменевшие улы. Рейчел отошла в сторонку, а я все следил, как кружит вдалеке вертолет. Наконец, он направился по пологой прямой к восточному горизонту, и мы продолжили путь.

Темнело. Пустыня пробуждалась. Под одним из кустов я заметил длинную и тощую восьминогую тварь с длинным, узким и усыпанным зубами рылом. Лютый волк, пояснила Рейчел. Из дырки в земле повалила стая местных летучих мышей, похожих на мятые комки оберточной бумаги, и струйкой закурилась в воздухе. Нечто вроде сороконожки, правда величиной с хорошего питона, продвигалось между кустов с внушающим почтение спокойствием.

Наконец, автомобиль, ведомый Рейчел, перевалил через небольшой гребень, охватывавший узкое U-образное сухое русло, посреди которого внутри сложенной из камня спирали возвышалась гробница. Рейчел съехала по склону, затормозила возле обрушившегося участка стены, и мы выбрались в сухой раскаленный сумрак. Она держала в руке фонарь на четыре батареи и казалась какой-то сонной, хотя на вопрос, как она себя чувствует, ответила легкой улыбкой.

- Мы почти закончили, - сказала она.

Я следовал за ней по узкому, извилистому и открытому сверху коридору. Пологий спуск вводил к черному колодцу под заросшим кустарником куполом. Пеньки у входа поросли молодыми побегами. Тут же, посреди всякого мусора, валялись сломанная лопата и выбеленная солнцем пластиковая канистра.

Рейчел включила свой большой фонарь и черенком лопаты поворошила кусты. Убедившись, что там никто не притаился, она раздвинула ветви и прошла вперед. Я следом за ней спустился в сухое квадратное помещение. Из черного крупного песка там и сям торчали отвалившиеся от потолка каменные блоки.

Рейчел повела фонарем, и вокруг нас заметались тени. Некоторые из них продолжали двигаться и после того, как луч света уходил. Из углов и трещин в

каменных блоках полезли небольшие фигурки ростом примерно с паукообразную обезьяну, которую я видел в зоопарке Милуоки во время еще одной, уже менее вдохновляющей вылазки с отцом после его развода с мамой. Со звуком, подобным далекому шепоту, призраки начали обступать нас. Они были бледными, как сигаретный дым. Подталкивали друг друга, выворачивали ладони. Полоски крохотных черных глазок над похожими на сфинктеры ртами тарасились на Рейчел, шедшую между ними словно королева. Они пристально наблюдали, как она достает одушевленный камень и опускает на землю. Когда она отступила на шаг, призраки столпились вокруг камня, протягивая к нему ручки, но не прикасаясь.

Их вдруг как бы стало больше, однако трудно сказать - насколько. Их чуть фосфоресцирующие силуэты теснились друг к другу, подрагивали, соприкасались, затекали друг в друга и снова отодвигались. Мне представились кормящиеся кошки.

- Вот оно, - проговорила Рейчел. Под невысоким сводом голос звучал ровно и негромко.

- То есть? Это что? Инопланетное сокровище?

- Совсем другое.

Мы смотрели друг на друга.

Я сказал.

- Хочу быть с тобой. Вдвоем против всего мира. И никаких разговоров о сокровищах. Хорошо?

- Эта история близится к развязке, - проговорила Рейчел. На лице ее вновь проступило сонное выражение, но слова звучали отчетливо и уверенно: - Камень вернулся туда, где ему хотелось быть.

- Поэтому мы можем идти.

- Да.

Примерно на половине пути по спиральному коридору лабиринта Рейчел указала вверх, на полосу темного неба, зажатую между стенами. Я поднял глаза, и тут она оглушила меня. Тяжелый удар фонаря пришелся позади уха, а когда я осел, она еще разок добавила сверху. И что-то сказала при этом. Хочется думать, что попросила прощения. Удаляющиеся шаги проскрипели по песку и гравию.

И я впал в забытие.

* * *

Мужчина смолк. Он сидел на койке, прикрепленной к стене тесной камеры

смертника. На нем был оранжевый комбинезон, а бледная кожа выбритой головы щетинилась темной порослью.

- Полагаю, все остальное вам известно.

- Меня интересуют все подробности вашей истории, - проговорил !Ча.

Множество флуоресцентных светильников, встроенных в стальной потолок и стальные стены, отражалось в черной поверхности цилиндра. Теней при таком освещении не видно, не считая одной, небольшой, забившейся под койку.

- На самом-то деле эта история не моя, а ее. Да, я присутствовал, да, сопровождал, да, сделал то, что сделал. Этого я не отрицал. И не собираюсь. Что сделано, того не воротишь, - произнес мужчина с внезапным вызовом. - Я застрелил того старика, охранника. И виноват в гибели парнишки. Оставляя их, мы рассчитывали, что они освободятся, но мой удар оказался слишком сильным. Произошло кровоизлияние в мозг. Он впал в кому и так из нее и не вышел. Это тоже висит на мне. И что я был рядом с ней, когда она убивала, но не пытался ее остановить.

- Тем не менее здесь вы, а не она.

- Я ведь говорил, что расскажу свою повесть при условии, что мне будет позволено задать пару вопросов. Вот первый. Ваш друг - Бесплезная Краса, это он подвиг ее на это дело?

- Недруг.

- Возможно, вы - это он. Все эти ваши баки похожи, как две капли воды... Остается только называть себя разными именами. Невозможные Миры, говорите?

- Я называю себя Невозможными Мирами, потому что по прибытии сюда принял это имя. Бесплезная Краса - мой соперник. Мы с ним конкуренты.

- Как угодно. Но он оказал воздействие на Рейчел, верно?

- Нет. Эта история уже была внутри нее. Одушевленный камень просто нашел ее и использовал.

- Правильно. А вы просто наблюдали.

- Нечто вроде того, - отозвался инопланетянин по имени Невозможные Миры.

- Она вообразила себя Чарли Старквезером. Ну, понятно... на свой лад... да и не так уж важно, кому она подражала, раз камень вернулся на место.

- Полагаю, для вас как раз это и важно.

- Ну да, я-то думал, что меня ждет уйма приключений, прежде чем нас настигнет закон. Я надеялся, что мы будем вместе до самого конца...

Мужчина погрузился в раздумье. !Ча выжидал. Он обладал безграничным терпением и оплатил тюремной администрации все время, которое ему могло понадобиться. Заметив, что мужчина вновь поднял голову, он сказал:

- Но ведь ваша история не заканчивается на том месте, когда она оставила вас возле гробницы.

- Ага, значит мы уже дошли до этого места? Ладно, я расскажу, что было дальше, если и вы кое-что мне сообщите.

- Таковы условия сделки.

- Всю правду. Без уверток.

Мужчина потер ежик за левым ухом, где виднелся небольшой белый шрам.

!Ча напомнил:

- Итак, она ударила вас по голове. Вы потеряли сознание. Очнулись...

- Я услышал шум вертолета. Должно быть, он и привел меня в чувство. Тяжкий такой грохот. Я потерял довольно много крови и еще не совсем пришел в себя, но сумел найти выход из лабиринта. Понял, что Рейчел угнала пикап. Почти на ощупь проковылял по его колее на вершину гребня и увидел, что вертолет следует за фарами пикапа. Она гнала быстро, окруженная облаком пыли. Вертолет висел у нее на хвосте. Невысоко, высвечивая прожектором. Должно быть, она смотрела в зеркало заднего вида и потому не заметила появившихся сбоку фар. А может, и заметила, только ей уже было все равно...

Мужчина на мгновение снова углубился в себя, а потом продолжил.

- Она позвонила шерифу, еще когда мы ехали к гробнице. Когда отошла в туалет. Шериф уже разыскивал ее по делу об убийстве хозяина магазинчика и вызвал вертушку.

А потом она снова позвонила ему после того, как оглушила меня: он ведь знал, где меня искать.

- И он застрелил ее.

- Должно быть, вы хотите знать мое к этому отношение. Я его не виню. Она стреляла, что ему оставалось делать? Он врезался сбоку в пикап, и она начала палить сквозь разбитое стекло. Я видел вспышки. Она расстреляла целый магазин за полминуты. Он ответил огнем, и все было кончено. Я понял это, потому что вертушка села возле машин и почти сразу взлетела и взяла курс на гробницу. Я бросился внутрь. Не знаю почему. Я вдруг решил, что там, внутри - сокровище, хотя понимал, что это не так. Или же в тот момент за меня кто-то думал... что скажете?

- Вы в это верите?

- Хотелось бы, - ответил мужчина. - Я забрался внутрь, начал грозить призракам. Пару раз выстрелил... но им-то что, бестелесным. Выскочил наружу, схватил ту старую лопату и принялся колотить одушевленный камень. Бил-бил его, пока не расколол.

Призраки как будто взбесились. Кружили вокруг, словно подхваченные ураганом.

Но вертолет уже висел над головой, я слышал его грохот и видел свет. На полу валялись осколки, я подобрал кусочек и проглотил. Зачем, не знаю.

- А потом?

- Призраки опустились и попрятались, - ответил мужчина. - Они наблюдали за мной. А я не ощущал в себе никаких изменений. Никаких откровений. Никаких видений. Голос с вертолета приказал мне бросить оружие и выйти с поднятыми руками. Какую-то секунду мне хотелось обстрелять их. Но это желание тут же ушло. То, что было во мне, что командовало и повелевало мной, исчезло. И я вышел под свет прожекторов с заложенными за голову руками, и на этом все кончилось.

- Не совсем, - напомнил инопланетянин.

- Вы имеете в виду моего маленького друга, - проговорил мужчина, прищелкнув пальцами.

Тень выбралась из-под койки, словно застенчивый или угрюмый ребенок, дымный двуногий силуэт, съездившийся под резким светом; полоска его поблескивающих глазок была обращена к !Ча.

- Вот он, - проговорил мужчина. - Привязался ко мне, бедняжка. А я вот здесь, в этой камере. Жду, когда меня отправят следом за Рейчел... Вот и вся история.

- Хорошая история. Мой соперник будет посрамлен.

- Да? А его почему нет здесь?

- Он не понял, что ваша история более важна, чем история женщины. Она не выстроена по чужому шаблону и не пробуждена куском камня. Она - ваша.

- А теперь ваша.

- Теперь мы разделяем ее.

- Ученые говорят, что какое-то вещество из того обломка соединилось с моей нервной системой. Вот почему мой маленький друг последовал за мной из гробницы. Я соединился с камнем, и он соединился со мной. Как по-вашему?

- Это и есть ваш вопрос?

- В зависимости от того, сумеете ли вы на него ответить.

- Об этих призраках я знаю не больше вашего. А может, и меньше, - сказал !Ча.

Прозрачный человечек, устроившийся возле голых ног мужчины, следил за их разговором.

- Некоторые говорят, что внутри этого вашего бака плавает косяк мелких рыбешек. Другие утверждают, что вы представляете собой не более чем галлон мыслящей воды. Я как раз гадал, кто из них прав. Нет-нет, это еще не вопрос. Всего лишь любопытство.

- Вы играете со мной.

- Мы играем друг с другом.

- Ваше бытие началось с подобия рыбы в чреве вашей матери, - проговорил инопланетянин. - И большую часть вашего тела составляет вода. Истина в том, что мы не так уж отличаемся друг от друга.

- Все мы любим истории. И считаем их важными.

- Я чрезвычайно высоко ценю вашу повесть и горжусь, что вы ею со мной поделились. Прошу вас, задайте свой вопрос, я отвечу самым истинным образом.

- Быть может, в другой раз, - сказал мужчина.

- У вас осталось немного времени.

- Пусть так. Но, может быть, я хочу уйти, зная, что вы в долгу передо мной. То есть я уйду не с пустыми руками, понимаете?

- Я подумаю и попытаюсь понять. - Инопланетянин поднялся на три ноги, постучал в дверь, вызывая охранника, и проговорил: - Вы не всегда понимаете собственные истории. Именно об этом часто рассказывают песни мистера Спрингстина. О людях, не понимающих те повести, в которых оказались. Джекару считают, что это приведет вас к падению. Мы полагаем, что это станет частью вашей славы. Не понимая собственных повестей, вы пытаетесь докопаться до их смысла и иногда оказываетесь способными на нечто другое. На нечто совершенно новое, И совершенно удивительное. Как сделали вы, разбив этот камень и проглотив его малую частицу.

- Но разве это помогло мне? Знаете, как меня зовут, когда выводят в коридор? Ходячий мертвец.

- Вы могли выбрать смерть еще в пустыне. И тогда ваша повесть скончалась бы вместе с вами. А теперь она живет и будет жить. Быть может, та часть вашей личности, которая связана с призраком, уцелеет и увидит, кто прав. Мы или джекару.

- Это было бы великолепно, - ответил живой мертвец с тенью улыбки на лице.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Paul McAuley. Bruce Springsteen. 2012. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2012 году.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ТЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

Е В Г Е Н И Й Л У К И Н
ТЕЛО, КОТОРОМУ

СЛУЖИШЬ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Глава 1. ЛЕВАЯ

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.*
Александр Пушкин

Ноготь Большого Пальцалевой Руки представлял собой небольшую, чуть выпуклую площадку с неровно обкусанным внешним краем.

- Остальные примерно в том же состоянии... - хмуро известил Белуай и, скривив недовольную гримаску, притопнул копытцем по заскорузлomu Заусенцу.

Крима осторожно прочистил горлышко. Он предполагал, что теория сильно отличается от практики, но никогда не думал, что до такой степени.

- А на Правой?

Белуай с подозрением покосился на паутинчато нежную шерстку новичка - и тот запоздало сообразил, что, кажется, команды Правой илевой Руки друг друга недолюбливают. Иными словами, вопрос он задал несколько бестактный.

Ладно, учтем на будущее, а то ведь обслуживать придется и ту, и другую сторону.

- У них и спросишь, - буркнул Белуай, но тут же смягчился и добавил ворчливо: - Да то же самое, наверное... Так что дел у тебя выше рожек. Сегодня все осмотри, прикинь, где чего, - и вперед! Обязанности свои ты лучше меня знаешь... Да! Если кто из старичков наглеть начнет - шли куда подальше!

- Подальше? - ошалев, переспросил Крима. - Куда?

- Куда подальше, - угрюмо повторил Белуай.

Крима оторопело потряс рожками. Первые истины, с которыми новорожденный чертик является на свет, ничего подобного не содержали. В голову вложено было, что опыт старших следует перенимать, - и все.

- А как они будут... наглеть?..

- Ну там... копытца почистить... рожки отполировать...

- Кому?

- Им! - нервно бросил Белуай. - Или, допустим, попросит за Локтевым Суставом последить, пока он к дружку на Правое Колено сходит... Шли подальше!

- Не обидятся? - Крима поежился.

- Да хоть бы и обиделись! У них - свои участки, у тебя - свой. Вот и давай доводи его до ума... И еще одно! Ногти жизненно важным органом не считаются, так что,

сам понимаешь, по технарю на каждую сторону было бы слишком роскошно. Короче, мотаться будешь: копытце - здесь, другое - там. Ну и, понятно, захочется путь сократить, махнуть напрямик с Руки на Руку... Никогда так не делай.

- Я знаю...

- Знать-то мы все знаем. Вот и предшественник твой знал.

- И что с ним? Белуай насупился.

- Наверное, уже ничего. Упорхнул - и с концами. А мы его только через сутки хватились. Потом догадались Правую Руку запросить, а он там и не появлялся даже. То ли во Внетелесье сгинул, то ли в чужую ауру залетел...

Беседуя, они сошли сначала на Сустав, затем достигли Ладони.

- Но это же запрещено - с Руки на Руку!

- Вот если бы ты и дальше так говорил... - Белуай усмехнулся. - Вылезет такой, вроде тебя, из чертоматки - поначалу все правила назубок! А чуть поработал - куда что делось?..

Внезапно податливая опора под копытцами дрогнула, шатнулась - и оба чертика инстинктивно ухватились за Указательный. Хорошо не за Средний, потому что в следующий миг он резко распрямился, уставясь ввысь, в то время как остальные Пальцы поджались, скрючились.

- Ну, начинается... - проворчал Белуай, запрокидывая голову и с неприязнью оглядывая узловатую колонну Среднего.

- Что начинается? - встревожился Крима.

- Сам увидишь. Главное, держись покрепче. - И, спрыгнув на Запястье, пронзительно скомандовал: - Левая - к бою!

* * *

Далеко не каждому чертику выпадает столь бурный дебют. Не дослушав первой инструкции, взять и угодить в этакую передрягу! Несколько раз Крима казалось, что карьера его оборвется прямо сейчас. Зазевавшегося новичка сразу же прижало к Ладони Указательным Пальцем, а сверху еще налег Большой, в результате чего бедняжка оказался почти полностью обездвижен. Может, оно и к лучшему, ибо, выберись Крима наружу, его бы запросто могло сбросить в открытое пространство. Не зря Белуай велел держаться покрепче.

Из тесной щели между Указательным и Средним торчали одни копытца, которыми Крима неистово отбрыкивался, что, наверное, со стороны выглядело весьма комично. Лишенный слуха и зрения, не представляя, что происходит вокруг,

юный чертик тем не менее ощущал, как взмывает и падает Левый Кулак, внутри которого он очутился. Потом произошло столкновение с чем-то немисливо огромным. Хрустящий удар был настолько силен, что Криму едва не контузило. Затем хватка на секунду ослабла - и он ухитрился этой секундой воспользоваться: крутнулся, выпростал голову, но тут же был схвачен вновь. Ножки оказались стиснуты, зато вернулись зрение и слух.

- Есть попадание! - услышал он ликующий вопль Белуая.

Командалевой Руки творила чудеса. Ежесекундно рискуя сорваться в Бездну, чертики умело и отважно управляли Суставами, то распуская, то натягивая Мышцы. «Неужто и я когда-нибудь так смогу?» - мелькнула благоговейная мысль.

Внезапно Пальцы разжались, и Крима повис в пустоте.

- Па-берегись! - скомандовал Белуай.

Судорожно извиваясь и барахтаясь, новичок дотянулся до Мизинца, вцепился намертво. И очень вовремя, поскольку в следующую секунду из пустоты стремительно выплыло нечто невероятно огромное и бугристое. Чужой Кулак. Удар пришелся вскользь. К счастью, Плоть и псевдоплоть далеко не одно и то же: будь Крима материален, его бы просто растерло по Ладони, а так отделался испугом и болезненными ощущениями.

- Отбой! Уходим!..

Крутой поворот вправо, и бой кончился так же внезапно, как начался. Левая Рука двигалась с прежней быстротой, но сами движения стали ритмичны и однообразны. Тело перешло на бег.

- Слышь, - не без ехидства окликнул Криму толстенький темношерстый чертик, болтающийся на Нижнем Сгибе Безымянного. - Это тебя, что ли, в Хваталке защемило? Я аж залюбовался...

- Отставить! - оборвал возникший откуда ни возьмись Белуай. - Правильно себя вел новичок... А ты, Балбел... - в ярости повернулся он к темношерстому.

- Ага! Чуть что - сразу Балбел!.. - привычно ошетинился тот. - Что я в этот раз не так сделал?

- В том-то и штука, что ничего! Почему система сама сработала?

- От сотрясения, наверно...

И Крима наконец сообразил, о чем речь. Действительно, Средний уставился ввысь перед боем сам по себе - ни один чертик к нему не прикасался. Да и остальные Пальцы прилегли к Ладони без команды. А вот сотрясения вроде бы никакого не было вообще. И Белуай запомнил это так же хорошо, как и Крима.

- Какое еще сотрясение? - взвился он. - Все тихо было! Кто у нас за Суставы Пальцев отвечает?

- Ну я... - нехотя признал Балбел.
- Так почему ж они у тебя сами собой срабатывают?
- Разболтались, видать...
- Ну так подтяни, если разболтались! Прямо сейчас, не откладывая! Чем ауру зря язычком взбивать, давно бы этим занялся! Ишь, новичком он залюбовался! Нашел время...

Насупившийся Балбел немедленно перемахнул на Средний, где принялся с преувеличенно озабоченным видом ощупывать и подтягивать Сустав за Суставом. И все это на полном ходу.

- Молодец, новичок, молодец... - Чуть ли не заискивающе Белуай потрепал Криму по нежной шерстке. - Только, слышь... Когда будешь на Правой Руке, не рассказывай, не надо... Народ там вредный - тут же в Смотровую стукнут...

- О чем не рассказывать?
- Н-ну, видишь ли... Вообще-то сигнал к атаке положено им подавать, а не нам... Бег продолжался. Все вокруг ходило ходуном.
- А настигнет? - испуганно спросил Крима, так и не отваживаясь отлипнуть от Мизинца.

- Кто? - не понял Белуай.
- Ну... с кем дрались...
- Это вряд ли... - Ответственный за Левую Руку нахмурился. - У нас там такие команды Ногами управляют - фиг догонишь! Лишь бы Легкие выдержали...

* * *

Кажется, и впрямь не догонят. Вскоре Тело перевели на шаг, потом и вовсе остановили. Изматывающая качка кончилась, а вместе с нею кончились крики и суматоха. Пожалуй, самое время приступить к исполнению непосредственных обязанностей. Отдышавшись и успокоившись, Крима вернулся на Ноготь Большого Пальца, внимательнейшим образом его осмотрел. Как выяснилось, ситуация была еще более удручающей, нежели представлялось на первый взгляд. Единственное отрадное обстоятельство - ни малейшего признака грибковых заболеваний. Что ж, и на том спасибо.

Легкое пожелтение, пара белых пятен, даже канавка, бегущая вдоль Ногтя - все это полбеда. А вот то, что рос он криво и уже начинал внедряться в Боковые Валики, грозя вызвать их воспаление... Крима чуть было не кинулся исправлять дефект немедленно, однако взял себя в лапки и, насупившись, двинулся дальше.

Указательный, Средний, Безымянный, Мизинец... И везде примерно та же картина.

- Что, Маникюр, плохо дело?.. - посочувствовал Балбел (тот самый, что схлопотал выговор от Белуая). Надо полагать, Суставы уже были подтянуты, отрегулированы, и теперь толстенный темношерстый чертик, удобно разлегшись посреди Ладони, с насмешливым любопытством наблюдал за действиями новичка.

- Что еще за Маникюр? - оскорбился тот.

- Слово такое.

- Первый раз слышу.

- Не горюй, - утешил Балбел. - Тут ты много чего услышишь...

Речь его была лениво снисходительна, однако не похоже, чтобы старослужащий собирался потребовать от Крима немедленной полировки рожек и чистки копытцев.

- А с кем дрались? - отважился новичок.

- Спроси... - Балбел с ухмылкой кивнул куда-то ввысь, где, должно быть, располагалась незримая отсюда Голова. Она же Смотровая.

- А ты правда уже все Суставы подтянул?

- Да их подтягивай, не подтягивай... Разболтались Мослы.

- Почему?

- Так... Зашибли мы их в прошлый раз - вот и разболтались.

Крайне сомнительное объяснение. От ушиба Суставы как раз становятся тугими, малоподвижными. Похоже, Балбел просто морочил новичку голову.

- И как же теперь? - пробормотал тот.

- Да никак. До свадьбы заживет.

- До чего заживет? - всполошился Крима.

- До полной исправности, - перевел Балбел.

И откуда они такие слова берут? Ну не сами же выдумывают! Крима обошел привольно раскинувшегося посреди Ладони бывалого чертика и двинулся в сторону Запястья.

- Далеко собрался? - полюбопытствовал отдыхающий.

- На Правую. Мне ведь обе Руки обслуживать.

Балбел оживился, привскочил на локотке.

- А как пойдешь?

- Как положено. Сначала до Подмышки, а там - с Плеча на Плечо. Напрямую.

Старослужащий огляделся, словно проверяя, нет ли поблизости лишних ушек.

- Хочешь совет? - понизив голос, сказал он. - Смотровую обходи подальше.

- Да я по Ключицам...

- Подальше, я сказал, - с таинственным и даже несколько зловещим видом

повторил Балбел. - По Ключицам, по Лопаткам - все равно ведь через Голову получается! А там начальство - зверь... Один Деархо чего стоит!

- Строгий?

- Не то слово, Маникюр, не то слово! Да и народ там...

- Копытца почистить заставят? - догадался Крима. - Рожки отполировать?

Удивленный осведомленностью новичка Балбел взглянул на него с уважением.

- Во-во... - сказал он.

- А как же тогда идти?

- Лучше всего от Подмышки до Бедр, а там уж переберешься на правую сторону... Только не спереди, слышь? Налетишь на Эйло, на Сорму - тоже мало не покажется. С тыла переходи, через Задницу... - Балбел уловил наконец изумленный взгляд Крима и разгорячился: - Да! - с вызовом подтвердил он. - Далеко, согласен! Зато безопасно... Это потом, когда притрешься, гуляй где захочется! Хоть через Плешь напрямик! А пока только так, Маникюр, только так... Поверь моему опыту!

Стоило миновать Запястье, идти стало значительно труднее. Некая полупрозрачная субстанция, напоминающая тонкий слой плотного тумана, то вздымалась до горлышка, то падала до копытцев. Преодолевать ее было довольно легко, но, когда делаешь это постоянно, усталость все равно накапливается. Среди вложенных в голову обязательных сведений отыскалось и название данного явления - Материя. Или Неживая Материя, что, собственно, одно и то же. В самом начале пути Крима столкнулся также с парой плоских круглых затвердений, парящих на уровне пояснички, и оба на всякий случай обошел.

Неживая Материя окутывала Тело, можно сказать, постоянно, в холодное время сгущаясь и становясь многослойной, а в жаркое - исчезая почти отовсюду, за исключением разве что сектора Таза. Заодно пропадали и дискообразные затвердения, именуемые Пуговицами (видимо, от слова «пугать») и, судя по всему, не способные существовать сами по себе, в отрыве от Материи.

Добравшись долевой Подмышки, Крима попал в поле зрения сурового пожилого чертика по имени Одеор. Тот кивнул в ответ на приветствие, затем прервал работу и поднялся с корточек, машинально отряхивая ладошки. Некоторое время с недоумением смотрел вслед новичку, наконец недовольно окликнул:

- Эй, Маникюр! Куда это тебя понесло? Руки с Ногами перепутал?

Крима обернулся.

- Я как раз на Правую Руку... - неловко пожимаясь, объяснил он.

- Так Рука-то - вон где, а ты куда?

- Мне сказали, что проще через Задницу...

- Кто сказал?

- Балбел.

Суровое личико труженикалевой Подмышки выразило досаду и презрение.

- Хвост этому Балбелу надрать! - буркнул в сердцах Одеор. - Ишь ведь что придумал... Баламут!

Крима сообразил, в чем суть, и ему стало очень стыдно. Надо же, как опростоволосился! Ветеран тем временем присел на корточки и вновь занялся делом, возмущенно покручивая рожками, фыркая и ворча:

- Через Задницу... Додумался! Слевой Руки на Правую - через Задницу...

Да, пожалуй, с этими бывалыми ушко надо держать остро.

Глава 2. ПРАВАЯ

Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая...

Мф. 6, 3

Командующий Правой Рукой Крис оказался надменным сухопарым чертиком с гордо выпрямленной спинкой и беспощадным взглядом.

- На каком Теле служишь? - жестко спросил он.

Крима растерялся.

- Название Тела! - уточнил Крис.

- Да мне пока не сказали...

Крис немедленно обернулся к Тренеу, ответственному за Пальцы Правой Руки.

- Как тебе это нравится? - желчно выговорил он. - Даже проинструктировать не смогли толком!

- Бой начался, - виновато объяснил Крима. - Некогда было...

- А после боя?

- А после боя... - Крима запнулся, не желая подводить командулевой Руки. Придумать, однако, ничего не удалось, пришлось частично признаться: - После боя Сустав подтягивать начали. Сустав разболтался...

- Еще и Сустав у них разболтался! - сказал Крис, снова поворачиваясь к Тренеу и как бы приглашая его в свидетели.

Тот, если и слушал своего командира, то краешком ушка - не до того ему было: метался Тренеу от Мышцы к Мышце, от Сустава к Суставу, орудя обеими лапками, временами пуская в ход копытца и рожки, - так что Крима невольно залюбовался

работой мастера. Вообще, как успел уже заметить новичок, Правая Рука по сравнению слевой являлась куда более бойким местом - не замирала ни на миг. В данный момент Большой и Средний Пальцы удерживали некое цилиндрическое образование, размерами и формой напоминавшее Мизинец, только потоньше и попрямее, а Указательный легонько по этому самому образованию постукивал. Дальняя оконечность цилиндра, кажется, дымилась. Затем Рука пошла ввысь и очутилась вдруг рядом с Губами.

Впервые в жизни Крима видел Голову на расстоянии прыжка. Зрелище величественное и ужасающее. Так вот как они выглядят вблизи: Нос, Глаза, Брови... А уж сколько там суеилось чертиков - не сосчитать. Пальцы тем временем совершили неуволимую эволюцию, в результате чего дымящееся цилиндрическое образование из Неживой Материи втиснулось между Указательным и Средним.

- Затяжка! - скомандовал Амен, управляющий Ртом.

Его подчиненный Банен-Эфроум развел Верхнюю и Нижнюю Губы, образовав щель, в которую точно вошел ближний торец цилиндра.

- Выдох!

Аура замутилась, практически утратив прозрачность, Криму обдало гарью - и чертик закашлялся. Все-таки вредное у них тут производство! Командующий Правой Рукой Крис брезгливо морщился и обмахивался ладошкой.

- Хватит глазеть! Наглядишься еще! - отрывисто велел он, и новичок заставил себя отвлечься от того, что творилось на Смотровой. Тем более что Правая Рука вновь пошла вниз, и Голова канула в вышине. Аура прояснилась, запах гари исчез.

- Тело, на котором ты служишь, - сурово продолжал Крис, - называется Дмитрий Неуструев. Именно так и никак иначе. Услышу от тебя Димку или Митька - накажу. И сам тоже других одергивай, если услышишь... Тело с традициями, со славной историей, которую тебе тоже бы выучить не худо. Бешенство перенесло без последствий...

- Бешенство?

Крис смерил новичка уничтожающим взглядом.

- Возрастное бешенство, - скрипуче уточнил он. - Тело-то мужского рода!

Он бы, наверное, долго еще отчитывал Криму, но тут произошла очередная затяжка, обоих вновь обдало горелым, и беседу на несколько секунд пришлось прервать.

Известно, что чертики бесполы. Их произвела на свет (а в случае надобности и продолжает производить, как это случилось с тем же Кримой) обитающая в недрах Тела Эстенис-ух-епиптоэ. Разумеется выговорить такое имечко трудновато, поэтому чертики попросту величают общую свою родительницу чертоматкой. Со

временем она теряет репродуктивные способности, и Тело в связи с нехваткой обслуживающего персонала начинает ветшать, разрушаться, перестает подчиняться командам.

Так вот, возвращаясь к затронутой Крисом теме: в отличие от чертиков Тело имеет пол, причем управление Самцом кое-кто считает куда более сложным делом, нежели управление Самкой. С наступлением зрелости, например, большинство Самцов переживает затяжной период довольно странного помешательства, когда Тела мужского рода собираются в стаи, обрастают одинаковой Материей, ходят строем, а то и наносят друг другу серьезные (бывает, даже и не совместимые с жизнью) повреждения.

- Так... А кто у нас самый главный?

- Этерафаопе Аброн! - отчеканил Крима.

Вопросы пошли знакомые, приободрившийся новичок с готовностью ждал продолжения экзамена, однако ответственному за Правую Руку стало уже не до юного пополнения.

- К отстрелу... - протяжно скомандовал он. - Указательный - на взвод...

Подчиняясь движениям ловкого Тренеу, Пальцы перестроились так, что сильно укоротившийся цилиндр Неживой Материи оказался между Подушечкой Большого и Ногтем Указательного.

- Пли!

Указательный резко распрямылся, выщелкнув дымящееся образование в бездны окружающего пространства. Тренеу молодецкато выпрямился и сбежал на Ладонь.

- Операция завершена! - четко отрапортовал он.

- Вот познакомься, - неприязненно скрипнул Крис. - Новый наш работник, Крима.

Следует заметить, что имена чертиков всегда соответствуют занимаемой должности. Если ты, скажем, заведешь Гортанью, то зовут тебя Деархо, а если, допустим, Правым Предплечьем, то Абитрион и только Абитрион. Иными словами, представляя Криму, командующий Правой Рукой сообщил заодно и его обязанности.

- Только что из чертоматки, - продолжал Крис. - Имел несчастье сразу попасть к левакам, то есть ничего еще знать не знает. Ну это, может быть, даже и к лучшему - доброму там не научат...

Крима слушал, а сам косился с тоской на Ногти. Состояние их, кажется, было здесь еще более плачевно, нежели налевой: к прочим требующим исправления недостаткам добавился трудноудаляемый коричневый налет никотина, именуемый также копотью.

- Покажи ему участок, определи фронт работ, если что непонятно - растолкуй...

- Будет исполнено! - радостно заверил Тренеу - и ошибся.

От Плеча к Локтю и далее до Запястья прозвучала череда возгласов: где-то в районе Темени был отдан приказ и раскатывался теперь по всему Телу, передаваемый из уст в уста:

- Командиры Конечностей - в Смотровую!

Крис зловеще усмехнулся.

- Ну вот и на Плешь зовут... - предрек он. - Ох, надерут сейчас хвост кому-то! И за разболтанный Сустав, и... Пошли! - обратился он к Криму.

- Так я ж не командир... - пролепетал тот в испуге.

- Неважно, - успокоил Крис. - Ты новичок. Стало быть, должен представиться высшему начальству...

Видно было, однако, что бодрое злорадство руководителя показное - сама малость нервничает, хоть и Правый.

* * *

За состояние Волос персонально не отвечал никто, возможно, именно поэтому на Темени образовалась круглая полянка, вытоптанная собиравшимися там чертиками из командного состава. Те, что званием пониже да попроще, на Плешь старались не забредать, дабы не нарваться ненароком на выговор. Другое дело, если пригласят в приказном порядке, тут уж никуда не денешься.

Оробевший Крима едва поспевал за стремительно передвигающимся Крисом, на всякий случай почтительно приветствуя всех, кто попадался навстречу.

Заместитель Этерафаопе Аброна с непроизносимым именем Мениггесстроеф (именуемый для краткости Менингитом) был не в духе. Взгляд его смягчился лишь однажды, когда к нему подпихнули Криму.

- Вникай, вникай... - с натужной улыбкой напутствовал новичка ответственный за Головной Мозг. - Трудно будет поначалу, но с виду ты вроде чертик старательный,мышленный... Короче, вникай.

Такое впечатление, что на эту фразу высшее начальство потратило все добрые слова, какие знало. Стоило прибыть последнему командиру (им оказался Трахун, заведующийлевой Ступней), как Менингит словно с цепочки сорвался.

- До каких пор? - гремел он. - До каких пор, я спрашиваю, будет у нас продолжаться этот бардак? Этот разброд! Почему сигнал к атаке подает Левая Рука, а не Правая? Почему Ноги не принимают участия в бою? Что происходит

вообще?..

- Сустав у них, видите ли, разболтался, - с ядовитой ухмылочкой наябедничал Крис. Но не в полный голос, а так, исподтишка.

- Где разболтался? - немедленно вскинулся Менингит.

- Налевой Руке... Сам собою вызов послал противнику...

Переминающийся с копытца на копытце Белуай с упреком посмотрел на Криму и безнадежно вздохнул.

- Как это сам собою? - взвизгнул командир Головного Мозга. - Что за бред?

Неожиданно Крима шагнул вперед.

- Это я, - сипло сказал он.

Все замолчали, глядя на него с недоумением. Крима прочистил горлышко. Он чувствовал, что подставил Белую, рассказав Крису о разболтавшемся Суставе, и пытался теперь принять на себя хотя бы часть вины.

- Это я нечаянно за Палец ухватился, - соврал он и покаянно склонил рожи. - А он сработал...

Первым опомнился Менингит.

- Вот, - произнес он, указывая на Криму. - По крайней мере, честен... Побольше бы таких!

Собственно, на этом выволочка и кончилась. Самоотверженный поступок Крими настолько умилило начальство, что продолжать разнос уже не имело смысла. Менингит вообще был известен своей беспощадностью к среднему командному звену и снисходительностью к простым работягам, тем более к новичкам.

- Все по местам, - приказал он. - А разговор этот мы еще продолжим. Но не здесь и не сейчас...

Привычные к угрозам начальства чертики сошли с Плеши и потянулись цепочкой по сильно заросшему скату к Правому Виску.

- А ты, я смотрю, вроде так ничего... - с уважением шепнул Белуай Криму.

Но тот не услышал. Взору его предстало столь ужасающее зрелище, что бедняжка оцепенел. Из глубин пространства, увеличиваясь, нарастая, медленно вздымалась Левая Рука, только на этот раз в Пальцах ничего не дымилось. Вот она остановилась вровень со Ртом, развернулась Ногтями вперед, послышалась переключка операторов:

- Подаю Безымянный...

- Зафиксировал... Поправляю...

- Есть контакт...

- Куси!

И на глазах Крими чудовищные Передние Зубы, управляемые лично Аменом

(Ибикан, ответственный только за Коренные, наблюдал со стороны), со скрежетом отгрызли внешний край Ногтя, варварски повредив при этом Боковой Валик.

- Что же они делают!.. - в смятении пролепетал Крима. - Они же мне все Ногти так загубят!..

Он было рванулся назад - пожаловаться Менингиту, но Белуай вовремя ухватил его за локоток.

- Куда?

- Так они же... - Крима беспомощно тыкал коготком в происходящее внизу.

- Не сейчас... Потом доложишь... - прошипел Белуай. - А то вскинется по-новой - всем хвосты надерет...

Глава 3. ПРОФИЛАКТИКА

*Покойся, милый прах,
до радостного утра!*
Николай Карамзин

Чертики никогда не спят, тем не менее кое-какой отдых им необходим. Кроме того, Тело требует проведения регламентных работ, поэтому время от времени его отключают - примерно на треть суток.

Отключение выполняется поэтапно и представляет собой весьма сложный технологический процесс: сначала Тело переводится в горизонтальное положение, после чего начинается подготовка к переходу в первую фазу. Чертикам надлежит постепенно распусть Мышцы, что, кстати, далеко не всегда удается, затем обслуживающий персонал Смотровой во главе с Менингитом принимается гасить мозговые волны, опять-таки по возможности постепенно. Примерно в то же время Астерехмен справа и Фаспомохам слева плотно задраивают Веки и притормаживают движения Глаз.

На этом первый этап отключения считается завершенным.

Незабываемый момент, особенно если раньше тебе ни разу не доводилось видеть ничего подобного. Аура успокаивается до такой степени, что, напрягши зрение, можно убедиться воочию в ее семислойности. Вдобавок отключение Тела традиционно производится в темное время суток, отчего картина становится еще более величественной и живописной.

Собственно говоря, аура для чертиков - та же атмосфера. Вспорхнув в ее

высокие слои, неминуемо почувствуешь, насколько ты близок к вечному холоду и пустоте безжизненных пространств, однако делать так категорически не рекомендуется. Вон предшественник Крима тоже рискнул перепорхнуть с Руки на Руку - и что теперь с тем предшественником? То-то и оно! Пешком надежнее.

Не в пример прочим чертикам отдыхать новорожденному было не от чего, так что имелся прямой резон заняться ремонтом, причем начать, естественно, с Безымянного Пальца Левой. Свежий скус выглядел ужасно, и Крима вновь ощутил нестерпимое желание отправиться прямо сейчас к Менингиту и потребовать наказания виновных через Голову. К счастью, сдержался - сообразил, что так легко прослыть доносчиком, и, смилив праведный гнев, присел над изуродованным Ногтем.

С величайшей осторожностью, ибо Плоть и псевдоплоть при сильном нажиме легко проходят друг сквозь друга, оттянул Боковой Валик и стал разминать Кожу в надежде заправить ее потом под роговую пластину. Увлекся, утратил чувство времени, а когда очнулся, Тело уже пребывало в полной отключке.

Встал с корточек, озадаченно почесал темечко между рожками. Трудился-трудился, а толку? Такое ощущение, будто все старания пропали втуне: Кожа по-прежнему налезала с боков на Ноготь. Огляделся в тоске. А ведь у него еще девять таких объектов! Девять!

* * *

- Но почему? Почему?.. - восклицал безутешный Крима. - А главное - зачем? Рассчитать, спланировать, отдать приказ...

- Думаешь, специально приказ отдавали? - усомнился Одеор.

Они сидели в зарослях Левой Подмышки и толковали промеж собой - старожил и новичок. Регламентные работы Одеор почти завершил, когда на глаза ему попался Крима, в подавленном состоянии ковылявший с Левой на Правую. Пришлось окликнуть, спросить, чем расстроен. Ну и разговорились...

- А как без приказа? Это же надо было Локоть задействовать, Запястье, Пальцы... - с надрывом перечислял ответственный за Ногти обеих Рук. - А главное - Зубы задействованы... Зубы!

Чертики редко помнят, кто из них когда вылез из чертоматки. Разве что момент рождения совпадет с каким-нибудь редким событием (капитальным ремонтом Ребер, упразднением Гланд). Одеор в этом смысле исключением не являлся. Кроме того, даже если и стряется нечто знаменательное, из-под Мышки мало что

увидишь и услышишь. Одно можно было сказать с полной уверенностью: чертика старше и опытнее - поди найди!

- Да... - помедлив, признал Одеор. - Сложновато для самоуправства...

- И ради чего? Ради того, чтобы Ноготь мне изувечить? Вредительство какое-то...

- Может, и вредительство, - не стал перечить ветхослужилый. - У Криса вон Роеор в дружках...

Крима тревожно задумался. Действительно, Роеор ведал Нервами и, стало быть, вполне мог передать приказлевой Руке в нарочито искаженном виде.

- Нет, - решительно сказал Крима, прервав раздумье. - Это что ж получается? Менингит на Плеши выволочку командному составу устраивает, а у него на глазах Ноготь кусают?

- Хм... - Одеор качнул рожками. - А и впрямь! Кому ж ты тогда жаловаться собрался? Менингиту на Менингита?

Крима пригорюнился.

- Понять хочу... Зачем они так?

Ветеран ободряюще потрепал новичка по загорбочку.

- Тут, брат, копытца сломишь... - попытался утешить он. - Агрегат у нас, сам видишь, сложнейший... А начальство - оно тоже не всемогуще: за всем не уследишь, на всех не угодишь... Я вот что думаю: мы ведь без специалиста по Ногтям сколько работали? Долго... Пока тебя к нам не прислали. А Ногти-то растут. Ну, стало быть, и выкручивались как могли: Зубами отгрызали...

- Но теперь-то!

- Теперь - дело другое. А предыдущий приказ, видно, отменить забыли... Почему нет? У нас такое и раньше бывало... Сплошь и рядом!

- Но если так... - в надежде встрепенулся Крима. - Это ж доложить надо!

- М-м... м-можно... - поколебавшись, промычал Одеор. - Только, слышь, осторожненько эдак, чтоб под горячую лапку не попасть...

* * *

Заявиться на Правую Руку, в то время как Тело остановлено и уложено на профилактику, - поступок крайне опрометчивый.

Впоследствии Крима подобной ошибки больше не повторял. Даже в самый разгар рабочего дня Крис и его команда вели себя просто невыносимо, а уж при наличии досуга... да еще и повода...

А повод был. О том, что учинил новичок на Плеши, здесь, естественно, знали.

- Эх ты... - с упреком сказал молодцеватый Тренеу. Шерстка - волосок к волоску, рожки сияют. - Нашел кого выгораживать! Или прикармили уже там тебя?

Никто Криму налевой Руке не прикармливал. Чертики, если на то пошло, вообще обходятся без пищи, получая жизненную энергию непосредственно из ауры, тем не менее фраза прозвучала обидно. Крима надулся и оставил вопрос без ответа, собираясь сразу приступить к ремонтным работам, однако не тут-то было.

- Думаешь, ты им помог? Ты им навредил! У них и так дисциплина расшатана, а тут еще ты жалостливый выискался. Смотри...

Крима опять промолчал, что в общем тоже было ошибкой.

- Со старшим, между прочим, разговариваешь, - скрипуче напомнил подошедший Крис. - Как стоишь?

Крима вздохнул и выпрямился. Тренеу почтительно отшагнул в сторонку, уступая место своему командиру.

- Почему Правая Рука сильнеелевой? - страшно округлив глазенки, спросил тот. - Почему Правая выполняет тонкие операции, а улевой ни рожна не выходит? Почему Правая Рука всегда права, алевую то и дело на Плехи распекают?

«Стукачок ты потому что», - мысленно огрызнулся Крима, но вслух, понятно, не сказал ничего.

- Назови хоть один объект на Правой Руке, который бы выглядел хуже, чем налевой! - не унимался Крис.

- Ногти, - буркнул Крима.

На секунду Крис онемел. Но лишь на секунду.

- Вот именно! - проскрежетал он. - А чья в том вина?

- С завтрашнего дня - моя.

Услышав такое, Крис даже отшатнулся слегка.

- У-у... - изумленно протянул он. - Вот мы, оказывается, какие?.. Ну смотри, юный специалист! С завтрашнего дня спрошу с тебя по полной... Стоять! - рявкнул неистовый руководитель, видя, что Крима двинулся к Ногтям. - Это ты налевой так себя вести будешь! А здесь - Правая! Запомни это накрепко...

- А налевую я завтра рапорт подам, - брякнул Крима.

Теперь уже онемели оба: и Крис, и Тренеу. Облизнули губешки, переглянулись. А новичок-то, дескать... Неужто свой?

- Рапорт? - вкрадчиво переспросил Крис. - Это по какому же, позволь узнать, поводу?

- По поводу грызения Ногтей.

Правых аж передернуло. На их-то Руке Ногти тоже пообкусаны.

- Так... - С загадочным выражением на мохнатой мордочке Крис деликатно

подхватил новичка под локоток, отвел подальше к Запястью. - Видишь ли, Крима...
- интимно начал он. - С одной стороны, я тебя понимаю. Но с другой... Ты думаешь, у меня сердечко не разрывается, когда я все это вижу? Разрывается. Точно так же, как у тебя... Ну вот подашь ты рапорт на Левую Руку. Но ведь там же не только Левая Рука! Там еще и Зубы...

- И что? - Крима тоже понизил голосок.

- А Зубы - это Амен, - шепнул Крис. - Соображаешь?..

- Нет, - искренне признался Крима.

- А за Аменом стоит Аххан. А они с Менингитом двойняшки - вместе из чертоматки вылезли...

- Ну вылезли, - сказал Крима. - А Ногти-то грызть зачем?

Командующий Правой Рукой покосился на него с подозрением.

- Ты что, с Арабеем уже успел побеседовать?

- Н-нет...

- Странно. Обычно у нас один Арабей такие речи заводит.

- Да нет же, нет! Я его и не видел ни разу...

- Увидишь еще, - зловеще пообещал Крис. - И услышишь.

«Зачем?» - передразнил он то ли Криму, то ли неведомого Крима Арабея. - Так вот все и начинается. Зачем грызть Ногти? Зачем курить? Зачем колдырять?

- Что делать?

- Колдырять! А там, глядишь, и «зачем жить» вообще. Каждый должен знать свой участок. А то в такие дебри залезешь...

- Ну так я же...

- Да понимаю, понимаю... - страдальчески скривив личико, молвил Крис. - Но и ты пойми тоже! Исполнители мы! Вот отдали нам приказ: скусить Ноготь. Зачем? А затем, чтобы мы этот приказ исполнили! Откуда мы знаем? Может, они таким образом передние Зубы тренируют...

- За счет Ногтей?!

- Почему нет? В большом деле чем-то непременно приходится жертвовать... Впрочем, что ж я тебя отвлекаю-то? - спохватился Крис. - У тебя ж работы непочатый край...

* * *

Что верно, то верно - непочатый. С Ногтями Правой Руки Крима провозился до восхода, хотя особых успехов опять-таки не достиг. Потом настало утро.

Воспылали нечетные слои ауры, воздвиглись над головенкой стоячие волны света, заструилась, мерцая, меж ними эктоплазма четных слоев - и юный чертик распрямил хребеток. Да, судя по всему, идти на рапорт к Менингиту пока не следует. Вот осмотримся, все взвесим, прикинем хвостик к носику - тогда, пожалуй...

Задумчиво склонив рожки, двинулся Крима в обратный путь. Бредя наугад, вспомнил про Пуговицы, вскинул глазенки, но ни одной не обнаружил. Хотя все правильно: они должны возникнуть позже, вместе с Материей. Никем не окликнутый, чертик миновал Плечевой Пояс и вскоре достиглевой Руки.

- А-а, стукачок пожаловал, - недружелюбно приветствовал пришельца толстенький охальник Балбел. - Что ж ты нас Крису-то вложил, а? Вправо уклоняешься?

- Кого я вложил? - У Крыма даже шерстка вскинулась на загривочке. - Я всю вину на себя принял!

- Принял он... Откуда вообще узнали, что Пальцы перед боем сами сработали? За такие штучки, знаешь... копытца чистят!

- И рожки полируют? - злобно осведомился Крима.

Балбел озадаченно взглянул на бойкого новичка.

- Н-ну... - уклончиво молвил он. - И рожки тоже...

Вне себя Крима подступил к темношерстому толстячку вплотную. Тот моргнул. Может быть, даже и перетрусил.

- От кого был приказ?

- Какой приказ? - очумело переспросил Балбел.

- Подать Безымянный в Зубы!

Ветеран цинично оглядел Криму.

- Слышь, - сказал он. - Хочешь совет?

- Да ты уже один раз посоветовал! С Руки на Руку через Задницу...

- Так хочешь или нет?

- Ну!

- Не выясняй ничего. Рожки целы? Целы. Вот и не лезь... Целее будут.

И что-то зябко стало Криме. Морозец по-за шкуркой прошел. Да что ж это за тайна такая? Ну не помрет же Тело, в конце-то концов, если перестанет Ногти грызть!

Хотел расспросить поподробнее, но тут появился Белуай.

- Так, - бодро оповестил он. - Кончайте треп! Приводим все системы в готовность.

Глава 4. ВНЕТЕЛЕСЬЕ

Вы ушли, как говорится, в мир иной...

Владимир Маяковский

Словом, отношения у Крима не заладились с обеими командами. С Правой Руки на Левую стукнули, будто новичок собирается подать рапорт, после чего даже благожелательный Белуай стал несправедлив и придирчив. Самое мудрое, что можно было сделать в подобном случае, - стиснуть зубки и по самые рожки уйти в работу. Так Крима и поступил, правда, решил схитрить - сосредоточил усилия на Левом Мизинце, где Ноготь был в относительно исправном состоянии. Если вдруг потребуют к ответу - предъявит, скажет: вот, пожалуйста, один уже готов, остальные - на очереди. У меня же не десять лапок, правда? Сразу только чертики родятся, а тут дело долгое, кропотливое...

Но даже и с Мизинцем пришлось помаяться. Белая отметина у самого основания так, например, и осталась, но тут уж ничего не попишешь, подобные пятнышки невыводимы, единственный способ от них избавиться - ждать, пока Ноготь отрастет.

Рапорт Крима, естественно, так ни на кого и не подал, тем более что отгрызать уже было нечего: повинуюсь неведомо чьему приказу, ко Рту постоянно подавали не Безымянный - так Средний, не Средний - так Указательный, но Зубы щелкали вхолостую, и Рука шла обратно. И каждый раз Крима вынужден был преодолевать соблазн перешагнуть с Ногтя на Зуб и, взойдя на Темя, обратиться к Менингиту по всей форме.

Однажды Пальцы обеих Рук ни с того ни с сего сплелись. Этого еще не хватало! И так то слева зудят, то справа, а теперь, чего доброго, с двух сторон накинутся. Крима вскинул глазенки, ожидая увидеть очередного обличителя, но взгляд упал на Ноготь другой Руки - и новичок обомлел. Не было в его хозяйстве такого Ногтя. Таких Ногтей вообще не бывает: сияющий, ухоженный, необкусанный, он был к тому же покрыт ровным полупрозрачным слоем Неживой Материи, отчего казался еще прекраснее. Затем Криме померещилось, будто ауру просквозило мягким ласковым ветерком. И только тогда ответственный за Ногти сообразил, что перед ним Чужая Рука.

В священном трепете он взирал на явившееся ему чудо и сознавал: вот оно, Совершенство. Лишь несколько секунд спустя Крима обратил внимание на то, что

рядом с Ногтем беснуется чертик - странный, нездешний: маленького ростика, хрупкого сложенъица, копытца и рожки - почти прозрачны. И масть другая. Если серая шерстка Крима отливала голубой волной, то у этого - рыжеватой, почти что розовой.

- Отзынь, чумичка! - яростно выкрикнул незнакомец, и Чужая Рука, вырвавшись, резко ушла прочь.

Крима был потрясен. Умишком-то он понимал, что жизнь на иных Телах возможна и даже обязательна (взять тот же Кулак, едва не растерший новичка по Ладони, - кто-то же им управлял!), но одно дело понимать, и совсем другое - убедиться в этом воочию.

Как-то сразу стало не до работы. Правой Руке Крима соврал, что пошел на Левую,евой - что на Правую, а сам двинулся напрямик под Мышку к умудренному опытом Одеору.

Ветеран хмуро и внимательно выслушал сбивчивый рассказ новичка.

- Маникюр... - произнес он и замолчал.

Крима давно уже привык к малопонятному своему прозвищу, но сейчас ему показалось, будто прозвучало оно этаким приговором: то ли упрекнули, то ли одобрили. Подождал, не прибавит ли Одеор еще чего-нибудь. Не дождался. Суровый работяга сокрушенно качал тусклыми рожками. Потом взглянул на растерянную мордочку новичка и вроде подобрел.

- То, что ты сейчас видел, - растолковал он, - называется Маникюр. А ты думал, почему тебя так кличут?

Оцепеневший Крима лишь пошевелил губешками, беззвучно повторяя иное имя Совершенства. Ну если так, то пусть дразнят Маникюром и дальше.

- Как же они этого достигли?.. - еле выговорил он.

- Как-как! - сердито передразнил Одеор: - Ноготь-то женский.

- Женский?..

- Ну так если Тело женского рода! Видел небось, какой масти персонал? Ну и вот...

- Неужто там и Ногтей не грызут? - подавленно спросил Крима.

- Редко, крайне редко... - отвечал Одеор. - На женских Телах, чтоб ты знал, ваш брат чуть ли не главным специалистом числится.

- Выше Менингита?!

- Бывает, что и выше... - Ветеран всмотрелся в мечтательную мордочку новичка.

- Знаешь, что я тебе, друг, скажу... - побряхтывая, молвил он. - Разные есть Тела. Бывают хуже, бывают лучше. А ты за свое держись. Ты здесь из чертоматки на свет вылез... Подумаешь, Ногти там не грызут! Тут Родина - там чужбина...

- А как это я там вдруг окажусь? - опешил тот.
- По-разному случается, - уклончиво отозвался старожил. - Когда нечаянно, когда нарочно... Морпиона при случае расспроси, он расскажет...

- Кого?

- Арабея, - пояснил ветеран. - Тоже искал, где лучше, а потом рад был копытца оттуда унести... Только, слышь, - спохватившись, прибавил он. - Морпионом его не называй, не надо... Обидится. И ушки с ним особо не развешивай. Такого наплетет, что рожки выпрямятся...

Крима слушал, округлив глазенки.

После этого разговора стал он несколько задумчив и рассеян, чем немедленно воспользовались проказники Левой Руки. Вдобавок, привыкнув к постоянным Телотрясениям, Крима, вопреки наказам старших, утратил бдительность и однажды не уберется.

* * *

- Эй, Маникюр!

Голосок Балбела прозвучал тревожно. Крима выпрямился, оглянулся - тут-то все и приключилось.

Внезапный взмах Левой был настолько резок, что от ауры отделился солидный клочок - и новичок вместе с ним. Крима как раз возился с волнообразным краем Мизинного Ногтя, пытаясь его подшлифовать, выровнять - и хотя бы слегка приблизить к увиденному недавно Идеалу. Теряя тепло, становясь все прозрачнее, радужный протуберанец вместе с барахтающимся, ошалевшим от неожиданности чертиком ушел вниз, где разбился о некую Твердь. Ожгло стужей - и Крима, судорожно подобрав мгновенно озябший хвостик, ринулся обратно, ввысь - сквозь ледящую пустоту Неживого Пространства.

Времени это, можно сказать, не заняло вообще, и все же несколько раз почудилось, будто рывок никогда не кончится и никогда не достичь спасительной теплой дымки, окутывающей смутный, медленно перемещающийся массив, именуемый Левой Рукой. Наконец родная аура нежно обняла хрупкое, покрытое мягкой серенькой шерсткой тельце - и Крима вцепился в Ноготь что было сил. Неподалеку, тыча в растяпу коготком, ликовал и заходился от хохота Балбел, прочно угнездившийся на Второй Фаланге Большого Пальца. В районе Локтя тоже веселились.

Судя по всему, старички столковались и нарочно подстроили внезапный этот

взмах, застав Криму врасплох. Шутка дурацкая и жестокая, особенно если вспомнить о судьбе предшественника Крима. Вообще работа на кончиках Ногтей считалась делом небезопасным.

- Очень смешно! - огрызнулся Крима, дрожа и распрямляя ломкий хвостик.

- А ушками хлопать не надо! - злорадно посоветовал ему Балбел. - Держаться надо как следует.

Взъерошенный Крима не ответил и снова занялся шлифовкой Ногтя - точнее, сделал вид, что занялся. За пределы ауры его выбросило впервые - это надо было еще осмыслить.

* * *

- Ну и как тебе Тот Свет? - лениво осведомились рядом.

Крима покосился на говорящего. Раньше он этого чертика не встречал ни разу. Должно быть, антипод - из тех, что работают ниже Пояса. Холеная шерстка, скучающе-ироническое выражение мордочки, кончик левого рожка сломлен.

- Откуда ты тут взялся такой? - буркнул Крима.

- Догадайся с трех раз, - любезно предложил пришелец и, видя, что гадать Крима не намерен, пояснил: - Ты не поверишь, но... перешагнул.

- Откуда?

- Откуда надо, оттуда и перешагнул... Арабей, - представился незнакомец.

Вот, значит, как он выглядит, этот возмутитель спокойствия, о котором Крима успел столько всего наслушаться! Арабей... Вообще-то он был Арабеей, но каждый раз оглашать обе буквы - много чести! Согласно раскладу обязанностей, Арабей отвечал за работу Пениса Слева. Само существование подобной должности озадачивало. Во-первых, как бы это вдруг Пенис мог оказаться слева? Но даже если бы и оказался, главная загадка состояла в том, что для Пениса Справа штатной единицы не полагалось вообще. Гениталиями заведовал Сорма, Тестикулами - Эйло, причем оба друг друга ненавидели. Сорма считал, что Эйло ему подчинен, Эйло же так не считал. Ревнивые, подозрительные, Арабея они, опасаясь интриг, к матчасти близко не подпускали, а тот, нисколько не возражая, блуждал себе по всему Телу и от нечего делать лез ко всем с разговорами. Как сейчас.

Приблизился ухмыляющийся Балбел.

- Здорово, лодырь! - приветствовал он Арабея.

- Здорово, пахарь! - ничуть не обидевшись, отозвался тот. Видно, давно привык к

такому обращению и огрызался чисто машинально, не тратя лишних эмоций.

- Самому рожки обломали - теперь хочешь, чтобы и новичку тоже? - любопытствовал Балбел.

- Да вы их так и так обломаете...

Ухмылка Балбела стала несколько напряженной. Кажется, тягаться в острозыкости с Арабеем было даже ему трудновато.

- А начальство твое как там поживает? - посопев, спросил он наконец.

- Ты про Этерафаопе Аброна? - небрежно уточнил ответственный за мифический Пенис Слева.

Балбел поперхнулся. Крима - тоже. Рисково шутил Арабей, да и неприлично: выше Этерафаопе Аброна начальства у чертиков не водилось. Балбел гневно фыркнул и отошел на всякий случай подальше.

- Ну так как тебе Тот Свет? - повторил Арабей.

Крима замер, припоминая, но сумел восстановить (а может, и придумать) лишь общие впечатления. Недосуг ему было тогда приглядываться - уцелеть бы! Кроме того, преломление света за пределами ауры оказалось совершенно иным, поэтому внешний мир явился новичку в искривленном, оплывшем виде.

Вроде бы Вселенная имела форму куба. Вроде бы. Но это ладно. Странно было другое: прямоугольная Бездна представилась Криму абсолютно пустой, в то время как из рассказов Одеора следовало, что она густо населена Чужими Телами. Однако ни единого Тела за время своего краткого пребывания в Неживом Пространстве Крима не приметил.

- Санузел, - сказал Арабей.

- Что? - не понял Крима.

- Санузел, - повторил Арабей. - Часть Мироздания, причем очень маленькая. И ты в ней только что был...

Маленькая? Ничего себе маленькая!.. Каково же тогда Мироздание в целом?

- А почему Санузел?

- Так называется.

- Откуда вы такие слова берете? - не выдержал Крима. - Сами придумываете?

Арабей скривил губешки пуще прежнего.

- Сами? - надменно переспросил он. - Нет, Маникюр, самому такого нипочем не придумать...

- А кто же их тогда придумывает?

- Тело, - сказал Арабей.

Крима остолбенел. Больше ереси ему еще слышать не доводилось.

- Тело не может придумывать! - оскорбленно завопил он.

- Почему?

- Оно неразумно! Мы на нем живем! Мы им управляем!.. - Крима осекся. Секундочку-секундочку... А ведь определенный резон в словах Арабей был. Известно, что Тело, за вычетом рожек, копытцев и хвостика, чертикоподобно и даже обладает речевым аппаратом. Разум, понятное дело, отсутствует, однако Менингит заведует Мозгом, Дeartho - Гортанью, Банен-Эфроум - Губами, Аххан - Языком... Да-да-да, эти четверо запросто могли сговориться, сочинить новое словцо - и... К тому же Менингит с Ахханом двойняшки, вместе из чертоматки на свет вылезли...

Все равно ересь! Даже если бы они заставили Тело что-нибудь произнести, кто это услышит и кто разберет? Нет, услышать-то, конечно, услышат... Время от времени Тело действительно издавало протяжный низкий рев, рычало и ухало, но подобные раскаты скорее напоминали стихийное бедствие, нежели членораздельную речь.

- Зачем ему вообще слова? - с запинкой спросил Крима. - Телу... С кем оно говорить будет?

- С другими Телами.

Очередной вопрос застрял в горлышке. Крима стоял, приотворив ротишко и беспомощно растопырив коготки.

- Вот народец! - хмыкнул Арабей. - Обслуга ведь, а туда же... Ишь возомнили о себе... черти! Единственные носители разума... Тебе что, «Апокриф Иоанна» в голову вложить забыли?

- Не забыли... - пискнул Крима.

- Ну так изучи повнимательнее... Да, тело создавалось нами - с этим даже я спорить не буду. А вот для нас ли?

Ну это уже даже и не ересь! Это... это... Такому и названия не подберешь!

- А ты правда там был?

- Где?

- На Чужих Телах...

Арабей перестал улыбаться. Кажется, тема была затронута щекотливая. Тем временем Левая Рука приблизилась к Зубам, подали на отгрыз Безымянный - и снова зря. Ноготь еще как следует не отрос.

- Короче, так, - процедил Арабей, глядя на Криму свысока. - Твердите, юноша, азы...

С этими словами он перескочил с Ногтя на Зуб.

- Слышь, Ибикан! - послышался уже изо рта его приглушенный голосок. - Верно говорят, что ты там Зуб Мудрости проращиваешь? Не поздновато, нет?..

Глава 5. ВИДЕНИЯ

*Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья...*
Борис Пастернак

«Апокриф Иоанна», вернее, ту его часть, что изначально закладывается в сознание каждого чертика, Крима в любой момент мог воспроизвести наизусть, но само сочетание слов до сих пор представлялось ему загадкой. Что такое Апокриф? Кто такой Иоанн? Неведомо...

Попросту сказать, штатное расписание. В начале, правда, кратко сообщалось о происхождении Тела. Согласно «Апокрифу», создали его именно чертики, причем отнюдь не самочинно, а по чьему-то приказу свыше. Собственно говоря, любое Тело строится чертиками - еще в утробе. Поначалу зодчим не хватает мастерства, поэтому Зародыш напоминает то рыбу, то ящерицу и лишь позже становится похож на своих создателей, за исключением, как уже отмечалось, рожек, хвостика и копытцев. Ну тут уж ничего не поделаешь - копия неминуемо должна уступать оригиналу.

Тонкость, однако, в том, что речь в «Апокрифе» велась далеко не о любом, но о Первом Теле, по образцу которого возводились все последующие Тела. Присутствовало там и упоминание о Криме, сотворившем Ногти на Руках. Разумеется, в виду имелся не нынешний, а опять-таки Первый Крима, и тем не менее стоило припомнить эту строку, сердчишко заходило от гордости.

Чувствовалось, что «Апокриф» возник очень давно, и время его не пощадило. В связи с искажением, а то и утратой отдельных фрагментов не все обязанности были прописаны с должной четкостью, чем, собственно, и объяснялось безделье Арабея или, скажем, тот факт, что за состояние Волос на Голове не отвечал никто. Бесхозным оставался и Правый Локоть, из-за чего возникали частые трения между Иакуибом и Абитрионом.

Предание, однако, почиталось священным и исправлениям не подлежало.

Крима просеял мысленно весь текст слово за словом, но так и не нашел ни единого намека, будто Тело может действовать автономно. По логике, утрата управления неминуемо привела бы к катастрофе. Хотя... Не исключено, что в голову был вложен сокращенный вариант «Апокрифа».

Надо будет при встрече распросить Арабея: вдруг ему полный текст вогнали...

* * *

Первый, нечаянный выход во внешнее пространство отозвался вскоре странными, чтобы не сказать, жутковатыми последствиями: однажды Крима вскинул глазенки - и обнаружил с трепетом, что сквозь семислойную ауру проступает Тот Свет. Раньше ничего подобного не наблюдалось. Должно быть, после падения в Бездну что-то стряслось со зрением.

Там, в невероятной дали, мерещились угловатые громады, двигались окутанные смутной дымкой Чужие Тела, проплывали чудовищные сгустки Неживой Материи. Крима зажмурился. Потом осторожно приоткрыл левый глазик. Призрачный внешний мир просвечивал по-прежнему и нависал отовсюду.

Он что же, так теперь и будет маячить?

Жить стало неуютно.

И Крима, как водится, пошел за советом к Одеору. Однако на сей раз старый труженик даже не понял, о чем его спрашивают. Проведя всю свою рабочую жизнь под Мышкой, он, естественно, никогда не оказывался да и не мог оказаться за пределами ауры, а стало быть, зрение сохранил идеальное: видел только то, что положено.

Еще меньше сумел он сказать об «Апокрифе Иоанна». Как выяснилось, официальное название штатного реестра давно стерлось из памяти старожилы, хотя обязанности каждого чертика Одеор знал назубок.

- Уж чего-чего нам только по молодости лет в головешки не вбивали... - ворчал он. - А много из того пригодилось? Вот то-то и оно! Поработаешь с мое - тоже все лишнее позабудешь...

- А Арабей...

- Да мало ли что Арабей!.. - не дослушав, вспылил ветеран. - Я ж тебя предупреждал: слушать - слушай, а ушки с ним не развешивай... свернутся ушки... Он тебе от скуки что хочешь придумает!..

Выглянув на секунду из-под Мышки, Крима с содроганием оглядел призрачные твердыни Того Света - и невольно позавидовал духовной слепоте Одеора.

- М-морпион... - презрительно пробурлил тот. - Знаешь, как про него в народе говорят, про Арабея? Зараза, передаваемая половым путем...

- Почему половым?

- А каким еще?.. Ты думаешь, как он с Тела на Тело переходил? - Ветеран

осекся, уличив себя, видать, в неправде, побряхтел. - Нет, ну первый-то раз, положим... - вынужден был исправиться он. - ...первый раз его на Таньку Эйло с Сормой перепихнули...

- На Таньку?

- Тело так называется.

- Чужое?

- Понятно, что Чужое...

- Это на нем Маникюр?

- На Таньке-то? А как же!..

- А почему перепихнули?

- А!.. - Ветеран с отвращением махнул лапкой. - Тоже деятели! То друг дружку со света сжить готовы, а то вдруг скорешились, интригу затеяли... Ну достал их Арабей, ну... А головенка-то для чего дадена? Только чтобы рожки носить? Вот перепихнешь ты его на Чужое Тело, а дальше? Штатная-то единица куда ведь не денется! Даже если этот не вернется - другого из чертоматки пришлют, точно такого же... Сколько я Арабеев перевидал - все лоботрясы. Вот скажи мне: на что они рассчитывали, Эйло с Сормой?

- Им что-нибудь за это было? - робко спросил Крима.

- Ничего не было, - отрезал ветеран. - А могло быть. Если бы Морпион на них рапорт подал...

- А он не подал?

- Нет. Понравилось, видать. Сам потом повадился на Чужие Тела перескакивать... во время стыковок...

После этих слов фигурка Арабея предстала перед Кримой в еще более таинственном и завораживающем свете.

* * *

К тому времени, как специалист по Ногтям вернулся на Левую Руку, катастрофа уже произошла. Мизинец, почти доведенный им до Идеала, тот самый Мизинец, над которым он корпел несколько дней подряд, был беспощадно обгрызен. Крима обезумел. Он метался по Ладони, он кричал, что дойдет до Этерафаопе Аброна, но правды добьется, он стукнул по рожкам Балбела и пригрозил надрать хвостик Белуаю.

Скандала не хотелось никому. Невменяемого новичка унимали всем миром от Плеча до Запястья. Пока это происходило, брошенная на произвол судьбы Левая

Рука слепо рыскала из стороны в сторону. Знаете ли вы, что такое неуправляемая Рука? Не знаете - и ваше счастье! Просто каким-то чудом обошлось без жертв: ни один Сустав не был поврежден, ни один чертик не улетел в Бездну. А может, и улетел. Ну, в таком случае новость мимо не пройдет. Вызовут на Плешь - мало не покажется.

Наконец Криму удалось утихомирить. Но сколько это нервишек всем стоило! Умоляли, грозили, догоняли, дважды пытались обездвижить... Утихомирили.

А потом пришла пора укладывать Тело на профилактику.

* * *

Крима сидел на варварски обустроенном Ногте, подобрав под себя копытца, поджав хвостик и обхватив коленца обеими лапками. Над несчастной головенкой юного чертика мерцали, переливались в ночи призрачные громады Того Света.

- Ты тоже их видишь? - печально спросил Крима.

Арабей (он же Морпион, он же Зараза, Передаваемая Половым Путем) без особого интереса поднял мордочку к небесам, взглянул.

- Вижу, конечно... - сказал он со вздохом. - Кто хоть раз там побывал, прежним уже не станет...

- А тебя часто выбрасывало? Во Внетелесье...

- Часто... И выбрасывало, и выбрасывали...

- Просто так или за что-то?

- Всяко случалось. Два раза Врагом Тела объявить грозили...

- И что?

- Да ничего... обошлось...

Пусто и тихо было налевой Руке. Белуая вызвали на Плешь, а Балбел со своим дружком и подручным Арбао, пользуясь отсутствием начальства, пошли навестить Уертон, временно отвечавшего за Левое Плечо. Таинственно мерцающая Вселенная тоже хранила молчание.

- Красиво, правда?.. - задумчиво молвил Арабей. - А ведь многие этого не видели и никогда не увидят... - Приостановился и продолжил с торжественной грустью: - Они старели, не имея досуга. Они умирали, не найдя истины...

- Что это? - насторожился Крима.

- «Апокриф Иоанна».

- У меня там такого нет!

- У меня тоже, - признался Арабей. - Это я на Виталике подхватил...

- На каком Виталике?

- Н-ну, понимаешь... сначала-то я на Таньку перебрался, а с нее уже на Виталика... На того, с кем в прошлый раз дрались...

- Как же ты обратно попал? - Крима уставился на Арабея с боязливым уважением.

- Ты не поверишь. Случайно... Я ведь тогда и возвращаться не хотел. Достали меня - ну и послал всех... куда подальше. Прыг-скок - с Тела на Тело... С Виталика - на Люську, а с Люськи перепрыгнул - гляжу: то ли плакать, то ли смеяться... Опять, короче, дома очутился. На родном своем Димочке.

Крима смотрел на отчаянного бродягу и недоверчиво качал рожками. Услышанное не укладывалось в голову. Вселенная, как говорят, бесконечна. Следовательно, бесконечно и количество обитающих в ней Тел. Случайно вернуться в исходную точку с четвертого прыжка? Да это даже теоретически невозможно! Остается предположить, что Тела движутся не хаотично, а подчиняясь каким-то неведомым законам взаимного притяжения, сталкиваясь, кружась, образуя плотные группы.

- И как там... на Чужих Телах?.. - с замиранием спросил Крима. Арабей откликнулся не сразу.

- Как тебе сказать... Сперва кажется, что все по-другому. А присмотришься - то же самое. Везде то же самое...

- А Ногти?

Бродяга-межтелесник поморщился.

- Да что Ногти? Не в Ногтях счастье, Маникюр...

Ну это кому как! Перед внутренним взором Крима вновь возникло сияющее розоватое Совершенство. А Морпион продолжал:

- Это тебя еще недалеко выбросило. А вот выбросит подальше - сам увидишь. Красивое у нас Тело, Маникюр. Красивое и... маленькое. Да, представь себе! Есть во Вселенной места, откуда оно кажется маленьким... А Ногтей из такой дали и вовсе не видать...

Крима не слушал. Угрюмо глядел на изуродованный Мизинец.

- Значит, тоже думаешь, бесполезно? - с горечью спросил он.

- Ты о чем?

- О справедливости.

- Ишь ты! - подивился Арабей. - А как ты ее себе представляешь, справедливость?

- Выяснить, кто отдает приказ грызть Ногти. Выяснить - и наказать... вредителя!

- А кто выяснять будет?

- Я буду!

- А наказывать?

Крима запнулся.

- Концов не найдешь... - ласково предупредил Арабей. - А может, и хорошо, что не найдешь. Брось ты эту канитель, Маникюр! Давай лучше о Чужих Телах поговорим. О Таньке, о Виталике...

- Не хочу! - Крима вскочил и неистово ударил копытцем в Ноготь, чуть по щиколоточку не увяз. Все эти Чужие Тела не стоили сейчас, на его взгляд, и одного обкусанного. Мизинца. Тот Свет над головенкой не то чтобы исчез, но словно бы померк. - Сам же сказал: они умирали, не найдя истины... Ну так помоги мне!

- Э, нет, - сказал Арабей. - Вот тут я тебе не помощник.

- Почему?!

- Потому что... - Он замялся. - Потому что истина, Маникюр, редко бывает приятной. Если совсем честно, никогда не бывает. Тем более такая истина.

- О грызении Ногтей?

- Именно так. Ее еще не всякий вынесет. Вот и предшественник твой...

Копытца подвернулись, и Крима вновь опустил на корточки, испуганно глядя на Арабея.

- А что предшественник?... - непослушными губенками выговорил он.

- Тоже все допытывался. Ну и допытался однажды... на свою головенку... Чем дело кончилось, тебе известно.

Испуг перерос в панику.

- Мне сказали... - растерянно пробормотал Крима. - Сказали, будто он с Руки на Руку перепорхнул... ну и... по неосторожности...

- А я вот не уверен, что по неосторожности, - мрачно ответил Арабей.

Стало совсем зябко. Крима даже плечики лапками охватил.

- А... у кого он... допытался?..

- К сожалению, у меня, - сухо сказал Арабей и встал. Крима замороженно глядел на него снизу вверх.

- Погоди... Так ты что? Знаешь?!

- Знаю, - кивнул Арабей. - Но не скажу. Нужна тебе истина - вот сам ее и ищи. А пока ищешь, глядишь, повзрослеешь, успокоишься... У тебя вон еще рожки с копытцами прозрачные! Какую тебе, в чертоматку, истину? Хватило мне, хватило предшественника твоего... С тобой я эту ошибку не повторю. Не люблю, когда совесть мучит.

Глава 6. НУТРО

Так Нижний Ад тебе открылся, рдея...
Данте Алигьери

Утром следующего дня передали штормовое предупреждение. Надо сказать, что аурические шторма явление довольно своеобразное - не столько страшен сам шторм, как его последствия: сначала аура вспыхивает, вздувается, словно вскипает, - и ощущаешь такую радость, такой прилив сил, что, кажется, все бы Ногти сейчас выровнял разом и отполировал. Однако радоваться рано. Спустя малое время взбаламученная энергетика гаснет, опадает, становится местами мутной, буро-зеленоватой, почти непрозрачной. Откуда-то берется омерзительная слизь, сковывающая движения. Копытца с коготками перестают слушаться, и что-то давит на темечко между рожек, будто Большим Пальцем тебя к Ладони прижимают.

Естественно, работать в подобных условиях трудно, да и просто опасно. Поэтому в неблагоприятные дни рекомендуется вести себя с повышенной осторожностью, а то и вовсе воздерживаться от исполнения операций, требующих особой точности или чреватых падением с Тела.

Крима решил именно так и поступить. Чем, рискуя собой, тупо шлифовать обреченный на отгрыз Ноготь, лучше уж пойти потолковать с коллегой: беды-то у них, надо полагать, похожие. Ниже Пояса новичок не бывал ни разу и, честно сказать, до сей поры особо туда не рвался: антиподы, по слухам, народ грубоватый, склонный к сальным шуточкам и дурацким розыгрышам. Но сейчас, что называется, нужда припала. Жутковатые намеки и недомолвки Арабея лишали душевного равновесия, не выходили из головы.

Эйфорическая фаза шторма застала Криму на полпути от Пупка к Бедру. Нахлынула беспечность, копытца под юным чертиком играли. Затем аура омрачилась - и прыть ушла.

На опушке Лобного Места сидели, пережидая хмарь, два угрюмых антипода, а с ними третий - еще угрюмее.

- Вам-то что? - бухтел он. - Отработал - и гуляй. А у меня-то процесс непрерывный. А весь тракт - хоть выбрось! Латать не успеваешь...

Редкая встреча. Как вскоре выяснилось, тот, что угрюмее всех, был Фопифро, отвечающий за Кишечник. Поболтать вылез. А двое других - Эйло и Сорма. Те самые.

Крима остановился, поздоровался.

- Морпион не у вас там околачивается? - хмуро спросил его Эйло. - Третий день не показывался... чертовешка!

- Тихо ты! - прицыкнул на него Сорма. - Накличешь...

Крима судорожно подыскивал, что ответить. Сгущалась вокруг зеленовато-бурая мгла.

- Сегодня... не видел... - выдавил он наконец. - А не знаете случайно... Миамаи на месте?

Двое загоготали. Третий насупился.

- На месте... Куда ж он денется?

- Нет, я в смысле... Он налевой сейчас Ступне или на Правой?

- Да кто ж его знает!

- Ну, такого, по-моему, еще не бывало... - подмигнул Эйло заклятому своему врагу Сорме. - Маникюр в гости к Педикюру нацелился!

- В народ пошел, - осклабился тот. - В низы... Опыта, видать, поднабраться хочет...

* * *

Никакого Миамаи налевой Ступне не обнаружилось. Крима вздохнул и хотел было двинуться в обратный путь, однако не устоял перед соблазном взглянуть на владения Педикюра.

Мама моя Эстенис-ух-епиптоэ, и мы еще на что-то жалуемся! Подобного кошмара Крима даже представить себе не мог. И это - Ногти? Безобразно огромные, бесформенные, слоистые, они, казалось, долгие годы томились в некоей тесной оболочке, потому и выросли такими деформированными. Хотя почему «казалось»? Обе Ступни постоянно были закованы в непроходимо плотную Неживую Материю, сбрасывая ее лишь в темное время суток, когда Тело укладывали на профилактику. Вот и сейчас Крима стоял не на самих Пальцах (корявых, уродливо коротких), а как бы парил над ними, утвердив копытца на полупрозрачной материальной оболочке. Проникнуть вниз, к Ногтям, желания не возникло.

А стоит ли вообще идти на Правую Ступню? Что может посоветовать чертик, содержащий свое хозяйство в таком состоянии?

Крима поколебался и все-таки пошел. Точнее побрел, обходя скопления аурической слизи и чувствуя, как незримая тяжесть давит на темечко. В районе

Паха вынужден был приостановиться, передохнуть, опершись на выпуклую крупную Пуговицу.

Миамаи оказался на месте. По правде говоря, впечатление на юного правдоискателя он тоже произвел самое удручающее: туповатый, неопрятный, чем-то, видать, обиженный с рождения. Явно силен физически, ну так оно и понятно: ежедневно продавливать толстенную Неживую Материю - пожалуй, окрепнешь тут. Голосок у Педикюра был нарочито противный, и, о чем ни спроси, в ответ изрекалась какая-нибудь злобная пакость.

При виде юного коллеги мутные глазенки Миамаи вспыхнули радостью. Дело в том, что команды обеих Ног сторонились Педикюра, справедливо считали его грубияном, беседами не баловали - вот и одичал вконец, истосковался по общению.

- А мне по Заусенцу! - куражился он. - Грызут, говоришь? У меня небось ни Ноготка не отгрызут... А почему? Характер у меня такой! Пускай попробуют! Погляжу, как это у них получится...

- Да я не о том! - умоляюще втолковывал Крима. - Я что хочу узнать-то... Кто насчет Ногтей приказы отдает?

- А по Заусенцу мне! Приказ там, не приказ... У меня тут все как в Таньке!..

Вот это сказанул Педикюр! Особенно если вспомнить, до чего он довел вверенные ему Ногти. Надо же! Как в Таньке... К счастью, Крима нашел в себе силенки сдержаться и не съязвить.

- Да тебе-то по Заусенцу... Но кто-то ведь их отдает! Понимаешь?

Вроде бы ничего смешного не произнес, однако неухоженное мурло немедленно разлезлось в скабрезной ухмылке.

- Понима-аю... - глумливо исторг старый похабник. - Когда вынима-аю...

О чем это он?

* * *

Что ж, если не удалось найти истину в низах, пойдём в верхи. Репутация Крима была подмочена с первого дня угрозой подать рапорт, поэтому многие всерьез считали новичка ставленником Плеши. Приходится с прискорбием признать, что подавляющее большинство чертиков держится странного предубеждения против специалистов по Ногтям: раз Маникюр - значит обязательно доносчик. Впрочем, нет худа без добра. С одной стороны, на откровенные беседы с Кримой отваживались теперь лишь Одеор с Арабеем, которым терять было нечего, а с

другой - прекратились мелкие придирки прочих старослужащих: опасались, видать, что нажалуется.

Обидно. Однако личные обиды к тому времени Крима научился смирять. Жизнь заставила. Попросив Менингита о встрече, он, разумеется, не собирался оглашать имен и требовать наказания виновных, тем более что поди еще пойми, чья тут вина.

Последствия шторма чувствовались до сих пор: вокруг Плеши слабо клубилась аурическая муть, а у высшего начальства были больные глазенки. Мудрые, но больные. Надо полагать, энергетические бури отзывались на командире Головного Мозга сильнее, чем на остальных.

- С чем пожаловал? - страдальчески морщась, спросил Менингит.

Крима собрался с мыслишками.

- Вот... пока меня не было... - начал он, но тут же оробел и сбился.

Кажется, Менингит был позабавлен таким зачином. - Ну-ну... Дальше!

Видя, что начальство вроде бы настроено благосклонно, хотя и не слишком серьезно, новичок осмелел:

- Пока меня не было... Ногти росли сами по себе... как попало. Обслуживать некому... подравнивать... шлифовать...

Продолжая устало улыбаться, Менингит слушал Криму и кивал. Словно знал наперед все, что ему сейчас скажут. А может, собственная молодость вспомнилась.

- Вот... А теперь я принял оба участка...

- Ты короче, короче!

- А приказ, наверное, отменить забыли, - заторопился Крима. - Приказ еще, наверное, действует... А его отменить пора... Не надо больше Ногти грызть! - взмолился он.

Улыбка сгнула. Мученическое выражение глазенок - тоже. Командующий Головным Мозгом пристально глядел на юнца.

- Так, - сказал он другим голосом. - Крима, я хоть раз тебя на Плешь вызывал? Не для знакомства - для разноса... Вызывал?

- Н-нет...

- Ругал я тебя хоть раз за то, что Ногти обкусаны?

Крима потупил рожки и не ответил.

- Значит, все в порядке, - заверил челобитчика Менингит. - Успокойся и не дергайся. Претензий к тебе никаких.

- Да как же в порядке?... - ахнул тот. - Если Ногти грызут...

Личико Менингита вновь стало несчастным.

- Крима... - словно бы удивляясь собственному долготерпению, проговорил он. -

Это хорошо, что ты болеешь сердечком за свой участок. Это просто замечательно. Но ты не представляешь себе всей сложности управления... Чего ты хочешь? Наказать виновных? А знаешь, сколько сбоев дает Мозг? Бывают случаи, когда виновных просто нет, когда вина раскладывается на всех... Наказывать некого! А приходится... - сообщил он как бы по секрету. - Иначе - прощай, дисциплина! Так-то вот...

- Но это же не сбой... - жалобно сказал Крима. - Отгрызть Ноготь - это... Это операция! Сложнейшая! Руки задействованы, Зубы задействованы, Нервы...

- Ты еще теорию заговора приплети, - фыркнул Менингит. - Конспиролог нашелся... Иди работай. Меры будут приняты.

- Когда?..

- Что когда?

- Будут приняты...

- А вот это уж, прости, мое дело! Когда время придет.

- Да, но... - Крима забоялся и не договорил.

Командующий Головным Мозгом, глядя на него, не выдержал и рассмеялся.

- Иди работай, Крима! - дружески напутствовал он. - Иди работай, дорогой ты мой карапуз...

* * *

Минуло два дня, однако обещанные меры так приняты и не были. Время, видать, не пришло.

Работай... А смысл? Чем дальше, тем больше Крима завидовал старому труженику Одеору, принципиально ограничившему кругозор Левого Подмышкой. Кстати, об Одеоре. Несмотря на всю свою дремучесть, Одеор тоже что-то знал, но молчал. Когда юный чертик поведал ему о беседе с высшим начальством, он неожиданно посоветовал пойти потолковать с Бано либо Сострапалом. При чем здесь, спрашивается, Бано, при чем Сострапал? Один заведовал Легкими, другой - Печенью.

- Нежные больно... - ворчал Одеор. - Мы вот в ваши годы не рассуждали, не капризничали. Велело начальство подождать - значит, жди. А ты вон уткнулся в свои Ногти, и ничего уже вокруг не видишь... Другим, что ли, слаще? К Библо загляни, к Гезоле...

- Так это ж в самое Нутро лезть!

- Ну и слазишь. Не рассыплешься небось...

В Нутро лезть не хотелось. Тем не менее Крима, поразмыслив, рискнул последовать совету сурового ветерана.

* * *

Нелегка и опасна работа на поверхности Тела. Но в тесной багрово-сизой ворочающейся мгле Внутренностей, именуемых в просторечии Потрохами, труд чертика становится поистине адским. Народ там настолько неотесан и циничен, что даже грубиян Педикюр в сравнении с обитателями Нутра показался бы изысканным щеголем и острословом. Отношения между внешним и внутренним персоналом довольно-таки натянутые: верхние дразнят нижних кочегарами, а нижние верхних - вестовыми. Значение обоих слов совершенно загадочно, что делает прозвища особенно обидными.

Про Печень Крима слышал много, но ничего хорошего. Самый вредный участок производства: желчь там гонят. Да и расположена - хуже не придумаешь: аккурат под Диафрагмой, в правой верхней части Брюшной Полости.

Пока добирался, вслепую протискиваясь между Внутренними Органами (чуть не раздавило!), шерстка стала мокрой и отвратительно липкой. Наконец-то Крима осознал, как ему повезло в жизни со специальностью! Может быть, ради этого осознания и послал его сюда друг и наставник?

Известный своей несдержанностью Сотрапал возился с Желчным Пузырем и гостя принял нелюбезно:

- Вам что там, наверху, совсем уже делать нечего? Какие, в чертоматку, Ногти? При чем тут Ногти?

Пришлось сослаться на Одеора.

- Да он уж, наверно, из умишка давно выжил, Одеор твой! - в сердцах бросил неистовый Сотрапал. - Ногти... Надо же! Ногти... Вот куда посмотри!.. - заорал он, тыча изъеденным коготком в уродливо распертый резервуар с желчью. - Пятнадцать камней один другого краше! А ты - Ногти...

Хмыкнул, умолк. Все вокруг подрагивало, похлюпывало, почмокивало. Временами булькало. Непривычный к потемкам Потрохов Крима вынужден был напрягать зрение и все равно мало что различал. Кажется, Сотрапал ослабил.

- Слушай... - сказал он, довольный собственной догадливостью, даже вроде бы подмигнул. - Может, у него на старости лет юморок прорезался? У Подмышника, а? Может, он подшутить над тобой вздумал?..

- Да не похоже... - с несчастным видом ответил Крима.

Сострапал вытер лапки о шерстку, нахмурился, соображая.

- Ну-ка, давай все сначала, - велел он. - Ты чего хотел-то?

- Ну вот... приказы кто-то отдает... вредительские...

- Именно вредительские! - рявкнул Сострапал, грозно выкатывая глазенки. - Они что, не понимают там, в Смотровой своей, что Печень вот-вот развалится? Нашли время неблагоприятные дни назначать! Да у меня тут после каждого шторма полный караул! Куда мне еще производство расширять? И так расширено по самую Диафрагму! Жировыми отходами все под завязку забито...

Он бушевал долго, не замечая, что новичок слушает его, оцепенев от ужаса.

Глава 7. ВРЕДИТЕЛИ

*Знал я, сударь, одного человека, так он покуда не понимал - благоденствовал,
а понял - удавился!*

Михаил Салтыков-Щедрин

Добравшись до рабочего места, Крима обессиленно опустился на Сгиб Большого Пальца. Краешек Ногтя был, разумеется, скушен, причем совсем недавно, однако теперь это уже не имело ровно никакого значения. Дело-то ведь, получается, и впрямь не в Ногтях...

Вскоре шерстка подсохла, распушилась, но дрожать Крима так и не перестал. Сразу же после визита к Сострапалу он посетил Легкие, поговорил с Бано. Он мог бы сходить еще и к Библо, и к Гезоле, но какой смысл! Везде одно и то же... Арабей оказался прав: истина страшна.

Немудрено, что предшественник Крими (наверняка чертик совестливый и уязвимый) не смог с нею ужиться, предпочел сгинуть в Бездне - лишь бы забыть. А вот Одеор знает - и живет. Поскольку запретил себе думать. Ему теперь что Тело, что начальство - суть одна. И Морпион знает - и живет. Поскольку давно уже нет у Морпиона ничего святого. А остальные? Знают? Наверное, знают. Не могут не знать...

- Чего разлегся? - прикрикнул молодцеватый Тренеу. - Спотыкайся тут об тебя!..

Юный чертик очнулся. Вокруг, оказывается, всю кипела работа. Пальцы Правой Руки подавали к Губам дымящийся цилиндр, о котором Крима недавно узнал, что называется он Сигаретой (должно быть, от слова «гарь»),

- Подготовиться к затяжке...

- Подаю...

- Принимаю...

- Да что же вы делаете?! - взвизгнул Крима, взметнувшись со Сгиба Большого Пальца. - Легкие смолами забиты - еле дышат, а вы!.. Что же вы творите... черти!..

Еще мгновение - и скатился бы он на Ладонь, заверещал, забил бы копытцами в истерике.

Запала тишина. Правая Рука помедлила и двинулась вниз, так и не достигнув Рта. Все молчали. Крима испуганно оглянулся и увидел устремленные на него глазенки командующего Правой Рукой. Обычно ругачий и придиричивый, Крис смотрел на юного чертика чуть ли не с жалостью.

- По пути Арабея идешь... - скорбно известил он.

* * *

Арабея Крима нашел под Правым Коленом, где тот, непонятно по какому праву, участвовал в производственном совещании наравне с Ормаофом, Книксом и Ахиэлем. Впрочем, судя по тому, что там происходило, ошибку эту должны были исправить в самом скором времени.

- Вот где работаешь, туда и проваливай!.. - злобствовал Ормаоф. - Советы он еще тут давать будет!..

- Ну так если не я, то кто? - невозмутимо отвечал Морпион.

- Работает?.. Кто работает? Он работает?.. - с язвительным простодушием изумился Ахиэль. - А мы тогда что делаем?

- А вы связки рвете...

- Нет, я ему сейчас точно вторую торчалку отломаю!.. - Ормаоф вскочил, потрясая кулачками.

К счастью, до отламывания рожек дело так и не дошло: завидев Криму, стреляный Арабей почувствовал неладное.

- Простите, - сказал он с достоинством. - Это ко мне. Обсудим ваши проблемы как-нибудь в другой раз...

Поднялся, подошел к новичку, отвел в сторонку.

- Какой-то ты... повзрослевший, - озабоченно заметил он. - Случилось что-нибудь?

- Да... - еле слышно выдохнул тот. - Случилось. Истину я нашел...

Глазенки Арабея мигом успокоились, исполнились смешливого любопытства.

- Да что ты! - сказал он. - Ну пойдем расскажешь...

Они отошли подальше к Лодыжке.

- И как же она, по-твоему, звучит? Истина...

- Кто-то сознательно губит Тело... - через силу выговорил Крима. - Сознательно и планомерно...

Казалось, Арабей малость разочарован.

- И кто же этот злодей? - спросил он.

- Не знаю... - Шерстка на Крима стояла дыбом. - Сначала я думал: интриги... Правая Рука подставляет Левую, Левая - Правую... Потом думал: на Смотровой кто-то кого-то подсиживает...

- А теперь?

- Никто никого... - сдавленно сказал Крима, сдерживаясь из последних сил. - Понимаешь, Арабей? Никто никого! Никаких сбоев, никаких накладок, все идет по плану. Каждый приказ (понимаешь, каждый!) во вред Телу!

- Ну не каждый, положим... - уточнил Арабей. - Скажем так: каждый второй...

- И ты спокойно об этом говоришь?!

- А почему я должен нервничать?

- Потому что клятву давал! Трудиться на благо общего Тела!

- Все давали.

- Вот именно!

- Ты не волнуйся, - попросил Арабей. - Давай обсудим все спокойно... Значит, ты утверждаешь, что наше высшее начальство (начальство-начальство - получается так!) разработало план уничтожения Тела и теперь, стало быть, его реализует... Верно?

- Верно... - вздрогнув, подтвердил Крима.

- Сознательно, по твоим словам, приказ за приказом, предательски выводит из строя Почки, Печень, Легкие... Даже Ногти...

Крима промолчал. Ему было жутко.

- Зачем? - спросил Арабей.

- Что зачем?

- Зачем ему это? Ведь если Тело погибнет, то и мы вместе с ним. Все мы. В том числе и начальство...

- Какая разница... - обессиленно вымолвил Крима. - Главное, что оно это делает. А мы давали клятву...

- ...точно и добросовестно исполнять приказы, - хладнокровно добавил Арабей. - Если помнишь, там и такой пункт был.

- На благо Тела! - завопил Крима. - На благо!.. А если само начальство умышленно причиняет вред...

- То что?

Крима ответил не сразу. В глазенках зрела страшная мысль.

- Его... надо... сменить... - с трудом одолевая каждое слово, словно бы в бреду выговорил он.

Арабей восхищенно посмотрел на юного бунтаря.

- Да я, оказывается, тебя недооценивал! И как ты это представляешь?

- Сбросить с Тела!

- Всех начальников сразу?

- Всех!

- Не жалко?

- А они нас жалеют?!

- Н-ну, допустим... Сбросили. А дальше?

- А дальше чертоматка новых нарожает.

- Хм... - Арабей усомнился. - Ты уверен, что новорожденное начальство будет лучше?

- Будет! - уверенно выпалил Крима. - Они ж наивные придут, с прозрачными рожками... копытцами... А мы их воспитаем, объясним...

- А кто воспитывать будет?

Крима задумался, заморгал. Вспомнились ему склоки между Эйло и Сормой, антагонизмлевой и Правой Рук... Каждый ведь на себя одеяльце потянет. Любой ценой. Такой шанс: наивное новорожденное начальство - дури его как хочешь...

- Знаешь, - подытожил Арабей. - По-моему, ты остановился на полпути... Самое правильное решение: сбросить нас всех до единого, а чертоматка новых нарожает.

Крима был сражен этой его фразой. Тоскливо оглядел небеса, сквозь которые по-прежнему необоримо проступал Тот Свет, и снова опустил рожки.

- Понимаю теперь... - нахохлившись, пробурчал он.

- Что понимаешь?

- Предшественника своего понимаю... От такой истины сам в Бездну прыгнешь...

- А кто тебе сказал, будто он прыгнул в Бездну именно от этой истины? Кто тебе сказал, будто то, что ты сейчас наплел, и есть истина?

- А что же?

- Так... Твои собственные домыслы, не более того...

- А как же... приказы?..

- Насчет приказов... Ну, насчет приказов ты прав, - вынужден был согласиться Арабей. - Насчет остального - нет. Что же касается истины... - Морпион осклабился, похлопал по взъерошенному плечу. - Истина, поверь мне, куда страшнее!

Смысл услышанного проник в сознание не сразу. Как? Еще страшнее?.. Куда

же еще страшнее?!

- Ты с кем-нибудь об этом говорил уже? - спросил Арабей.
- Нет.
- Вот и хорошо. И не говори, ладно? Обещаешь?

* * *

Обещание свое Крима нарушил вечером того же дня. Налевой Руке сразу заметили, что Маникюр не в себе. Любопытный Балбел подкатился с расспросами - и Крима не устоял, раскололся.

- И ты молчал?! - ахнул темношерстый толстячок. - Знал -и молчал?!
- Ну так я сам только сегодня все выяснил...
- Погоди! - перебил Балбел. - Дай за народом сбегаю...

И побежал за народом. Привел дружка своего Арбао с Лэекафаром, не поленился сгонять на Локоть за Мниархоном. Видимо, по дороге он уже успел кое-что шепнуть, ибо все трое были заранее заинтригованы.

- Им тоже расскажи! - потребовал Балбел.

Рассказал. Выложил как на духу. Ни крупинки не утаил. Криму слушали, ошеломленно облизываясь. В широко раскрытых глазенках - не поймешь: то ли гнев, то ли восторг.

- Вон оно, значит, как... - скребя темечко, удрученно бормотал Мниархон. - А мы-то, дураки, думали...

Дождавшись конца истории, чертики переглянулись, выждали пару секунд, потом дружно вскинулись, загомонили:

- Да что ж это такое?..
- Вот они, начальнички-то, что творят!..
- Правильно ты сказал, Маникюр, правильно! Посбрасывать всех к чертовой матери!..

Крима попятился. Не ждал он, что речь его произведет на старослужащих столь сильное впечатление.

- Вы что?.. Вы что?.. - искусно притворяясь испуганным, вскрикивал Арбао. - Вы соображаете, что плетете? Это же - начальство!

- И что теперь? - запальчиво наступал на него Лэекафар. - Всем пропадать, раз начальство?.. Для тебя что дороже: начальство или Тело?

- Да, но... сбрасывать...
- А что делать?

- Н-ну... не знаю... Не сразу же! Послать кого-нибудь сперва, объяснить: так, мол, и так... народ недоволен... Пригрозить, в крайнем случае! Сбросим, мол... если не прекратите...

- Ага! Так они тебя и послушали! Сколько нас здесь? Раз, два, три... Четыре чертенка! Вот нас-то и сбросят...

- Да почему же четыре?! Правую Руку поднять!..

- Ее, пожалуй, поднимешь...

- Ноги поднять! Потроха! Весь персонал на борьбу поднять!

- Погоди! А кого посылать-то будем?..

Замялись для виду, задумались, потом вдруг вскинули рожки и, как бы осененные одной и той же мыслью, посмотрели на Криму.

* * *

Уламывали юного чертика долго. Низко льстили, откровенно брали на слабо. Особенно усердствовал Балбел:

- Да? Да? Нас подначил, а сам на попятную? Так, знаешь, не поступают!..

- Боязно, видать, в глазенки-то начальству правду резать... - ехидничал Арбао.

- Да не подведет Маникюр! - урезонивал их Мниархон. - Копытце даю на холодец, не подведет!..

Что такое холодец, Крима не знал, но клятва прозвучала убедительно.

- Я... подумаю... - выдавил он наконец.

- Думай давай! - сказали ему. - Только быстрее!

И убежали поднимать весь персонал на борьбу. Крима остался один.

На словах бунтовать легко, а вот на деле... И посоветоваться не с кем - не с Морпионом же! И Крима в растрепанных чувствах кинулся со всех копытцев под Левую Мышку, где его ждала, как вскоре оказалось, жуткая весть. Вместо престарелого труженика он увидел там его начальника Арарима, обычно предпочитавшего болтаться на Смотровой, переложив рутинные обязанности на сутулые плечики безответного подчиненного.

- А... где?..

Арарим поднял недовольное личико, тут же скривившееся в траурной гримаске.

- Нету... - глухо, почти враждебно ответил он. - Тю-тю... Отлетел твой Одеор, отшелушился. Ну так лет-то ему сколько было!..

Крима остолбенел.

Гибель в результате неосторожности - происшествие, конечно, трагическое, но,

как говорится, дело житейское. Звучит цинично, однако ничего не попишешь - производство есть производство. Куда реже случается так, что чертик, благополучно дожив до преклонного возраста, теряет силы - и связь его с Телом ослабевает. Внезапно став невесомым, бедолага отрывается от поверхности и какое-то время беспомощно парит в нижних слоях ауры. И достаточно одного Шага, одного Маневра, чтобы нежилец, по немощи своей расторгший связь с отеческим Телом, оказался во внешнем пространстве, где царит вечная стужа и нечем дышать.

Отшелушился...

- Что же... теперь?.. - просипел перехваченным горлышком Крима.

- Другого Одеора пришлют, - нехотя отозвался Арарим. - Заявку подали уже... - Не выдержал, крякнул с досады: - Возись теперь с ним, обучай...

Выбравшись из-под Мышки, Крима с немым упреком поднял глазенки к зениту, где громоздились полупрозрачные очертания внешнего мира. Не видел их старина Одеор, даже мысли не допускал, что они существуют. Теперь наверняка убедился... напоследок... на излете...

«А ты за Тело свое держись... - внезапно вспомнилось Криме. - Тут - Родина...»

Глава 8. СМУТЬЯН

И истину царям с улыбкой говорить...
Гаврила Державин

- Вон отсюда!..

Командующий Головным Мозгом, клопоча от негодования, наблюдал, как торопливо покидают Плешь командиры Сочленений, кому он сию минуту, как водится, выписал чертей по первое число. Затем взгляд его упал на переминающегося в отдалении юного Криму и несколько потеплел. Даже кончик хвостика подергиваться перестал.

- Я гляжу, зачастил ты что-то на Темя... - сварливо заметил Менингит. - Что у тебя на этот раз?..

Пригляделся - и озадаченно нахмурился. Личико у Крими было отрешенное. Чертик приблизился. А вот оглянуться не сообразил. Предплесье за его хрупкой пушистой спинкой опустело: сопровождавшие и подбадривавшие успели попрятаться и сидели теперь кто где, предвкушающе перемигиваясь и потирая

ладошки.

- Я все знаю, - перехваченным голосом объявил делегат.

- Всего даже я не знаю, - утешил Менингит. - Говори...

И Крима заговорил. Взволнованно, искренне. О Ногтях, о Легких, о Печени. О том, что каждый второй приказ наносит Телу вред. Словом, примерно о том же, о чем поведал недавно Арабею, а затем и обслугелевой Руки - разве что за вычетом глупой угрозы сбросить всех начальников в Бездну и заказать чертоматке новых.

Остолбенелая тишина стояла на Смотровой. Вскинь Крима глазенки, он увидел бы, что даже те, кому положено было здесь присутствовать по долгу службы, схоронились от греха подальше. Но Крима не мог этого видеть, потому что, не решаясь встретиться взглядом с Менингитом, неотрывно смотрел на его копытца - идеальные копытца верховного командующего, отполированные бесчисленными ласковыми ладошками, может быть, даже вылизанные бесчисленными замшевыми язычками.

Умолк. Поднял личико. И поразился, узрев в глубоко запавших глазенках высшего начальства сострадание и скорбь.

- Иногда мне кажется, Крима, - задумчиво молвил Менингит, - что в чертоматке тоже иногда случаются сбои... Не Ногтями тебе заведовать, а в мою бы команду тебя, на Смотровую... Ну что делать! Против штатного расписания не попрешь...

Крима обмяк. Всего ждал: крика, угроз, самой страшной кары вплоть до объявления Врагом Тела. Но такого...

- Скажи, Крима... Вот ты работаешь на кончиках Ногтей. То есть рискуешь не только своим здоровьем, но и самой жизнью. Разве не так?

«Так», - хотел ответить Крима, но в горлышке запершило, и он лишь утвердительно потряс рожками.

- Но это же безобразие! - Менингит прикинулся возмущенным. - Сам подумай! Ты отдаешь себе приказы, исполняя которые подвергаешься смертельной опасности... Ты вредишь себе!

- Но... как же иначе?..

- Да! Вот именно! Как же иначе? Правильно мыслишь, мальчуган. Как иначе... Вот и с Телом, представь, все обстоит точно таким же образом. У него тоже есть Нервы (ими, ты знаешь, заведует Роерор), и Нервы эти далеко не всегда в порядке... И чтобы снять Нервное Напряжение, мы вынуждены (понимаешь ли, вынужде-ны!) грызть Ногти... Ты говоришь, Легким наносится вред. Да! Легким, Печени, Головному Мозгу... Наносится! Еще как наносится... А ведь это не Ногти - это Мозг!.. Да, я могу волевым решением отменить и курево, и прочее... Но что после этого станет с Нервной Системой? А Нервная Система, Крима, - это

важнейшая структура Организма. Повреди ее - и Тело превратится в бесполезную грудку Костей, Мышц, Внутренностей... Кстати, и Ногтей тоже... Ты знаешь, что Нервные Клетки не восстанавливаются? Ну вот то-то же...

Командир Головного Мозга сделал паузу, недовольно пожевал губенками.

- Собственно, что есть Тело? - спросил он и сам же ответил: - Это, образно выражаясь, сумма наших взаимоотношений, конфликтов, даже, если хочешь, склок... И эту вот... громаду... Да, громаду!.. Ее надо держать в равновесии...

С каждым словом Менингит все возвышал и возвышал голосок - так, чтобы все на Смотровой вняли и запомнили.

- Мы - одна команда, Крима. Если каждый потянет одеяльце на себя, знаешь, что будет? Будет Смута. Один раз она уже была. А известно ли тебе, что такое Смута? Это утрата контроля над Телом! Самое страшное из того, что может вообще произойти...

Крима слушал и зачарованно кивал, с запоздалым раскаянием осознавая всю глубину своей неправоты. Усомниться в собственном начальстве! Заподозрить его невесть в чем! А ведь приостановись он вовремя, поразмысли малость, мог бы и сам сообразить, что наверняка не злонамеренность, но печальная необходимость была причиной этих нелепых приказов... Да и Морпион предупреждал...

Единственное, что оставалось непонятным: а на Таньке-то почему Ногтей не грызут? Что ж у них там, на Телах женского рода, Нервов нет? Или есть, но другого качества?

- А ну-ка честно, Крима! - потребовал вдруг Менингит, и его холеный хвостик хлестнул по копытцам. - Кто тебя на это подговорил?

Юный бунтарь вскинул испуганные глазенки.

- На что?

- Ну... на все на это...

- Никто... Сам...

Начальственный хвостик успокоился, прилег кисточкой на левое копытце.

- Вот как? Ну ладно. Сам так сам...

Отпущенный с миром Крима шел обратно, боязливо склонив рожки, шел навстречу презрению товарищей, которые так на него рассчитывали и которых он так подвел! Действительно, увиденные им рожицы выглядели сильно разочарованными.

- Надо же! Опять уберегся... - обиженно хмыкнул Балбел.

- А вы там!.. - грянул вослед голосок Менингита. - Да-да, вы!.. За Левым Ухом... Еще раз новичка на такое подобьете - всем хвосты надеру!..

* * *

Крима лежал навзничь и смотрел в мерцающее небо. Не слишком удобно - Тыльная Сторона Ладони была жестковата, местами из нее выпирали Кости, но Крима этого не замечал. Уголок Вселенной, где пребывало остановленное на ночь Тело, имел форму куба, как и Санузел, а в зените призрачно маячило нечто шарообразное.

Аура была мутновата, в вышине, заслоняя небесные объекты, проползали зеленовато-бурые пятна, головенка побаливала.

Крима смотрел и думал... Нет, не о том, как подло подшутили над ним старослужащие, отправив парламентаром на Смотровую, - он думал об отлетевшем навсегда Одеоре. Что с ним теперь? Вернее, даже не с ним, а с его хрупким пушистым тельцем... Растворится оно в Бездне или же, напротив, мумифицируется и будет вечно блуждать в провалах неживых пространств? Зачем мы вообще живем? Зачем приводим в движение Суставы, раздуваем Легкие, полируем копытца начальству, затеваем бунты, требуем справедливости... Зачем?

Неужели только ради того, чтобы в один прекрасный миг почувствовать, как силы оставляют тебя и ты, став невесомым, отделяешься от поверхности Родного Тела?

Зачем враждуют Крис и Белуай, Эйло и Сормо? Ведь они же прекрасно сознают, чем кончится рано или поздно их вражда!

Да и само Тело, получается, смертно. А может быть, и Мироздание тоже...

- А ведь предупреждали тебя... - негромко прозвучал в тишине знакомый голосок.
- Главное, нашел с кем откровенничать! С Балбелом! Это ты еще легко, считай, отделался. По краешку ходил...

Разумеется, Арабей. Подошел, прилег рядом и тоже стал глядеть в зенит.

- Менингит хоть и взрывной, а вменяемый, - сообщил он. - Вот если бы ты с этим к Роерору подкатился - пиши пропало. Редкостный псих! Недаром Нервами заведует...

Крима не ответил. Некоторое время лежали молча.

- Ты там не Одеора высматриваешь?

- Одеора... - признался Крима.

- Бесполезно. Слишком он маленький, Одеор, отсюда не различишь... Да и унесло его теперь невесть куда...

В вышине разливалось зыбкое сияние Того Света. Зеленовато-бурая муть разошлась, разомкнулась - и невероятно далекий круглый объект вновь стал виден.

- Что это? - спросил Крима, тыча коготком в зенит. Арабей взглянул.

- Лампочка, - ответил он. - Высокая Синяя Лампочка.

- Почему Синяя?

- Не знаю. Так Тело сказало.

- Кому?

- Мне.

Крима неприязненно покосился на лежащего рядом.

- Я тебя серьезно спрашиваю...

- А я тебе серьезно отвечаю, - печально отозвался тот. Помолчал и добавил: - Никто не верит, Маникюр... Понимаешь? Никто... Говорят: померещилось тебе, Арабей... Дескать, в Смуту еще и не такое мерещится...

- Ты застал Смуту? - встрепенулся Крима.

- А что?

- Нет, ничего... Просто Менингит сегодня тоже Смуту поминал. На Плеши...

- Менингит? - казалось, Арабей удивлен. - Странно... Что это его на откровенность пробило, Менингита?.. Кстати, сильно ругал?

- Совсем не ругал...

- Странно, - повторил Арабей. - Ну, доложу я тебе, навел ты шороху... Долевой Ступни уже слухи добежали!..

Похоже, сознательно уводил разговор подальше.

- Так что это - Смута?

- Ну вот! - развеселился Морпион. - Сам смутьян, а что такое Смута - не знаешь! Смута, дружок, это как раз то, что ты собирался затеять. Безначалие. Потеря управления... Неужто никто тебе не разболтал, что тут у нас было? Якобы учинили чертики склоку - ну и пошло все вразнос...

- Якобы? А на самом деле?

- Не скажу.

- Потому что истина?

- Потому что.

- Все равно ведь докопаюсь!

Морпион лежал и смотрел в зенит.

- Ну хорошо, - проговорил Крима. - Подскажи хотя бы, где искать. В какой стороне?

- В любой, - сказал Морпион. - В том-то, брат, и хитрость, что истина всегда перед глазами. А вот увидеть ее - одни ленятся, другие боятся... Если различат нечаянно, тут же стараются забыть. Я и сам бы рад, - неожиданно признался он, - да не получится уже...

Без видимой причины Тыльная Сторона Ладони, на которой они лежали, взмыла

- и довольно высоко. Чертиков подбросило, оба упали на четверенечки, вцепились в Эпителий. Вскоре налевой Руке поднялась беготня, суматоха.

- Ночная тревога! - спохватившись, скомандовал Белуай. - Все по местам!

- Ну? - сказал Арабей. - Хотел истину - получи истину.

- Где? - всполошился Крима. - В чем?

Морпион ухмыльнулся.

- О том-то я и толковал! Истина, Маникюр, перед самым твоим носиком. Просто не видишь ты ее... Ладно, - с брезгливой гримаской прервал он сам себя. - Пойду я, пожалуй. А то у вас тут сейчас толкотня начнется, суета, трудовые подвиги...

* * *

Ночные тревоги всегда вызывали у чертиков особое недовольство. Судите сами: только-только начнешь регламентные работы или соберешься сходить к дружку на Правое Колено - здрасьте-пожалста, все по местам! Проверка готовности? Ну так проверили бы - и хорош! Нет, обязательно надо им все мощности развернуть!

Крима, например, в подобных случаях надлежало присутствовать на кончиках Ногтей, хотя толку от его присутствия было, честно сказать, маловато: Пальцы в движении, работать невозможно, покрикивают на тебя - и правильно, в общем, покрикивают, поскольку мешаешь... Ну да что делать! Положено - значит положено.

На этот раз Тело зачем-то перевели в вертикальное положение, задействовали Ноги, потом и обе Руки. Как всегда случается ночью после неблагоприятного дня, Тело слушалось плохо. Пальцы, в том числе и Мизинец, за который держался Крима, потряхивало. В данный момент Левая держала огромный предмет из Неживой Материи, похожий на перевернутое копытце, а Правая - другой предмет, еще огромнее и совсем уже ни на что не похожий. Передняя его оконечность, массивная, трубообразная, тяжело ударяла о верхний край первого предмета, проливая едкую субстанцию - в основном на Криму.

В неимоверной высоте грохнуло, оглушительно заворчало. Надо понимать, Смотровая решила заодно проверить и Речевой Аппарат.

- Работать разучились?.. - надрывался вконец озверевший Белуай. - В чем дело? Арбао! Балбел!..

- А что Балбел, если Локоть вихляет?.. За Локоть, между прочим, Мниархон в ответе!..

- Вот только вырони мне Стопку! Вырони!..

Наконец опустевшая Правая Рука после нескольких попыток забрала

копытцеобразный предмет, именуемый Стопкой, и налевой наступило относительное затишье. Грязноватая муть всколыхнулась, словно собираясь рассеяться, но через некоторое время сгустилась вновь.

Крима ослабил хватку и огляделся. И где она, истина? В чем? Обычный производственный бардак...

Глава 9. ПОДНОГОТНАЯ

Я существую - вот моя единственная неприятность.
Жан-Поль Сартр

Через неблагоприятных дней, похоже, прерываться не собиралась. Чертики маялись, жаловались на головные боли, шерстка у многих приобрела нездоровый зеленоватый оттенок. Падала и дисциплина. Дошло до того, что Тренеу, порядком поутративший обычную свою молодцеватость, попросил однажды Криму последить за Пальцами, пока сам он кое-куда смотается. Раньше такого не случалось никогда.

- Только, слышь... - сипло предупредил Тренеу. - Ничего не трогай. Просто присмотри. Если что, кликни Абитриона - поможет. Я его предупрежу...

Крима согласился. Что ни говори, а интересно было, хотя и боязно, взять на себя управление одним из самых ответственных участков. Оставшись в одиночестве (Крис - на Смотровой, прочие тоже куда-то разбрелись), юный чертик, вопреки запретам, решил попрактиковаться: согнуть и разогнуть Указательный. Ничего не вышло. Наверное, Тренеу, предвидя излишнее любопытство Маникура, на всякий случай перед уходом застопорил Суставы (они же Мослы). Крима внимательно осмотрел каждый из них. По идее, должны работать. В чем же причина? Перебрал Мышцы - вроде бы в порядке. Попробовал повторить попытку - опять неудача.

Обескураженный, отступил на Ладонь, почесал темечко. Видимо, имелся какой-то секрет, известный одному Тренеу. Настоящие умельцы часто отлаживают систему таким образом, чтобы никто из посторонних не мог привести ее в действие. За это им, бывает, достается на Плеши, но все без толку: блоки ставили, ставят и будут ставить.

Потом ни с того ни с сего Пальцы дрогнули. В первую секунду Крима почудилось, будто они с запозданием отозвались на его усилия. Но нет, шевельнулся не только Указательный, в движение пришла вся Кисть. Мало того - вся Рука.

Первым побуждением юного чертика было броситься на Правое Предплечье и

позвать на помощь. Впрочем, он тут же сообразил, что Абитриону сейчас, скорее всего, не до чужого участка - со своим бы управиться!

Пальцы тем временем ухватили - сами собой! - нечто плоское, гибкое, с двумя рядами бугров по всей длине. С фланга надвинулась Левая Рука и помогла надорвать край того, что было в Правой. Бугор лопнул, из него вылутился предмет, напоминающий Пуговицу белого цвета, только потолще и без дырок.

- Чего стоишь? - заорал на Криму Балбел. - Работай давай! Шевели Пальцы, шевели!..

В следующее мгновение темношерстый крикун унесся в Бездну вместе слевой Кистью, а Крима, как присел, вцепившись в Ладонь передними лапками, так и окоченел в этой позе, замороженно глядя на Щепоть, зажавшую странную Пуговицу без дырок и теперь несущую ее к Губам.

И лишь когда загадочный белый предмет исчез во Рту и заходила вверх-вниз чудовищная Нижняя Челюсть, подоспела подмога. Не тратя слов, всклокоченный Тренеу кинулся к Пальцам, взял управление на себя.

Собственно, он мог бы этого и не делать - операция была уже завершена. Крякнул специалист, отряхнул ладошки и, не поднимая глазенков, подошел к стоящему столбиком Криму.

- Ты... это... - в затруднении начал он и умолк.

- Но ты же сам велел ничего не трогать... - пролепетал в оправдание тот. - Только присмотреть... А Абитрион занят был...

- Ну, правильно... - нахмурившись, согласился Тренеу. - Все ты сделал, как надо... Одна просьба: никому ни словечка, договорились?

- Про что?

- Ну... про то что Пальцы рыскали... бесконтрольно... Узнают - и мне хвостик надерут, и тебе. За то, что присмотреть согласился...

Рыскали? Бесконтрольно? Ну уж нет, Крима еще умишком не тронулся! Бесконтрольно... В том-то и дело, что не рыскали они, а совершали вполне осмысленные действия. Без участия Крима.

* * *

Ликующее мурло Балбела, раздвинутое злодейской ухмылкой, было даже шире обычного.

- Как насчет того, чтобы копытца почистить? - вкрадчиво осведомился он.

- Кому?

- Мне.
- С какой это радости?
- А с такой радости, что я тебя и заложить могу. Кто Пальцы на Правой Руке распустил?
- Иди ты... в чертоматку! - ругнулся Крима. - Я только за Ногти отвечаю!
- Ну вот и отвечал бы за Ногти! А раз, кроме тебя, на Правой никого не было - значит, что? А?! Значит, велели за Пальцами последить... А когда я тебя о том же просил, куда ты меня послал?..
- А знаешь, - неожиданно для самого себя сказал Крима. - Я почищу тебе копытца, Балбел. Почищу, отполирую... Если ты честно ответишь мне на один вопрос. Честно.
Ухмылка стала несколько застывшей.
- Ну?.. - осторожно молвил заведующий Пальцамилевой Руки.
- Мы действительно управляем Телом?
Ухмылки как не бывало. Выпуклые глазенки метнулись в панике. Толстячок не знал, куда бежать.
- Или только притворяемся, что управляем?.. - процедил Крима, не сводя с него пронзительного взгляда.
- Да что ж ты за придурок! - простонал Балбел. - Ты о двух головенках, что ли? Откуда ты вообще взялся такой? Не рождает таких чертоматка!..
Крима уронил плечики.
- Ясно... - мертвым голосом произнес он. - Спасибо...
И опустился на коленочки с явной целью почистить копытца Балбелу. Тот отскочил.
- Ты меня ни о чем не спрашивал! - отчаянно взвизгнул он. - А я тебе ничего не отвечал! Понял? Ты понял меня, Маникюр?..
Крима стоял на коленочках и машинально водил лапками, будто и впрямь оглаживая чьи-то копытца.

* * *

Он перебирал в памяти случай за случаем - и все совпадало. Взять хотя бы недавнюю ночную тревогу: сначала взметнулась Рука - и лишь потом прозвучала запоздалая команда Белуая. Всплыл в пушистой головенке и первый день службы, когда Пальцы налевой сработали сами собой, без приказа...

Единственное исключение - та давняя шалость старичков, из озорства

подстроивших взмах Руки, стряхнувший Криму во Внетелесье... Однако исключение ли это? Вдруг не было никакой шалости - и Рука махнула сама?

Да запросто!

Истина с самого начала была у него перед глазенками. Угрюмая, нагая истина, от которой впору самому прыгнуть в Бездну!

Уж лучше бы оказался правдой самоубийственный заговор начальства против Тела - нелепый, преступный, но все-таки заговор! Его можно разгадать, с ним можно бороться. А вот представить, что ты - никто... и Менингит - никто, и сам Этерафаопе Аброн... Паразиты, обитающие на Теле и возомнившие себя его хозяевами... Или даже не возомнившие, а всего лишь старательно прикидывающиеся друг перед другом...

Зачем ты здесь, Крима? Ради чего появился на свет? Раньше у тебя сомнений по этому поводу не возникало - ради того, чтобы служить Телу! Не щадя силенок, а если потребуется, то и самой жизни, содержать Ногти в исправности... Да, любой чертик смертен, но он полезен, он необходим... Без него Тело остановится!

Что остается? Махнуть на все лапкой, подобно Арабею, бросить свой участок на произвол судьбы (старайся, не старайся - один черт!) и побрести от нечего делать вдоль Спинного Хребта, зубоскаля, ерничая и ни на мгновение не забывая, какие они тут все дураки. Или лжецы - ежели чуть поумнее...

Смута... Подумаешь, Смута...

Да, кстати! А что тогда такое Смута? Можно, конечно, перессориться всем, передрасться, но как потерять контроль над Телом, если контроля не было?

* * *

- Ты в порядке? - спросил Арабей, тревожно заглядывая в глазенки скорчившегося на корточках Крима.

- Ничего, - выдавил тот. - В Бездну не сигану, не бойся...

- Ну и на том спасибо... - мрачно изрек Арабей, присаживаясь напротив.

- Зачем? - спросил Крима.

- Что зачем?

- Зачем мы притворяемся? Зачем делаем вид, что управляем? Жили бы и жили...

- У-у... - понимающе протянул Морпион. - Стало быть, и впрямь докопался... Выпытал всю Подноготную?..

- Зачем? - повторил Крима.

- А затем, друг ты мой сердечный, - назидательно молвил Арабей, - что иначе

система вразнос пойдет... Старших уважать перестанут, начальство... Чертоматка не будет знать, кого рожать...

- А Смута?

- Не понял...

- Я хочу знать, что такое Смута, - не разжимая зубенок, упрямо проговорил Крима. - Что она такое на самом деле...

Морпион качнул обломанным рожком.

- Удивляюсь я тебе, Маникюр... Неужели мало было?

- Мало, - сказал Крима.

- Белая Горячка, - сухо сообщил Арабей. Взглянул исподлобья на озадаченного собеседника и счел нужным пояснить: - Она же Белочка. Это и есть то, что мы в гордыне своей называем Смутой.

«Почему Белая?» - чуть было не переспросил Крима, но тут же сообразил, что наверняка по тому же самому, почему Лампочка - Синяя.

- Кстати, вот-вот по-новой стрясется, - добавил Арабей. - Шкурки-то... глянь!

И каждый покосился на свою заметно позеленевшую шерстку.

- А штука-то вся в том, Маникюр, - задумчиво продолжал Арабей, - что Тело в Белой Горячке начинает нас видеть. Разговаривать с нами начинает.

- И ты... с ним...

- Да, - помолчав, глуховато подтвердил Арабей. - Говорил. Я в ту пору тоже, вроде тебя, только что из чертоматки вылез. Ну и попал... Ничего не понять, округа в глазенках двоится, кривляется... Хотел начальство найти - заблудился. Кого ни встретишь - одурелые все какие-то, на копытцах не держатся, с Тела валяются. И занесло меня, Маникюр, на Правую Руку. А с нее уже на Стол...

- На что?

- Как бы это тебе объяснить?.. Твердь. Понимаешь? Твердь... Огромная. Плоская. И вот стою я на ней рядом со Стопкой.

- Рядом с чем?

Арабей укоризненно взглянул на Криму.

- Со Стопкой, - повторил он. - Стопку не знаешь?

Ах, вон он о чем! Тот предмет в форме перевернутого копытца. В последнее время Правая Рука то и дело подавала его ко Рту, и каждый раз, когда такое случалось, со Смотровой поступало предупреждение о неблагоприятном дне.

- И вот стою я рядом со Стопкой, а сверху на меня... - Арабей зябко передернул плечиками. - А сверху на меня движется...

- Что?.. - шепотом переспросил Крима. - Что движется?..

- Лицо, - сказал Арабей. - Ближе, ближе... И вдруг вижу: смотрит. В глазенки мне

смотрит! Сначала думал, почудилось... Нет. Смотрит. А потом говорит... Оглушительно так... «Чего, - говорит, - пялишься? Ты мне - до Высокой Синей Лампочки, понял?»

- Страшно было?..

- Знаешь, нет, - подумав, признался Арабей. - Я ведь тоже тогда был не в себе. «До чего?» - говорю. А оно... в смысле, Тело... подняло Указательный... «Вот до нее», - говорит...

Оба чертика вскинули мордочки, однако круглого объекта в зените не наблюдалось. Было пасмурно, зеленовато-бурая мгла заволакивала округу.

- Как жить? - вырвалось у Крима. - Как жить, Арабей?

Морпион помычал, подвигал мохнатыми бровками.

- Прикидывай лучше, как выжить, - уныло посоветовал он. - Если опять Белочка накроет... как-то надо будет выживать...

- А если не накроет?

- Если не накроет, тогда проще... Хотя нет. Это мне проще, а тебе... Плохо, что прикидываться ты не умеешь. - Внезапно Арабей оживился, оскалился, повеселел.

- Ну вот искал ты смысл жизни... - сказал он. - Убедился, что никакого смысла нет. Но жизнь-то не кончилась! Попробуй выяснить, почему его нет. Поверь, это тоже захватывает...

* * *

Они едва успели отскочить. На Запястье, где случился их разговор, рухнула, чуть не придавив обоих, Чужая Рука. Рухнула, вцепилась. Воссияли розоватые идеальной формы Ногти. В вышине загромыхало, заревело.

- Ох, и нарвется Танька! - восхищенно выкрикнул Арабей, оттаскивая Крима на пару-тройку шажков к Предплечью. - Ох, нарвется!..

- Что это?!

- Танька нагрянула... Ты знаешь что? Ты давай к себе беги! Сейчас к бою скомандуют...

- Не побегу... - угрюмо сказал Крима.

Еще пару секунд он стоял колеблясь, затем решил и, выдернув лапку из коготков Арабея, перешагнул на сияющий розовый Ноготь.

- Куда прешься?! - завизжали на Чужом Запястье. - Пошел вон!..

Крима обернулся. Морпион понимающе смотрел ему вслед.

- Удачи тебе там, Крима, - с грустью молвил он. - Соскучишься - возвращайся...

Если сможешь, конечно...

Глава 10. ТАНЬКА

Внимал в немом благоговенье...

Михаил Лермонтов

Жизнь отдельно взятого паразита не имеет оправдания. Другое дело, если паразиты сплотились в социум и ты - неотъемлемая его часть. Тут, хочешь не хочешь, возникают такие высокие понятия, как преданность, верность. Жизнь обретает видимость смысла, и даже вред, наносимый тому, на чем вы всем скопом паразитируете, оборачивается священной обязанностью, ибо творится во имя общего блага.

- В чем смысл жизни?
- Чтобы Родина жила!
- А в чем смысл жизни Родины?

Вот с этого-то вопроса, как правило, и начинается распад всего святого. Поэтому нормальный чертик, стоит ему расторгнуть связь с народом и разувериться в общем мнении, долго не протянет: либо сиганет в Бездну, либо перепрыгнет на Чужое Тело, а то и вовсе такое учинит, чему и слова-то не подберешь.

Жизнь не имела смысла. Можно было, конечно, внять совету Морпиона и попытаться от большого отчаяния постичь, почему она его не имеет. Но опять-таки смысл, смысл!..

Соломинка, за которую из последних силенок цеплялся Крима, звалась иначе. Красота. Нежно-розовое сияние безупречного Ногтя - вот ради чего еще стоило жить на этом жестоком и нелепом свете. Именно поэтому Крима и перешагнул с Димки на Таньку, внутренне готовый к неприятию, унижению, ругани - и, будьте уверены, огреб все полной мерой.

Ох и натерпелся поначалу! Грозил оборвать хвостик, сломить рожки, повернуть копытца расколом назад, сбросить в Бездну... Выручила, представьте, искренность. Местный Крима, ранее требовавший применительно к беглецу самых жестоких мер, был настолько тронут его признанием в любви к Танькиным Ногтям, что отмяк, оттаял. Кроме того, изгой просил так немного: позволить полюбоваться хоть издали.

Прониклись, позволили. Чувствовалось, что мнение здешнего Маникюра (не

соврал, выходит, Одеор) решало все. Как скажет, так оно и будет. Теперь инотелесный счастливец целыми днями сидел на корточках в районе Кисти, и с мохнатой его мордашки не сходила улыбка умиления. Венец творенья! Ноготь! И какая, в конце концов, разница, кто именно создал подобное Совершенство - природа или разум!

Станный это был мир - Танька. Станный и чарующий. Даже аура тут казалась иной: душистая, чуть приторная. Стоило вдохнуть поглубже, как возникало легкое головокружение. Хотя головенка вполне могла закружиться и от одного взгляда на то, что происходило вокруг.

Крима... Впрочем, пришельца никто уже не звал Кримой или Маникюром - Митькой звали. Думал ли он когда-нибудь, что однажды станет тезкой Родного Тела! Гордиться, впрочем, не стоило: кличка была скорее пренебрежительной. Дмитрий Неуструев считался здесь едва ли не символом мирового зла, поэтому такие слова, как Митька, Митек, Димка, прилагались в основном к буйным и неуравновешенным личностям.

На третий день приبلудному была оказана милость: разрешили подсесть поближе. Местный Крима, хрупкий лупоглазый чертик розовато-рыжей масти (а другой тут и не водилось), молча работать не мог и нуждался в слушателе.

- Прихожу вчера к Фтхауэ, - излагал он, шлифуя Ноготь, - а там что-то с чем-то... Представляешь, эта дура...

Странно было слышать, как бесполое существо говорит о себе и о своих коллегах в женском роде. Хотя, если вдуматься, мужской род применительно к чертикам - тоже нелепость. Но не скажешь же в самом деле: «я пришло», «я сделало»... Наверное, кто к чему привык.

- ...вся в слезах, представляешь? Я ей говорю: «Чего ревешь? Подумаешь, трагедия! Ну прихватили Стенку Пупка - что ж теперь, хвостиком удавиться?..»

Митька плохо представлял, о чем идет речь, и слушал вполуха. Чем внимательнее присматривался он к сноровистым движениям хрупких, изящных лапок, опушенных розовато-рыжей шерсткой, тем больше недоумевал. Вроде приемы те же самые, кое-что у него даже лучше получалось... Да, видимо, не в приемах суть, не в умении. Все эти сглаживания и протирания - не более чем ритуал, даже если совершающий его думает иначе. Весь вопрос в том, на каком Теле угораздило тебя появиться на свет. Если на Таньке - будь счастлив, если же на Димке - не обессудь.

Родина... Родина там, где Ногтей не грызут.

- Ты слушаешь меня вообще?.. Я говорю: как Морпион поживает?.. Или он на кого-нибудь еще перебрался?

- Морпион?.. Нет, не перебрался... Так... поживает себе...
- Мерзкий тип, - брезгливо скривив губенки, сказала Рыжая Крима. - Ничего святого... - Внезапно вскочила, топнула копытцем, воздела растопыренные коготки.
- Ну вот!.. - плаксиво вскричала она. - Кромка отслоилась!.. А все ты со своим Морпионом! Пошел на место!..

Сторонний наблюдатель беспрекословно отступил на Запястье, споткнувшись по дороге об охватывающий Основную Фалангу массивный обруч, именуемый Кольцом. Выходки рыжеватой коллеги давно уже не удивляли пришельца. Вообще странный тут обитал народ, своенравный, порывистый: грозились так, что с непривычки оторопь брала, но угроз в исполнение, если не возражать, никогда не приводили. А Митька и не возражал ни разу...

Что произойдет дальше, было известно заранее. Оставшись без собеседника, Рыжая Крима заскучала.

- Ну и чего ты там торчишь?.. - раздраженно осведомилась она. - Значит, я ей и говорю: спохватилась, говорю!.. Когда Пупок дырявили, ты где была? Рядом? Вот тогда и надо было рыдать...

Серенький Митек (легкая прозелень в шерстке исчезла уже на второй день), осторожно переступив через Кольцо, в молчании вернулся на Безымянный и присел рядышком с Ногтем. Отслоившаяся кромка, представлявшая собой продолговатый скол Неживой Материи, лежала совсем рядом - и Митька ее подобрал.

- Ах какие мы, говорю, нервные!.. Подумать только, Стенку Пупка прихватили! Так там еще и складку на Животе прихватили! Арехе не рыдает, Забедо не рыдает, одна ты рыдаешь... Ну давай я еще рыдать начну...

Митька рассматривал скол.

- Может, как-нибудь приладить можно?.. - подал он робкий голосок.

- Выбрось! - велела Рыжая Крима. - Все равно завтра в Парикмахерскую.

- Куда?! - ужаснулся Митек.

* * *

Бывают, конечно, трудновыговариваемые имена: Мениггесстроеф, Фтхауэ, Этерафаопе Аброн, Эстенис-ух-епиптоэ... Но Па-рик-ма-хер-ская! Митек одолел это слово только с третьего раза.

Не иначе Центр Вселенной. Способности различать Тот Свет, не выходя за пределы ауры, бродяга-межтелесник и на Таньке не утратил. Насколько он мог

судить, Парикмахерская состояла из череды кубических пространств, в каждом из которых имелось шаровое скопление Высоких Синих Лампочек. Ничего синего в них, понятно, не сквозило, но раз сказано, что Лампочка Синяя - значит, Синяя.

Пока Левая Рука, по слухам, отмокала в некоей таинственной Ванночке, с Правой происходило такое, что и в голову не взбретет. Даже в самые неблагоприятные дни.

Кстати, о неблагоприятных днях. Погода на Таньке держалась удивительно мягкая и ровная. Четвертые сутки - и ни одного штормового предупреждения!

Итак, Правая Ладонь опиралась на огромную плоскую твердь - видимо, тот самый Стол, о котором рассказывал Морпион. Пальцы были чуть приподняты, причем Средний находился в Чужих Руках. Одна из них придерживала Крайнюю Фалангу, другая орудовала так называемыми Щипчиками.

Операция считалась жизненно важной, поэтому чужака, чтобы не мешал, выдворили аж на Предплечье. Вытянув шеенку, приподнявшись на переднюю кромочку копытцев, Митька, затаив дыханье, смотрел издали на творящееся диво. Так вот как это делается! На его глазенках была отодвинута, а затем и срезана Кутикула, обретал идеальную форму внешний край Ногтя, один Инструмент в Чужой Руке сменялся другим. Щипчики, Пилочки... Ничего себе Щипчики, ничего себе Пилочки! Некоторые из них превышали длиной Ладонь...

Тело пребывало в неподвижности, однако рабочей суеты хватало с лихвой. Подобного аврала Митька не видел с тех пор, как он, только-только вылезши из чертоматки, сразу угодил в самое пекло боя.

- Расслабить все Мышцы! Расслабить!.. - яростно командовала Рыжая Крима. - Тренеу, чумичка! Скажи им! Они что там, на Запястье, совсем сдвинулись?..

Возникало ощущение, будто приказы поступают не от Мозга к Ногтям, а напротив - от Ногтей к Мозгу. Так оно, возможно, и было.

- Девки, вы чо? Сужай Сосуды! Сужай!..

- Куда еще сужать? Вообще перекрыть?

- Вообще перекрой!..

Впрочем, доставалось и самой Крима. Обе команды Чужих Рук тоже не безмолвствовали.

- Дама! Дама!.. Пальчик зафиксируй, кошелка! Порежем же!..

И действительно вскоре порезали. Истошные крики, грянувшие с обеих сторон, оглушили настолько, что Митек заробел и на всякий случай спрятался внизу, прицепившись к непривычно узкой Ладони. Под ней было темновато и тесно, рожки почти касались тверди, именуемой Столом. Зато безопасно. Так он, во всяком случае, думал в тот момент.

- А не фиг было Пальцами дергать! - визгливо доносилось сверху. - Говорили же, зафиксируй!..

Раз уж оказался в уединении, стоило кое о чем поразмыслить. То, что Красота - результат технологического процесса, бродяга знал и раньше, когда еще звался Кримой. Но зачем вообще чертики? Зачем суматоха, взвизги, имитация бурной деятельности? Будь у него достаточно силенок или власти, разогнал бы сейчас весь этот балаган - и (копытце на холодец!) ничего бы не изменилось. Точно так же величаво сходились бы Тела, одно бы из них протягивало другому Руку через Стол, а другое брало бы со Стола Щипчики - и творило Совершенство.

Главное, вслух ни словечка! Особенно здесь. Но как это трудно, как трудно! Истине было тесно внутри, Истина рвалась наружу.

И приключилось с Митькой озарение. Привиделась ему необитаемая Танька: насколько хватает глазенок стелится окрест нежный, бело-розовый Эпителий, сияют Ногти - и никого вокруг. Никого...

- Конечно!.. Если всякие чужаки под копытцами путаются!..

Митька мигом выпал из мечтаний и насторожил ушко. Кажется, местная Тренеу (весьма опасная особа: то приторно-жеманная, то вульгарно-крикливая) вознамерилась свалить ответственность за нечаянный порез на безответного приживала. Просто наглость с ее стороны! Как всегда...

Когда Щипчики просекли Кожицу до Крови, серенький приемыш находился на Предплечье - все это видели! Да, никто не спорит, перебирал копытцами, норовя подступить поближе, однако даже и Запястья не достиг! Как он мог, спрашивается, навредить работе Пальцев?

- Какие чужаки?! Какие чужаки, дорогая подруга?..

- Такие! Ишь пригрела... Язычок ей не с кем почесать!

- Да где он? Ну?! Покажи!..

- А нету! Спрятался!

- И что?

- А раз спрятался, значит вину за собой чует!

Услышав такое, Митька немедленно вылез на Тыльную Сторону Ладони.

- Мешать не хотел... - очумело озираясь, просипел он. - Ну и вот...

* * *

Рыжая Крима была вне себя. Глазенки чуть искорками не сыпали.

- Ты что меня подставляешь? Поссорить хочешь со всеми?

Митька стоял потупившись. Все это было чертовски несправедливо, но начнешь оправдываться - станет хуже.

- Никогда у нас порезов не было! Еще и до Крови!..

Митька переступил с копытца на копытце и покорно вздохнул. Насчет того, что раньше не было порезов, - вранье. Собственными ушками вчера слышал, как ответственная за Кровоснабжение жаловалась, будто Сосуды расположены на редкость неудачно, слишком близко к Коже, чуть тронешь Щипчиками - и готово дело!..

- Приютили его, пригрели - а он?.. До каких, спрашивается, пор мне тебя покрывать!..

Предварительная выволочка происходила на опустевшем Запястье. Прочему персоналу Рыжая Крима приказала отступить за Локоть, где они сейчас и толпились, кто злорадствуя, кто сочувствуя.

- При чем знала же, знала: дурная это примета - чужака принять! Еще и с Самца!.. Вот выставим тебя...

- Куда? - беспомощно спросил Митек.

Рыжая Крима запнулась, моргнула. А и впрямь - куда?

Глава 11. БЕЗРОДНЫЙ

*Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*
Сергей Есенин

Судьбу виновного решали чуть ли не всем коллективом, причем не на Темени, а в области Пупка, сквозь который (вот диво-то!) продето было массивное Кольцо из Неживой Материи - и, по всему виду, недавно. Слова «Плешь» на Таньке не существовало, как не существовало и самого явления, ибо за состояние Волос на Голове лично отвечала Этерафаопе Аброн, категорически запретившая скапливаться на вверенном ей участке.

Поражало и другое: если на Плеши, помнится, громыхал один Менингит, а остальные помалкивали, то здесь гомонили все кому не лень, так что даже и не поймешь, кто главный.

Первой речь держала Тренеу.

- А то мы не знаем, - шипела и клетотала она, - до чего они там довели свое

Тело! Развалили, разрушили, Нервы раздергали... вспомните, что было в прошлый раз! Сколько мы потом устранили Гематому под Левым Глазом! А перебежчики? Мало нам было Морпиона? Бегут и бегут с этого Димки...

- С Дмитрия Неуструева, - машинально поправила начальница Спинного Мозга Тафрео (она вроде как вела собрание и единственная восседала прямо на Кольце).

- Давай все-таки придерживаться политкорректности...

Очередное невообразимое слово прозвучало столь грозно, что невольный виновник склоки (он сидел чуть поодаль, покорно склонив рожки) поежился и судорожно вздохнул. Да уж, что-то, а стращать здесь умели.

- А они ее придерживаются?! - запальчиво возразила Тренеу. Собрание взорвалось и загалдело.

Нет, кажется, речь шла не о способе наказания, а о чем-то другом. Митька снова позволил себе малость отвлечься, расслабиться - и неожиданная мысль посетила его. А вдруг и впрямь (подумалось бедняге) Дмитрий Неуструев перестал подчиняться приказам совсем недавно, а они-то с Арабеем решили, будто так было с самого начала... То есть Телом, в принципе, все же можно управлять?..

Как ни странно, радости мысль не доставила. Видимо, Митька свыкся уже с Мирозданием, где роль чертиков сводилась к подтанцовке. Да и само рассуждение выглядело несколько сомнительно: Тело не грызет Ногти - следовательно, Тело управляемо...

Да, но ведь чертики формируют Зародыш в Утробе! Или тоже лишь делают вид, что формируют, а Тело строит себя само?..

- Он разлагает! - кричала Тренеу. - Одним своим присутствием он разлагает!..

- По-моему, она на тебя неровно дышит... - тихо процедила сидящая рядом Рыжая Крима. - Вот дуреха...

- Работать на Самце - и сохранить идеалы? - кричала Тренеу. - Так не бывает!..

- Выкинуть его ко всем чертям!.. - завопила еще одна истеричка, и сборище вновь потонуло в гвалте.

Невероятно, однако нашлись свидетели, собственными глазенками видевшие, как приемыш дернул некую Мышцу на Предплечье, отчего якобы и случился порез.

- Ну-ка потише там! - потребовала Тафрео, и гомон пошел на спад.

- Насколько я понимаю, - холодно промолвила она, дождавшись относительной тишины, - девушки требуют Высшей Меры?

Стало совсем тихо.

- Почему? - оторопело спросил кто-то.

- Выбросить ко всем чертям, - утомленно пояснила Тафрео, - это ведь выбросить в Бездну, так?

Зашушукались, вроде малость поостыли.

- Н-ну... зачем же?.. - проямлила захваченная врасплох Тренеу. - Ко всем чертям... Откуда пришел. Обратно. На Димку.

- В смысле, на Дмитрия Неуструева, - уточнила педантичная заведующая Спинным, Мозгом. - А где он?

Действительно, где? Вот уже несколько дней как символ мирового зла исчез с небосклона, а перегонять приبلудного на первое подвернувшееся Тело - задача не из легких. Кому нужны путающиеся под копытцами чужаки!

- На Виталика?.. - заранее усомнившись, предложил кто-то.

- Да кто его пустит на Виталика? Там уже умные все! Им вон Морпиона хватило...

- А что вы имеете против Морпиона? - вякнула заплаканная Фтхауэ.

- Да уж лучше Митька, чем твой Морпион!

- Это почему же он мой?!

- Тихо, девки! Дайте хозяйке слово!

- Не по-ня-ла... Это кто здесь хозяйка?

- На Пупке, между прочим, заседаем!

- На Животе, а не на Пупке!

- Ну все равно... вокруг Пупка.

- Вот ты, подруга, даешь! Этак все Тело, получается, вокруг Пупка...

Недовольная Тафрео громко поцокала копытцем по Кольцу. Не сразу, но утихомирились.

- Говори давай, - разрешила начальница Спинного Мозга. - Только по сути...

Ответственная за Пупок встала, всхлипнула.

- Ну работать же невозможно! - взмолилась она. - Сил моих больше нет... Кольцо уберите!

Собрание возмутилось.

- Эх, ничего себе! Как ты его теперь уберешь?

- Гля, нежная нашлась! А мне, думаешь, с Кольцом в Ухе какво работать? Кольцо ей убери... Нет, вы слышали такое?

- Мы о чем вообще говорим? О Кольце или о Морпионе?

- Да погоди ты с Морпионом!.. Как это - уберите? Что за придурь?..

- Куда только ни обращалась! - Несчастливая поворачивалась во все стороны, ища и не находя сочувствия. - До Смотровой доходила... Зачем его тут вообще установили? Только мешается... и Телу вред наносит...

- А что на Смотровой сказали?

- Сказали, не твое дело... Иди работай, сказали...

- Да ты что, лучше всех, что ли?.. - взбеленилась Рыжая Крима. Вскочила,

пребольно хлестнув хвостиком скорчившегося рядом Митьку. - А у меня ты на Правой Кольца считала? Нет? Вот и молчи!..

Митек тихо поднялся и, потирая уязвленный локоток, пошел прочь, свято уверенный, что никто теперь о нем даже и не вспомнит. Так уже было и в прошлый раз, и в позапрошлый... Приостановился, подумал - и двинулся в направлении Правого Бедр. Насколько хватало глазенок стелился окрест нежный, бело-розовый Эпителий. Все были на собрании. Танька словно вымерла...

* * *

А пару дней спустя подкралась тоска. Коготки зудели, просили работы. При мысли, что так и просидишь всю жизнь на корточках, растроганно пялясь на Чужие Ногти, становилось не по себе. Да и сами Ногти не то чтобы померкли слегка - нет, блистали-то они по-прежнему, но как-то уже не очаровывал этот блеск. Прекрасное становилось привычным.

- А почему Чужое Тело вам Маникюр делает? - спросил однажды Митек свою покровительницу.

- У нас договор, - молвила та свысока.

- С кем?

- То есть как это с кем? - удивилась Рыжая Крима. - С тамошними чертиками, конечно...

Митька соображал.

- Они вам Маникюр, а вы им что?

- Понятия не имею, - последовал надменный ответ. - Оно мне надо? Пусть с этим Смотровая разбирается...

Обратиться за разъяснениями на Смотровую Митек, естественно, не отважился. В его положении следовало держаться как можно неприметнее и рожки не высовывать. Не Родина, чай, - чужбина...

Такое впечатление, что розовато-рыжему персоналу понравилось еженощно решать Митькину судьбу. Чего-чего на него теперь только не вешали! Наверное, единственное, в чем приемыша так и не удалось обвинить, - это недавнее внедрение в Таньку еще одной чертоматки. Громкий, говорят, был скандал: выведи внедрившаяся собственных чертиков - строили бы сейчас сообща новое Тело! К счастью, у Митька имелось железное алиби - в ту пору он обитал на Дмитриии Неуструеве, а чужая чертоматка заползла с Виталика.

В остальном оправдываться было бесполезно, и, пожалуй, такое положение

устроивало всех. Проштрафившийся известен заранее, междоусобных дразг среди тружениц стало поменьше, да и сами труженицы заметно повеселели. Митька не просто влился в коллектив, он стал неотъемлемой его частью. Им дорожили.

Стоило отключить Тело для профилактики, шли всей толпой на Пупок - пропесочивать Митьку. Поначалу он, нахохлившись, отмалчивался, потом вдруг полюбил каяться. Слушательницам особенно нравилось, как припертый к стеночке изгой, бессовестно завираясь и выкручиваясь, возводит напраслину на Родное Тело.

- Перекуюсь!.. - клялся он со слезой. - Не привык еще просто жить по-новому... По-старому привык... У нас там свободы нет - одна диктатура... Каждый день неблагоприятный... Муть, хмарь, аурической слизи по коленце... Печень разрушена, Легкие разрушены...

До того зарпортовался, что ляпнул однажды, будто на Димке и посеиас Смута идет, а для пущей достоверности пересказал от первого лица историю с Высокой Синей Лампочкой, слышанную им от Морпиона. Хотя кто его знает, какая там сейчас на Димке заваруха! Может, и Смута уже...

- Ну и как я сегодня? - самодовольно допытывался он потом у Рыжей Крими.

- Ничо... - с уважением кивала она. - Тренеу - и ту проняло... Слушай, а ты правда Менингиту вашему пригрозил, что с Тела его сбросишь? Не врешь?

- Ну вот еще! - кокетливо охорашиваясь, молвил Митька. - Когда это я врала!..

Вздрогнули, уставились друг на друга. Затем рыжеватая покровительница протянула лапку и, не веря глазенкам, взъерошила пушистое Митькино плечико. Определенно оттенок подшерстка изменился. Нет, его еще нельзя было назвать розовым, но и голубоватым тоже не назовешь. Бежевенький такой, песочный...

Митька тоже взглянул - и охнул.

* * *

Бежать! Со всех копытцев, очертя голову, пока не переродился окончательно - бежать!

Странно. Казалось бы, что тут такого: подумаешь, подшерсток порозовел! Однако именно это явилось для бродяги последним и сокрушительным ударом. Он словно очнулся. Крима... Вспомни: ты - Крима, а никакой не Митька! Что же ты, Крима, натворил? Утратил Родину, работу, имя, теперь вот - масть... Еще немного - и что от тебя останется?

Истина? Красота? Так это из-за них, выходит, ты стал безродным шутом на

Таньке? Из-за них оглашал заведомую клевету о Теле, на котором впервые увидел свет?

Подскуливая от стыда, он тер коленочку, словно пытался вытереть из подшерстка розовато-серую пыль. Потом побрел куда глядят глазенки, покуда не очутился под Правой мраморно-белой Мышкой без единого Волоска. «Разные есть Тела, - прозвучал в головенке задумчиво-грустный голосок отлетевшего в Бездны Одеора. - Бывают хуже, бывают лучше. А ты за свое держись. Ты здесь из чертоматки вылез...»

- О! Митька!.. - обрадовалась разбитная коренастая Коаде (это она, кстати, требовала выбросить приемыша ко всем чертям). - Ну ты как? К завтрашнему готов?

- Я не Митька... - горестно выдохнул он. - Я Крима...

- Да ладно те! - весело возразила она. - Двух Крим на одном Теле не бывает...

* * *

Двух Крим на одном Теле не бывает. Значит, один должен исчезнуть. Но как? Повторить безумный поступок своего предшественника (вспорхнуть в высокие слои ауры и дожидаться, пока Тело совершит внезапный Маневр, оставив тебя в Бездне) изгой не решался - беды бедами, а жить все-таки хотелось.

Перебраться на кого-нибудь еще? На кого? На Виталика? На Люську? И что толку? «Сперва кажется: все по-другому, - немедленно вспомнились унылые слова Морпиона. - А приглядишься - то же самое. Везде то же самое...»

На собраниях приемыш снова сидел молчаливый, нахохлившийся, чем неизменно разочаровывал жаждущих развлечения слушательниц. Задирали его, подначивали - все зря.

- Виноват - судите... - упрямо бубнил он.

Крима чувствовал, как в нем исподволь вызревает бунт. Да, сегодня жизнь ему еще дорога, а завтра... Завтра он, не дослушав очередного вздорного обвинения, встанет с корточек и пошлет всех в чертоматку. Громко, во всеуслышание. Затем повернется и уйдет.

А дальше?..

А дальше отчинит что-нибудь этакое, от чего у всех шерстка дыбом станет. Холеная, розовато-рыжая... Вот возьмет, например, и в самом деле дернет Мышцу, чтобы Щипчики пол-Ногтя отхватили! И абсолютно все равно, что с ним потом за это сделают...

Глава 12. ВОЗВРАЩЕНЕЦ

Но лучше с чертом, чем с самим собой.
Владимир Высоцкий

Не исключено, что так бы оно и случилось, будь у Крыма побольше времени: и в чертоматку бы всех послал, и Мышцу бы дернул, а там, глядишь, и в Бездну бы вышвырнули святотатца... Но времени, как выяснилось, не оставалось уже ни на что. На следующий день ближе к полудню внезапно объявили общую тревогу.

- Все по местам! Движемся на Дмитрия Неуструева! Прямым курсом!

Сердчишко екнуло. Вокруг заметались, загалдели. Крима бросился было на Левую, но тут же сообразил, что в контакт с его Родным Телом, как и прошлый раз, скорее всего, войдет Правая Танькина Рука. Догадка оказалась верна, однако те несколько секунд, потраченные Кримой, пока он выбирал, куда кинуться, потеряны были безвозвратно: Телотрясение настигло его посреди Предплечья - чуть не сорвался. Судя по всему, Танька и впрямь ударила Правой. То ли по тверди, именуемой Столом, то ли по самому Дмитрию Неуструеву.

На копытцах не удержался никто. Даже те, что поустойчивее, вынуждены были пасть на локотки и вцепиться в Эпителий. С четверенечек Крима поднимался, злорадно ухмыляясь. «Ну что? - подумалось ему. - Все еще уверены, будто чем-то управляете?»

Навстречу карабкались оглушенные чертики рыжеватой масти, а среди них... Поначалу Крима почудилось, что у него зарябило в глазенках. Но нет, среди удирающих с Запястья действительно затесался некто с прозеленью. Значит, все-таки не по Столу ударила Танька, если кого-то перебросило с Тела на Тело.

Чужака кренило заметно сильнее, чем остальных, а зеленовато-серая мордочка была перекошена шалой бессмысленной улыбочкой.

- А-а, Крима... - Язычок пришельца заплетался, тельце сотрясала крупная дрожь.
- Я смотрю... прижился ты тут...

Это был Арабей.

- Что там у нас?!

- Погоди... - пробормотал Морпион, оседая на Запястье. - Дай... это... В себя дай прийти...

В вышине гроыхнуло. Правая Рука взметнулась вновь, и Крима пришлось

придержаться сородича, чтобы тот, чего доброго, не упорхнул ненароком в Бездну. Сам Арабей, судя по всему, даже уцепиться ни за что не мог как следует. Впрочем, остекленелый взгляд его уже становился осмысленным.

- Так... - хрипло произнес пришелец, с помощью Крымы поднимаясь на подвигивающиеся копытца. - Быстро под Мышку!.. Там безопаснее... Вообще, учти на будущее: самое надежное укрытие...

- Под Мышку?... - ужаснулся тот. - Домой! Слышишь? Домой! На Димку!..

Арабея пошатывало. Стоять прямо беженец был не в состоянии.

- Во!.. - сказал он, тараща глазенки. - А ты, я тут гляжу... п-по-розовел...

Не тратя больше слов, Крима схватил его за локоток и потащил в сторону Кисти. Морпион уперся, бодливо склонив рожки.

- Ты что, ненормальный? - рявкнул он. - Все оттуда, а ты туда?

- Да что там такое?!

- Белочка там... - обмякнув, выговорил Арабей. - Смута... Как я и пре... предупреждал... Ты... это... давай... Отсидимся пока на Таньке, а там... посмотрим... Ох, и траванулся я!.. - пожаловался он и усиленно задышал. - Ничего... Скоро пройдет...

А сверху наваливались, клубясь, зеленовато-бурые плотные тучи - ядовитая аура Дмитрия Неуструева.

- Ты представь... - опасливо взглядывая ввысь, торопливо втолковывал Арабей. - Неблагоприятные дни по сравнению с Белочкой... все равно что твой коготок рядом с Пальцем...

Крима попытался представить - и стало ему до того жутко, что он беспрекословно позволил увлечь себя в сторону белоснежного Танькиного Плеча. После первого бурного контакта двух Тел наступило относительное затишье, дававшее возможность добраться до Подмышки без приключений. Однако траванутый Морпион быстро изнемог, и в районе Локтя пришлось приостановиться.

Не следовало этого делать - на странников рухнула бурая шевелящаяся мгла, причем в тот самый момент, когда Криму угораздило глубоко вдохнуть. Грудную клеточку обожгло изнутри, ударило в голову. В замутившейся Бездне мелькнула огромная Пятерня с варварски обкусанными Ногтями - на Дмитрие Неуструеве пытались возобновить контакт. Или, скорее всего, возобновить контакт пытался сам Дмитрий Неуструев. В следующий миг Танькин Локоть произвел резкий тычок, отбив растопыренные Димкины Пальцы.

Разумеется, находишь Крима в нормальном состоянии, подобный Маневр для него особой опасности не представил бы, но после опьяняющего вдоха ориентация в пространстве была напрочь утрачена. Эпителий вывернулся из-под копытцев, и

чертик (второй раз в жизни) вскоре обнаружил, что барахтается в обжигающей холодом Бездне. Слева нежно сияла радужная аура Таньки, справа темнела и клокотала, подобно буре, бешеная энергетика Дмитрия Неуструева.

* * *

Явилось это трагической случайностью или же, напротив, героическим поступком - сказать трудно. Все произошло так стремительно, а в головенке Крима такая неслась круговерть, что он даже сам себе не смог бы дать ясного ответа. Вдобавок хрупкое тельце несколько раз кувыркнулось в пустоте, лево и право поменялись местами - и чертик ринулся наудачу.

И лишь когда объяла его бурая мгла и едкие миазмы поразили изнеженное на Таньке обоняныце, он понял наконец с восторгом и ужасом, что вернулся домой и что ничего уже не переиграть. Копытца погрузились в родную аурическую слизь. Малость придя в себя, Крима выпрямился, огляделся - и сердчишко стеснилось от горя, хотя мало что удалось различить блудному чертику сквозь крутящуюся грязноватую дымку. Кажется, на Левую Ключицу угодил.

Головенка гудела, каждый вздох отдавался жжением и тошнотой. Преодолевая себя, двинулся к Смотровой, тут же поскользнулся и вынужден был упереться лапками в Эпителий.

- Эх, ничего себе кто к нам пришел!.. - слышался неподалеку знакомый развязный голосок. - Сам Маникюр!.. Ты откуда вообще?..

Толстенький охальник Балбел, возникший из бурой хмари, колебался, казалось, во всех направлениях сразу, а шерстка его была, пожалуй, позеленее, чем у Морпиона. Да еще и выпуклые глазенки отливали алым.

- С Таньки... - сипло признался Крима.

- Возвращенец? - глумливо уточнил Балбел. - Одобряю! В трудный для Родины час...

- Как вы тут? - со страхом глядя на собрата, спросил Крима.

- М-мы?.. - изумился тот. - 3-замечательно! Сам, что ли, не видишь?.. Гуляй - не хочу...

- А Этерафаопе Аброн?

- Нету, - решительно объявил Балбел. - Сбросили!..

- Как сбросили?

- С Тела сбросили! К-ко всем чертям... А не морочь народ! Ишь Телом он управляет... - Осекся, выпучил глазенки. - О! Так это ж ты нам и присоветовал... Пр-

равильно присоветовал!.. Сбросили! И Тафрео сбросили... И Роерора...

- А Менингит?!

Балбел озадаченно пожевал губенками и развел лапки.

- Ушел Менингит... - сокрушенно молвил он. - Все Тело обыскали - нету... То ли прячется где, то ли сам в Бездну сиганул... не дожидаясь... - Внезапно подбоченился и загорланил:

*Бога нет, царя не надо,
Губернатора убьем...*

Не иначе с Телом успел побеседовать.

* * *

Вскарабкавшись на Левое Ухо, Крима вконец обессилел. Ему было дурно, бросало то в жар, то в холод, коготки не слушались, глазенки слезились. Сколько дней можно прожить в подобной ауре?

А это, дружок, ты скоро и сам выяснишь.

Забился в Ушную Раковину и скорчился там, пытаюсь дышать пореже. Нет, лучше уж видимость смысла, повсеместное притворство, бодрое вранье ударных будней, чем этот омерзительный развал... Кстати, а где Биссум, заведующий Левым Ухом?.. Нету. Никого нету. Все разбрелись...

Так и не набравшись силенок, Крима заставил себя вылезти наружу и, хватаясь за Волосы, кое-как влез на Темя. Там тоже было пусто... А, нет! Кто-то сидел на Плеши. Причем не на корточках, как подобает любому уважающему себя чертику, а прямо так, подмяв под себя хвостик и раскинув копытца.

Коленочки вихляли. Часто оскальзываясь, Крима приблизился - и узнал в сидящем Менингита. Выходит, Балбел не соврал. Впервые в жизни. Хотели сбросить начальника с Тела, да вот не удалось... А может, и не хотели. Может быть, все-таки соврал Балбел...

Заслышав шажки, Менингит поднял зеленоватую переплюснутую мордочку, и Крима увидел медленно проясняющиеся глазенки.

- А-а, вон ты кто... - хриловато выговорил бывший командир Головного Мозга. - Вернулся... карапуз... А мы уже чертоматке нового заказали... Хотя какая теперь разница!..

Тряхнул рожками, очнулся окончательно.

- Почему ты вернулся?

- Здесь... Родина... - растерянно выдавил Крима.

Менингит плотно зажмурился, замотал головенкой.

- Эх... - сказал он с тоской. - Знаешь... Если бы все были такими, как ты... разве дошло бы у нас до Смуты?.. - Осекся. Личико исказилось яростью. - Да что ж я опять вру! - вырвалось у него. - Даже сейчас... Видишь?.. - пожаловался он вдруг. - Не могу уже не врать...

Умолк, закряхтел от стыда.

- Менингит... - тихо позвал Крима. - Скажи, Менингит... От нас хоть что-нибудь зависит?

- Ни-че-го... - с каким-то даже наслаждением выговорил тот, кто некогда считался командиром Головного Мозга. - Ни-че-го-шень-ки...

- А зависело?

Вместо ответа Менингит застонал и что было силенок ударил кулачком в Плешь.

- Будь ты проклят, алкаш!.. - рыдающе выкрикнул он. - Угораздило нас на тебе родиться!..

Словно отозвавшись на слабенький его удар, Тело взболтнуло Головой, и оба чертика скатились с Плеши - каждый в свою сторону.

Чертики не теряют сознания, во всяком случае от ушибов, однако, обрываясь с этакой крутизны, не раз подумаешь, что лучше бы уж теряли. Сначала Крима приложился всем тельцем о Плечо, затем головенкой о Сгиб Локтя, после чего кувыркнулся на Запястье, откуда сверзился на нечто ровное и плоское. Полежал, пережидая болезненные ощущения и тяжесть в темечке. Ощущения переждал, тяжесть осталась. Заскреб копытцами, оперся на локотки, огляделся.

Твердь. Видимо, та самая, что именуется Столом. Справа, окутанная ядовитой зеленовато-бурой аурой, громоздилась Рука.

Встал, выпрямился во весь ростик, попробовал вскарабкаться на Предплечье. Дважды съехал вниз, а на третью попытку его уже не хватило. Поковылял, то и дело опираясь на Руку, в сторону Кисти, где было не так высоко. Пятерня покоилась на Столе, широко раскинув Пальцы с обкусанными Ногтями. Силенки кончались. Крима остановился у Мизинца, и в этот миг Рука перевернулась, легла Ладонью вверх. А потом что-то шевельнулось в вышине.

И повторилось то, о чем когда-то рассказывал Морпион. Лицо снизилось, заслонив собою треть Вселенной, но что-то в нем было не так. Крима с замиранием всмотрелся и понял: нигде ни чертика. Смотровая пуста. Сами собой поднялись чудовищные Веки, явив огромные наслезенные Глаза. Потом шевельнулись Губы.

- Че-орт... - гулко, стонуше раскатилось над головенкой. - Ну что ты там стоишь, че-орт?..

Крима попятился, и почудилось ему, что Глаза испугались.
- Иди сюда... - горестно просил Дмитрий Неуструев. - Иди на ладонь... Я тебе стихи почитаю...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Стихи Дмитрия Неуструева, прочитанные им Криме.

*А ты представь, что этот мир
никто не создавал.
Торчит какой-нибудь кумир -
Перун или Ваал.
Его уста обагрены,
прищур неумолим -
и никакой на нем вины
за то, что мы творим.*

* * *

*Сумерки бродят врозь.
Светится допоздна
розовая насквозь
теплая желтизна.
Все догорим дотла -
что сожалеть о том!
Осень еще светла.
Слякоть придет потом.*

* * *

*В глубоком черном льду
ветвистые расколы
прозрачно-известковы,
и я по ним иду.
А было - шли вдвоем,*

*еще живые оба,
и завитком сугроба кончался водоем.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Выдержки из «Апокрифа Иоанна», изначально вложенные в головенку Крими (имена лиц, упомянутых в данном повествовании, выделены шрифтом).

Этерафаопе Аброн создал его голову, **Мениггесстроеф** создал его головной мозг, **Астерехмен** правый глаз, **Фаспомохам** левый глаз, Иеронумос правое ухо, **Биссум** левое ухо, Акиореим нос, **Банен-Эфроум** губы, Амен рот, **Ибикан** коренные зубы, Басилиадеме миндалевидные железы, **Аххан** язычок, Адабан шею, Хааман позвоночник, **Деархо** гортань, Тебар [правое плечо и] левое плечо, **Мниархон** левый локоть, **Абитрион** правое предплечье, Эванфен левое предплечье, **Крис** правую руку, **Белуай** левую руку, **Тренеу** пальцы правой руки, **Балбел** пальцы левой руки, **Крима** ногти на руках, Астропос правую грудь, Барроф левую грудь, Баум правую подмышку, **Арарим** левую подмышку, **Арехе** живот, **Фтхауэ** пупок, Сенафим брюшную полость, Арахефопи правый бок, **Забедо** левый бок, Бариас [правое бедро, Фнут] левое бедро, Абенленархей костный мозг, Хнуменинорин кости, **Гезоле** желудок, Агромаума сердце, **Бано** легкие, **Сострапал** печень, Анесималар селезенку, Фопифро кишки, **Библо** почки, **Роерор** сухожилия (нервы?), Тафрео позвоночный столб тела, Ипуспобоба вены, Бинеборин артерии, Латойменпсефей их дыхание во всех членах, Энфолле всю плоть, Бедук [...], **Арабеей** пенис слева, **Эйло** тестикулы, **Сорма** гениталии, Гормакайохлабар правое бедро, Небриф левое бедро, Псерем сочленение правой ноги, Асаклас левое сочленение, **Ормаоф** правое колено, Эменун левое колено, Кникс правую берцовую кость, Тупелон левую берцовую кость, **Ахиэль** правую икру, Фнеме левую икру, Фиуфром правую ступню, Боабель ее пальцы, **Трахун** левую ступню, Фикна ее пальцы, **Миамаи** ногти на ступне, Лабериуум. [...]

И те, кто частично трудится в членах: (в) голове Диолимодаза, шее Иамеакс, правом плече **Иакуиб**, левом плече Уертон, правой руке Уидиди, левой **Арбао**, пальцах правой руки Лампно, пальцах левой руки **Лэекафар**, правой груди Барбар, левой груди Имаэ, грудной клетки Писандриаптес, правой подмышке **Коаде**, левой подмышке **Одеор**, правом боку Асфиксикс, левом боку Синогхута, животе Аруф, чреве Сабало, правом бедре Хархарб, левом бедре Хфаон, всех гениталиях

Бафиноф, правой ногое Хнукс, левой ногое Харха, правой берцовой кости Ароэр, левой берцовой кости Тоэхеа, правом колене Аол, левом колене Харанэр, правой ступне Бастан, ее пальцах Архентехфа, левой ступне Марэфнунф, ее пальцах Абрана. [...]

И мать их всех есть **Эстенис-ух-епиптоэ**.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

ЖИЗНЬ ВНУТРИ ЖИЗНИ

Фантаста, как никого другого, волнует вопрос: «А есть ли жизнь?..» Где? Да не важно где - хоть на Марсе, хоть на Солнце или под Землей. Да вот хотя бы и внутри живого организма!

Мифология рисует окружающий мир безусловно живым: одушевленным были небо, Земля-Гея, титан Океан... Человек древности обитал в окружении сонма духов, населявших пространство вокруг: поля, пустыни, леса.

Поэтому никого не удивляла возможность оказаться внутри другого живого существа и при этом выжить. Вспомним историю библейского Ионы, который угодил в чрево кита и сумел продержаться там целых три дня. Да и Ад в средневековых легендах и поучениях нередко представлялся живым чудовищем, удерживающим несчастных грешников в своей ненасытной утробе.

Но по мере торжества эпохи Просвещения, рассматривавшей реальность уже как механизм, который можно легко разъять на части и перебрать, угасало и чувство одушевленности окружающего. Человек Нового времени взирал на происходящее со все возрастающим скепсисом.

Истории о «жизни внутри жизни» перебрались на страницы литературных

фантазий. О несчастных экипажах кораблей, страдающих внутри огромных китов, в пародийном ключе писали Э.Распе в «Приключениях Мюнхаузена» и П.Ершов в «Коньке-горбунке». Подобно Ионе, живым выходил из утробы крокодила городской в стихотворной сказке К.Чуковского. А в саркастической мини-поэме И.Бродского «Новый Жюль Верн» капитан Немо вырастил гигантского осьминога Осю и поселился внутри него.

Фантастика, всегда осваивавшая концептуальное поле мифологии, конечно же, не могла пройти мимо представлений о существах, успешно обустроившихся в телах других живых созданий.

Самый простой вариант литературной реализации идеи - реанимация старых мифов о разумном лесе, живущем в гармонии со всеми его обитателями, готовом принять в экосообщество людей. Таким видел идеальное будущее У.Хадсон в романе «Зеленые здания» (1904). В такой же лес, подписав приговор человечеству, уходили герои повестей У.Ле Гуин «Медленнее и величавей империй» и О.Корабельникова «Башня птиц». Сообщество растений, формирующее систему, способную действовать вполне рационально, рисовали К. Невилл в «Лесе Зила» и Д.Бойд в «Опылителях Эдема». Пессимистическую версию подобного единения людей и растений предложил Т.Диш в «Геноциде»: люди вынуждены скрываться внутри гигантских растений, которыми инопланетные захватчики засеяли Землю.

* * *

В фэнтезийных воплощениях «зеленого» варианта растительные заросли оказывались наполнены мифологическими существами, которые породил сам лес («Лес Мифаго» Р.Холдстока). Американский фантаст Р.Янг в хорошо известной отечественным читателям повести «Срубить дерево» населил гигантские растения на иной планете разумными дриадами, не способными выжить без «хозяина». Более того, деревья выращивают из своих корней привлекательные домики, создавая целые поселки. Так они привечали разумных существ-симбионтов, питающих растения отходами жизнедеятельности и собственными трупами. В столь же мрачноватых тонах создан роман Д.Вэнса «Дома Исзма», в котором изображена целая индустрия по выращиванию растений-жилищ. В другой книге Вэнса, «Сын Дерева», фанатики-друиды, поклоняющиеся гигантскому дереву, подпитывают его паломниками, которых заманивают в пещеры между корней.

Самую же оригинальную версию истории о жизни в «растительном доме» предложил Л.Нивен в диалогии «Интегральные деревья» и «Дымовое кольцо»:

потомки землян с космического корабля вынуждены обитать в дуплах летающих деревьев, плавающих по газовому облаку.

У других авторов разумный лес разрастается до размеров целого мира. Именно такую картину нарисовал Г.Гаррисон в известном романе «Неукротимая планета». Здесь сообщество растений, полностью покрывающее планету Пирр, обладает рудиментарным коллективным сознанием. С этим союзом можно либо безнадежно бороться, либо ассимилироваться, поселившись в его зарослях (как это и сделала часть землян-колонистов). А вот у обитателей планеты Орестея из рассказа П.Амнуэля «Сегодня, завтра и всегда» даже такого выбора не было: они живут внутри атмосферы, обладающей интеллектом, и никуда не могут сбежать от своего невидимого хозяина.

Иные миры в книгах фантастов нередко оказываются наполнены живыми ловушками. Например, в рассказе Ф.Х.Фармера «Мать» земной космонавт сталкивается с инопланетным монстром, который вроде бы предоставляет внутри себя идеальное убежище от опасностей. Но это укрытие оказывается настолько притягательным для человека, что он остается там до конца своих дней... У Д.Мартина в «Песне о Лии» героиня-телепат сливается с медленно переваривающим ее внеземным монстром, дабы войти в вечное сообщество существ, переживших такое «странное» перерождение.

Но гораздо чаще герои оказываются внутри инопланетных чудовищ лишь потому, что писатель решил пополнить череду приключений еще одним коротким, но экзотическим эпизодом. Например, французский фантаст С.Буль в романе «Храм прошлого» заставил своих персонажей, проглоченных гигантским монстром в океане на другой планете, какое-то время жить в нем, изыскивая планы спасения.

А в фэнтезийном цикле Л.Шепарда «Сказание о драконе», начатом рассказом «Человек, раскрасивший дракона Гриуаля», персонажи проникают в тело обездвиженного магией гигантского ящера лишь для того, чтобы отыскать драгоценные камни. И это весьма опасное занятие. Ведь за долгие века внутри дракона возникла отдельная биосфера, к тому же очень агрессивная.

Ироничный С.Лем в «Четырнадцатом путешествии Иона Тихого» заставил своего героя охотиться на бронированных существ-курдлей. Для успешной охоты необходимо дать курдлю себя проглотить, а затем установить внутри бомбу с часовым механизмом. Однако, встретившись с директором местного зоосада, Тихий узнает, что эти бронированные гиганты имели гораздо большее значение для местной цивилизации, чем просто охотничья добыча: «Курдли носили нас в своем чреве двадцать тысяч лет! Обитая в них, огражденные их мощными панцирями от губительного метеоритного града, наши предки стали тем, что вы

видите ныне: существами разумными, прекрасными, светящимися в темноте».

В своеобразном продолжении «Четырнадцатого путешествия...», романе «Осмотр на месте», польский фантаст вывел целую научную теорию эволюции курдлей, а также описал политическую доктрину государства Курдландии, основанную на пропаганде идеальной жизни внутри бронированных градозавров. Описывая курдландский быт, Лем даже и не особенно скрывал, что создает сардоническую и почти неприкрытую карикатуру на общество «реального социализма». В результате, на русском языке этот роман смогли опубликовать лишь в перестроечные годы.

* * *

В «Осмотре на месте» упоминается, что курдли-гадозавры якобы были созданы в результате биотехнологических экспериментов. Но это всего лишь плод беззастенчивой курдландской пропаганды.

Однако идея искусственно модифицированных животных, внутри которых способны обитать их разумные квартиранты, в НФ действительно присутствует. У Г.Гаррисона в цикле романов «Эдем» описана цивилизация динозавров, которая целиком зиждилась на использовании биоинженерии. Эти ящеры вывели огромных ихтиозавров с обширными помещениями внутри, при помощи которых легко пересекали мировые океаны.

В стим-панковской дилогии «Левиафан» и «Бегемот» С.Вестерфельда человечество тоже додумалось до подобных биоконструкций. В мире, сконструированном воображением американского автора, Ч.Дарвин еще в середине XIX века открыл генную инженерию. В результате все цивилизованные страны разделились на два лагеря: государства дарвинистов, создающих новые живые организмы, и их противников, изобретающих исключительно механические агрегаты. Все действие вращается вокруг гигантского летающего кита «Левиафана» - корабля британских королевских ВВС. Этот организм не только предоставляет в своем чреве жилье для многочисленного экипажа, но и является целой мини-биосферой, поддерживающей парящего в небесах гиганта в рабочем состоянии.

Более упрощенный вариант кита-киборга, перевозящего внутри себя свою команду, изображен Т.Бассом в романе «Бог-кит». В романе «Наполовину сверхчеловек» того же автора действует квазиживой звездолет.

* * *

Однако чаще фантасты отдают предпочтение сугубо биологическим звездолетам. В рассказе французского фантаста Ж.Клейна «Иона» герою пришлось повторить опыт библейского персонажа. Но только добровольно и в космосе. Астронавт Ришар Мека работает укротителем гигантских космических чудовищ-биосконов, перевозящих внутри себя грузы. А для контакта с одним взбунтовавшимся монстром Ришар вынужден проникнуть к нему в брюхо.

В цикле рассказов «Старфайндер» Р.Янга люди убивают подобных вакуумных чудовищ, чтобы затем использовать их тела в качестве космических кораблей биологического происхождения. А вот главному персонажу цикла удалось подружиться с таким псевдокитом и спокойно путешествовать внутри него по Галактике.

Столь же невероятный, скрывающий в себе целую биосферу гигант изображен и в рассказе Г.Бэнфорда «Левиафан». В данном случае любопытнее всего происхождение космического монстра: оказывается, земные биокудесники сумели вывести его из обычной собаки!

В книгах по игровой Вселенной «Вархаммер 40 000» подобные «вакуумные киты» являются одной из тривиальных опасностей, подстерегающих космические корабли. Интереснее выглядят не они, а живые звездные корабли, транспортирующие разумных космических чудовищ-тиранидов. Эти существа представляют собой не только транспортные средства, способные перемещаться между галактиками, но и настоящие биологические заводы, непрерывно производящие все новые и новые особи. Об уничтожении одного из таких обитаемых космолетов подробно рассказано в романе Г.Макнилла «Воины Ультрамара».

* * *

Любопытное ответвление темы - истории об ученых, сумевших уменьшиться до микроскопических размеров, чтобы проникнуть в живые организмы. И если в повести П.Гордашевского «Их было четверо» исследователи осматривали только растения, то в романах А.Азимова «Фантастическое путешествие» и «Фантастическое путешествие 2: Цель - мозг» специалистам удалось пробраться в тело человека. Группа медиков на специальном корабле вынуждена на время

поселиться в теле больного, добиваясь его излечения. А в романе Д.Грина «Мозг за оком» главный герой сумел проникнуть внутрь поврежденного мозга гигантского инопланетянина. Тема эта довольно плодотворно исследована кинематографистами (вспомним хотя бы знаменитый фильм «Фантастическое путешествие»).

Еще интереснее, когда внутрь организма проникают невидимки. Ну, или почти невидимки.

К историям о невидимых существах, заполняющих организм человека или поселяющихся в его разуме, относятся произведения хоррора о различных вариантах одержимости (вроде «Экзорциста» или «Легиона» У.Блэтти). Впрочем, и научные фантасты не обошли проблему стороной. Например, С.Лем в пьесе «Странный гость профессора Тарантоги», где пришелец из будущего не только носит в одном теле две индивидуальности, но в нем еще в скрытом виде сидит некий «нан». Сущность же этого «нана» герой объясняет вполне бесхитростно: «Раньше, когда они появлялись, люди говорили, что это... одержимость, или как там...».

В «серьезном» ключе тему отработали Х.Клемент в раннем романе «Игла», К.Уилсон в «Паразитах мозга», Р.Сильверберг в «Пассажирах», Т.Уайт в романе «Одержимые фуриями» и другие авторы. Если в рассказе Сильверберга невидимые инопланетные визитеры просто злобно развлекаются, заставляя своих носителей совершать аморальные поступки, то в романе Уилсона они настроены более враждебно. Поселившиеся в человеческом сознании невидимые паразиты препятствуют развитию всего вида homo sapiens, не давая перейти ему на новый этап эволюции.

Не всегда, впрочем, микроскопические существа, проникшие в человеческий мозг, наносят вред своему «квартиросъемщику». В трилогии Д.Чалкера «Кинтарский марафон» («Демоны на радужном мосту», «Бег к твердыне хаоса», «Девяносто триллионов Фаустов») почти незримые инопланетяне создали целую галактическую сверхдержаву - империю Миколь. И хотя людям в этом государстве часто приходится несладко, но зато при помощи хозяев-симбионтов они могут находить общий язык с другими инопланетными расами, обитающими в этом межзвездном союзе.

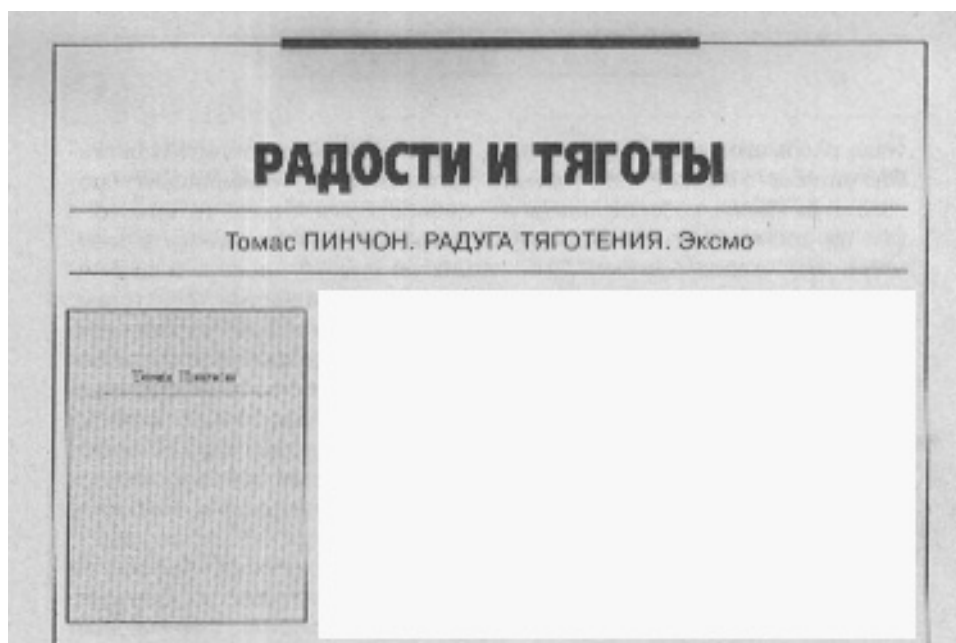
А в некоторых научно-фантастических текстах именно невидимые «подселенцы» помогают человечеству совершить новый эволюционный скачок. Так поступили разумные клетки-нооциты в повести Г.Бира «Музыка, звучащая в крови»: они сначала поселились в теле открывшего их ученого, а затем распространились по всему земному шару, превратив себя и людей в единый сверхорганизм.

В завершающем цикл «Рибофанк» рассказе «Любимый компонент» П.Ди Филиппе описал, как в ходе непродуманных биологических экспериментов на нашей планете возникла разумная и агрессивная нео-биосфера (Урбластема). При помощи своих микроскопических частиц она подчинила человечество, сделав его представителей «любимыми компонентами». Однако, превратившись в часть Урбластемы, люди смогли, наконец, покорить глубокий космос.

В романе «Инферно. Армия ночи» С.Вестерфельд написал своеобразный портрет: «Знакомьтесь - вольбахия, паразит, который хочет править миром... Она может изменять своего «хозяина» генетически, причинять вред его еще не рожденным детям и создавать совершенно новый вид носителей... И не важно, сколько потребуется времени, лишь бы наполнить весь мир собой. По крайней мере двадцать тысяч видов насекомых являются носителями вольбахии, а также множество червей и вшей... Так что произойдет, если инфицированная филяриозным червем муха укусит вас? Червь внедрится в вашу кожу и отложит там яйца. Из яиц вылупятся малыши, проникнут в кровеносную систему, а некоторые и в глазные яблоки... Вольбахия, носителями которой они являются, включит боевую тревогу в вашей иммунной системе. Сама иммунная система атакует ваши глазные яблоки, и вы ослепнете... Зачем вольбахия поступает так? Никто не знает. Одно несомненно - вольбахия хочет править миром».

Конечно, рассказано с иронией. И тем не менее слышится в приведенных строках какая-то тревога. Чем черт не шутит? Может быть, все беды и глупости человека вызваны «подселенцами», утвердившимися в наших телах?

РАДОСТИ И ТЯГОТЫ

Томас ПИНЧОН. РАДУГА ТЯГОТЕНИЯ. Эксмо

«Радуга тяготения» вобрала в себя историю литературы XX века как классику постмодернизма. А также один из тех самых Великих Американских Романов, написать который мечтает каждый автор-американец. Путь книги к русскоязычному читателю занял больше 10 лет, если оптимистично вести отсчет времени с издания на русском языке двух других книг Томаса Пинчона, «V.» и «Выкрикивается лот 49», и несколько лет с момента оригинальной публикации.

Пятилетний труд переводчиков, который впору приравнять к профессиональному подвигу, завершен, и теперь дело за читателем. Которому, в свою очередь, предстоит немало потрудиться. Недаром в поисках верного и полного толкования поклонники создали специальный wiki-сайт pynchonwiki.com и много лет ведут рассылку, посвященную изучению сложных мест романа. Подобная талмудистика пинchonитов, пинчоноведов и пинчонифилов обусловлена не только объективно высокой информационной плотностью романа, но и субъективным стремлением автора запутать дело.

В книгах Пинчона конспирология и паранойя идут рука об руку. Он не дает интервью и не появляется на телевидении, известны лишь несколько его старых фотографий.

«Радуга тяготения» изрядно «наследила» в литературе. Без нее невозможно представить киберпанк и творчество Гибсона, она инспирировала

конспирологический «Маятник Фуко» Умберто Эко, да и «Криптономикон» Нила Стивенсона перекликается с *opus magnum* Томаса Пинчона.

Центральная фигура романа - ракета ФАУ -2, обгоняющая звук на пути к смерти и разрушению. Центральный персонаж - Эния Ленитроп, американский военный служащий, обладающий удивительной эректильной функцией: способностью предугадывать точки попадания ракеты, отмечая их как места своих сексуальных побед (возможно, вымышленных). Центр повествования и его смысл читателю предстоит найти самому.

Повествование распадается на фрагменты, распадающиеся на частицы, распадающиеся на элементы. Оно витиевато и своей траекторией похоже на мысли, разбегающиеся в уме во время плохо проведенной медитации. «Улисс» Джеймса Джойса - роман, не менее знаковый и не менее трудный для прочтения (конспирологическое примечание: количество страниц в первых изданиях обоих произведений одинаково), техникой «потока сознания» довел романский жанр едва ли не до предела субъектности, предлагая читателю проникнуть в сознание Леонардо Блума, дабы обнаружить ключ к тайнам текста. А «Радуга тяготения» помещает этот самый ключ в разум читателя, понуждая его сложить пазл в соответствии с собственными взглядами и представлениями.

Охота на птиц додо, дрессированные по методу академика Павлова собаки и даже осьминог по имени Григорий, аргентинские анархисты, планирующие эмигрировать в послевоенную Германию, теории заговора, в который вовлечены правительства и могущественные корпорации, и многое другое, и многие другие. Шпионские интриги перемежаются водевильными песенками, и текст образует восхитительный пастиш, одновременно лирично-нежный и полный юмора - черного, как кожа негров племени гереро, состоящих на службе у нацистов.

Один из вопросов, которым задаются персонажи книги, заключается в том, носит ли эта связь предметов и явлений причинно-следственный характер? Положительный ответ превращает способность Ленитропа (а вместе с ним и поведение человека) в реакцию на стимул, простую и просчитываемую в качестве траектории. А значит, и в объект управления, предполагая возможность контроля с ИХ стороны. Таинственные ОНИ - неотъемлемый атрибут любой теории заговора. Все это парадоксальным образом ведет к умалению сложности и возрастанию энтропии.

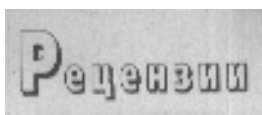
Энтропия, распад - одна из важных тем в творчестве Пинчона. С этой точки зрения, вызывающая сложность романа трактуется как противодействие, сопротивление энтропии.

В нескончаемой череде интерпретаций можно найти и ту, когда текст является

жизнеописанием (не случайно главный герой фигурирует в книге и как «младенец Эния») или, поскольку итог любой биографии известен заранее, хроникой умирания. Полет ракеты становится метафорическим выражением человеческой жизни (кстати, последний свой романный полет ракета совершает с человеком на борту) с ее радостями, тяготами и то ли предсказуемой, то ли неизвестной траекторией.

ФАУ-2 взлетает, достигает высшей точки и стремительно приближается к месту назначения, обозначаемому печальным словом «конец».

Сергей ШИКАРЕВ

Рецензии

Дэн СИММОНС

ДВУЛИКИЙ ДЕМОН МАРА. СМЕРТЬ В ЛЮБВИ

Москва: Эксмо, 2012. - 432 с.

Пер. с англ. М. Куренной.

(Серия «Проект «Бестселлер»).

3000 экз.

Одно из главных достоинств Симмонса - умение находить необычные решения, работая в традиционных жанровых рамках. «Двуликий демон Мара» - сборник повестей, открывающих механику авторского метода. Смерть и любовь - мощная и древняя связка - может придать любому тексту драматический накал. Этим двум состояниям и посвящена книга, состоящая из пяти новелл. «Энтропия в полночный час» - бытовая зарисовка, в которой при помощи мрачноватых реминисценций у читателя создается ощущение тревожности. Отдаленные громы заглавной истории разрешаются в следующих рассказах, являющих целый каскад причудливых образов. Под словом «любовь» автор зачастую подразумевает и секс, которому уделено достаточно места. Тон первобытных страстей очень силен в новеллах «Смерть в Бангкоке» и «Женщины с зубастыми лонами».

Единственный сугубо НФ-текст - «Флешбек». В его основе - фантастическое

допущение о препарате, способном создавать иллюзии реальности. Люди, погруженные в сон, заново переживают приятные моменты из своего прошлого. Пожалуй, это самое неудачное из произведений сборника, откровенно вторичное (флешбек он и есть флешбек!).

Особняком стоит повесть «Страстно влюбленный»: историко-культурное исследование на тему «поэт и война». Симмонс реконструирует ощущения человека и творца, затертого жерновами первой в мире глобальной войны. На примере Джеймса Эдвина Рука автор показывает, как ощущение неотступной смерти и любовь к прекрасному, соединяясь в мистическом браке, порождают удивительный коагулянт предельно искренней, мощной поэзии. «Страстно влюбленный» - тот сладкий десерт, который составитель приберег напоследок. Читать его интересно и приятно.

Николай Калиниченко

Петр ВОРЬБЬЁВ

ГОРМ СЫН ХЕРДАКНУТА. НАБЛА КВАДРАТ

Луганск: Шико, 2012. - 685 с.

(Серия «Большая фантастика»).

Культовая в узких кругах «Набла квадрат», с символом оператора Лапласа на обложке и авторскими рисунками в стиле хэви-метал, могла бы появиться на книжных полках 20 лет назад. Но ее издательская судьба в России не сложилась - а сам автор отправился двигать науку за море, где стал известен как специалист по газодинамике, байкер и рок-гитарист. Коллекционное американское издание разошлось среди друзей. Российские читатели могли познакомиться с романом в основном в интернете.

Воробьев придумал постмодернистский текст - веселый, интеллектуальный, в котором разборки с тоталитарным режимом на планете Хейм составляют лишь часть истории. Другая часть, не менее важная, состоит в сшибке «больших стилей»: проход танковой колонны через зону ядерного взрыва, из операционной системы механического компьютера капает смазка, толпы смердящих подонков расползаются по городу, уворачиваясь от листовок отдела пропаганды насилия... Языки и народы бьются меж собой, а над полем битвы летает викингopodobный пришелец Горм с верным Фенриром, разит зло из лучеметов и ругается цитатами из классиков. Веселый дух, щедрый размах, вера в справедливость - из

многочисленных жанровых клише выросло интересное дерево, которое нынче дало новый побег.

С новым романом герои предыдущего успели познакомиться в формате видеопостановки. Его действие в прошлом планеты, в начале эпохи НТР и мировых войн. Тут тоже Горм, да не тот - сын ярла Хердакнута, он ввязался в международный конфликт и совершил подвиги, которые будут воспеты в веках. Здесь переплетены скандинавские саги, русские летописи и былины, дневники полярных экспедиций и многочисленные северные легенды о мире духов. Идеология, технология и молодецкая удаль соединяются в плавнотекущие строки летописи, перемежаемые жизнерадостным сарказмом и откомментированные чеканным слогом университетской монографии.

Сергей Некрасов

Питер УОТТС

МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Москва - СПб.: Астрель - Астрель-СПб., 2012. - 443 с.

Пер. с англ. Н. Кудрявцева.

(Серия «Сны разума»).

3000 экз.

Поскреби «Ложную слепоту» - найдешь «Морские звезды». В дебюте Питера Уоттса легко угадываются мотивы так тепло принятого у нас романа. В «Морских звездах» Уоттс снова говорит и о природе сознания, и о столкновении с абсолютно чуждой жизнью.

Действие цикла о рифтерах, который и открывает роман, происходит не в космических далях, а в океанических глубинах. В 2050 году освоение океана призвано использовать энергию гидротермальных источников. Специально для обслуживания глубоководных станций корпорация «Энергосеть» подготовила персонал особого рода. Принципам его отбора посвящен первый рассказ Уоттса «Ниша», который спустя почти десять лет стал частью «Морских звезд». И дело не ограничилось принудительной модификацией человеческого организма. Основным критерием отбора стала психология, совместимость непохожих характеров. Подлинно исследовательский интерес Уоттса к виду Homo Sapiens на этот раз проявился в намерении понять норму через экстремумы, а человечность - через ее последовательное и нарастающее угнетение. Место действия книги отлично

воплощает незамысловатую авторскую метафору - «человек под давлением». Впрочем, в этом романе пессимизм Уоттса в отношении человека и человечества еще не подкреплен и не скрыт убедительно научным скепсисом.

Изгои общества, прекрасно обустроившиеся на дне (в кавычках и без), оказываются соседями иной формы жизни под кодовым названием Бетагемот. Автор отсылает к имени .библейского чудовища и говорит о версии 2.0 для всего живого, которая угрожает не только человечеству, но и биосфере. Жаль только, что эта сюжетная интрига возникает лишь в последней трети книги, к которой читатель продирается сквозь мрачные конфликты и междоусобицы персонажей, и едва набравший темп сюжет обрывается в ожидании второго тома.

Сергей Шикарев

Паоло БАЧИГАЛУПИ

ЗАВОДНАЯ

Москва: Астрель, 2012. - 476 с.

Пер. с англ. В. Егорова.

(Серия «Сны разума»).

2000 экз.

Действие романа, получившего «золотой дубль» («Хьюго» и «Небьюла»), происходит в Таиланде недалекого будущего. Мимоходом упоминаются и Финляндия, и Америка с ушедшими под воду Нью-Йорком и Новым Орлеаном, и соседские Бирма с Вьетном.

В мире «Заводной» расстояния снова имеют большое значение. Завершились эпохи Экспансии и нефтяного Свертывания. Черное золото перестало служить источником энергии, и торговые перевозки осуществляются парусными судами и дирижаблями. После эпидемий, почти уничтоживших растительный мир, ему на смену пришли генномодифицированные сельскохозяйственные культуры. Компьютеры работают на ножном приводе, а генхакеры взламывают геномы, принадлежащие корпорациям и защищенные копирайтом.

Явные отсылки к Гибсону, но и к колониальной прозе. В том же ряду книг, заставляющих переосмыслить взаимодействие пространств и культур в глобализирующемся мире, - «Платформа» Уэльбека и «Река богов» Йена Макдональда. Впрочем, Бачигалупи не заходит дальше местной экзотики и политических интриг в духе Ле Карре.

Эклектичный и щедрый на детали мир «Заводной» впечатляет, и даже удручает довольно депрессивным настроением. Но стоит только присмотреться попристальнее, и картинка начинает трескаться и вываливаться из рамы. Завесой деликатного умолчания окутана судьба и перспектива атомных и гидроэлектростанций. Да и возможность существования геной инженерии в мире, энергетической основой которого является даже не паровая, а кинетическая энергия, весьма сомнительна. Энергетический баланс не сходится. То, что было «дозволено» автору в рассказах, в романе производит странное впечатление. Книга продолжает линию в серии «Сны разума», открытую «Спином»: квазинаучная фантастика, амбициозно заигрывающая с мейнстримом.

Сергей Максимов

Иван НАУМОВ

МАЛЬЧИК С САБЛЕЙ

Москва: Астрель, 2012. - 384 с.

(Серия «Амальгама»).

2000 экз.

Существуют две ипостаси писателя Ивана Наумова. Первая - «проектная», когда московский фантаст работает в межавторском проекте, где тесные рамки по сюжету и антуражу. В этом случае он просто выступает как вполне квалифицированный ремесленник. Вторая же ипостась - творчество серьезного писателя-романтика, владеющего всем арсеналом собственно фантастики.

Новый сборник Наумова предлагает примеры как первого направления (повесть «Осторожно, волки!», рассказ «Эмодом»), так и второго - уже получившие широкую известность «Сан Конг», «Силой и лаской», а вместе с ними и новые - «Фкайф», «Созданная для тебя». Имя автору сборника неизменно делают тексты второго рода, они и здесь сильнее и интереснее.

Не стоит искать какой-либо тематической «скрепы» в этой книге. Это россыпь повестей и рассказов, сделанных человеком, для которого русский язык - вроде скрипки в руках виртуоза. Наумов умеет построить крепкий сюжет, нарисовать красивый, достоверный мир, словом, всё, что должен уметь фантаст. Но читать его стоит не ради сюжета, декораций, свежих идей или же игры характеров. Его тексты - удовольствие для тех, кто умеет наслаждаться стилем, любит сложность, понимает толк в византийской перегородчатой эмали. У Наумова отличное

эстетическое чутье, и он, кажется, интуитивно чувствует ритм, насыщенность образов, одним словом, музыку текста.

По эстетическому уровню лучшие повести Ивана Наумова не уступают работам авторов мейнстрима. Прочтите хотя бы повесть «Мальчик с саблей». Впервые опубликованная журналом «Дружба народов», она получила первый приз на конкурсе мини-прозы этого литературного издания.

Дмитрий Володихин

Дмитрий ВОЛОДИХИН

«В ОБЩЕМ, ВСЕ УМЕРЛИ...»

Еще три-четыре года назад фантасты, бравшиеся за футурологическую тему, предлагали читателям немало поводов для оптимизма. Столь заметные вещи, как «Се, творю» Вячеслава Рыбакова (2010), «Симбионты» Олега Дивова (2010) и «Война 2020» Сергея Буркатовского (2009), представляют собой образцы футурологии «со счастливым концом». Их обсуждали горячо, с верой: да, нам еще есть на что опереться. Выкарабкаемся, не впервой! И даже алармистская повесть Эдуарда Геворкяна «Чужие долги» (2009) выглядела тогда как предупреждение, но не как приговор... Однако в последнее время вдруг поднялась волна «футурологии со знаком минус».

Катастрофы, революции, деградации, «смертная тоска» и прочая погибель - вот, что поджидает читателей на страницах многих произведений отечественных авторов. Свет пропал из конца бетонной трубы... А если выходит роман с тремя крохами надежды в трюмах, то его просто не замечают. Тема конца света - локального и всеобщего - сфокусировала на себе внимание фантастов.

Речь не о потскастрофном антураже, коим наполнены «сталкерные»,

«анабиозные» и «метрошные» романы. Ржавь, стреляные гильзы, мужики в противогазах, подземелья, радиация и всюду калашники, калашники, калашники...

Это все, знаете ли, «апокалипсис понарошку». После очередного раунда конца света декорации снимаются, проходят плановый ремонт, а затем монтируются по новой в слегка переработанном виде. Читая про мужика в противогазе и с калашом, никто не воспринимает постапокалиптическую картинку всерьез. Игра, не более того.

Но вот в фантастике, а также близких ей форматах мейнстрима появляется целый каскад текстов, где приближение конца света или его осуществление поставлено в центр повествования. И совершенно не важно, каков антураж. Любопытно другое: глобальное «схлопывание» старого мира во множестве разных вариантов представлено как ближайший пункт повестки дня. Никаких игр, приобретайте саваны загодя.

Первая ласточка - «Черная обезьяна» (2011) Захара Прилепина. Серьезная, страшная вещь. Общий смысл: мы обросли грехами, оскотинились, по грехам своим Россия пропадает и сгинет вовсе. Весь мир развращенных взрослых падет под ножами детей, генетически не умеющих различать добро и зло.

Нигде, ни в одной строчке не указан выход из этой ситуации. Разве только воспринимать всю книгу как один большой совет: хорошо бы всему народу переменить образ мыслей и действий. Тогда, возможно, проскочим.

«Русские сумерки» Олега Кулагина (2011) по декорациям максимально приближены к реальности межавторского сериала «С.Т.А.Л.К.Е.Р»: растущие зоны, чудовищные мутанты, драгоценные артефакты... Вот только всем этим приметам обычного боевика придан легко считываемый политический смысл. Вампиры, мутанты и прочая нечисть окопались наверху, превратились в политическую элиту страны. Они - чужие во всех смыслах слова, а не только в идейном. Это другой вид, представители которого продают, предают и убивают нормальных людей со все возрастающей быстротой. Вся Россия скоро будет как одна «зона».

Олег Кулагин все же предлагает выход, но весьма узкий: крепить сопротивление, строить русские анклав. Там еще возможны какая-то жизнь, какая-то свобода.

Очень хорошо видно, что автор оставил минимальный зазор между реальностью своего фантастического мира и реальностью современной России.

Как ни странно, об этом же «Мы, народ» Андрея Столярова (2011). Хотя вещь, по большому счету, плод совсем другого мировидения.

Шторм сметет весь мир. Чудо, мистика позволят маленькому анклав чистой, незамутненной России пересоздать страну, а то и все человечество. Но это потом. А стартует сюжет с общего состояния России «всё очень плохо» и «кажется, вот он,

локальный апокалипсис». Мистическая «революция» становится возможной лишь к концу книги. Если взять вошедший сюда же одноименный рассказ, то там смысл проще: та Россия, которую мы все знали, исчезает на глазах, ее точно не будет, и очень скоро.

Рассказ Дмитрия Куренкова «Счастливый человек» (2012) повествует о том, как Россия стала нищей колонией евроатлантического мира. Тут просто нечему возрождаться. Отсутствует даже память, что была какая-то доколониальная реальность, которую можно реставрировать. Народ деградировал окончательно и бесповоротно.

На страницах романа «S.N.U.F.F.» Виктора Пелевина (2012) действие перенесено в далекое будущее. Во всем мире осталось два государства: вонючий, примитивный, угнетаемый Уркаганат (обобщенный образ Украины и России), а также свихнувшийся на деньгах, новостях и гламуре угнетатель Бизантиум (обобщенный образ евроатлантической цивилизации). Ни у первого, ни у второго нет будущего. Криминальный Уркаганат так и будет барахтаться в дерьме, а либеральный Бизантиум рухнет под тяжестью собственного идиотизма да еще гнева, идущего снизу. В романе разворачивается предпоследняя стадия всеобщего апокалипсиса.

Выход для несчастных жителей Уркаганата и Бизантиума есть, но тоже до крайности «узкий». Это руссоистская цивилизация без электричества, зато на природе и со всяческой простотой отношений. Люди будут любиться на полянах...

И, наконец, «Шестой моряк» Евгения Филенко (2011) - внешне последняя часть романа с тем же названием, а на самом деле самостоятельная повесть, вернее - эссе.

Предложенный пермским фантастом формат конца света, пожалуй, самый безнадежный, но и самый оригинальный из всех перечисленных: «Этот мир угасал... Никаких приплудных астероидов из космоса. Никаких разломов планетарной коры, фонтанов лавы, сорвавшихся с цепи волн-убийц. Никаких Годзилл - все, что могло сойти за гигантскую тварь, мирно дремало на океанском дне и восставать в полный рост явно не собиралось... Просто время этого мира заканчивалось, и он засыпал как смертельно больное животное. Но засыпал он медленно, и поэтому ходили поезда, кое-где горел свет, и можно было раздобыть провизию без риска для жизни».

Засыпание, непобедимая усталость, бесконечная печаль... Выражаясь языком Шопенгауэра, утрата воли к жизни. «Смертная тоска охватит каждого человека, и в печали своей предастся он мыслям о собственной никчемности и незначительности перед высшими промыслами». А смертная тоска накладывается

на глубоко скрытую в человечестве тягу к самоубийству.

Не столь важно, что в основе всего этого - волновое угнетение психики, охватившее мир в результате научного эксперимента одной богатой секты. Отнюдь не черным чудесам науки посвящена книга. Автор, скорее, настроен всерьез поговорить о том, что мир постарел, посерел и обрюзг. А значит, пора ему уходить. Даже как-то задержались... Техногенная катастрофа - всего лишь предлог для последней точки в конце последней фразы.

Ну да, тихий неотвратимый апокалипсис, словно говорит читателям автор, а что тут особенно переживать? Человеческая цивилизация ничего выдающегося не создала. Жизнь скучна. Без бухла она вообще не жизнь. Кругом хаос, свинство, позор. Отдельные островки смысла и творчества тонут во всеобщем раздолбайстве. Чего жалеть? Так что уж лучше все под корень. И Россию, а с ней и весь мир.

Но для начала Филенко, книгу коего напечатали чуть раньше «S.N.U.FR», предложил: может, попробуем руссоистскую цивилизацию без электричества, зато к природе поближе? И устами одного из персонажей решительно ответил на это предложение: вот уж дудки! Без интернета - лучше сразу в гроб.

Это далеко не все авторы, за последние два-три года взявшиеся нешуточно размышлять о конце света. Целый залп таких романов и рассказов оставляет тяжелое впечатление. Всё в гроб да в гроб. Или, в крайнем случае, предлагается столь узкий лаз наружу, что, пробираясь по нему, страна обдерет себе ребра до крови.

* * *

Чем можно объяснить необычайную популярность темы «Апокалипсис всерьез»? Это ведь не мода, а нечто более глубинное.

Конечно, можно было бы списать на «кризис среднего возраста». Должно быть, он разом наступил у целого поколения. Еще три-четыре года назад оно держалось молодцом и строило планы на вечность, а теперь сдулось, устало. И, притомившись на своем маленьком островке, приписывает, навязывает депрессию всему миру, по крайней мере России. А у авторов просто фатальная проблема невостребованности.

Но перечисленные писатели относятся не к одному, а к разным поколениям. Андрей Филенко и Андрей Столяров родились в первой половине 1950-х, а Прилепин и Кулагин - в 1970-х. Разница между младшим и старшим составляет

четверть века. К тому же о какой неостребованности можно говорить в отношении Пелевина или Прилепина? Да и Столярова, постоянно фигурирующего в кругах, связанных с политическим моделированием.

Тогда, возможно, все дело в кризисе традиционной книги и, может быть, шире - - кризисе традиционной литературы с ее обязательным стремлением не только развлечь, но и научить, завести разговор на вечные темы? Вот уж вряд ли. На дворе у нас то ли десятый, то ли сотый кризис литературы, но в стране, по неполным данным, 20 000 писателей, поэтов, критиков и литературных публицистов. Многие ли из них громогласно сообщают городу и миру о нежелании творить, раз кругом такой кризис?

Возможно, ощущение тупика создано из-за предчувствий новой волны Большого Кризиса? Там и сям пишут о необходимости обзаводиться «буржуйками», запасаться крупой и макаронами, закупать консервы, делать «схроны» в лесу. Дескать, скоро грянет! Обязательно, не сегодня, так завтра: готовьтесь! Экономисты говорят: «От старого мира ничего не останется». Политики комментируют: «Мы даже представить себе не можем, как будет выглядеть новый мир».

Вот тут уже теплее.

Русский писатель, особенно писатель-фантаст - невероятно чуткий барометр, откликающийся на те страхи, надежды и мечтания, коими полнится общество. Хороший литератор - настоящий человек-измеритель, питающийся лучами коллективного бессознательного. Этот ходячий прибор чувствует «зашкаливание» задолго до того, как градус беспокойства поднимется до критических величин. И зачастую не ошибается... к сожалению. Потому что радужные эмоции он ловит до крайности редко, а в скверных предчувствиях оказывается прав до крайности часто.

То, что уловили перечисленные писатели, очень трудно определить в четких формулировках, рационально. Скорее, речь может идти о весьма сильном ощущении - расплывчатом, но устрашающем.

В двух словах его можно описать следующим образом: мелко и холодно.

* * *

Второе, допустим, понятно. Из-под двери будущего сквозит холодом. Мороз еще не сбывшегося пробирает до костей. Отчего? Да слишком много думают и говорят о том, что там, в грядущем, сохранится лишь ничтожная толика человеческого -

того, чем жил мир на протяжении нескольких тысячелетий городской цивилизации.

Нынче непрестанно борются между собой два мировидения - либерально-прогрессистское и консервативно-почвенническое. Но, видимо, ни одно из них не возобладает, а будет нечто третье, вообще слабо связанное с возможностью сохранить суть человека и его полноценную культуру. Наше «послезавтра», кажется, не очень заинтересовано в людях - если прикладывать к человеку традиционное понимание этого слова, а не что-нибудь невозвратно стирающее нас и на нашем месте рисующее принципиально новую сущность.

Кризис когда-нибудь кончится. Не он страшен: как-нибудь перетерпим! Однако не обернутся ли его конечные стадии начальными фазами этой ужасающей трансформации в нечто нечеловеческое? Мета-, супер-, транс-... но прежде всего именно не-человеческое.

Оттого-то и холодно. Оттого-то и зябко. Словно стоишь на отмели, и в ботинки льется ледяная вода, а за воротник непрошеным гостем пролезает ледяной ветер.

Но почему еще и мелко?

Да из-за того, что новый мир, кажется, не хочет принимать интеллектуальную жизнь мира прежнего во всей ее пестроте и сложности. Происходит стремительное упрощение и уплощение всего и вся. Все строится в ровные ряды, все пакуется в брикеты со стандартизированными наклейками, все загоняется в рамки «конфекции». Высокие смыслы убавляют в росте, сгибаются, мельчают. Глубины обращаются в ровные места, омуты заиливаются.

Улавливая черты нечеловеческого будущего, фантаст чувствует: нас ожидают любопытные эксперименты над обществом, только человечество их не хочет. Когда всерьез повеяло эпохой метагомов, люди стали осторожнее открывать дверь своего дома и приглашать того, кто за ней стоит, зайти в свое жилище.

Писатель всегда один. Он четко понимает, что в одиночку может лишь прокричать об опасности, но не остановить ее. А потому, отчаявшись, плодит черные апокалиптические сны. Ему так удобнее - чисто психологически.

Но это именно писатель. Он боится сильнее прочих, поскольку у него воображение развито лучше, чем у «молчаливого большинства».

Зато человечество в целом - далеко не столь нервная особа, как фантазер-фантаст. Когда за ним придут, оно, быть может, не станет покорно отмыкать засовы, а отправит визитеров по другому адресу. Очень дальнему.

Есть такая надежда...

А потому не стоит торопить конец света. Даже мысленно. Может, еще поживем.

ЭПИТАФИЯ ГУТЕНБЕРГУ

Виктор Юрчевский. ЛИКТОРЫ АЛЕКСАНДРИИ. Новая Космогония

Последняя, как сказано в аннотации, книга Виктора Юрчевского действительно выглядит своего рода прощанием автора (как позже выясняется, не только его) с традиционными формами художественной словесности. Тот факт, что в общем-то мейнстримовский прозаик в очередной раз обратился к фантастике, удивления не вызывает. Его предыдущие книги «Драбанты повелителя слов» и «Поиски» оказались удачными попытками выступления в жанровой литературе, получив неплохую критику, в том числе и в журнале «Если», а также пусть и не массовый, но вполне достаточный читательский отклик. Однако нынешний роман произвел странное впечатление...

Во-первых, трудно определить направление: то ли это офиспанк с элементами антиутопии, в духе, например, «Оловянных солдатиков» Майкла Фрейна, то ли откровенная антиутопия, слегка приправленная атрибутами остросюжетной

литературы. Во-вторых, нет четко выраженной авторской позиции, свойственной такого рода литературе. Да и с «остротой» у Юрчевского не слишком получилось... Впрочем, достаточно сказать, что тираж книги, по сравнению с любым произведением так называемой «проектной литературы», может вызвать лишь скорбное сочувствие.

Повествование идет от первого лица, и герой, если этот термин уместен, долго и обстоятельно, почти на двадцати страницах рассказывает о себе, своей семье, которую он видит только по выходным, об интригах у него в отделе и учреждении, расположенном на одном из греческих островов, давно проданных за государственные долги транснациональным корпорациям. Вязкие диалоги героя с вышестоящим начальством словно списаны из какого-то производственного романа. Другое дело, что среди многословных перепалок о сокращении бюджета, урезании бонусов и прочих служебных перипетий, проскальзывают детали, позволяющие определить не только место, но и время действия.

Выясняется, что речь идет о конце нашего века. По описанию семейного гнездышка героя можно догадаться, что технологии ненамного продвинулись по сравнению с днем нынешним. Экраны во всю стену, интерактивное телевидение, дополненная реальность и прочие современные достижения вошли в быт среднего класса, а по косвенным намекам (жена героя собирается отдать не понравившийся ей новый кухонный процессор в некий фонд общественного распределения) вполне доступны и не очень имущим слоям населения. Возможно, автор хотел создать мир, чем-то напоминающий капитализм с социалистическим лицом (или наоборот), но быстро решил не погружаться в экономическую проблематику, поскольку социальной ему хватило с лихвой. Повествователь ничем не отличается от заурядного карьериста наших дней, хотя технически более оснащен: благодаря высокопоставленному родственнику жены он сумел получить доступ к так называемой «платиновой сети». Автор намекает, что это своего рода интернет для суперэлиты, причем настолько защищенный, что никакой хакер не сможет пролезть. Герой метит на кресло своего руководителя и пытается наладить личный контакт с кем-либо из высшего руководства. Приблизительно на этих страницах может возникнуть желание отложить книгу и забыть о ней, но Юрчевский сам догадывается, что изрядно затянул с экспозицией, и начинает вводить в сюжет детали, которые вроде бы должны вызвать у читателя интерес.

Так, некоторые цитаты из классиков (Шекспир, Толстой, Дюма, Достоевский и прочие), по замыслу автора, явно должны насторожить аудиторию: Гамлет не погибает, Анна Каренина не бросается на рельсы, brave мушкетеры не казнят злодейскую леди Винтер, а Родион Раскольников не рубит топором старушку... По

всей видимости, мы должны бы решить, что речь идет либо о какой-то альтернативной истории, либо о некоей «литературной вселенной» в духе произведений Дж. Ффорде. Одновременно с этим в разговорах персонажей проскальзывают упоминания о каких-то артефактах, учетом и контролем каковых и занимается учреждение, где работает герой-повествователь.

Отметим, что автору хватило вкуса не идти ни по первому пути, ни по пути развития темы магических или, допустим, инопланетных артефактов. Но с одним вкусом не найдешь дороги к массовому читателю, нужна еще и занимательность сюжета.

А сюжет катастрофически зависает. Действия почти нет, одни разговоры. Когда в учреждении появляются молодые экскурсанты, становится ясно, что Юрчевский пытается использовать старый, как сама фантастика, прием, когда умудренный опытом наставник объясняет ученику, что к чему, заодно вводя нас в курс дела. Легкая оторопь, которую может испытать искушенный читатель, быстро пройдет, поскольку модель социума по Юрчевскому оказывается довольно-таки любопытной сама по себе. А заодно становится понятно, почему это произведение посвящается памяти Рэя Брэдбери.

Итак, мир конца столетия - это полностью оцифрованная цивилизация. Все тексты, картины, музыкальные произведения, словом, все, что является творением рук человеческих и имеет определенную художественную, эстетическую или эмоциональную ценность, оцифровано, записано и доступно абсолютно всем. Как объясняет повествователь, указывая на картину в холле учреждения: «Мистер Монтэг, прадед нынешнего руководителя нашей службы, - основатель Александрийской системы, оцифровавшей весь мир, полностью реализовал право на информацию как одну из основополагающих ценностей нашего времени». Оцифрованы музеи со всеми запасниками, оцифрованы частные коллекции, оцифрованы библиотеки, где еще сохранились бумажные книги, оцифрованы даже граффити...

Но все это благолепие имеет некоторый, с нашей точки зрения, изъян. В соответствии с законом «Об ответственном хранении» все подлинники собраны в особые места, куда имеют доступ только сотрудники, да и то не все, Александрийского хранилища - места работы повествователя.

Юрчевский мог с этого места закрутить сюжет. Например, сотрудники Хранилища, которые сами себя в шутку или всерьез называют «ликторами»^{*34},

---

³⁴ * Первоначально ликторы являлись исполнителями распоряжений магистратов в Риме. Они были вооружены фасциями - пучками вязовых или березовых прутьев, куда втыкались топор или секира, символизовавшие право

устраивают налет на жилище старушки, у которой обнаруживается бумажное издание прошлого или даже нынешнего века; душераздирающие сцены с бойцами, врывающимися сквозь пролом в стене в уютную квартирку, разгром и побои... Вместо этого автор, а вернее - герой-повествователь, рассказывает о своем первом деле. Действительно, зоркие внуки обнаружили у своей бабули бумажный томик сказок, которые она в свое время читала им на ночь, и сообщили куда следует. Но никакого силового изъятия не последовало, герой вежливо объяснил владелице книги, что Хранилище с удовольствием заплатит ей весьма приличное вознаграждение, несмотря на то что этот сборник давно оцифрован и любой человек может его прочитать. Кто-то из экскурсантов спрашивает героя, а что было бы, если бы она отказалась передать книгу на хранение, и в ответ слышит: вскоре явился бы налоговый инспектор и объяснил, во сколько ей обойдется личное хранение. Потом начнут приходить счета из страховой компании и нарастать из месяца в месяц. «А если она уничтожит книгу, картину или что-то другое?» - спрашивает кто-то из экскурсантов. «Тогда она должна доказать, что действительно уничтожила артефакт, либо произвести это в присутствии свидетелей», - отвечает герой и добавляет, что право на информацию все же не отменяет право владения, но после нарушения Закона о сохранности артефактов человек может быть ограничен в доступе к сокровищам мировой культуры, науки и прочим радостям.

Сюжет несколько оживает, когда один из экскурсантов спрашивает, а кто такие корректоры? Герой делает большие глаза и говорит, что впервые слышит это название. А сам незаметно вызывает охранников, и во время перехода группы из одного корпуса в другой любопытного юношу аккуратно оттирают в сторону и уводят в одно из помещений.

Героя же в это время вызывают к начальству и требуют немедленно разобраться, откуда утечка, что еще знает экскурсант и кому успел рассказать. На возражения, мол, для этого есть служба внутренней безопасности, начальник ехидно сообщает, что для такого шустрого малого, собирающегося его подсидеть, не составит особо труда самому разобраться и принять меры. А поскольку он непосредственный участник эксцесса, то официальное разбирательство ему только повредит, и никакая родня не поможет удержаться в своем кресле.

Герой понимает, что его крупно подставили, но делать нечего. Парня проверяют на наличие оружия, взрывчатки, ядов, но никаких имплантатов не обнаруживают. Понятно, для чего Юрчевскому нужен этот не очень логичный ход: в процессе

казнить и миловать подданных. Впоследствии в геральдике фации стали восприниматься как символ защиты государственности. (Прим. ред.)

допроса, а вернее беседы, читатель узнает, что ликторы Александрии - особо засекреченный отдел, занимающийся не только хранением старых и оцифровыванием новых артефактов, но и аккуратной корректировкой. Некие эксперты докладывают высшему руководству о необходимости коррекции того или иного артефакта, и как только принимается решение, создается сетевой червь, который со временем вносит коррективы. И, например, в ряде произведений сцены насилия смягчаются, у ряда обнаженных фигур появляются фиговые листки... Герой пытается втолковать слишком много знающему юноше, что в этом нет ничего дурного. Недаром эмблема Александрии - два скарабея, один толкает белый шарик, другой - черный. «Мы не боремся с преступниками и даже не предотвращаем преступления, для этого есть другие специалисты. Мы всего лишь стараемся сделать мир чище, а значит, лучше», - говорит герой. Юноша в ответ весьма пафосно обличает героя и его контору в искажении смыслов, в том, что некие «истинные хранители веры» не позволяют нарушать букву древних установлений, и так далее в том же ключе.

Герою становится скучно, он жалуется юноше, что в последние месяцы их раз пять пытались взорвать террористы, фундаменталисты и другие радикальные элементы. «Но на этот раз вам не уйти от возмездия», - торжествует юноша. Тут уже и до героя доходит, что паренек лишь отвлек на себя внимание. Он вызывает охрану, но в это время откуда-то из недр здания доносятся глухие взрывы, слышны выстрелы.

Однако попытка Юрчевского ближе к финалу ввести элементы боевика тоже не удалась. Вся пальба и беготня укладываются в пару абзацев, когда он сообщает юному террористу, что все его поделщики нейтрализованы, а их попытки добраться до серверов, где якобы хранятся цифровые копии, бессмысленны, поскольку нет никакого централизованного дейтацентра, все распределено по ячейкам памяти и тысячекратно продублировано в гаджетах, девайсах и прочих бытовых устройствах. А их жалкая попытка «вернуться к подлинности» изначально провальна - никому она не нужна, кроме весьма узкого круга специалистов, которые с пониманием относятся к любой корректировке, поскольку без дотаций и доступа особо уровня они ничто!

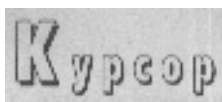
Злоумышленника уводит охрана, а герой узнает, что во время взрыва погиб его начальник. С уместным сожалением он принимает бразды правления отделом, а вечером, возвращаясь домой, размышляет о том, что еще пара-тройка таких терактов, и он вполне может попасть если и не на самый верх, то уж в службу коррекции наверняка.

Финал может показаться несколько циничным. Особый смысл имеет и

послесловие автора, в котором он сообщает читателям, что отныне все свои тексты будет размещать на личном сайте. Понимая бессмысленность коммерческих перспектив этого проекта, писатель разрешает неограниченно пользоваться его текстами.

Не меньшую пикантность добавляет и рекламный вкладыш издательства «Новая Космогония», в котором доводится до сведения читателей и авторов, что книга Юрчевского - последний полиграфический продукт, и издательство перемещает свое производство в интернет. Коммерческие перспективы этой затеи, разумеется, пока стремятся к нулю.

Эдуард ГЕВОРКЯН

Курсор

Призы Британской премии фэнтези обрели очередных обладателей. Награждение проходило во время конвента «Фэнтезикон», состоявшегося в конце сентября в Брайтоне. Лауреатами стали: фэнтезийный роман «Среди Иных» Джо Уолтон, хоррор-роман «Ритуал» Адама Нэвилла, повесть «Горел и пузатый Бог» Лави Тидхара, рассказ - «Дочь гробовщика» Анжелы Слэттер, антология - «Странное» (составители Энн и Джефф Вандермеер), сценарий фильма - «Полночь в Париже» Вуди Аллена.

Студия Paramount заключила договор с London Resort Co. Holdings о возведении парка развлечений в 30 минутах езды от Лондона, на территории которого будут представлены действа «Миссия: невыполнима», «Звездный путь» (например, корабль «Энтерпрайз» в натуральную величину) и «Паранормальное явление». Открытие парка стоимостью в 3,2 млрд долларов намечено на 2018 год. Атракционы разместятся в графстве Кент на территории старого цементного завода. Студия планирует открыть еще один парк развлечений в Испании, а также курортную зону «Звездный путь» в Иордании.

Другие студии не отстают в деле внедрения фантастики в индустрию семейного

досуга: в 2014 году в Японии откроется «Волшебный мир Гарри Поттера» от Universal, примерно через год после этого во Флориде начнет работу «Мир Аватара Джеймса Кэмерона» от Disney.

 В Рязани с 4 по 7 октября был проведен второй Межрегиональный открытый фестиваль фантастики «Поехали!» (фестиваль «кочующий», первый состоялся в Калуге в 2011 году). В город приехали известные писатели-фантасты Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Александр Громов, Олег Дивов, Леонид Каганов, Антон Первушин, режиссер Андрей Мармонтов. В мероприятиях приняли участие более тысячи человек. Для гостей были организованы экскурсии по Рязанскому кремлю, на родину Сергея Есенина в село Константиново. В рамках фестиваля прошел конкурс детских рисунков «Хочу в космос!», на который было подано более 200 работ. Победителям были вручены подарки от организаторов и спонсоров праздника фантастики, а также книги с автографами почетных гостей. Прошло множество встреч рязанцев с писателями в библиотеках и книжных магазинах, а также автограф-сессии. Часть мероприятий фестиваля была приурочена к 55-й годовщине старта Первого спутника Земли.

 Экранизация популярного НФ-романа Джона Скальци «Old Man's War» (в России известен как «Обреченные на победу») будет осуществлена студией Paramount Pictures. Режиссерское кресло займет знаменитый Вольфганг Петерсен, сценаристом назначен Крис Боал. Роман рассказывает о галактической экспансии человечества.

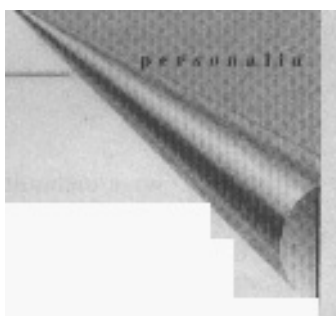
 Крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 11 по 14 октября в поселке Партенит. На обетованную для всего бывшего Союза землю прибыли гости из России, Украины, Беларуси, Швейцарии, Сербии, Латвии и Казахстана. В рамках фестиваля состоялись мастер-классы, семинары, тренинг Далии Трускиновской «Грани диалога», диспут «Блеск и нищета фантастического допущения», интерактивный тренинг по развитию творческих способностей и работе с сюжетом.

 «Звездные войны» теперь стартуют в Лувре. Здесь будет представлено более 450 экспонатов - игрушек, фигурок, плакатов, масок персонажей, сувениров, пластиковых мечей, настольных игр и прочего. Это лишь малая часть многотысячной коллекции, собранной неким Арно Грюнбергом. Формировать

коллекцию он начал с 11 лет, когда впервые посмотрел первый фильм саги.

 Эксцентричный австралийский миллиардер Клайв Палмер, успевший поразить мир идеей построить новый «Титаник», в своих фантазиях пошел еще дальше и решил создать парк Юрского периода на своем курорте Кулум недалеко от Брисбена. В зверинце поселят настоящих динозавров, которых воскресят при помощи ДНК. Угольный магнат уже вступил в переговоры с учеными, в 1996 году клонировавшими овечку Долли, предложив им повторить опыты с древними ящерами. Если эксперимент пройдет успешно, животные будут содержаться за специальным ограждением.

Агентство F-пресс

personalia

КАСТРО Адам-Трой

(См. библиографические сведения об авторе в № 2 за этот год)

В одном из интервью американский писатель Адам-Трой Кастро рассказал о том, что побудило его стать фантастом.

«Был ли я фэном в детстве? Конечно, был. Я вырос на комиксах, первым вставал в очередь за билетами на такие фильмы, как «Империя наносит ответный удар» и «В поисках утраченного ковчега», помнил наизусть музыку к «Звездным войнам» и проводил часы, рассматривая картинки в альбоме «Знаменитые монстры киностраны». Вот откуда взялась та болезненная фантазия, которая и привела меня в литературу. Вместе с тем я не считаю себя «законченным фэном» потому что мои литературные интересы вмещают много всего за пределами научной фантастики, фэнтези и хоррора. Я люблю читать «просто литературу»,

люблю смотреть «просто кино»...»

КЁРКЛАНД Кайл (KIRKLAND, Kyle)

Американский ученый-нейрофизиолог и писатель родился в 1963 году в Хантсвилле (штат Алабама). После окончания школы служил в ВВС, затем закончил университет, защитил диссертацию и до начала 2004 года работал по специальности в Университете штата Пенсильвания, после чего полностью переключился на литературную деятельность.

Кроме фантастики, Кёркланд активно пишет научно-популярную литературу. А его дебютом в жанре стал рассказ «Отчисления от ДНК» (2002). С тех пор Кёркланд опубликовал еще 12 рассказов и повестей (большинство - в журнале «Analog»).

ЛУКИН Евгений Юрьевич

(См. биобиблиографические сведения об авторе в № 7 за этот год)

Корр.: Свою новую повесть вы назвали производственной. И пусть это пародия, но написана с хорошим знанием специфики производственного романа 1940-1960-х годов. Неужели и в самом деле зачитывались?

Е.Лукин: Начнем с того, что пародия иногда выходит за границы жанра и перестает быть таковой («Дон Кихот», «Повелитель мух»). Вдобавок фантастическая и производственная проза имеют подчас много общего. «451 градус по Фаренгейту», «Конец вечности» - чем не производственные романы? Социалистический же реализм индустриального пошиба сплошь и рядом откровенно утопичен: в жизни коммунизм построить не удалось, а на бумаге - пожалуйста... Сам я тоже пишу в основном фантастическую производственную прозу: «Катали мы ваше солнце», «Труженики зазеркалья», «Чушь собачья».... Так что представленная вниманию читателей повесть исключением ни в коем случае не является. Кроме того, надо же мне как-то было намекнуть, что речь в ней, возможно, идет вовсе не о чёртиках.

Романами 1940-1960-х годов не увлекался, зато работал на заводе резчиком холодного металла и служил рядовым Советской армии: наверное, этим всё и объясняется.

МАКОУЛИ Пол
(McAULEY, Paul J.)

Известный английский писатель Пол Макоули родился в 1955 году. Окончил Бристольский университет с дипломом ботаника и зоолога, в 1980-м защитил диссертацию по ботанике. В научной фантастике дебютировал в 1984 году рассказом «Повозка, проезжайте!».

Первый роман Макоули «Четыреста миллиардов звезд» (1988), принесший автору номинацию на Премию имени Филипа Дика, положил начало масштабной серии, удачно объединившей захватывающий сюжет в духе «космической оперы» и философские размышления на темы космогонии, будущего сообщества разумных цивилизаций в Галактике, бессмертия и даже создания новых вселенных. Другие романы писателя, примыкающие к первому, - «Тайные гармонии» (1989) и «Вечный свет» (1991), - продолжили это популярное в англоязычной НФ «сотворение миров», выведя Макоули в ряды духовных наследников Олафа Стэплдона, Кордвайнера Смита, Ларри Нивена. Всего к настоящему времени Макоули опубликовал два десятка романов и около шестидесяти рассказов, вошедших в сборники «Король на горе» (1991), «Невидимая страна» (1996) и «Маленькие машины» (2004).

Макоули является обладателем многих литературных премий: имени Артура Кларка, имени Джона Кэмпбелла, «Сайдвайз» (за лучшую книгу альтернативной истории) и других. Среди сотен литературно-критических и публицистических статей Макоули особый интерес вызывает обстоятельный анализ романа Владимира Обручева «Земля Санникова», опубликованный в 2000 году.

УИЛБЕР Рик
(WILBER, Rick)

Писатель, журналист, редактор и преподаватель журналистики и литературного мастерства Ричард Арнольд Уилбер родился в 1948 году, закончил Университет Южного Иллинойса с дипломом педагога и более четверти века преподавал в различных колледжах и университетах. Уилбер является специалистом в области масс-медиа, а также издал несколько руководств для начинающих авторов; кроме того, автор более тысячи статей, опубликованных в десятках газет и журналов.

Научная фантастика составляет значительную долю в творчестве Уилбера-писателя: он дебютировал в 1980 году рассказом «Горацио Хорнблауэр и песни невинности» (1980) и с тех пор представил читателям роман «Золотная дорога» (2003) и около четырех десятков рассказов и повестей. Произведения автора

четыре раза номинировались на премию «Небьюла» и дважды на Премию имени Брэма Стокера.

ФРЕДЕРИК Карл

(См. биобиблиографические сведения об авторе в № 3 за этот год)

На своей веб-странице американский ученый-физик и писатель-фантаст Карл Фредерик сообщил:

«Итака, город, в котором я живу, фактически «корпоративный», если под корпорацией понимать Корнеллский университет, где я работал. Я люблю этот город, хотя сейчас мои связи с академическим миром ослабли. Несколько лет назад я решил, что неплохо бы заняться фантастикой. И хотя многие из моих коллег по университету резонно замечали, что моя научная работа, по сути, та же НФ, писать ее для литературных журналов и издательств оказалось делом новым и необычным. Я выпустил несколько романов и солидное количество рассказов - даже один интерактивный онлайн-роман.

Среди моих многочисленных хобби есть изучение иностранных языков. Ребенком я считал, что, чем большим количеством иностранных языков ты владеешь, тем лучше мыслишь, - и сегодня я продолжаю в это верить».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

Здравствуйтесь, уважаемые читатели

Прощаться с друзьями всегда невесело. Но мир стремительно меняется (тем и интересен), и кто-то за ним просто не поспевает. Чаще - люди, но порою и целые державы.

Законы об авторском праве в отношении интернета у нас крайне смутные, да и те совершенно не работают. Это бедствие не только нашего журнала, но всех не «гламурных» изданий, а также издательств, выпускающих художественную литературу, и сотрудничающих с ними авторов.

И все-таки не могу удержаться от вопроса. Ведь распространяют журнал в Сети не дети, взрослые люди, так неужели, видя наше издание, они не понимают, что при фактическом отсутствии рекламы и государственной поддержки (о чем мы

сообщали неоднократно) их совокупный «труд» ведет «Если» к гибели, сокращая поступления от продаж, которые, собственно, и позволяют содержать редакцию, выплачивать гонорары авторам и оплачивать печать номера?

Вообще, крайне любопытна психология человека, готового лишиться себя, а главное - многие тысячи поклонников фантастики (в том числе и своих «абонентов») общения с любимым журналом, лишь бы на время привлечь к собственному сайту новых пользователей.

Может быть, отсутствие желания хотя бы задуматься о человеческих категориях и есть примета нового мира?

К сожалению, всё в нынешнем году сошлось в фокусе: и решение издателя, и диктат фирм-распространителей, и возрастающая бесплатная раздача «Если» в Сети, и массовый выброс на рынок разного рода «читалок». Но если с первыми двумя обстоятельствами редакция все-таки могла бы совладать, то справиться с последними нам не под силу.

Наш журнал - самый «старый из новых», причем любого жанра. Перечислять его заслуги - затея скучная как для нас, так и для читателей. Скажем только, что мы стремились преподнести нашей аудитории всё лучшее, что существует в современной фантастике в повестях и рассказах. Тому подтверждение - обилие премий, получаемых отечественными авторами за публикации в «Если», и высшие зарубежные награды, присуждаемые произведениям, известным нашим читателям нередко задолго до того, как эти работы оказались в списке номинантов и стали призерами.

И все же мне очень не хочется завершать этот разговор на печальной ноте. И уже не от имени главного редактора, придумавшего, создавшего и на протяжении двадцати лет выпускавшего журнал, а от имени самого «Если» я не прощаюсь с вами, но говорю вам:

До свидания.

Александр ШАЛГАНОВ

От редакции. Рекомендуем читателям изредка заглядывать на сайт журнала. Если он возобновит работу, то всю информацию о дальнейшей судьбе издания вы сумеете получить здесь: www.esli.ru.

ГОД С «ЕСЛИ»

*Спасибо,
что были с нами!*

ГОД С «ЕСЛИ»

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера